947.07
K-248

947.07
K 248

Библіотека очень проситъ бережнѣе обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой, если загибаютъ углы страницъ и т. п.

В. А. Качуринъ. Москва

ЦЕСАРЕВИЧЪ

КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

Э. К.
п 34 г.

ЦЕСАРЕВИЧЪ

КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. П. КАРНОВИЧА

403983
44965
49 г.

СЪ 13 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И 2 АВТОГРАФАМИ

947.07
К248

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. ... ...отеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1899

Рисунки дозволены цензурою 2-го іюня 1899 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе IX

ГЛАВА I. Рожденіе великаго князя Константина Павловича.—Мечта Екатерины II о возстановленіи Византійской имперіи.—Праздникъ, данный Потемкинымъ въ честь новорожденнаго. — Окруженіе великаго князя греками.—Греческая депутація.—Медаль на рожденіе Константина Павловича . 1—10

ГЛАВА II. Воспитаніе великаго князя Константина Павловича.—Графъ Н. И. Салтыковъ.—Наставленія императрицы Екатерины Салтыкову, относительно ея внуковъ . . . . . 11—16

ГЛАВА III. Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ и его отчеты о занятіяхъ великаго князя Константина Павловича.—Учителя великихъ князей.—Удаленіе Лагарпа. . . . . 17—25

ГЛАВА IV. Характеръ великаго князя Константина Павловича.—Мнѣнія о немъ барона Остенъ-Сакена и Массона.—Неудовольствіе Екатерины противъ Константина Павловича.—Письма ея къ Салтыкову.—Дѣтскія письма Константина Павловича къ Лагарпу . . . . . 26—37

ГЛАВА V. Хлопоты о женитьбѣ великаго князя Константина Павловича. — Выборъ невѣсты. — Пріѣздъ въ Петербургъ принцессъ Саксенъ-Кобургскихъ. Помолвка Константина Павловича съ принцессой Юліаной-Генріеттой-Ульрикой.—Принятіе ею православія съ именемъ Анны Ѳеодоровны. Бракосочетаніе . . . . . 38—48

ГЛАВА VI. Отношенія великаго князя Константина Павловича къ отцу.—Дядька Сафоновъ.—Назначеніе Константина Павловича начальникомъ Перваго кадетскаго корпуса.—Взглядъ его на военную службу.—Отправленіе въ Швейцарію, въ армію Суворова.—Пребываніе въ Вѣнѣ . . . . . 50—60

ГЛАВА VII. Боевая служба великаго князя Константина Павловича. — Отношенія къ Суворову. — Участіе въ сраженіи при Нови.—Награжденіе орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго 61—71

СТРАН.

ГЛАВА VIII. Швейцарскій походъ.—Военный совѣтъ.—Участіе великаго князя въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Похвальный отзывъ Суворова. — Пожалованіе титула «Цесаревичъ».— Отъѣздъ изъ арміи . . . . . 71—76

ГЛАВА IX. Придворная жизнь великаго князя Константина Павловича.—Кончина императора Павла. — Горесть великаго князя . . . . . 77—81

ГЛАВА X. Вступленіе на престолъ императора Александра I.— Его отношенія къ брату.—Военныя упражненія великаго князя въ Стрѣльнѣ.—Неблагопріятные толки о Константинѣ Павловичѣ и его приближенныхъ . . . . . 82—86

ГЛАВА XI. Кампанія 1805 и 1806 годовъ.—Участіе великаго князя Константина Павловича въ Аустерлицкомъ сраженіи.—Пребываніе въ Тильзитѣ.—Полученіе ордена Почетнаго Легіона . . . . . 87—93

ГЛАВА XII. Охлажденіе великаго князя Константина Павловича къ войнѣ.—Военная комиссія.—Совѣтъ о военныхъ корпусахъ.—Реформы въ военномъ вѣдомствѣ.—Кадетъ Волотскій . . . . . 94—101

ГЛАВА XIII. Отечественная война 1812 годъ.—Поѣздка великаго князя Константина Павловича изъ арміи въ Москву.— Отношенія къ Барклаю-де-Толли.—Походъ 1813—1814 годовъ.—Пребываніе въ Парижѣ . . . . . 102—111

ГЛАВА XIV. Царство Польское.—Князь Адамъ Чарторійскій.— Конституція. — Назначеніе великаго князя Константина Павловича главнокомандующимъ польскихъ войскъ.—Организаторская дѣятельность . . . . . 111—122

ГЛАВА XV. Недовольство въ Варшавѣ.—Отношенія великаго князя Константина Павловича къ подчиненнымъ.—Его образъ жизни.—Пріѣздъ императора Александра въ Варшаву 123—132

ГЛАВА XVI. Тайныя общества въ царствѣ Польскомъ.—Отношенія къ нимъ великаго князя Константина Павловича.— Генералъ Зайончекъ . . . . . 133—140

ГЛАВА XVII. Семейныя отношенія великаго князя Константина Павловича.—Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.—Разводъ Константина Павловича . . . . . 141—149

ГЛАВА XVIII. Іоанна Грудзинская.—Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича.— Присвоеніе его супругѣ титула княгини Ловичъ. Вліяніе ея на великаго князя . . 150—159

ГЛАВА XIX. Кончина императора Александра Павловича.— Отреченіе великаго князя Константина Павловича отъ престола.—14 декабря 1825 года.—Коронація императора Николая Павловича . . . . . 160—172

СТРАН.

ГЛАВА XX. Управленіе великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ царствомъ польскимъ.—Отношенія великаго князя къ императору Николаю Павловичу.—Недовольство великаго князя. Намѣреніе удалиться отъ дѣлъ . . . . . 173—185

ГЛАВА XXI. Настроеніе умовъ въ царствѣ Польскомъ въ 1830 году. — Приближеніе бури. — Беззаботность великаго князя Константина Павловича . . . . . 186—190

ГЛАВА XXII. Коронованіе императора Николая Павловича въ Варшавѣ. — Засѣданія польскаго сейма. — Недовольство великаго князя Константина Павловича . . . . . 191—196

ГЛАВА XXIII. Польское возстаніе 1830 года.—Событія въ Варшавѣ.—Нападеніе на дворецъ. — Убійство генерала Жандра.—Спасеніе великаго князя Константина Павловича . 197—209

ГЛАВА XXIV. Сосредоточеніе русскихъ войскъ на Бельведерской площади.—Отступленіе изъ Варшавы.—Польская депутація. — Объясненіе великаго князя съ депутатами.—Распоряженія его . . . . . 210—221

ГЛАВА XXV. Движеніе къ русской границѣ.—Диктаторъ Хлопицкій.—Вступленіе русскихъ войскъ въ царство Польское. 222—227

ГЛАВА XXVI. Военныя дѣйствія противъ поляковъ.—Сраженіе подъ Гроховомъ.—Душевное состояніе великаго князя Константина Павловича.—Кончина фельдмаршала Дибича . 228—241

ГЛАВА XXVII. Генералъ Хлаповскій.—Холера.— Назначеніе фельдмаршала Паскевича главнокомандующимъ арміей . 242—246

ГЛАВА XXVIII. Кончина великаго князя Константина Павловича. — Толки, возбужденные ею. — Погребеніе.—Кончина княгини Ловичъ. . . . . 247—257

ГЛАВА XXIX. Характеристика великаго князя Константина Павловича.—Причины его отреченія отъ престола . . . . 258—263

ГЛАВА XXX. Оцѣнка дѣятельности великаго князя Константина Павловича.—Его качества и недостатки . . . . . 264—269

Приложенія.

I. Манифестъ о бракѣ великаго князя Константина Павловича 1796 года 273

II. Объявленіе о смерти госпожи Араужо, 1802 года . . . 274—277

III. Письмо цесаревича Константина Павловича—генералу А. И. Римскому-Корсакову. . . . . 277—278

IV. Письмо цесаревича Константина Павловича—барону Фабіану Вильгельмовичу Сакену . . . . . 278—279

стран.

V. Письмо цесаревича Константина Павловича Ѳедору Петровичу Опочинину 279

VI. Пріѣздъ польскаго депутата Валицкаго къ цесаревичу Константину Павловичу 23-го (5-го) и 24-го ноября (6-го декабря) 1830 года . . . . . 280—292

VII. Письмо графа Дибича Забалканскаго къ императору Николаю Павловичу отъ 31-го декабря (12-го января 1831 года . . . . . 292—296

VIII. Автографы: 1) Письмо великаго князя Константина Павловича императору Павлу; 2) Письмо великаго князя Константина Павловича Ѳ. П. Опочинину . . 297

Портреты и иллюстраціи.

Великій князь Константинъ Павловичъ.

— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета Броше . . . 33

— Въ юности. Съ портрета Лампи 65

— Съ рѣдкой литографіи Бегрова 1

— Съ гравированнаго портрета Карделли 97

— Съ рисунка съ натуры адъютанта его Киля 209

Медаль на рожденіе в. к. Константина Павловича. Снимокъ съ подлинной медали 17

Великая княгиня Анна Ѳедоровна. Съ портрета Боровиковскаго 113

Княгиня Іоанна Ловичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года 129

Бельведерскій дворецъ въ Варшавѣ въ 1815 году. Съ гравюры того времени 145

Польское возстаніе 1830 года.

— Мостъ Собіескаго въ Лазенкахъ. Съ гравюры того времени 161

— Взятіе тюрьмы инсургентами въ Варшавѣ. Съ гравюры того времени 177

— Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ. Съ гравюры того времени 190

Поклоненіе тѣлу великаго князя Константина Павловича. Факсимиле гравюры 1831 года 241

Автографы писемъ великаго князя Константина Павловича.

— Къ императору Павлу, 1788 года 49

— Къ Ѳ. П. Опочинину, 1826 года 225

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской исторической литературѣ отсутствуетъ доселѣ полная біографія цесаревича Константина Павловича. Между тѣмъ цесаревичъ игралъ такую крупную и вліятельную роль въ исторіи Россіи за первое тридцатилѣтіе XIX столѣтія, что стоило бы взяться за перо, чтобы обрисовать эту въ высшей степени своеобразную личность, представляющую и въ психологическомъ отношеніи не мало любопытныхъ сторонъ для изслѣдователя. Еще съ колыбели нареченный императрицею Екатериною царемъ задуманнаго ею къ возрожденію Византійскаго престола, совоспитанникъ Александра Павловича, ученикъ Лагарпа, сподвижникъ Суворова и ревностный служака въ царствованіе Павла Петровича, цесаревичъ есть невольная причина разъединенія Польши съ Россіей (1815 — 1830 гг.) и жертва ослѣпленія поляковъ, которымъ всегда такъ сердечно сочувствовалъ. Тотъ же цесаревичъ, вслѣдствіе отреченія своего отъ всероссійскаго престола, является невольною причиною роковыхъ событій 14-го декабря: каждая жертва, имъ приносимая благу отечества, влечетъ за собою мятежи и искупается тысячами другихъ жертвъ. — При всѣхъ слабостяхъ и недостаткахъ свойственныхъ Константину Павловичу, онъ несомнѣнно одаренъ былъ и высокими душевными качествами, какъ-то: благородствомъ доходящимъ до рыцарства, самоотверженіемъ, вѣрностью въ дружбѣ и данному слову, но тѣмъ не менѣе цесаревичъ былъ ненавистенъ Польшѣ и нелюбимъ въ Россіи! Такъ сложилась нерадостная жизнь Кон-

стантина Павловича, преисполненная самыхъ удивительныхъ противорѣчій.

Вскорѣ послѣ кончины цесаревича Константина Павловича появилась небольшая книжка изданная, въ 1831 году, подъ заглавіемъ: «Жизнь Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича или полное и вѣрное описаніе его дѣяній съ 1799 года по самую кончину, собраніе писемъ, въ разныя времена и къ разнымъ особамъ писанныхъ, анекдотовъ и проч. Двѣ части. — Москва, 1831» [1]). Несмотря, однако, на громкое заглавіе, эта книжка, заключающая въ себѣ всего только 135 страницъ, является лишь скромнымъ сборникомъ оффиціальныхъ реляцій и писемъ, съ прибавкою самаго ограниченнаго числа анекдотовъ. Затѣмъ всякія дальнѣйшія свѣдѣнія о цесаревичѣ отсутствуютъ въ нашей литературѣ до 1877 года, когда Евгеній Петровичъ Карновичъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» біографическій очеркъ цесаревича Константина Павловича. Доселѣ этотъ трудъ остается единственнымъ въ нашей исторической литературѣ и А. С. Суворинъ, задумавъ издать его отдѣльной книжкой, обратился ко мнѣ съ просьбой проредактировать его, въ виду того, что въ послѣдніе годы въ нашей исторической литературѣ появились новыя матеріалы, касающіяся великаго князя Константина Павловича и не бывшіе извѣстными Карновичу. Исполняя эту просьбу, я просмотрѣлъ трудъ Е. П. Карновича, возстановилъ пропуски, сдѣланные авторомъ по независѣвшимъ отъ него причинамъ, нынѣ уже не существующимъ, исправилъ нѣкоторые мѣста по новымъ даннымъ, разъяснилъ и дополнилъ текстъ примѣчаніями и, сверхъ того, присоединилъ, въ приложеніяхъ, нѣсколько документовъ, изъ которыхъ письма великаго князя Константина Павловича и графа Дибича еще не были напечатаны.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) Заглавіе сочиненія Е. П. Карновича было слѣдующее: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Историко-біографическій очеркъ. 1779 — 1831».

Оно было напечатано въ «Русской Старинѣ» въ 1877 и 1878 годахъ.

Автографы.

I.

Письмо великаго князя Константина Павловича императору Павлу.

Mon cher Papa.

Tout en etant abilier en solda je noublie pas de faire mon dévoir c'est a dire de vous écrire Nous nous amusons extrémement mais si vous eties ici je m'amuséré d'avantage et je prie dieu qu'il vous concerve et que vous nous aimies. Nous avons un tems horrible. Les Suédois sont des homes qui ont perdu l'esprit et qu'end le roi est venu à Stokholm il est ale tout droit à l'opéra.

Je suis avec le plus profond respec votre tres obéissant cerviteur.

Constantin.

Ce 8 Septembre
1788.

II.

Письмо великаго князя Константина Павловича Ѳ. П. Опочинину.

Mon cher Opochinin.

Je m'adresse à Vous afin de Vous prier de soumettre à l'Empereur la demande que j'ose Lui faire et qui consiste en ce qui suit.— Feu mon Pere avait légué par son testament à feu mon bienfaiteur une épée en or qu'il avait portée de son vivant et même du vivent de feu l'Impèratrice Catherine. Je desirerais l'avoir comme une relique précieuse et que j'espère que l'Empereur ne me refusera pas.— Cette épée doit se trouver chez le sieur Gessler dans la garde robe de feu notre maitre. Soumettez ma demande à Sa Majesté et je compte sur votre coopération pour l'obtenir.— Mettez moi aux pieds de Sa Majesté et assuré le de mon zele et de mon devouement. Jusqu'a ce moment tout est parfaitement tranquille chez nous.— Ne m'oubliez pas et comptéz toujours sur l'amitié de votre viel ami.

Constantin.

Varsovie.
le $\frac{1}{13}$ Fevrier
1826.

ГЛАВА I.

Рожденіе великаго князя Константина Павловича. — Мечты Екатерины II о возстановленіи Византійской имперіи. — Праздникъ, данный Потемкинымъ въ честь новорожденнаго. — Окруженіе великаго князя греками. — Греческая депутація. — Медаль на рожденіе Константина Павловича.

Приближался къ концу семнадцатый годъ царствованія императрицы Екатерины II. Къ этому времени верховная власть, перешедшая къ ней 28-го іюля 1762 года, окончательно упрочилась. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, представитель потомства царя Алексѣя Михайловича по старшей женской линіи дома Романовыхъ, погибъ въ 1764 году въ шлиссельбургскомъ заточеніи; пугачевщина была подавлена, а съ нею исчезъ и призракъ покойнаго императора Петра III, взволновавшій всю Россію. Впрочемъ, къ тому времени, съ котораго начинается настоящій біографическій очеркъ, не только упрочилось самодержавіе Екатерины, но упрочилось и наслѣдіе послѣ нея престола въ двухъ нисходящихъ поколѣніяхъ, такъ какъ у нея, кромѣ сына, былъ уже и внукъ, великій князь Александръ Павловичъ, на которомъ Екатерина сосредоточивала, какъ нѣжная бабушка, свои заботы, попеченія и надежды.

Хотя прямой наслѣдникъ русскаго престола, великій князь Павелъ Петровичъ, достигъ уже совершеннолѣтія, которое и было торжественно отпраздновано 29-го сентября 1773 года, но Екатерина не только не думала передать ему державныя права, но, напротивъ, даже, по нелюбви къ нему, намѣревалась

устранить его вовсе отъ престола, объявивъ непосредственнымъ своимъ преемникомъ старшаго своего внука, великаго князя Александра Павловича.

Если Александру Павловичу, и по праву рожденія, и по особому предназначенію императрицы, предстояло впослѣдствіи царствовать въ Россіи, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица относительно другого внука, который былъ бы у нея, имѣла особые величавые замыслы. Въ эту пору ея жизни изъ окружавшихъ императрицу вельможъ и царедворцевъ ближе всѣхъ былъ къ ней князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Въ пылкомъ его воображеніи зародился, такъ называвшійся, «греческій проектъ», сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы, изгнавъ турокъ изъ Европы, овладѣть Константинополемъ и, возстановивъ тамъ древній престолъ восточно-римскихъ или византійскихъ императоровъ,—посадить на него одного изъ великихъ князей русскаго императорскаго дома. При тогдашнемъ положеніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, осуществленіе подобнаго плана, какъ казалось, не представляло неодолимыхъ затрудненій: разрозненная Германія не могла, да и не видѣла никакой надобности вмѣшиваться въ дѣла европейскаго востока; Англія еще не утвердила тамъ своего рѣшительнаго вліянія, да притомъ на каждомъ шагу встрѣчала она опасную для себя соперницу — Францію, борьба съ которою всего болѣе занимала англійское правительство. Что же касается Австріи и Франціи, то, при господствовавшей между ними вѣковой враждѣ, не трудно было отвлечь ихъ вниманіе отъ Турціи, возбудивъ между ними войну. Независимо отъ всего этого, тогда имѣлась еще въ виду совершенно уже ослабленная Рѣчь Посполитая и на счетъ ея владѣній можно было устроить такую территоріальную сдѣлку, которая удовлетворила бы Австрію и даже Пруссію, если бы и та и другая — или вмѣстѣ, или каждая изъ нихъ порознь, вздумали воспрепятствовать Екатеринѣ завоевать Европейскую Турцію, изъ владѣній которой можно было, впрочемъ, и помимо Польши, удовлетворить Австрію. Что же касается самой Турціи, то послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, доставившаго такой громадный перевѣсъ Россіи надъ Портою и утвердившаго вліяніе Екатерины на

христіанскихъ подданныхъ султана, расправа съ османлисами, проектированная княземъ Потемкинымъ, представлялась задачею не особенно трудной.

Въ то время, когда Екатерину занимала мысль о возстановленіи византійской имперіи, явился на свѣтъ, 27-го апрѣля 1779 года, въ девятомъ часу по полуночи, въ Царскомъ Селѣ, второй ея внукъ, предназначавшійся ею занять престолъ равноапостольнаго Константина. Державинъ хвалился тѣмъ, что предрекъ его рожденіе: когда, 24 іюня 1778 года, происходило освященіе построеннаго на счетъ великаго князя Павла Петровича, въ Петербургѣ, на Каменномъ островѣ, инвалиднаго дома, то по этому случаю Державинъ написалъ оду, въ которой, упоминая объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, говорилъ, что она «еще носителя дастъ шлема». Предсказаніе это смѣло можно было сдѣлать въ отношеніи молодой и цвѣтущей здоровьемъ женщины.

Появленіе на свѣтъ второго внука Екатерины было привѣтствовано, по тогдашнему обычаю, поэзіею; во второмъ томѣ «Академическихъ Извѣстій» за 1779 годъ была напечатана: «Пѣснь на рожденіе Е. И. В. благовѣрнаго государя В. К. Константина Павловича»; подписано это стихотвореніе К. Ф. Г., но изъ записокъ князя Ѳедора Сергѣевича Голицына видно, что пѣснь эта было произведеніе его пера. Поэтъ заявляетъ, что «пріемлясь первый разъ за лиру, дерзаетъ идти во слѣдъ росскому піиту», воспѣвавшему «Петрову дщерь Екатерину», восхваленію которой собственно и посвящена ея пѣснь съ упоминаніемъ, что

Богъ вѣтвь отъ корени Петрова
Во Константинѣ произвелъ.

Затѣмъ заявляется о Павлѣ какъ о примѣрѣ щедрости и кротости и говорится объ Александрѣ, который уже и въ пеленкахъ возвѣщаетъ, что онъ достойный потомокъ Екатерины, и что

Воинскій жаръ примѣтенъ въ немъ,
Забавы дѣтски оставляетъ
И взоръ ко стражѣ обращаетъ
Какъ дѣйствовать начнетъ ружьемъ.

Собственно же къ новорожденному относятся слѣдующіе стихи:

Въ часы рожденья Константина,
Воздушно премѣнясь, страна
Являетъ какова судьбина
Отъ Промысла ему дана.
Ликуетъ съ нами естество:
Зефиры мраки прогоняютъ,
Весны пріятность водворяютъ,
Повсюду вижду торжество...

Таково было поэтическое заявленіе о рожденіи Константина Павловича; офиціальное же объ этомъ извѣщеніе заключалось въ манифестѣ, подписанномъ императрицею 5-го мая. Въ немъ она объявляла всѣмъ вѣрноподданнымъ, что «со вторымъ отъ бремени разрѣшеніемъ нашей любезной невѣстки, ея императорскаго высочества великой княгини, въ 27-й день апрѣля, благословилъ насъ Господь Богъ вожделѣнною радостію имѣть второго рожденнаго намъ внука, который нареченъ Константиномъ».

«Мы и въ семъ случаѣ, — говорилось далѣе въ манифестѣ, — съ достодолжнымъ благодареніемъ ощущаемъ Промыслъ Всевышняго, судьбу царствъ зиждущій, что симъ новымъ приращеніемъ нашего императорскаго дома даетъ Онъ вящшій залогъ благоволенія Своего, на оный и на всю имперію изливаемаго. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ нами къ Подателю всѣхъ благъ усердныя молитвы о благополучномъ возрастѣ сего любезнаго намъ внука въ расширеніе славы дома нашего и пользы отечества».

Манифестъ оканчивался повелѣніемъ именовать новорожденнаго великимъ княземъ и императорскимъ высочествомъ.

Крестины новорожденнаго великаго князя происходили 5-го мая, въ Царскомъ Селѣ. Изъ церемоніала этого торжества не видно, кто были его воспріемниками. Къ купели же несла его герцогиня Курляндская, на золотой глазетовой подушкѣ, поддерживаемой справа оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ, а слѣва генералъ-аншефомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ. Крестилъ его членъ синода, духовникъ государыни, протоіерей Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.

Безошибочно можно предполагать, что государыня, подписывая манифестъ о рожденіи великаго князя Константина, подъ словами «въ расширеніе славы дома нашего» подразумѣвала не тѣ только доблести, которыми могъ прославить себя впослѣдствіи ея новорожденный внукъ, какъ русскій великій князь, но подразумѣвала и заранѣе намѣченное его предназначеніе—быть повелителемъ греческаго народа. Въ виду этого, младенцу дали при крещеніи имя Константина—имя перваго основателя Константинополя на мѣстѣ древней Византіи, и имя, которое носилъ также и послѣдній греческій императоръ изъ дома Палеологовъ, павшій въ отчаянной битвѣ при взятіи турками Царьграда. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Мельсбюри, сообщилъ въ Лондонъ, что императрица тотчасъ послѣ рожденія Константина Павловича стала говорить въ кругу близкихъ къ ней людей о возведеніи второго ея внука на престолъ византійскихъ императоровъ.

Потемкинъ, устроивъ въ честь новорожденнаго великаго князя блестящій праздникъ на своей дачѣ, не упустилъ случая сдѣлать намекъ на приготовляемую Константину судьбу. Празднество это началось маскарадомъ, на который гости приглашены были по билетамъ. Балъ перервался фейерверкомъ, устроеннымъ на большомъ озерѣ, а въ саду зажжена была великолѣпная иллюминація. Для государыни была пріуготовлена «гостепріимная вечеря у подошвы горъ Кавказскихъ, въ пещерѣ, одѣтой миртовыми и лавровыми деревьями», и во время этой вечери, хоръ пѣвцовъ пѣлъ строфы на «елинно-греческомъ» языкѣ; въ нихъ, среди восхваленій Екатеринѣ, собственно къ новорожденному относились слѣдующія строки:

Ὡς εὐπνοῦν θαλλει
Λειμῶν ανθηρον Κρίνον,
Εἴκελος κάλλει σΐλβει
Σπαργανοῖς Κονσταντίνος

т. е., какъ на цвѣтущей долинѣ растетъ благоухающій кринъ подобной красотой блистаетъ Константинъ въ колыбели.

Греки явились у колыбели новорожденнаго русскаго великаго князя; кормилицею его была гречанка, по имени Елена, и первымъ его слугою былъ грекъ Дмитрій Курута. Когда же

Константинъ сталъ подростать, то товарищами его дѣтскихъ игръ были избраны греки. Въ числѣ ихъ находился нѣкто Калагеоргій, бывшій впослѣдствіи Екатеринославскимъ губернаторомъ. Все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы Константинъ съ первыхъ же дней своего дѣтства могъ ознакомиться съ греческимъ языкомъ, на которомъ онъ и говорилъ потомъ очень недурно.

Въ планы Потемкина, вполнѣ раздѣляемые Екатериною, входила мечта только о возстановленіи греческаго господства на Балканскомъ полуостровѣ, объ участи же славянъ, его населявшихъ, вовсе не было помину, такъ что собственно они должны были только перейти изъ-подъ владычества турокъ подъ господство грековъ. Такое предпочтеніе, оказанное со стороны Екатерины грекамъ въ ущербъ политическому положенію племени родственному и единовѣрному съ русскими, объясняется господствовавшими въ то время понятіями и взглядами. Вѣра наша, называемая нынѣ у насъ «православною», называлась въ ту пору «греческою». Въ высшемъ образованіи, въ поэзіи, въ живописи, въ театрахъ, преобладало классическое направленіе, руководительницею котораго была древняя Греція. Такимъ образомъ и языческая и христіанская Греція, начиная съ церкви и кончая театрами, или, говоря иначе, и въ религіозной, и въ умственной, и въ артистической жизни того времени была первенствующею представительницею. Были даже съ давнихъ поръ попытки сблизить языческую Грецію съ христіанскою: такъ, у насъ былъ допущенъ церковью обычай изображать на иконахъ Гомера, какъ одного изъ языческихъ мужей, безсознательно предрекавшихъ пришествіе Христово.

Между тѣмъ славянскіе элементы не имѣли рѣшительно никакого значенія въ общественномъ нашемъ развитіи. Понятно, что, поэтому, симпатіи всѣхъ образованныхъ классовъ и всѣхъ людей религіозныхъ были на сторонѣ эллинизма, но не славянства. Кромѣ того, честолюбивой русской царицѣ должно было казаться болѣе обаятельнымъ подвигомъ — возстановить знаменитый престолъ греческихъ кесарей, прямыхъ наслѣдниковъ римскихъ императоровъ, нежели сооружать какое либо новое славянское государство, неимѣвшее за собою прошедшей славы.

Мысль о томъ, чтобы сдѣлать Константина главою греческаго народа, не покидала императрицу и въ послѣдующіе годы, и для перваго шага къ осуществленію этой мысли придуманъ былъ даже довольно-странный способъ. Такъ, статсъ-секретарь государыни, Храповицкій, въ «Дневникѣ» своемъ подъ 17-мъ августа 1787 года, пишетъ: «въ сундукѣ отыскалъ для себя и читалъ секретный проектъ Потемкина, чтобъ, воспользовавшись персидскими неустройствами, занять Баку и Дербентъ и, присоединя Гилань, назвать Албаніею для будущаго наслѣдника великаго князя Константина Павловича»; а 7-го іюня 1788 года, Храповицкій передаетъ мысль Екатерины о томъ, чтобъ «Молдавію и Валахію оставить независимыми для будущей греческой имперіи подъ названіемъ Дакіи». Спустя нѣкоторое время, 7-го іюня того-же года, Екатерина «съ твердостію и видомъ удовольствія» говорила Храповицкому, что «пусть турки идутъ, куда хотятъ; греки могутъ составить монархію для Константина Павловича», а однажды, въ 1789 году, сообщила ему, что, подѣливъ Турцію, можно дать «куски» Англіи, Франціи и Гишпаніи, «а остатка, — добавила она, — довольно для великаго князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison».

Намѣреніе государыни сдѣлать Константина греческимъ императоромъ мы встрѣтили и въ одномъ изъ писемъ ея къ князю Потемкину, отъ 10-го октября 1788 года. Надобно полагать, что Потемкинъ въ это время предлагалъ Екатеринѣ возвести Константина на шведскій престолъ, а она въ отвѣтъ писала ему: «Константину не быть на сѣверѣ; естьли быть не можетъ на полуднѣ, то остаться ему гдѣ нынѣ. Константинъ со шведами не единаго закона» [1]).

Мечтая о возстановленіи для второго своего внука греческой имперіи, Екатерина не торопилась, однако, осуществленіемъ этого плана и въ 1789 году говорила: «грековъ можно оживить; Константинъ—мальчикъ хорошъ, онъ черезъ 30 лѣтъ пріѣдетъ изъ Севастополя въ Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда ужъ будутъ сломаны, для него легче». Только

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 586.

подъ конецъ жизни, когда революціонныя потрясенія на западѣ Европы отвлекли вниманіе Екатерины отъ востока, она покинула свою излюбленную мечту о возстановленіи греческой имперіи. Мечту императрицы раздѣляли и близкіе къ ней люди. Такъ, въ 1792 году, какъ пишетъ Храповицкій: «Суворовъ и Мордвиновъ спятъ и видятъ, чтобъ войти въ Царьградъ; турки тотчасъ убѣгутъ, тамъ останется 300,000 грековъ, и вотъ наслѣдство великаго князя Константина Павловича».

Въ свою очередь, и греки начинали смотрѣть на Константина Павловича, какъ на будущаго своего государя. Когда былъ убитъ суліотами сынъ извѣстнаго Али-паши, то они отправили въ Петербургъ депутацію, которая должна была поднести это оружіе, какъ трофей, Константину Павловичу и выразить ему желаніе грековъ, чтобъ онъ занялъ престолъ Константина Палеолога. На рѣчь этой депутаціи маленькій Константинъ отвѣчалъ по гречески. Кромѣ того, въ бумагахъ его воспитателя, гр. Н. И. Салтыкова, сохранилось письмо, вложенное въ конвертъ, съ слѣдующею надписью: «Его высочеству, кротчайшему греческому самодержцу Константину III». Авторъ этого письма, Николай Пангалъ, выражая желаніе, чтобы Всевышній хранилъ великаго князя Константина въ вожделѣнномъ здравіи, писалъ: «Провидѣніе современемъ, при помощи стихіевъ, да поспѣшествуетъ, согласно сердечнымъ желаніямъ вашихъ слугъ, истребить тирана, несправедливо владѣющаго трономъ предка вашего Константина Великаго; да прославится симъ высочайшее имя вашего императорскаго высочества; къ тому Божьею помощію все приготовлено, все распоряжено; всѣ подъ варварскимъ игомъ стенающіе греки инымъ не дышутъ какъ истребленіемъ варвара и славою помазанника, нареченнаго свыше къ избавленію ихъ». Письмо это оканчивалось слѣдующими строками: «теперь настоитъ наиспособнѣйшее время къ истребленію врага православія и мучителя человѣчества и къ возвышенію на престолѣ Константина, тебя, кротчайшаго государя нашего». На письмѣ этомъ Екатерина сдѣлала надпись такого содержанія: «Нѣтъ ничего живѣе какъ греческое воображеніе; они мысленно видятъ и сіе имъ кажется сице существуетъ. Если письмо по почтѣ пришло, то на почтѣ

и пропасть могло, и для того оставить можно яко неполученное; а естьли съ кѣмъ прислано, то словесно сказать, что содержаніе письма сего есть рановременное».

Къ которому, впрочемъ, времени относится это письмо, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ», того не видно.

Дѣлалась однако подготовка къ исполненію упомянутаго проекта: великій князь выросталъ на рукахъ грековъ и окруженный ими.

По случаю рожденія Константина Павловича была выбита медаль, указывавшая на будущее его назначеніе. На лицевой сторонѣ этой медали, величиною болѣе тогдашняго серебрянаго рубля, въ подписи: «Божіею милостію Екатерина II, императрица и самодержица всероссійская» помѣщено изображеніе государыни, вправо обращенное, въ малой коронѣ и лавровомъ вѣнкѣ. На оборотной сторонѣ медали, между фигурами вѣры и надежды, помѣщена любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются свыше лучами. Вдали, направо, виденъ константинопольскій соборъ св. Софіи, налѣво на горизонтѣ море и выходящая звѣзда. Въ обрѣзѣ надпись: «Вел. кн. Константинъ Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ апрѣля 27-го дня 1779 года».

Чтобъ приручить грековъ къ Россіи, въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ.

Екатерина заказывала художникамъ изобразить старшаго внука разсѣкающимъ гордіевъ узелъ; а младшаго, въ одеждѣ византійскихъ кесарей — осѣненнаго крестомъ изъ семи звѣздъ, который, по сказаніямъ, явился императору Константину Великому на небѣ, въ ночь передъ битвой его съ Максенціемъ на Мильвійскомъ мосту. Въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ Россіею при Черномъ морѣ, на пути къ Константинополю, учреждались города съ громкими греческими названіями. Города эти какъ будто должны были служить переходною полосой между двумя сосѣдними имперіями — русской и греческой.

Сама императрица стала носить и ввела въ моду дамскій нарядъ, называвшійся «гречанкою».

Добавимъ къ этому, что мысль о возстановленіи для Константина Павловича престола византійскихъ императоровъ про-

мелькнула еще разъ, спустя четверть столѣтія послѣ кончины императрицы Екатерины. Такъ, графъ Ростопчинъ въ письмѣ своемъ къ графу М. С. Воронцову, изъ Парижа, отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1821 г., приписывалъ императору Александру Павловичу намѣреніе овладѣть Константинополемъ, сдѣлать его столицею своего брата Константина, такъ чтобы русская императорская корона перешла къ великому князю Николаю Павловичу.

Наконецъ, даже въ 1830 году, въ бумагахъ польскаго генерала Князевича, найденъ былъ проектъ польской патріотической партіи о предоставленіи Константину Павловичу императорскаго греческаго престола, съ тѣмъ, чтобы, въ возмездіе за это. Польша получила политическую независимость въ своихъ давнихъ границахъ.

ГЛАВА II.

Воспитаніе великаго князя Константина Павловича. — Графъ Н. И. Салтыковъ. — Наставленія императрицы Екатерины Салтыкову, относительно ея внуковъ.

Еще въ воспитаніи Павла Петровича Екатерина — молодая въ тѣ годы женщина — принимала дѣятельное участіе, давая педагогическія наставленія воспитателю великаго князя, графу Н. И. Панину. Съ рожденіемъ же внуковъ, умудрившаяся жизнью и опытомъ, императрица считала себя еще болѣе, чѣмъ прежде, способною — быть первою высшею наставницею обоихъ будущихъ императоровъ, русскаго и греческаго. Императрица, поручивъ ихъ ближайшему и постоянному надзору генерала (впослѣдствіи графа, а затѣмъ и свѣтлѣйшаго князя) Николая Ивановича Салтыкова, сама взялась быть главною руководительницею ихъ сановнаго воспитателя. Увлеченная идеями Локка и Жанъ-Жака Руссо, она начертала планъ воспитанія будущихъ вѣнценосцевъ съ самой ихъ колыбели, не разобравъ, впрочемъ, при помощи строгой и разносторонней критики, вопроса, до какой степени педагогическіе идеалы этихъ знаменитыхъ мыслителей могутъ быть примѣнимы даже и къ обыкновеннымъ смертнымъ, а тѣмъ болѣе къ ихъ императорскимъ высочествамъ и при томъ предназначеннымъ современемъ занять два славные въ цѣломъ мірѣ престола? Плодомъ размышленій государыни надъ мудреными задачами педагогіи была написанная ею и данная въ руководство Салтыкову инструкція, при точномъ соблюденіи которой должно было начаться воспи-

таніе великихъ князей Александра и Константина. Въ инструкціи этой высказывалось, между прочимъ, чтобы платье дѣтей было проще и легче; чтобы пища давалась имъ простая и буде захотятъ кушать между обѣдомъ и ужиномъ, то давать имъ кусокъ хлѣба; чтобъ они были чаще на свѣжемъ воздухѣ, оставались бы на вѣтру, чтобы въ комнатѣ у нихъ было не болѣе 13° и 14° по Реомюру; чтобъ они купались сколько хотятъ, спали не мягко, подъ легкими одѣялами, и не оставались бы праздными; чтобы въ игрѣ давалась имъ полная свобода, «безъ униманія малыхъ неисправностей». Несомнѣнно, что всѣ эти наставленія по части физическаго воспитанія удовлетворяли какъ нельзя болѣе требованіямъ гигіены и эти наставленія въ отношеніи великаго князя Константина Павловича, быть можетъ, независимо отъ его здороваго сложенія, принесли ему большую пользу, такъ какъ онъ въ зрѣлыхъ годахъ отличался и крѣпкимъ здоровьемъ и замѣчательною физическою силою, которою онъ любилъ хвастаться и которую уважалъ въ другихъ.

Что касается нравственнаго и умственнаго воспитанія, то требованія относительно этого были заявлены на основаніи тогдашнихъ теоретическихъ воззрѣній, въ которыхъ смутные идеалы о совершенствѣ человѣка брали громадный перевѣсъ надъ условіями обыденной жизни. Такого рода неудобоисполнимыми требованіями была наполнена бо́льшая часть инструкціи, написанной Екатериною, и по этой инструкціи внуки ея должны были бы явиться образцами совершенства среди человѣчества. Требованія были предъявлены слишкомъ высокія, а потому, конечно, и осуществленіе ихъ должно было представляться задачею слишкомъ трудною и даже, въ бо́льшей части случаевъ, совершенно неисполнимою.

Болѣе положительныя требованія относительно нравственнаго воспитанія высказывались слѣдующія: стараться вселять въ дѣтяхъ человѣколюбіе и чувство состраданія ко всякой твари; о религіи отзываться при дѣтяхъ «не иначе какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ»; «пріучать ихъ къ безпрекословному повиновенію, да будетъ то, что бабушка приказала, непрекословно исполнено, что запретила — того отнюдь не дѣлать и чтобы казалось дѣтямъ столько же труднымъ нарушить то,

сколько перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію»; «чего повелительнымъ голосомъ будутъ требовать—того не давать»; «отъучать отъ страха и пріучать къ учтивости».

Наконецъ, касательно обученія великихъ князей Александра и Константина Павловичей, преподаны были императрицею Салтыкову слѣдующія главныя наставленія:

Учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявятъ къ тому охоту, и не болѣе получаса сряду; за ученіе не бранить, но если учатся хорошо — похвалить. Языкамъ учить не иначе какъ въ разговорѣ. Обучать всему тому, что тѣлу придаетъ поворотливость и силу. Въ заключеніе этихъ наставленій высказывалось слѣдующее: «Ученіе должно служить единственно къ отвращенію праздности». Учить музыкѣ и «поэзіи» не полагалось въ виду того, что посвященное на изученіе этихъ предметовъ время можетъ быть съ большею пользою употреблено на другія занятія.

Подъ дѣйствіемъ этихъ наставленій долженъ былъ начать развиваться и физически, и нравственно, и умственно, будущій византійскій императоръ Константинъ. Императрица написанной ею инструкціи для воспитанія своихъ внуковъ придавала чрезвычайно важное значеніе. Инструкція эта была переведена на всѣ европейскіе языки, а въ кабинетѣ государыни постоянно находилось нѣсколько тщательно переписанныхъ экземпляровъ инструкціи, которые она раздавала вельможамъ и посѣщавшимъ ее знатнымъ иностранцамъ.

О непосредсвенномъ блюстителѣ этой инструкціи, графѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ, нѣкоторые изъ его современниковъ отзываются какъ о человѣкѣ, отличавшемся добротою и религіознымъ чувствомъ, умомъ яснымъ и проницательнымъ, хотя это послѣднее качество относилось собственно только къ придворной жизни. При такихъ хорошихъ качествахъ, онъ былъ, однако, извѣстенъ своею скупостью и слабостью характера, такъ что не только всѣми его домашними, но въ тихомолку и служебными его дѣлами заправляла его бойкая и крутоправная сожительница [1]), имѣвшая на него громадное вліяніе.

---

[1]) О ней находятся свѣдѣнія въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 567, 568; 675—677.

Кромѣ того, графа Салтыкова укоряли въ раболѣпствѣ «случайнымъ» людямъ, а также и въ томъ, что онъ чуждался лицъ, впавшихъ при дворѣ въ немилость.

Въ одной изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ, извѣстный литераторъ Воейковъ писалъ о Салтыковѣ слѣдующее: «Русскіе не умѣли цѣнить высокія качества души Салтыкова. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора». По записи Воейкова, добродѣтели его были слѣдующія: «вѣрный супругъ, нѣжный отецъ, честный гражданинъ, бережливый хозяинъ (но не скупецъ, не скряга, какъ думали многіе), щедрый на благодѣянія и — что важнѣе всего — посредникъ въ семейныхъ неудовольствіяхъ между державною матерью и царственнымъ сыномъ, благоразумный, хладнокровный, прекрасно исполнилъ свою щекотливую обязанность».

Неизвѣстно въ точности, чѣмъ — собственно съ педагогической точки зрѣнія — руководилась императрица при выборѣ Салтыкова на должность первенствующаго воспитателя своихъ внуковъ, но, зная умѣніе императрицы выбирать обыкновенно людей способныхъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, какія на нихъ она возлагала, слѣдуетъ предположить, что Николай Ивановичъ Салтыковъ имѣлъ за собою необходимыя качества для того, чтобъ оправдать своимъ образомъ дѣйствій то важное назначеніе, какое было дано ему по волѣ императрицы.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что главными достоинствами Салтыкова Екатерина считала бдительность и исполнительность. Еще въ 1773 году она назначила Николая Ивановича гофмаршаломъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, котораго и старалась сблизить съ нимъ. По поводу этого назначенія, императрица писала своему сыну, что Салтыковъ будетъ находиться при немъ какъ значительное лицо, не для того, чтобы придавать важность его выходамъ, но для того, чтобы «держать въ порядкѣ людей, ко двору великаго князя назначенныхъ». Разумѣется, что такого рода, собственно полицейскія, обязанности были слишкомъ далеки отъ той педагогической дѣятельности, которая выпала на долю Салтыкову. Въ этомъ же письмѣ къ сыну Екатерина отзывалась о Салтыковѣ какъ о человѣкѣ, «исполненномъ честности и крото-

сти», добавляя, что «вездѣ, гдѣ онъ служилъ, были имъ довольны».

Назначеніе Салтыкова воспитателемъ послѣдовало въ такомъ порядкѣ:

Въ 1783 году, онъ находился за границею и туда, 1-го апрѣля, Екатерина писала ему: «Мнѣ теперь осталось ожидать благополучнаго возвращенія вашего, чтобъ приступить къ рѣшительнымъ распоряженіямъ, о коихъ я съ вами самолично объяснялась, по намѣренію моему ввѣрить вамъ наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей, моихъ внуковъ». Съ своей стороны, и в. к. Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на такое назначеніе Салтыкова, котораго называлъ «любезнымъ другомъ», и радовался, услышавъ намѣреніе государыни «приставить» его къ великимъ князьямъ.

Быть можетъ, умѣнье Салтыкова быть посредникомъ между матерью и сыномъ — умѣнье, о которомъ говоритъ Воейковъ, и было главною причиною выбора Салтыкова, тѣмъ болѣе, что — какъ надобно было ожидать — воспитаніе великихъ князей сдѣлается предметомъ столкновеній и пререканій между ихъ родителями и бабушкою.

Императрица очень желала, чтобъ Салтыковъ поскорѣе вступилъ въ отправленіе возложенныхъ на него обязанностей. Отъ 22-го апрѣля 1783 года, она письменно просила его, чтобы онъ поспѣшилъ окончить свои дѣла такъ, чтобы къ осени быть въ Петербургѣ, потому что ему извѣстно уже намѣреніе ея поручить ему «главное надзираніе» при воспитаніи внуковъ, лѣта которыхъ требуютъ уже неотлагательнаго о томъ попеченія.

4-го сентября того же года, императрица писала Салтыкову: «Николай Ивановичъ, вы меня всекрайнѣйше одолжите, буде немѣшкавъ возвратитесь сюда. Внуки мои лишились призрѣнія кончиною Софьи Ивановны Бенкендорфши. Время приспѣло ужъ отнять отъ нихъ женскій надзоръ».

Вернувшись по настоянію государыни изъ-за границы въ Петербургъ, Салтыковъ, въ исходѣ 1783 года, началъ завѣдывать воспитаніемъ Александра и Константина Павловичей.

Надобно впрочемъ замѣтить, что еще до порученія Салтыкову «главнаго надзиранія» надъ воспитаніемъ великихъ кня-

зей, онъ наблюдалъ за хозяйственною при нихъ частью и указомъ императрицы, подписаннымъ въ одинъ день съ манифестомъ о рожденіи Константина Павловича, въ распоряженіе Салтыкова повелѣно было отдавать 30,000 рублей, назначенныхъ ежегодно на содержаніе новорожденнаго великаго князя, изъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ статсъ-контору. Кромѣ этой суммы, указомъ, даннымъ статсъ-конторѣ, повелѣно было также отпускать ежегодно по 17,433 рубля на содержаніе экипажей великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ рѣдкой литографіи Бегрова.

203983

ГЛАВА III.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ. — Его отчеты о занятіяхъ великаго князя Константина Павловича. — Учителя великихъ князей. — Удаленіе Лагарпа.

Когда Константину шелъ пятый годъ отъ рожденія, онъ, въ 1783 г., поступилъ подъ ближайшій педагогическій надзоръ Лагарпа.

49965

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ—прозванный въ Россіи Петромъ Ивановичемъ — родился въ 1754 году въ Швейцаріи, въ Водузскомъ кантонѣ, и первоначально занимался адвокатурою; въ 1782 году онъ оставилъ родину и пріѣхалъ въ Петербургъ, занявъ здѣсь мѣсто домашняго учителя. Вскорѣ однако, пользовавшійся въ то время особенною благосклонностью императрицы, генералъ-адъютантъ Ланской указалъ ей на Лагарпа какъ на личность вполнѣ способную занять должность воспитателя при ея внукахъ. Рекомендація Ланского была уважена и Лагарпъ сдѣлался наставникомъ обоихъ великихъ князей подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Салтыкова, которому онъ и представлялъ отчеты объ успѣхахъ и поведеніи своихъ питомцевъ. Такія біографическія свѣдѣнія сообщались о Лагарпѣ на основаніи прежнихъ о немъ источниковъ. Изъ напечатаннаго же въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченія изъ его автобіографіи оказывается, что онъ, путешествуя съ какимъ-то русскимъ вельможею по Италіи, получилъ въ Римѣ отъ извѣстнаго ученаго барона Гримма приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ Екатерина обѣщала доставить ему занятія, куда

онъ и прибылъ въ 1782 году. Военный чинъ, который онъ имѣлъ въ швейцарской службѣ, былъ утвержденъ за нимъ императрицею, и въ 1783 году онъ былъ назначенъ кавалеромъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ [1]).

Разница въ лѣтахъ между старшимъ и младшимъ внуками императрицы была на одинъ годъ, семь мѣсяцевъ и двѣнадцать дней. Разница эта, болѣе или менѣе незамѣтная въ юношескихъ годахъ, была однако чрезвычайно чувствительна въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ находились тогда два брата. На разницу эту не было однако обращено особаго вниманія съ педагогической точки зрѣнія.

Хотя Екатерина и находила, что уже пришло старшему внуку время «перейти изъ присмотра, младенчеству сходственнаго, въ руководство, отроку приличное», но тѣмъ не менѣе постановила, что братъ его, по привычкѣ и горячей любви, будетъ неразлученъ со старшимъ братомъ, котораго примѣръ ему нуженъ и полезенъ». Такимъ образомъ, оба брата должны были совмѣстно учиться у Лагарпа, а такая совмѣстность естественно должна была неблагопріятно отражаться на младшемъ изъ нихъ, даже при совершенномъ равенствѣ ихъ врожденныхъ способностей.

Первый изъ отчетовъ, представленныхъ Лагарпомъ Салтыкову, напечатанный въ «Русской Старинѣ» за 1870 годъ [2]), помѣченъ 20-мъ сентября 1786 года. Въ отчетѣ этомъ Ла-

---

[1]) Въ настоящее время выяснено уже вполнѣ, какимъ образомъ Лагарпъ очутился въ Петербургѣ воспитателемъ великихъ князей. Въ 1782 году, Лагарпъ былъ намѣченъ Гриммомъ, чтобы сопутствовать въ путешествіи по Италіи и вообще направить на путь истины брата фаворита Александра Дмитріевича Ланского. «Добропорядочность, благоразуміе и разсудительность» Лагарпа, по отзыву Екатерины, очаровали «присутствующихъ и отсутствующихъ» и императрица пожелала, чтобъ онъ сопровождалъ молодого человѣка до Петербурга, обѣщая устроить судьбу его приличнымъ образомъ. Путешественники прибыли въ Петербургъ въ началѣ 1783 года. Появленіе Лагарпа при русскомъ дворѣ совпало съ переходомъ великихъ князей Александра и Константина отъ женскаго надзора къ мужскому. Императрица воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы удержать достойнаго педагога въ Россіи и привлечь его къ воспитанію любимаго внука. Н. Шильдеръ.

[2]) См. третье изданіе «Русской Старины» 1870 г., томъ I, стр. 153—204.

гарпъ, говоря, что великій князь Александръ внимателенъ и что онъ въ состояніи читать, хотя и неправильно, но по крайней мѣрѣ такъ, что его можно понять и что ему не достаетъ еще практики, пишетъ: «я желалъ бы сказать то же самое и о великомъ князѣ Константинѣ, но живость и недостатокъ вниманія много помѣшали его успѣхамъ; онъ еще, такъ сказать, колеблется». Этотъ, сравнительно неблагопріятный, для Константина отзывъ не могъ, однако, по той причинѣ, о которой мы сказали выше, указывать на безусловную слабость способностей къ ученію младшаго брата въ сравненіи со способностями старшаго. Далѣе Лагарпъ сообщалъ, что великій князь Константинъ пишетъ иногда довольно скоро; если занимается со вниманіемъ, не затрудняется запомнить цѣлую фразу, такъ что придерживается звуковой орѳографіи. Ея, — скажемъ кстати, — держался онъ и всю жизнь, такъ что его и русская и французская письменность отличается значительными ошибками правописанія. Лагарпъ началъ учить великихъ князей и первымъ правиламъ ариѳметики, но и въ этомъ случаѣ Константинъ поотсталъ отъ старшаго брата, испытывая затрудненіе при выучкѣ на память таблицы умноженія и высказывая вообще отвращеніе отъ того, что должно было остановить его вниманіе на нѣсколько минутъ сряду.

Въ томъ же, 1786 году, оба великіе князья не только что учились географіи, но успѣли даже пройти первый ея курсъ который — какъ говоритъ въ своемъ отчетѣ Лагарпъ — далъ имъ самыя общія понятія о землѣ и познакомилъ ихъ съ главнѣйшими ея раздѣленіями. Лагарпъ, однако, не удовлетворился этимъ и, ознакомивъ своихъ учениковъ въ бо́льшей подробности съ Россіею, перешелъ къ Польшѣ, Пруссіи, Швеціи, Даніи и Германіи. При этомъ онъ разсказывалъ имъ о возникновеніи различныхъ государствъ и о началѣ династій царствующихъ государей, упоминалъ о знаменитыхъ людяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ, ограничиваясь только самыми общими замѣчаніями и вдаваясь въ подробности лишь тогда, когда вызывало его на это любопытство его питомцевъ.

Не удовольствовался, однако, Лагарпъ и географіей, и принялся обучать своихъ питомцевъ исторіи Греціи и Рима, при-

чемъ, по словамъ его, молодость и живость великаго князя Константина не дозволила ему, Лагарпу, вдаваться въ бо́льшія подробности, такъ что и по этому предмету младшій братъ значительно отсталъ отъ старшаго.

О томъ, съ какою постепенностью подвигалось впередъ обученіе внуковъ Екатерины, можно до нѣкоторой степени судить по другому отчету, представленному Лагарпомъ Салтыкову 31-го марта 1789 года. Не смотря на раздѣлявшій оба отчета почти трехлѣтній промежутокъ, успѣхи великаго князя Константина мало подвинулись впередъ: онъ, и по прошествіи этого времени, при чтеніи останавливался и ошибался, и читалъ внятно только тогда, когда бывалъ спокоенъ и внимателенъ, что съ нимъ случалось, впрочемъ, весьма рѣдко. Кромѣ того, у него обнаружился физическій недостатокъ — онъ сталъ заикаться. Ко времени представленія второго отчета, ученики Лагарпа начали третій курсъ географіи, а по исторіи приблизились: по древней къ IV вѣку до Рождества Христова, а по новой—до 1630 года. Кромѣ занятій на урокахъ, они читали исторію аббата Милота, сочиненіе аббата Верто «Революціи въ Римѣ», выдержки изъ сочиненій: Жилльe «Исторія Греціи», Фергюсона «О возвышеніи и упадкѣ Римской имперіи» и Гиббона «Объ упадкѣ Римской имперіи», соображаясь при такомъ чтеніи съ историческимъ курсомъ Кондильяка. Сверхъ того, Лагарпъ знакомилъ ихъ съ отрывками изъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Тита Ливія и другихъ древнихъ классическихъ историковъ. Не были забыты Демосфенъ и Цицеронъ, въ переводахъ аббата Ожье. Вообще, судя по отчетамъ Лагарпа, надобно полагать, что у него исторія была главнымъ предметомъ преподаванія, при чемъ онъ обращалъ вниманіе только на нравственную сторону, такъ что преподаваніе его имѣло видъ курса нравственности, основаннаго на историческихъ фактахъ. Слѣдуя такой системѣ, Лагарпъ держался взгляда самой Екатерины на значеніе исторіи, какъ одного изъ предметовъ изученія. По поводу вопроса о преподаваніи исторіи императрица писала: «исторія есть описаніе дѣйствій и ихъ дѣяній, она учитъ добро творить и отъ дурнаго остерегаться». Съ своей стороны, Лагарпъ, убѣжденный въ томъ, что общественный

дѣятель долженъ искать въ исторіи не безплодные разсказы о битвахъ или событіяхъ—видимыя послѣдствія которыхъ не шли далѣе ихъ вѣка, а нѣчто другое, — слегка касался древностей греческихъ и римскихъ, стараясь, въ замѣнъ ихъ, ознакомить своихъ учениковъ въ замѣчательными историческими событіями и въ особенности съ тѣми выходящими изъ ряда людьми, добродѣтели которыхъ, достойныя дѣла или ошибки должны служить главнымъ наставленіемъ для призванныхъ играть роль на театрѣ свѣта. Лагарпъ былъ преисполненъ республиканскихъ правилъ и, преподавая великимъ князьямъ древнюю и новую исторію, старался объяснять и оправдывать внушаемыя имъ принципы такими примѣрами, которые всего бы лучше могли подѣйствовать на здравый смыслъ и сердце его учениковъ.

Ко времени представленія Лагарпомъ графу Салтыкову второго упомянутаго нами отчета, великіе князья по ариѳметикѣ не пошли далѣе пропорцій. Въ геометріи не оказывали они особыхъ успѣховъ и медленность ихъ по обоимъ этимъ предметамъ Лагарпъ объяснялъ живостію и рѣзвостью Константина. И въ эту пору Константинъ, имѣвшій уже десять лѣтъ, не могъ еще читать безошибочно. Неуспѣхи Константина, въ виду врожденныхъ его способностей, Лагарпъ приписывалъ тому, что онъ весьма рѣдко или, вѣрнѣе сказать, никогда не упражняетъ своихъ способностей внѣ класснаго времени. Имѣя возможность пренебрегать вовсе той малой работой, которая задается ему время отъ времени, или исполнять ее — когда и какъ ему заблагоразсудится, онъ и теперь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, постоянно былъ занятъ только «своими ружьями, знаменами и алебардами и думаетъ только объ играхъ въ солдатики, какъ во время, такъ и послѣ урока».

Дальнѣйшіе отчеты Лагарпа Салтыкову объ учебныхъ занятіяхъ Константина Павловича продолжались въ томъ же тонѣ, въ какомъ были писаны прежніе.

Въ рукописномъ отчетѣ Лагарпа отъ 22-го декабря 1791 года, находящемся въ обширномъ собраніи рукописей, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины», Лагарпъ упоминаетъ, что великій князь Константинъ при чтеніи запинался такъ, какъ не слѣдовало бы ожидать въ его возрастѣ; что съ нимъ

необходимо повторять пройденное; что онъ не можетъ имѣть яснаго пониманія при занятіяхъ алгеброю, такъ какъ при этомъ дѣлаетъ скачки. Лагарпъ находилъ нужнымъ, чтобы Константинъ въ слѣдующемъ, 1792 году, сдѣлалъ бо́льшіе успѣхи, нежели въ предъидущемъ, и заключилъ свой отчетъ о немъ слѣдующимъ отзывомъ: «у него превосходное сердце; у него есть дарованія и находчивость, но онъ не считаетъ себя еще обязаннымъ дѣлать изъ этихъ качествъ какое либо употребленіе. Онъ представляетъ изъ себя ребенка, которому позволительно еще заниматься игрушками, и желаетъ, чтобъ съ нимъ занимались ими и другіе. Отъ этого происходитъ, что онъ очень часто, при видѣ своихъ игрушекъ, забываетъ то, что онъ худо исполнилъ во время уроковъ и что, поэтому, онъ долженъ былъ сдѣлать послѣ нихъ». Вообще Лагарпъ замѣчаетъ, что великій князь Константинъ, для своего возраста, т. е. для 12-ти лѣтъ, слишкомъ много отсталъ, если принять въ соображеніе тѣ заботы, которыми окружаютъ его. Въ виду всего этого, Лагарпъ предлагалъ Салтыкову принять противъ Константина нѣкоторыя мѣры, которыя заставили бы его учиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1794 года, Лагарпъ представилъ Салтыкову снова отчетъ, или вѣрнѣе сказать, скорбный листъ объ ученіи Константина. По словамъ Лагарпа, успѣхи великаго князя были такъ незначительны, что представляли ровно нуль; что уроки, которые должны были начинаться въ 8 часовъ, начинались только въ 9 часовъ утра и очень часто еще позже; что учебныя его занятія оканчиваются къ 11-ти часамъ, а иногда и въ $10^1/_2$. «Если бы еще это короткое время, — писалъ Лагарпъ, — было хорошо употреблено, то я не говорилъ бы ничего противъ непродолжительности уроковъ, но тѣ перерывы, которые допускаются сверхъ того, производятъ чрезвычайно вредное вліяніе». Ученикъ оказывался крайне лѣнивымъ и находилъ разные предлоги, чтобы выбѣгать изъ учебной комнаты и слишкомъ долго завтракалъ во время перерыва уроковъ. Во время же ихъ онъ слѣдилъ постоянно за часовою стрѣлкою и какъ только она показывала $10^1/_2$ часовъ, онъ радостно сообщалъ объ этомъ Лагарпу, и если наставникъ не обращалъ на это вниманія, то ученикъ находилъ разные пред-

логи для прекращенія классныхъ занятій. Занятія эти становились такъ рѣдки, что, напримѣръ, Лагарпъ въ теченіе цѣлаго апрѣля мѣсяца 1794 года могъ дать Константину только четыре урока. Лагарпъ писалъ, что онъ не знаетъ, на что именно употребляетъ великій князь свободное время; можетъ только сказать, что онъ занимается въ это время «ружейными пріемами», ходитъ изъ угла въ уголъ или болтаетъ съ кѣмъ нибудь, не заботясь о томъ, какъ онъ себя держитъ и что говоритъ. Лагарпъ надѣялся-было, что Константинъ, сознавъ пользу и необходимость ученія, станетъ заниматься какъ слѣдуетъ, но наконецъ наставнику пришлось разочароваться въ этихъ надеждахъ и онъ писалъ Салтыкову, что хотя великій князь и прежде не очень любилъ учиться, но въ послѣдній годъ у него проявилось сильное отвращеніе ко всему, что имѣетъ видъ учебныхъ занятій, по всѣмъ предметамъ, безъ всякаго исключенія. Ростопчинъ въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову наклонность великаго князя Константина къ ружейнымъ пріемамъ объяснялъ тѣмъ, что изъ него хотѣли сдѣлать воина, и сообщалъ, что въ распоряженіе его даны 15 человѣкъ гренадеровъ, которыхъ помѣстили въ Царскомъ Селѣ и которыми онъ занимался цѣлые дни, что къ такимъ занятіямъ направлялъ его отецъ, очень недовольный тою утонченностію, съ какою обращалась императрица съ старшимъ братомъ Константина Павловича.

Въ виду всего этого, Лагарпъ прямо заявлялъ, что онъ признаетъ безполезность занятій съ Константиномъ, и просилъ увольненія отъ такихъ занятій, желая предупредить ту минуту, когда онъ, Лагарпъ, будетъ въ тягость, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда прекратятся его номинальныя обязанности, такъ какъ дѣйствительныя его обязанности уже прекратились.

По мѣрѣ того какъ подрастали великіе князья, императрица давала имъ другихъ наставниковъ. Съ 1785 года, протоіерей Самборскій былъ назначенъ законоучителемъ великаго князя Константина, а такъ какъ онъ, состоя долгое время при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, изучилъ тамъ отлично англійскій языкъ, то ему же поручено было преподавать этотъ языкъ Константину Павловичу. Въ исходѣ 1789 г. великіе князья

начали учиться у академика Крафта экспериментальной физикѣ, а въ 1791 году—натуральной исторіи у пользовавшагося большою славою за свою ученость академика Палласа, съ которымъ они дѣлали ботаническія экскурсіи въ Павловскѣ. Математикѣ и военнымъ наукамъ ихъ сталъ обучать полковникъ Массонъ и извѣстный въ ту пору преподаватель штыкъ-юнкеръ Войтяховскій; изданная имъ арифметика долгое время была единственнымъ руководствомъ во всѣхъ нашихъ училищахъ. Греческому языку обучалъ Константина Бальдани, родомъ изъ Ѳессаліи, человѣкъ замѣчательно образованный.

Неизвѣстно, какіе успѣхи оказывалъ Константинъ у этихъ преподавателей; сохранились только краткія извѣстія о томъ, что великимъ князьямъ повременамъ производились экзамены въ присутствіи ихъ бабушки, отца и нѣкоторыхъ вельможъ. При этомъ великій князь Павелъ Петровичъ обращалъ преимущественное вниманіе на успѣхи своихъ сыновей по математикѣ и оказывалъ особенное расположеніе преподавателю этого предмета Войтяховскому, котораго онъ, по восшествіи своемъ на престолъ, наградилъ съ свойственною ему необыкновенною щедростью. Съ своей стороны, Массонъ упоминаетъ о неудовлетворительности воспитанія Константина, осуждаетъ небрежность его наставниковъ и изъ нихъ отзывается съ похвалою только о Лагарпѣ, обоихъ Муравьевыхъ и Тутолминѣ.

Лично Екатерина была вполнѣ довольна занятіями Лагарпа и какъ нельзя болѣе цѣнила его нравственныя достоинства и педагогическія способности. Во время своего путешествія въ Крымъ, Екатерина показывала сопровождавшему ее англійскому посланнику Фицъ-Герберту роспись ученія великихъ князей, составленную Лагарпомъ. Она и Фицъ-Гербертъ находили, что роспись эта такъ хороша, что другой лучшей нельзя и составить. Событія, происходившія во Франціи, давали однако недоброжелателямъ Лагарпа достаточно поводовъ для того, чтобы подрывать довѣренность къ нему императрицы. Такъ какъ Водузскій кантонъ былъ подвластенъ Бернскому кантону и Лагарпъ протестовалъ противъ такого политическаго положенія своей родины, то въ Бернѣ составилась противъ него сильная партія. Нѣсколько дружескихъ писемъ Лагарпа къ его двоюрод-

ному брату, генералу французской республиканской службы, были перехвачены бернцами и представлены императрицѣ, которая, впрочемъ, отозвалась на этотъ разъ самымъ сочувственнымъ образомъ о воспитателѣ своихъ внуковъ. Но интриги противъ него не унимались и враги его, во главѣ которыхъ былъ состоявшій въ русской службѣ принцъ Нассау и представитель королевской Франціи въ Петербургѣ, графъ Эстергази, наконецъ достигли того, что императрица рѣшилась, въ 1795 году, удалить Лагарпа [1]). Впрочемъ, къ этому времени занятія его, какъ наставника и воспитателя великихъ князей, были уже кончены, такъ какъ старшій изъ нихъ, наслѣдникъ престола, не смотря на то, что ему было только шестнадцать лѣтъ, вступилъ еще 28-го сентября 1793 года въ бракъ съ великою княжною Елисаветою Алексѣевною, а въ 1795 году, когда исполнилось Константину шестнадцать лѣтъ, императрица начала заботиться и объ его женитьбѣ.

Вліяніе Лагарпа, какъ обыкновенно полагаютъ, чрезвычайно сильно отразилось на старшемъ его воспитанникѣ, который, изучивъ подъ его руководствомъ государственные порядки въ западной Европѣ и подъ вліяніемъ республиканскаго духа своего наставника, мечталъ въ молодые годы и о введеніи въ Россіи иныхъ условій государственнаго строя. Но вліяніе такого направленія не было вовсе замѣтно на младшемъ питомцѣ Лагарпа—Константинѣ. Оба они, однако, въ особенности Александръ Павловичъ, оказывали впослѣдствіи постоянное уваженіе Лагарпу, жившему по отъѣздѣ изъ Россіи въ Швейцаріи и умершему тамъ въ 1838 году, въ чинѣ полковника русской службы, утвержденномъ за нимъ Екатериною II, и кавалеромъ ордена св. Андрея, который пожаловалъ ему императоръ Александръ Павловичъ.

---

[1]) Причина удаленія Лагарпа изъ Петербурга вовсе не была вызвана его республиканскими убѣжденіями и интригами эмигрантовъ и ихъ сторонниковъ. Въ то время императрица замышляла назначить наслѣдникомъ престола великаго князя Александра Павловича, когда же она убѣдилась, что Лагарпъ не только не склоненъ оказать содѣйствіе этому плану, но намѣренъ ему противодѣйствовать, она рѣшилась уволить Лагарпа отъ занятій съ внукомъ и отпустить его за границу. Лагарпъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го мая 1795 г.

Н. Шильдеръ.

ГЛАВА IV.

Характеръ великаго князя Константина Павловича. — Мнѣнія о немъ барона Остенъ-Сакена и Массона. — Неудовольствіе Екатерины противъ Константина Павловича. — Письма ея къ Салтыкову. — Дѣтскія письма Константина Павловича къ Лагарпу.

Въ дѣтскіе годы великій князь Константинъ Павловичъ, какъ намъ уже пришлось замѣтить, отличался, по отзыву Лагарпа, живостію характера, рѣзвостью и недостаткомъ вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ превосходное сердце, много прямоты, находчивость и выказывалъ природныя дарованія. «Эти счастливыя задатки, — писалъ въ своемъ отчетѣ Лагарпъ, — даютъ, конечно, блестящія надежды, но напрасно было бы льстить себя ожиданіемъ осуществленія ихъ, если не удастся обуздать въ немъ избытокъ живости, пріучить сосредоточивать его вниманіе на извѣстномъ предметѣ и побѣдить его упрямство».

Далѣе Лагарпъ сообщалъ графу Салтыкову, что рѣдко можно встѣтить дѣтей до такой степени живыхъ, какъ великій князь Константинъ. У него не было ни одной минуты покоя, онъ былъ всегда въ движеніи, не замѣчая, куда онъ идетъ и куда ставитъ ногу и, по словамъ Лагарпа, онъ непремѣнно выпрыгнулъ бы изъ окна, если бы не слѣдили за нимъ. Минуты, въ которыя можно было сосредоточить на чемъ нибудь его вниманіе, выдавались очень рѣдко и, въ виду этого, Лагарпъ не удивлялся, что Константинъ забывалъ по мѣрѣ того, какъ выучивалъ. Лагарпъ предсказывалъ, что младшій изъ его питом-

цевъ никогда не будетъ имѣть памяти, если онъ не сдѣлается болѣе внимательнымъ, но предсказаніе это не сбылось, такъ какъ Константинъ Павловичъ отличался превосходною памятью. Невниманіе же его въ дѣтствѣ было такъ велико, что онъ безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому и интересовался только разнообразіемъ и быстротой перемѣнъ въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ окружающими его предметами. Кромѣ того, по наблюденію Лагарпа, въ немъ каждодневно замѣчалось колебаніе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ, и его вѣтренность должна была внушать опасеніе за его будущій характеръ. Этого слѣдовало ожидать въ виду того, что маленькій Константинъ отличался капризами, нетерпѣніемъ и упрямствомъ; что вспышки раздраженія проявлялись у него часто и неожиданно и сопровождались такими припадками злобы, что ихъ нельзя было оставлять безъ вниманія. Онъ часто поступалъ наперекоръ своему наставнику; прямо отказывался исполнять его приказанія; бросалъ книги, бумагу и перья на полъ, стиралъ ариѳметическія задачи, написанныя на его черномъ столѣ, и эти проявленія непослушанія сопровождались гнѣвными движеніями и сильною яростью. Лагарпъ старался пересилить упрямство и злобу ребенка, хладнокровно настаивая на однажды отданномъ ему приказаніи, не смотря на крики и плачъ маленькаго грубіяна-упрямца.

Дѣйствуя съ крайнимъ терпѣніемъ, Лагарпъ сообщилъ однако Салтыкову, что хладнокровіемъ и терпѣніемъ можно только затянуть дѣло, которое между тѣмъ требуетъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, и находилъ, что нужно прибѣгнуть къ средствамъ, способнымъ побѣдить упрямство великаго князя. Лагарпъ убѣдился наконецъ, что ласкою и снисходительностію съ нимъ ничего подѣлать нельзя и что нужно дать ему почувствовать съ самаго ранняго возраста существующую надъ нимъ власть, которой нельзя было бы ослушаться безнаказанно. Лагарпъ не опредѣлялъ самъ рода наказаній, которыми можно было бы обуздать непокорнаго питомца, онъ только заявлялъ, впрочемъ, весьма настоятельно, что безъ нихъ въ отношеніи къ Константину обойтись нельзя, тогда какъ они вовсе не нужны въ отношеніи къ Александру, отличавшемуся «тактомъ».

Въ свою очередь и бабушка-императрица видѣла большую разницу въ наклонностяхъ и въ характерѣ своихъ внуковъ. Любимцемъ ея былъ Александръ. Во время своего путешествія въ Крымъ, въ 1787 году, она переписывалась съ ними обоими и вела постоянную о нихъ корреспонденцію съ Салтыковымъ. Въ одной изъ этихъ корреспонденцій, отъ 9-го января 1787 года, она писала ему: «Константину скажите мое сожалѣніе, что онъ такъ долго страдаетъ скучною сыпью; во всемъ онъ проворенъ, но съ нею раздѣлаться не умѣетъ». Въ другомъ письмѣ къ Салтыкову, она, оставшись довольна длиннымъ письмомъ къ ней Константина, писала: «для меня онъ труда не жалѣетъ, прошу кланяться ему и другу моему Александру; сей вездѣ и повсюду всегда одинаковъ, да и единственеиъ», добавляя при этомъ, что въ Александрѣ «скромность и модестія чрезвычайныя». Вообще, между обоими братьями существовала не только физическая и психическая разница, но и разница въ будущемъ положеніи ихъ обоихъ. А. Ѳ. Воейковъ, въ рукописныхъ своихъ замѣткахъ, разсказываетъ, что однажды Салтыковъ, дѣлая замѣчаніе Константину Павловичу, поставилъ ему въ примѣръ подражанія его старшаго брата. «Онъ царь, а я солдатъ; что́ мнѣ перенимать у него?» отвѣчалъ Константинъ на это внушеніе со стороны своего воспитателя. Въ 1791 году, передавая Храповицкому годовой отчетъ Салтыкова о воспитаніи великихъ князей, императрица Екатерина сказала ему: «Александръ Павловичъ сколько ростомъ, столько же и остротою превзошелъ Константина Павловича, который и въ ростѣ и въ ученіи отъ него отсталъ». Замѣтимъ кстати, что впослѣдствіи Константинъ былъ ростомъ ниже всѣхъ своихъ братьевъ, а изъ нихъ императоръ Николай Павловичъ былъ выше его цѣлою головою.

Константинъ, подъ надзоромъ Салтыкова и Лагарпа, не исправлялся, и этотъ послѣдній, пробывъ при немъ слишкомъ шесть лѣтъ, потерялъ всякую надежду передѣлать его безъ употребленія строгихъ мѣръ.

«Я нашелъ въ великомъ князѣ Константинѣ,—писалъ Лагарпъ Салтыкову въ сентябрѣ 1789 года, — задатки тѣхъ добродѣтелей и талантовъ, которые проглядываютъ въ великихъ

людяхъ; но замѣченные мною въ то же время недостатки — такого свойства, что мѣшаютъ развитію этихъ счастливыхъ задатковъ. Главнымъ недостаткомъ я считаю нерадивость и упрямство, которое перерождается въ неодолимое упорство». Далѣе Лагарпъ сообщалъ Салтыкову, что у Константина припадки вспыльчивости проявляются такъ быстро, что «предупредить ихъ весьма трудно и даже вовсе не возможно».

Изъ письма Лагарпа, между прочимъ, оказывалось, что Константинъ, 15-го сентября 1789 года, сдѣлалъ надъ своимъ наставникомъ рѣшительный экспериментъ. Великій князь два часа сряду употреблялъ во зло терпѣніе хладнокровнаго педагога, не желая исполнить такую работу, которая могла быть окончена въ пять минутъ. Когда же Лагарпъ, по поводу того, пожаловался Салтыкову, то Константинъ, въ отместку за полученный имъ выговоръ, «въ припадкѣ бѣшенства укусилъ Лагарпу руку» (см. «Русскую Старину» изд. 1870 г., изданіе третье, т. I, 198).

По этому случаю Лагарпъ въ письмѣ своемъ разсуждаетъ такъ:

«Упорство, гнѣвъ и насиліе побѣждаются въ частномъ человѣкѣ общественнымъ воспитаніемъ, столкновеніемъ съ другими людьми, силою общественнаго мнѣнія, въ особенности законами, такъ что общество не будетъ потрясено взрывами его страстей; членъ же царской семьи находится въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ: высокое положеніе его въ обществѣ лишаетъ его высшихъ, равныхъ и друзей; онъ чаще всего въ окружающихъ его встрѣчаетъ толпу, созданную для него и подчиненную его капризу. Привыкая дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ не замѣчаетъ даже наносимыхъ имъ смертельныхъ обидъ и убѣжденъ въ томъ, что оскорбленія со стороны лицъ, подобныхъ ему, забываются обиженными; онъ не знаетъ, что молчаніе угнетаемыхъ представляетъ еще весьма сомнительный признакъ забвенія обидъ и что, подобно молніи, которая блеснетъ и нанесетъ смертельный ударъ въ одно мгновеніе—месть оскорбленныхъ людей такъ же быстра, жестока и неумолима». («Р. Ст.» 1870 г., т. I, 198).

Въ виду всего этого и указывая на жестокость въ дѣтствѣ Домиціана и Нерона, Лагарпъ настаивалъ на рѣшительныхъ

мѣрахъ противъ Константина. «Далѣе откладывать уже невозможно, — писалъ онъ, — потому что послѣ десяти лѣтъ характеръ ребенка получаетъ опредѣленный складъ, и надобно опасаться, чтобы привычки, пріобрѣтаемыя въ это время, не повліяли на человѣка до конца жизни». Лагарпъ требовалъ введенія въ систему воспитанія Константина строгихъ наказаній, предлагая, чтобы, кромѣ уроковъ, ему въ теченіе времени отъ четырехъ до пятнадцати дней не позволяли бы никакого занятія, которое могло бы развлечь его или разсѣять его скуку.

Разница въ нравственномъ развитіи обоихъ братьевъ, подраставшихъ, по видимому, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, можетъ быть объяснена тѣмъ, что Екатерина сосредоточивала всѣ свои симпатіи и заботы на старшемъ внукѣ, такъ какъ въ понятіяхъ ея объ ихъ воспитаніи Константинъ отодвигался на задній планъ, и такая неравномѣрность ея заботъ должна была различно отразиться на обоихъ братьяхъ.

Извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ передаетъ въ своихъ «Запискахъ», что однажды великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ: «Не смѣя обвинять отца моего, я не могу однакоже не сказать, что императрица Екатерина, обративъ все свое вниманіе на брата моего Александра, вовсе не занималась мною въ дѣтствѣ». Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ каждомъ изъ этихъ братьевъ проявлялось не столько первоначальное ихъ воспитаніе, сколько природныя несходныя въ каждомъ изъ нихъ черты характера: очевидно было, что Александръ наслѣдовалъ по природѣ качества матери, а Константинъ свойства отца.

Для болѣе точнаго объясненія причинъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которыми отличался Константинъ, не лишнимъ будетъ остановиться на выборѣ лицъ, ближайшимъ образомъ окружавшихъ его въ дѣтствѣ. Когда, въ 1783 году, великіе князья, послѣ смерти первой ихъ воспитательницы, Софьи Ивановны Бенкендорфъ, рожденной Левенштернъ, поступили подъ «главное надзираніе» Салтыкова, то ближайшее наблюденіе за младшимъ изъ нихъ поручено было барону, впослѣдствіи графу, Карлу Ивановичу Остенъ-Сакену, котораго Ростопчинъ, въ письмахъ къ графу С. Р. Воронцову, называлъ

«дуракомъ, интриганомъ и завистникомъ» и который — по отзыву Массона — хотя и былъ во всѣхъ отношеніяхъ выше генерала Протасова, назначеннаго для исполненія такихъ же обязанностей при Александрѣ, но, по своей мягкости, снисходительности и недостатку характера, не могъ внушить къ себѣ уваженія со стороны своего питомца. Нельзя не согласиться, что, при такихъ качествахъ, Остенъ-Сакенъ не могъ быть надежнымъ воспитателемъ разнузданнаго до крайности мальчика, который и не замедлилъ воспользоваться мягкосердіемъ своего педагога, позволяя себѣ передъ нимъ самыя рѣзкія выходки. Будучи уже женихомъ, Константинъ Павловичъ, бесѣдуя съ матерью своей невѣсты, говорилъ ей въ присутствіи генерала Будберга, указывая на него: «я ужасно боюсь его и только одного его и боялся, а съ Сакеномъ дѣлалъ что́ хотѣлъ».

Будбергъ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ чести состоять при его высочествѣ.

— Это правда, но вѣдь за вами посылали, когда мнѣ нужно было дать головомойку.

До чего доходило своеволіе питомца съ своимъ воспитателемъ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа Массона [1]).

Однажды Остенъ-Сакенъ заставлялъ великаго князя читать.

— Не хочу читать, — говорилъ Константинъ, — и не хочу потому именно, что вижу, какъ вы, постоянно читая, глупѣете день-ото-дня.

Такая выходка не только осталась безъ всякаго взысканія и даже замѣчанія, но еще вызвала веселый смѣхъ и одобреніе остроумію и находчивости мальчика — одобреніе, разумѣется, льстившее его дѣтскому самолюбію [2]).

---

[1]) См. Записки Массона въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XV, стр. 548—585.

[2]) К. И. Остенъ-Сакенъ въ своихъ запискахъ (Journal de mes occupations) дѣлаетъ слѣдующую характеристику великаго князя Константина Павловича:

«Après avoir été deux ans auprès du Grand Duc, j'ai eu assez d'occasions pour l'étudier et pour connaitre son caractère. Il est d'une vivacité, d'une pétulance outrée, par conséquent emporté en colérique. Mais il a en revanche beaucoup de sensibilité, des manières très engageantes et caressantes, un coeur excellent et par conséquent il se repent d'abord de la véhémence de son caractère. Avec beaucoup d'esprit, de franchise et de sincérité, il a la meilleure vo-

Сообщая объ этомъ случаѣ, Массонъ отзывался о Константинѣ такъ: «безоглядность замѣняетъ у великаго князя Константина умъ, и выходками онъ замѣняетъ популярность. Въ немъ были однако задатки ума и сердца, которыми пренебрегали его первые воспитатели и которые тщетно хотѣлъ развить Лагарпъ. Онъ храбръ, щедръ и любитъ оказывать услуги друзьямъ. Его дѣятельность неутомима и онъ отличается откровенностью — этимъ рѣдкимъ качествомъ высокопоставленныхъ особъ». Не такъ однако отзывался въ то же время о Константинѣ гр. Ростопчинъ. Онъ въ 1795 году писалъ С. Р. Воронцову, что великій князь воспріимчивъ, живъ, воинственъ въ душѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно вспыльчивъ и въ этомъ отношеніи характеръ его проявляетъ сходство съ отцомъ. Онъ, по словамъ Ростопчина, не сдерживаетъ свою мысль, никогда не слушается и имѣетъ замашки шалуна. Нѣсколько позднѣе, въ 1796 году, Ростопчинъ еще болѣе неодобрительно отзывался о наклонностяхъ в. кн. Константина Павловича. «Съ каждымъ днемъ, — замѣчаетъ Ростопчинъ, — онъ обнаруживаетъ все болѣе и болѣе недобрыхъ качествъ и обѣщаетъ уподобиться Петру Жестокому [1]) и Діонисію Сиракузскому. Въ маскарадѣ, данномъ по случаю его брака, онъ позволялъ себѣ выходки и дерзости, а во дворцѣ, назначенномъ для его жительства послѣ свадьбы, отвелъ холодную комнату для того, чтобы сажать туда подъ арестъ своихъ неисправныхъ придворныхъ кавалеровъ» (см. «Архивъ кн. Воронцова», Москва, изданіе 1875 г., томъ VIII).

Даже великій князь Александръ Павловичъ, чрезвычайно любившій Константина, и тотъ, отъ 21-го февраля 1796 года, писалъ о немъ Лагарпу: «онъ меня часто огорчаетъ, онъ теперь горячъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, весьма своеволенъ и

---

lonté de se corriger, mais sa grande vivacité lui fait souvent oublier ses promesses. — L'âge, la reflexion seront sans doute les meilleurs remèdes de faire passer ses défauts, parmi lesquels je dois compter aussi le caprice et la paresse, d'autant plus qu'il se laisse facilement ramener par la douceur et par des remontrances amicales fondées sur la raison».

Эта замѣтка относится къ апрѣлю 1786 года. Н. Шильдеръ.

[1]) Королю аррагонскому.

часто прихоти его не согласуются съ здравымъ разсудкомъ. Военное ремесло вскружило ему голову и онъ иногда жестоко обращается съ солдатами своей роты, которую онъ образовалъ и начало которой вы видѣли». (Сборн. Имп. Рос. Истор. Общ.).

Впрочемъ, не одинъ Сакенъ, но и всѣ-окружавшіе Константина и вообще всѣ придворные за-частую испытывали на себѣ безцеремонное обращеніе съ ними второго внука Великой Екатерины. Графъ Сегюръ въ «Запискахъ» своихъ разсказываетъ, что на одномъ изъ бывшихъ у императрицы вечернихъ собраній, отличавшихся, какъ извѣстно, при полной свободѣ обращенія, чрезвычайною вѣжливостію и утонченнымъ обхожденіемъ, Константинъ Павловичъ, бывши уже взрослымъ мальчикомъ, вздумалъ бороться съ графомъ Штакельбергомъ. Пользуясь своею физическою силою, онъ обошелся съ этимъ старикомъ слишкомъ немилосердно: грохнулъ его на полъ и сломалъ ему руку.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, въ 1796 г., шведскаго короля Густава IV, Константинъ Павловичъ при всякомъ случаѣ позволялъ себѣ самыя странныя выходки...

Въ это время неудовольствіе императрицы противъ Константина Павловича было чрезвычайно сильно. Въ письмѣ къ графу Н. П. Салтыкову, отъ 29-го августа 1796 года, она писала: «Я хотѣла сегодня говорить съ моимъ сыномъ и разсказывать ему все дурное поведеніе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ говорить сбираюсь, и увѣрена, что великій князь со мною согласенъ будетъ: я Константину конечно потакать никакъ не намѣрена. А какъ великій князь уѣхалъ въ Павловское, и нужно унять хоть Константина какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и именемъ моимъ, чтобъ онъ воздержался впередъ отъ злословія, сквернословія и безпутства; буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобъ я надъ нимъ сдѣлала примѣръ.—Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мужчину, ни

женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произнесено было — что не токмо многіе изъ нашихъ, но даже и шведы безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія слышать не могли. Сверхъ того, онъ со всякою подлостію вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойной фамильярностію, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайней непріятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковой подлый «sansculottisme», предъ всѣми унижающій! — Повторите ему, чтобъ онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, есть ли еще посрамитъ оное, я бъ не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры». На первый разъ онъ былъ за все это посаженъ императрицею подъ арестъ, и тотчасъ же послѣ этого наказанія смирился и захворалъ.

Великая княгина Марія Ѳеодоровна, въ письмѣ къ мужу отъ 5-го сентября 1796 года, писала: «императрица говорила мнѣ о Константинѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и раскаивается. Она надѣется, что это послужитъ ему урокомъ на всю жизнь, но что надобно дѣйствовать всѣмъ за одно для исправленія его недостатковъ». Въ концѣ письма великая княгиня прибавляла: «У Константина лихорадка; императрица говоритъ, что это у него отъ страха».

Доводя безцеремонность своего обращенія со всѣми до послѣдней крайности, Константинъ Павловичъ, однако, не только побаивался князя Зубова, но и угождалъ ему. Зубовъ впрочемъ пользовался благосклонностію не одного только Константина, но и Александра. Герцогиня Кобургская писала, между прочимъ, своему мужу: «только съ однимъ Зубовымъ они (великіе князья) въ близкихъ отношеніяхъ и уклоненіе ихъ отъ прочихъ придворныхъ,—добавляла не совсѣмъ кстати ея свѣтлость, — помогаетъ имъ соблюсти чистоту душевную». Въ другомъ письмѣ къ мужу герцогиня сообщала: «князь Зубовъ другъ и довѣренный великихъ князей, они могутъ расчитывать на его доброе расположеніе и услугу. Теперь Константинъ постоянно ходитъ съ нимъ рука объ руку».

Не смотря на неудачное воспитаніе Константина, императрица чрезвычайно цѣнила заслуги Салтыкова по педагогической части. 21-го мая 1788 года, въ день именинъ Константина, она пожаловала его воспитателю орденъ св. Владиміра 1-й степени большаго креста, за усердную службу и ревностные труды, подъемлемые при воспитаніи ея внуковъ. «Такою наградою императрица, — по выраженію рескрипта, — вниманіе и милость свою желала заявить «передъ цѣлымъ свѣтомъ». Когда же Салтыковъ окончилъ воспитаніе великаго князя Александра Павловича, то Екатерина, 22-го сентября 1793 года, сверхъ получаемаго Салтыковымъ жалованья и столовыхъ денегъ, назначила ему ежегодной пожизненной пенсіи по 25,000 рублей.

3-го февраля 1796 года, она дала на имя Салтыкова рескриптъ, начинавшійся слѣдующими строками:

«По совершеніи съ помощію Всевышняго воспитанія любезнаго внука нашего великаго князя Константина Павловича, по правиламъ, отъ насъ предначертаннымъ, и подъ собственнымъ смотрѣніемъ нашимъ, восхотѣли мы изъявить монаршее наше признаніе къ вашей ревности въ исполненіе воли нашей къ трудамъ, вами тутъ понесеннымъ». Затѣмъ, государыня сообщила Салтыкову о пожалованіи ему: въ вѣчное и потомственное владѣніе дома въ Петербургѣ со столовымъ серебрянымъ сервизомъ и единовременно на заведеніе домашнее 60,000 рублей. Тайному совѣтнику барону Остенъ-Сакену, «трудившемуся подъ руководствомъ Салтыкова» — и, слѣдовало бы прибавить, не мало натерпѣвшемуся отъ своего августѣйшаго питомца, — была пожалована деревня въ вѣчное потомственное владѣніе и назначено было, сверхъ полнаго по чину жалованья, пожизненной пенсіи по 3,000 рублей въ годъ и единовременно 10,000 рублей. Состоявшимъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ генералъ-маіорамъ Ламсдорфу и Кошелеву, полковнику Муравьеву и подполковникамъ Будбергу, Муравьеву и Крестовскому — по смерть пенсіи по 2,000 рублей въ годъ и кромѣ того: полковнику Муравьеву чинъ бригадира, подполковнику Муравьеву званіе камергера при обрученной невѣстѣ великаго князя; подполковникамъ Будбергу и Крестовскому

слѣдующіе чины; бригадиру Торсукову, занимавшемуся съ великимъ княземъ по фронтовой части, деревню въ вѣчное потомственное владѣніе и, наконецъ, всѣмъ этимъ лицамъ назначено было выдать единовременно по 6,000 рублей.

Лучшимъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя здѣсь сообщены о дѣтскихъ и юношескихъ лѣтахъ Константина Павловича, могутъ служить писанныя имъ въ то время, по французски, нетвердымъ, ребяческимъ почеркомъ, письма къ Лагарпу. Письма эти, нѣсколько впрочемъ странныя, дышатъ въ то же время такимъ простодушіемъ, за которое можно было прощать многое шаловливому, лѣнивому и упрямому мальчику.

Въ одномъ изъ такихъ писемъ, безъ означенія числа и года, Константинъ прямо заявляетъ, что онъ не только не хотѣлъ дать себѣ труда отвѣчать, но довелъ свою лѣнь до того, что не старался вспомнить урока и говорилъ, не зная что говоритъ. Къ этому онъ прибавляетъ:

«Я увѣренъ, что, продолжая такимъ образомъ, я сдѣлаюсь весьма смышленнымъ человѣкомъ, потому что это не стоитъ никакого труда, и лишь бы на мои глаза я былъ совершеннымъ (parfai) и мнѣ дѣла нѣтъ, если разсудительные (résonables) люди будутъ сожалѣть о моемъ невѣжествѣ». Затѣмъ, онъ прибавляетъ: «Такъ пріятно нисколько не трудиться, что я желалъ бы даже, чтобъ другіе могли за меня ходить, ѣсть, пить и говорить; ничего такъ не желаю, какъ быть похожимъ на статую».

Въ другомъ письмѣ онъ напрямки пишетъ: «я такой же невѣжда, какимъ былъ въ началѣ, чего мнѣ нисколько не стыдно. Лишь бы я съѣлъ свой хлѣбъ и я буду очень доволенъ собою».

Еще безцеремоннѣе объяснялся подраставшій великій князь съ своимъ наставникомъ, въ письмѣ, относящемся къ 1791 году. Въ этомъ письмѣ онъ заявлялъ: «въ двѣнадцать лѣтъ я ничего не знаю, не умѣю даже читать. Быть грубымъ, невѣжливымъ, дерзкимъ—вотъ къ чему я стремлюсь. Знаніе мое и прилежаніе достойны армейскаго барабанщика. Словомъ, изъ меня ничего не выйдетъ во всю мою жизнь».

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что такая неутѣшительная для Лагарпа переписка перемежалась порою выраженіемъ по-

корности Константина, просьбами объ извиненіи, о прощеніи, о дозволеніи присутствовать на урокахъ, обѣщаніемъ исправиться, но вслѣдъ за тѣмъ Лагарпъ получалъ письма совершенно въ иномъ тонѣ. (Сборн. Имп. Рус. Истор. Общества).

Ничего нѣтъ страннаго, что Лагарпъ, получая подобныя цидулки отъ своего питомца, приходилъ въ отчаяніе. Зато, впослѣдствіи, великій князь, войдя опять въ переписку съ своимъ бывшимъ наставникомъ, утѣшилъ его не только выраженіемъ глубокой почтительности и привязанности, но и многими дѣльными сужденіями.

11-го (22-го) марта 1796 года, онъ писалъ Лагарпу, въ Швейцарію, почтительное и любезное письмо, увѣряя, что сталъ читать книги по военной части, но и въ этомъ письмѣ проявилась его обычная безцеремонная откровенность. Подъ письмомъ онъ весьма своеобразно подписался «l'ane Constantin», а въ припискѣ къ этому письму, говоря о себѣ самомъ, шутливо добавилъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія [1]).

---

[1]) «Ane vous etes, ane vous seres on a beau laver la tête d'un ane qu'on perd son savon on ne peut pas faire boir un ane qui n'a pas soif. Adieu». (Сохранена орѳографія подлинника).

ГЛАВА V.

Хлопоты о женитьбѣ великаго князя Константина Павловича.— Выборъ невѣсты.— Пріѣздъ въ Петербургъ принцессъ Саксенъ-Кобурскихъ.— Помолвка Константина Павловича съ принцессой Юліаной-Генріеттой-Ульрикой.— Принятіе ею православія съ именемъ Анны Ѳеодоровны.— Бракосочетаніе.

Желая упрочить наслѣдованіе русскаго императорскаго престола въ нисходящихъ поколѣніяхъ своего потомства, Екатерина II весьма рано озабочивалась отысканіемъ невѣсты для цесаревича Павла Петровича и женила его на 19-мъ году отъ рожденія. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ императрица желала обвѣнчать и своихъ внуковъ въ раннемъ возрастѣ. Великій князь Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ великою княжною Елисаветою Алексѣевною въ 1793 году, не достигнувъ еще полныхъ шестнадцати лѣтъ отъ роду. Послѣ его брака очередь была за Константиномъ. Ему не было еще четырнадцати лѣтъ, когда возникло первое предположеніе объ его женитьбѣ [2]).

Въ бумагахъ Екатерины, относящихся къ 1793 году, найдена одна черновая рукопись императрицы. Рукопись эта, по всей вѣроятности, была проектомъ дипломатической ноты.

---

[1]) Императрица Екатерина слѣдующимъ образомъ характеризовала великаго князя Константина Павловича, въ письмѣ къ графу Скавронскому отъ 17-го сентября 1793 г.:

«Il n'est pas beau et d'une vivacité inouie, d'ailleurs il a le coeur bon et ne manque ni d'esprit ni de connaissances». Н. Шильдеръ.

«Изъ письма графа Разумовскаго,—говорится въ этой рукописи,—слѣдуетъ заключить, что неаполитанскому двору пришла охота весьма не кстати наградить насъ однимъ изъ своихъ уродцевъ (petits monstres). Я говорю: уродцевъ, потому что всѣ дѣти ихъ дряблые, подвержены падучей болѣзни, безобразныя и плохо воспитанныя. Этотъ дворъ не дождался отвѣта на свой первый зазывъ черезъ графа Скавронскаго и вотъ снова посланникъ, маркизъ Галль, убѣдилъ графа Разумовскаго сдѣлать мнѣ это предложеніе весьма хорошее и полезное и будто имъ самимъ придуманное».

Для объясненія этихъ строкъ, надо замѣтить, что въ ту пору, когда возникло это предположеніе, въ Неаполѣ царствовали Бурбоны, въ лицѣ короля Фердинанда IV, женатаго на дочери императрицы Маріи-Терезіи, эрцгерцогинѣ Каролинѣ-Маріи, извѣстной своимъ развратомъ и своими жестокостями. Эта королевская чета и задумала пристроить одну изъ своихъ дочерей за Константина Павловича. Переговоры по этому дѣлу повелъ первоначально, по желанію королевы, но безуспѣшно, графъ Мартынъ Павловичъ Скавронскій, бывшій русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ и умершій тамъ въ ноябрѣ 1793 г. Королева Каролина, потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу, возобновила сватовство косвеннымъ путемъ, въ Вѣнѣ, черезъ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, бывшаго тамъ въ то время русскимъ посломъ. Передъ назначеніемъ же въ Вѣну, Разумовскій находился на такой же должности въ Неаполѣ и былъ фаворитомъ королевы. По старой къ ней пріязни, онъ принялся усердно хлопотать о бракѣ одной изъ ея дочерей съ Константиномъ Павловичемъ, сославшись на то, что такое предложеніе сдѣлано ему маркизомъ Галлемъ, неаполитанскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Предложеніе это обусловливалось однако со стороны неаполитанскаго двора тѣмъ, чтобы Константинъ до вступленія въ бракъ съ неаполитанскою принцессою былъ объявленъ независимымъ государемъ, получивъ для себя удѣлъ изъ владѣній русской имперіи.

На такое предложеніе императрица смотрѣла какъ на «вредную, хитросплетенную несообразность» и съ неудовольствіемъ отвергала проектъ объ объявленіи великаго князя Константина

Павловича самостоятельнымъ государемъ, ссылаясь на то, что римско-нѣмецкій императоръ Леопольдъ II выдалъ свою дочь за самаго младшаго принца изъ Саксонскаго дома и не заключалъ условія, чтобы принцъ этотъ былъ объявленъ независимымъ владѣтелемъ, и что король сардинскій поступилъ точно такъ же, какъ поступилъ императоръ. «Стало быть, — писала Екатерина, — самая младшая принцесса неаполитанская весьма удобно могла бы выйти за самаго младшаго русскаго великаго князя, тѣмъ болѣе, что такъ желаетъ она или ея родители».

Отвергая условіе объ объявленіи Константина независимымъ государемъ, Екатерина не признавала удобнымъ женитьбу его на неаполитанской принцессѣ и по другимъ еще соображеніямъ. «Ихъ величества,— замѣчала императрица,—вѣроятно не знаютъ, что Россія столь же привержена къ восточной греческой вѣрѣ, какъ они къ латинской, и латинское или греко-латинское наслѣдіе, пока я жива, никогда не будетъ допущено». Императрица винила папу въ интригахъ, добавляя, что ихъ неаполитанскія величества вольны входить въ соображенія съ своимъ духовникомъ, но что не ему дѣлать рѣшенія о выгодахъ ея государства, ея семьи и о будущемъ счастьи ея внука. Въ заключеніе Екатерина пишетъ: «что же касается до меня, то я не желала бы видѣть моего внука женатымъ, пока онъ совсѣмъ не образуется, тѣмъ болѣе, что ему теперь всего 14 лѣтъ и онъ еще не развился вполнѣ. Покамѣстъ ихъ величества могутъ выдать принцессъ дочерей своихъ за кого имъ вздумается».

Отстраняя бракъ Константина съ принцессою изъ Бурбонскаго дома, Екатерина предпочитала выбрать для своего внука невѣсту изъ германскихъ принцессъ. Въ то время Германія, раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, изобиловала подроставшими дочерьми курфирстовъ, герцоговъ, князей, пфальцграфовъ, бургграфовъ, ландграфовъ и маркграфовъ. Русскій императорскій домъ не разъ уже роднился съ германскими владѣтельными домами, съ тѣхъ поръ, какъ царь Петръ Алексѣевичъ женилъ сына своего, царевича Алексѣя Петровича, на принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельской. Другая принцесса, Анна Леопольдовна Мекленбургская, была

не только матерью императора Іоанна Антоновича, но и сама правила русскою имперіею. Императоръ Павелъ Петровичъ былъ женатъ послѣдовательно на двухъ нѣмецкихъ принцессахъ: сперва на Дармштадтской, а потомъ на Виртембергской. Супруга великаго князя Александра Павловича была принцесса Баденъ-Дурлахская и, наконецъ, въ ту пору, когда шелъ вопросъ о женитьбѣ великаго князя Константина, на русскомъ престолѣ сидѣла бѣдная нѣмецкая принцесса подъ прославленнымъ ею именемъ Екатерины Великой.

Такія родственныя связи семейства Екатерины съ Германіею побуждали ее вообще предпочесть и новый брачный союзъ съ какимъ-либо владѣтельнымъ нѣмецкимъ домомъ союзу съ домомъ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Кромѣ того, въ первомъ случаѣ представлялись еще и другія удобства. Германскія принцессы, небогатыя и скромно воспитанныя, не могли предъявлять такихъ притязаній, на которыя считали бы себя въ правѣ представительницы могущественныхъ и знаменитыхъ европейскихъ династій. Наконецъ, и религіозный вопросъ въ отношеніи германскихъ принцессъ протестантскаго исповѣданія не представлялъ тѣхъ затрудненій, какія являлись въ отношеніи принцессъ католической религіи. Хотя Петръ I при сочетаніи бракомъ царевича Алексѣя и не потребовалъ отъ его невѣсты перемѣны вѣроисповѣданія, но, затѣмъ, какъ принцесса Анна Леопольдовна, такъ и всѣ прочія нѣмецкія принцессы-протестантки, вступавшія въ браки съ членами русской императорской фамиліи, принимали православіе, на что едва-ли можно было бы склонить принцессу-католичку.

Пріискивая для своего сына, а потомъ и для своихъ внуковъ, невѣстъ изъ германскихъ принцессъ, Екатерина нисколько не стѣснялась съ этими послѣдними. Она приглашала ихъ въ Петербургъ на смотрины. Для этого перебывало при ея дворѣ одиннадцать принцессъ; послѣднія три изъ нихъ были дочери наслѣднаго принца (впослѣдствіи владѣтельнаго герцога) Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургскаго, отъ брака его съ графиней Рейсской. Изъ этихъ трехъ молоденькихъ и хорошенькихъ принцессъ Саксенъ-Кобургскихъ и предположено было Екатериною выбрать невѣсту Константину Павловичу.

Невѣстъ этихъ пріискалъ и пригласилъ ихъ мать пріѣхать въ Петербургъ генералъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ, пользовавшійся у императрицы большимъ кредитомъ и уже устроившій бракъ великаго князя Александра съ принцессою Баденскою. Въ Кобургѣ Будбергъ встрѣтилъ полную готовность принять предложеніе государыни. Никакое проявленіе самолюбія или гордости не воспрепятствовало его успѣху.

Принцессы Кобургскія принадлежали къ одной изъ знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ династій въ Германіи. Домъ Саксонскій, изъ котораго онѣ происходили, велъ начало отъ Витекинда, одного изъ предводителей саксовъ, мужественнаго и упорнаго противника императора Карла Великаго. Слѣдовательно, родословное древо молодыхъ принцессъ поднималось высоко отъ своего родоначальника, жившаго въ исходѣ VIII вѣка. Линія Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская составляла младшую отрасль Саксонскаго дома; владѣнія ея были незначительны, но ей суждено было впослѣдствіи, въ весьма близкое отъ насъ время, стать на весьма видное мѣсто среди европейскихъ династій, такъ какъ представители этой линіи занимаютъ нынѣ три королевскіе престола: бельгійскій, португальскій и великобританскій.

Принцессы, пріѣхавъ въ Петербургъ съ матерью, направились отъ заставы прямо къ Зимнему дворцу, гдѣ для нихъ было приготовлено особое помѣщеніе. Когда онѣ подъѣзжали ко дворцу, императрица смотрѣла въ окно. Старшая изъ принцессъ быстро выскочила у дворцоваго подъѣзда изъ экипажа на лѣстницу; вторая хотѣла сдѣлать то же, но оступилась и упала, а самая младшая вышла изъ экипажа не торопливо и взошла на лѣстницу спокойно и съ достоинствомъ. Екатеринѣ чрезвычайно понравилось это и она сказала себѣ самой: «c'est la dernière!» Нѣмецкія гостьи были поражены блескомъ и великолѣпіемъ русскаго двора, а между тѣмъ сами онѣ своими неизысканными и старомодными костюмами вызвали насмѣшки со стороны придворныхъ нашихъ щеголихъ. Императрица сочла нужнымъ прежде всего привести въ надлежащій порядокъ ихъ слишкомъ скромные туалеты, и для этого прислала имъ двѣ большія корзины великолѣпныхъ шелковыхъ матерій и полдюжины портнихъ, которыя тотчасъ принялись за работу. 20-го октя-

бря 1795 года, императрица вручила матери и дочерямъ бриллiантовые знаки ордена св. Екатерины, и въ тотъ же день привела къ нимъ великаго князя Константина.

Вотъ какъ герцогиня, въ письмѣ къ своему мужу, описываетъ жениха своихъ дочерей:

«Константинъ кажется съ виду не менѣе 23-хъ лѣтъ (ему было тогда только 16 лѣтъ) и видно, что онъ еще подростетъ. У него широкое круглое лицо, и если бы онъ не былъ курносъ, то былъ бы очень красивъ; у него большiе голубые глаза, въ которыхъ много ума и огня; рѣсницы и брови почти совсѣмъ черныя; небольшiе ротъ и губы совсѣмъ пунцовые; очень прiятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжiй цвѣтъ лица. У обоихъ братьевъ такiя здоровыя лица, такое крѣпкое, мускулистое тѣлосложенiе, что они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ ясномъ взглядѣ ихъ видны благородная кровь и душа неиспорченная. Константинъ, кажется, воинъ и душой и тѣломъ, со всею военною ловкостью». Сравнивая обоихъ братьевъ, герцогиня замѣчала, что у старшаго изъ нихъ выраженiе лица гораздо прелестнѣе, но что у Константина болѣе блеску въ глазахъ и глаза красивѣе; но зато у Александра черты лица совершенно правильныя; что у него придворныя, располагающiя манеры и онъ разговорчивѣе брата въ обществѣ. Далѣе, герцогиня сообщала, что братья чрезвычайно привязаны другъ къ другу и постоянно вмѣстѣ, что у Константина болѣе характера и оттого онъ совершенно владѣетъ старшимъ братомъ, что не мѣшаетъ, однако, ихъ взаимному довѣрiю. Описывая наружность жениха своихъ дочерей, герцогиня не безъ самодовольства прибавляетъ, что при дворѣ всѣ удивляются красотѣ молоденькихъ принцессъ.

О душевныхъ качествахъ Константина она сообщала: «у него такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствiя ко всему великому, и въ то же время столько скромности!»

Великiй князь Павелъ Петровичъ прiѣхалъ изъ Гатчины, чтобы познакомиться съ герцогиней, которая, въ благодарность за такое вниманiе его высочества, должна была пойти къ нему съ своими дочерьми для перваго знакомства, и только послѣ этого онъ пришелъ къ нимъ, чтобы отдать визитъ.

Изъ трехъ сестеръ, Константину Павловичу болѣе всего понравилась младшая, Юліана-Генріэтта-Ульрика, родившаяся 23-го сентября 1781 года. Она была брюнетка, небольшого роста, умненькая и находчивая дѣвушка. Вопросъ о бракѣ ея былъ улаженъ очень скоро, и 24-го октября герцогиня писала мужу: «все рѣшено и рѣшено такъ, какъ ты ожидалъ. Звѣзда Юліи взяла верхъ и лучше, что такъ вышло. У нея больше достоинства и характера, нежели у нашей милой, доброй Натты. На взглядъ императрицы всѣхъ красивѣе Софія и она сказала другу нашему, генералу Будбергу: «если бы можно было, я оставила бы всѣхъ трехъ, но такъ какъ Константину жениться, то пусть онъ и выбираетъ».

Женихъ стѣснялся съ невѣстой и однажды, показывая принцессамъ, по приказанію императрицы, Эрмитажъ, разговаривалъ съ герцогинею безъ перерыва, но «съ дѣвицами — по ея замѣчанію — не имѣлъ духу сказать ни одного слова». Послѣ осмотра Эрмитажа, герцогиня пригласила его къ себѣ на чай, онъ «покраснѣлъ до ушей, но съ большимъ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе»; однако и въ гостяхъ у герцогини онъ не рѣшался заговорить съ дѣвицами.

Передъ ужиномъ женихъ взялся за трость и за шляпу и хотѣлъ уходить, но когда герцогиня пригласила его остаться ужинать, то замѣтно было, что онъ очень обрадовался этому приглашенію. На другой день вечеромъ, Константинъ пришелъ къ герцогинѣ и принесъ съ собою гравированный портретъ императрицы. Въ этотъ вечеръ онъ совершенно занялся разговорами съ принцессами, но смотрѣлъ постоянно на одну только Юлію. Она въ этотъ вечеръ была чрезвычайно хороша, въ атласной туникѣ небесно-голубого цвѣта и съ гирляндою изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. Константинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ принцессы играли на клавикордахъ и пѣли. Принцесса Софія стала рисовать пирожницу, которая стоитъ на улицѣ, но Константину хотѣлось, чтобъ она нарисовала двухъ гусаровъ. Принцесса исполнила его желаніе и онъ былъ въ восторгѣ отъ этого рисунка. Въ этотъ вечеръ онъ постоянно говорилъ понѣмецки, замѣтивъ, что его ломанная нѣмецкая рѣчь забавляетъ дѣвушекъ. Онъ шутилъ безпрестанно съ двумя

старшими изъ нихъ, но не затрогивалъ Юлію. И въ этотъ вечеръ, какъ и въ предшествовавшій, онъ остался ужинать у герцогини. Великій князь хотѣлъ придти къ ней и на слѣдующій день, но Будбергъ не разрѣшилъ ему этого, въ виду того, что молодому человѣку не слѣдуетъ слишкомъ часто пользоваться предстоящимъ ему счастьемъ, такъ какъ онъ скоро привыкнетъ къ нему.

24-го октября, вечеромъ около 6 часовъ, пришелъ Константинъ къ принцессѣ-матери, чтобъ сдѣлать формальное предложеніе. Онъ цѣлый этотъ день провелъ съ Зубовымъ, который, вмѣстѣ съ Будбергомъ, дѣлалъ ему наставленія по поводу его живости. Онъ вошелъ къ герцогинѣ блѣдный и, потупивъ глаза, дрожащимъ голосомъ сказалъ ей:

— «Madame, je viens vous demander la main de votre fille».

Герцогиня, знавшая уже заранѣе о цѣли его посѣщенія, приготовила было—какъ она сама разсказывала—торжественную рѣчь, но вмѣсто того, чтобъ начать говорить ее, громко зарыдала. Женихъ прослезился и прижалъ къ губамъ руку своей будущей тещи. Когда герцогиня успокоилась, то стала говорить Константину Павловичу, что его попеченію ввѣряетъ судьбу своей дочери, что чувства къ нему невѣсты дадутъ ему возможность составить ея счастіе и въ заключеніе сказала, что съ этой минуты судьба и счастіе ея дочери зависятъ отъ него.

Послали за Юліей; съ блѣднымъ личикомъ вошла она въ комнату къ матери. Константинъ Павловичъ молча поцѣловалъ ея руку, а она, не говоря ни слова, заплакала.

— Не правда-ли, вы современемъ полюбите меня? — проговорилъ Константинъ Павловичъ.

Юлія, съ выраженіемъ нѣжности взглянувъ на него, прошептала: «Да, я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ».

— Боже мой! отчего отецъ не можетъ видѣть всего этого! — невольно вскрикнула герцогиня, и, при упоминаніи объ отцѣ, Юлія заплакала навзрыдъ. Константинъ Павловичъ взялъ ее за обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и сказалъ по французски: «клянусь вамъ передъ Богомъ, что вы увидите вашего батюшку; обѣщаю, что повезу васъ въ Германію, не знаю

только когда, потому что это будетъ зависѣть отъ ея величества, но что я обѣщаю, того я крѣпко держусь — вы увидите вашего батюшку и я увижу его». Потомъ, обратясь къ принцессѣ-матери, сказалъ ей: «вы ее увидите, обѣщаю вамъ это».

Весь вечеръ Константинъ Павловичъ провелъ у невѣсты и, сидя подлѣ ея матери, на ручкѣ дивана, цѣловалъ руку у своей будущей тещи, повторяя: «какъ я люблю васъ», а самъ взглядывалъ на Юлію, давая тѣмъ самымъ понять ей, къ кому должны относиться эти нѣжности.

На другой день невѣста и мать ея посѣтили императрицу, которую застали за окончаніемъ туалета. Она приняла своихъ гостей чрезвычайно любезно, по крайней мѣрѣ разъ двадцать поцѣловала Юлію и сказала ея матери: «могу вамъ сообщить, что дочь ваша столько же нравится Константину, сколько и публикѣ».

Помолвка Константина Павловича послѣдовала 25-го октября, а 7-го ноября былъ назначенъ выѣздъ герцогини изъ Петербурга. Отпуская отъ себя ее и ея двухъ старшихъ дочерей, императрица прислала ей цѣлый ящикъ съ бриллiантовыми вещами: ей самой — бриллiантовое ожерелье, серьги, цвѣтокъ на голову, пару жемчужныхъ браслетовъ и кольцо съ огромнымъ бриллiантомъ; двумъ старшимъ дочерямъ — каждой: ожерелье, серьги, кольцо и цвѣтокъ на голову; невѣстѣ — бриллiантовый головной уборъ и великолѣпные браслеты. Придворной ихъ дамѣ—кольцо и серьги. Кромѣ того, герцогинѣ былъ присланъ вексель для полученія въ Лейпцигѣ 80,000 рублей для нея самой, и для каждой изъ двухъ ея дочерей по 50,000 рублей. Придворной ихъ дамѣ, сверхъ упомянутыхъ выше подарковъ, дано было 3,000 рублей, а прислуга принцессы получила дорогіе подарки.

30-го октября, былъ спектакль въ Эрмитажѣ; 31-го, ужинъ у великаго князя Александра Павловича; 1-го ноября, принцесса и ея дочери провели цѣлый день съ императрицею въ Таврическомъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни гостьи императрицы осматривали достопримѣчательности Петербурга. 5-го ноября, былъ во дворцѣ великолѣпный маскарадъ, въ которомъ явились костюмированные представители всѣхъ племенъ, населяющихъ

Россію. 6-го ноября, послѣ вечерняго собранія въ Эрмитажѣ, герцогиня простилась съ императрицею и ея семействомъ, а въ слѣдующій день утромъ отправилась съ двумя своими дочерьми въ обратный путь.

Герцогиня не только была чрезвычайно довольна тѣмъ, что для дочери представилась такая блестящая партія, но и была увѣрена, что Юлія въ бракѣ съ Константиномъ Павловичемъ найдетъ семейное счастіе. Герцогиня чувствовала безпредѣльную радость при мысли, что она оставляетъ свою дочь въ семействѣ Екатерины; о Константинѣ же Павловичѣ она говорила, что ни одного зятя она не будетъ любить столько, какъ этого, добавляя, что нельзя найти другого такого умнаго и съ такимъ честнымъ сердцемъ; она твердо надѣялась, что Юлія будетъ вполнѣ счастлива въ томъ семействѣ, въ которое она вступила при такой благопріятной обстановкѣ. Не всѣ, однако, раздѣляли розовыя надежды герцогини, а Ростопчинъ, въ письмѣ къ Воронцову, уже и тогда жалѣлъ о молодой дѣвушкѣ, не предсказывая ей сладкой доли съ ея своенравнымъ женихомъ.

По отъѣздѣ матери, Юлію помѣстили на жительство съ великими княжнами, подъ попеченіемъ баронессы Ливенъ. Она стала обучаться закону Божьему православнаго исповѣданія и русскому языку, преподавателемъ котораго былъ назначенъ состоявшій при великомъ князѣ Константинѣ маіоръ Муравьевъ. 2-го февраля 1796 года, принцесса приняла православную вѣру.

Въ офиціальномъ «Описаніи мѵропомазанія ея свѣтлости Юліаны-Генріэтты» упоминается, что всѣ молитвы читаны были ею съ точностію и ясностію. Воспреемницею ея была великая княжна Александра Павловна, таинство мѵропомазанія совершалъ митрополитъ Гавріилъ, причемъ принцесса была наречена Анною Ѳеодоровною. 3-го февраля, происходило въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе великой княжны съ Константиномъ Павловичемъ. Обручалъ ихъ митрополитъ Гавріилъ; послѣ обмѣна перстней обручавшіеся приносили государынѣ «съ колѣнопреклоненіемъ достодолжную свою благодарность». По обрученіи повелѣно было именовать невѣсту великою княжною. 15-го февраля, происходило бракосочетаніе Константина Павловича.

Наличныя войска, бывшія въ Петербургѣ, въ числѣ 8,672 человѣкъ, находились въ строю на Дворцовой площади и въ прилегающихъ къ ней улицахъ. Во дворецъ съѣхались приглашенные и знатное духовенство. Статсъ-дамы одѣвали подъ вѣнецъ невѣсту. Духовникъ императрицы совершалъ обрядъ вѣнчанія, а вѣнцы, которые были поднесены придворными священниками, держали: надъ женихомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, а надъ невѣстою генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. По окончаніи параднаго обѣда, начался въ шесть часовъ вечера балъ, предъ окончаніемъ котораго великій князь Александръ Павловичъ съ великою княгинею Елисаветою Алексѣевною уѣхали въ Мраморный дворецъ для встрѣчи молодыхъ, которые отправились туда торжественнымъ поѣздомъ, въ сопровожденіи придворнаго штата, лейбъ-гусаровъ и конвоя отъ Конногвардейскаго полка. Шесть гусаръ ѣхали съ зажженными факелами около поѣзда. Молодые, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, отправились изъ Зимняго дворца въ Мраморный, въ парадной каретѣ, заложенной восемью лошадьми. Петропавловская и Адмиралтейская крѣпости и весь городъ были иллюминованы. Разумѣется, что всѣ выходы императрицы и важные моменты этихъ торжествъ сопровождались «играніемъ на трубахъ при битіи литавръ» и пушечною пальбою, а за обѣдомъ играла «камерная вокальная и инструментальная музыка».

18-го февраля, былъ устроенъ передъ Зимнимъ дворцомъ народный праздникъ. Онъ состоялъ въ томъ, что жареные быки были положены на двухъ возвышенныхъ пирамидахъ, украшенныхъ позолотою, лентами, цвѣтами, и покрыты шелковымъ покровомъ; а вино бѣлое и красное било изъ двухъ фонтановъ, украшенныхъ такъ-же роскошно, какъ и пирамиды. Празднества различнаго рода съ нѣкоторыми промежуточными днями продолжались при дворѣ до 27-го февраля. Въ этотъ день они закончились великолѣпнымъ фейерверкомъ, сожженнымъ на Невѣ, противъ Зимняго дворца.

По случаю этого брака, въ Петербургѣ, нѣкто де-Люси написалъ торжественное стихотвореніе, на французскомъ язы-

Великій князь Константинъ Павловичъ.

Съ гравированнаго портрета Броше.

кѣ. То же сдѣлалъ въ Москвѣ нѣкто Бодуэнъ. Изъ нѣмцевъ Рейнбекъ напечаталъ, и въ Готѣ и въ Петербургѣ, драматическое представленіе, примѣнительно къ настоящему торжеству, а какой-то г. *** издалъ въ Петербургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, разсказъ о добродѣтельной женщинѣ, съ прозрачнымъ указаніемъ, что подъ этою женщиною подразумѣвается юная супруга великаго князя. Понятно, что всѣ эти произведенія не имѣютъ никакого историческаго значенія, и не только поэтическихъ, но и вообще никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Придворный штатъ молодыхъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ лицъ: трехъ фрейлинъ при великой княгинѣ и трехъ при ней камергеровъ и трехъ камеръ-юнкеровъ; столько же камергеровъ и камеръ-юнкеровъ положено было и при великомъ князѣ. Гофмаршаломъ ихъ двора назначенъ полковникъ князь Борисъ Голицынъ.

ГЛАВА VI.

Отношенія великаго князя Константина Павловича къ отцу.—Дядька Сафоновъ.—Назначеніе Константина Павловича начальникомъ Перваго кадетскаго корпуса.—Взглядъ его на военную службу.—Отправленіе въ Швейцарію, въ армію Суворова.—Пребываніе въ Вѣнѣ.

Съ самаго своего рожденія, Константинъ Павловичъ, какъ и старшій его братъ, былъ отлученъ отъ своихъ родителей, жившихъ постоянно въ Гатчинѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, отчужденность эта доходила до того, что подросшіе великіе князья не видали отца и матери по цѣлымъ мѣсяцамъ. Павелъ Петровичъ могъ по собственному своему желанію видѣться съ ними не иначе, какъ испросивъ предварительно на то разрѣшеніе у Салтыкова; онъ былъ весьма огорченъ этимъ распоряженіемъ, доходившимъ до того, что однажды въ теченіе цѣлаго года Павелъ Петровичъ не видался съ своими сыновьями.

Да и вообще онъ рѣдко ѣздилъ для свиданія съ ними въ Петербургъ и въ Царское Село. Въ случаѣ же его пріѣзда туда, вниманіе къ нему сыновей выражалось въ томъ, что великіе князья облекались въ длинные кафтаны стариннаго прусскаго покроя, подвѣшивали сзади между фалдами огромныя шпаги, надѣвали узкіе галстухи, а на головахъ у нихъ являлись большія пудренныя букли.

Императрица Екатерина II, приближая къ себѣ своихъ внуковъ, держала ихъ, въ то же время, какъ уже замѣчено выше, въ постоянномъ отдаленіи отъ отца. Ѳеодоръ Васильевичъ Ро-

стопчинъ, въ своихъ письмахъ къ графу Семену Романовичу Воронцову, хотя и вдается иногда въ сообщеніе придворныхъ только сплетенъ, тѣмъ не менѣе сообщаетъ нѣсколько не безъинтересныхъ подробностей объ отношеніяхъ великаго князя Константина Павловича, въ 1794—1796 годахъ, къ близкимъ къ нему людямъ. (См. VIII-й томъ «Архива кн. Воронцова»).

Кончина императрицы сразу измѣнила такія отношенія между великими князьями и ихъ родителями. Павелъ Петровичъ тотчасъ приблизилъ къ себѣ ихъ обоихъ и относился къ нимъ какъ къ самымъ преданнымъ друзьямъ. Довѣренность Павла къ Константину на первый разъ выразилась въ томъ, что онъ приказалъ ему присутствовать при разборѣ графомъ Безбородко бумагъ покойной государыни и опечатать бумаги князя Зубова. Матеріальное положеніе Константина Павловича также измѣнилось къ лучшему. Щедрая на награды своимъ любимцамъ, Екатерина была крайне расчетлива тамъ, гдѣ дѣло касалось ея семейства. Великій князь Павелъ Петровичъ во все время ея царствованія находился въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. При Екатеринѣ Константинъ получалъ 100,000 рублей, а супруга его по 70,000 рублей. Павелъ же хотя и назначилъ, 28-го декабря 1796 года, великой княгинѣ только по 60,000 рублей, но зато довелъ сумму содержанія, назначеннаго Константину, до 500,000 рублей. 2-го іюля 1797 года, императоръ пожаловалъ ему въ собственность «Стрѣльную мызу» со всѣми деревнями и угодьями, а 21-го іюля 1797 года, повелѣлъ приписать къ этой мызѣ еще 1,490 душъ изъ деревень, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Кабинета. Императоръ назначилъ великихъ князей командирами гвардейскихъ полковъ, причемъ Константину Павловичу былъ ввѣренъ Измайловскій полкъ. Перемѣна ихъ положенія выразилась прежде всего въ измѣненіи ихъ внѣшности и, по словамъ очевидца Саблукова, оставившаго записки о временахъ Павла Петровича, они, явившись въ мундирахъ гатчинской формы, напоминали собою «старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ». На другой день воцаренія Павла, Константинъ вступилъ въ Петербургъ во главѣ командуемаго имъ полка, составившаго, по повелѣнію императора, часть ста-

раго, настоящаго Измайловскаго полка. Не смотря на ту любовь, которую выражалъ Павелъ своимъ сыновьямъ, оба они смертельно боялись своего отца и, когда онъ хоть сколько-нибудь сердито смотрѣлъ на нихъ, они блѣднѣли и дрожали. Опасаясь за себя, они искали покровительстка у лицъ, приближенныхъ къ императору, вмѣсто того, чтобы имъ самимъ, по ихъ высокому положенію, пользоваться значеніемъ у государя. Вслѣдствіе этого они мало внушали къ себѣ сочувствія и не пріобрѣтали никакой популярности даже и въ войскѣ. Князья Чарторижскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ; изъ нихъ Константинъ поступилъ на эту должность къ своему тезкѣ. Назначеніе это возбудило, однако, множество толковъ, кончившихся тѣмъ, что оба Чарторижскіе испросили себѣ увольненіе отъ своихъ должностей...

Съ воцареніемъ Павла участь обоихъ великихъ князей сдѣлалась одинакова: для него Александръ не былъ «единственнымъ», какимъ онъ былъ въ глазахъ баловавшей его бабушки, и, даже напротивъ, по словамъ Ростопчина, императоръ отдавалъ предпочтеніе Константину, что̀, какъ мы увидимъ, подтверждаетъ и другой современникъ, графъ Е. Ѳ. Комаровскій. Въ свою очередь, какъ замѣчаетъ Ростопчинъ, и Константинъ восторгался своимъ отцомъ. Теперь оба брата, будучи командирами гвардейскихъ полковъ, почти-что ежедневно, за малѣйшія ошибки командуемыхъ ими войскъ, сдѣланныя на парадахъ и ученьяхъ, выслушивали выговоры, внушенія и замѣчанія, вслѣдствіе чего они, съ своей стороны, подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ и сажали офицеровъ подъ арестъ. Вскорѣ Александръ Павловичъ былъ назначенъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ Павловичъ высказалъ желаніе быть инспекторомъ всей кавалеріи. Званіе это не было, однако, предоставлено ему тотчасъ и онъ, для полученія этой обязанности, долженъ былъ заняться подготовкой, для чего подъ начальство его было отдано пять эскадроновъ Конногвардейскаго полка, удаленныхъ изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ онъ и обучалъ ихъ гарнизонной службѣ.

Послѣ увольненія отъ должности адъютанта, князя Константина Чарторижскаго, къ Константину Павловичу былъ назна-

ченъ на его мѣсто офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ), оставившій послѣ себя «Записки», въ которыхъ встрѣчаются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о Константинѣ Павловичѣ. Кромѣ Комаровскаго, императоръ Павелъ Петровичъ приставилъ къ великому князю, подъ видомъ адъютанта, дядьку — пожилого офицера Измайловскаго полка, Сафонова, обязанность котораго была: доносить государю о всѣхъ дѣйствіяхъ Константина Павловича и ничего не скрывать. Переговоривъ предварительно съ глазу-на-глазъ съ Сафоновымъ, Павелъ Петровичъ привелъ его къ своему сыну и сказалъ ему:

— Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю. Онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ видѣть въ немъ довѣренную мою особу.

Послѣ того императоръ съ веселымъ видомъ пошелъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и, представивъ ей Сафонова, котораго держалъ за руку, сказалъ ей:

— Я нашелъ такого человѣка, какого я искалъ для Константина.

Рекомендуя своего новаго адъютанта Комаровскому, великій князь съ притворно-веселымъ лицомъ сказалъ ему: «прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу. Онъ — хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но для меня гораздо болѣе этого званія». Вскорѣ, однако, по словамъ Комаровскаго, великій князь взялъ надъ своимъ податливымъ приставникомъ такой верхъ, что Сафоновъ сдѣлался его льстецомъ и ни разу не донесъ на него императору.

Когда императоръ Павелъ Петровичъ поѣхалъ, послѣ своей коронаціи, изъ Москвы по Россіи, то онъ взялъ съ собою Константина Павловича и по возвращеніи изъ этого путешествія назначилъ его начальникомъ Перваго кадетскаго корпуса. Великій князь съ чрезвычайнымъ усердіемъ принялся за свои новыя обязанности и каждый день, утромъ въ 5 часовъ, являлся въ корпусъ, гдѣ въ это время нѣсколько сотъ дѣтей вставало и одѣвалось по барабану. Главнымъ, впрочемъ, занятіемъ Константина Павловича въ царствованіе его отца была фронтовая,

а отчасти и гарнизонная служба. Ежедневно онъ и старшій его братъ обязаны были являться на вахтъ-парады и ученья. Такія занятія для великаго князя, любившаго, какъ мы уже видѣли изъ отчетовъ Лагарпа, военное дѣло, не были нисколько отяготительны. Онъ съ жаромъ предавался имъ и, по выраженію Комаровскаго, «радость великаго князя бывала чрезмѣрная», когда императоръ оставался доволенъ его командою, и онъ приходилъ въ отчаяніе, когда навлекалъ на себя гнѣвъ родителя.

Въ 1798 году, онъ былъ назначенъ, во время пребыванія государя въ Петергофѣ, тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. Главная обязанность великаго князя по этой временной должности состояла въ томъ, чтобъ находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ ежедневно императору. Однажды Павелъ Петровичъ, до принятія имъ такого рапорта, распростился съ Константиномъ Павловичемъ, который, полагая поэтому, что государь отпустилъ его окончательно, сѣлъ въ кабріолетъ и поѣхалъ кататься по Петергофу. Между тѣмъ, когда явился караульный офицеръ, императоръ не захотѣлъ принимать отъ него рапортъ, требуя, чтобы при этомъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ. Кинулись искать великаго князя повсюду, но нигдѣ не могли найти его. Государь былъ внѣ себя отъ гнѣва и только послѣ долгаго упорства принялъ представляемый ему рапортъ. Узнавъ объ этомъ, но уже поздно, Константинъ былъ чрезвычайно встревоженъ и сказалъ явившемуся къ нему на другой день утромъ адъютанту Комаровскому: «я цѣлую ночь почти не спалъ». Онъ рѣшился написать письмо къ государю, но письмо было возвращено не распечатаннымъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ къ великому князю полковникъ Обрѣзковъ и сказалъ ему: «Государь знаетъ, что ваше высочество сегодня не здоровы, а потому и изволилъ приказать мнѣ подать ему вашъ рапортъ». Константинъ понялъ, что находился въ страшной опалѣ, и эта мысль, по словамъ Комаровскаго, «довершила его отчаяніе». Затруднительное положеніе его еще болѣе усилилось, когда онъ получилъ отъ императора приглашеніе прогуляться съ его величествомъ въ колясочкѣ, что̀ было, конечно, насмѣшкою надъ вчерашнею

его неисправностью. Комаровскій разсказываетъ, что Константинъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и потомъ, бросившись къ нему на шею, вскрикнулъ: «мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, исполни ее: пойди сейчасъ къ Кутайсову, скажи ему, въ какомъ я отчаяніи, и чтобъ онъ испросилъ у государя одной милости — выслушать меня». Кутайсовъ, узнавъ отъ Комаровскаго, въ чемъ дѣло, обѣщался исполнить просьбу великаго князя. Когда же Комаровскій, погодя немного, пошелъ къ Кутайсову за отвѣтомъ, то встрѣтилъ на дорогѣ императора, который, разговорившись съ адъютантомъ своего сына, сказалъ ему между прочимъ: «я расчитывалъ на привязанность одного только Константина, но сдѣланный имъ наканунѣ поступокъ заставилъ меня думать, что и онъ предался противной партіи». Наконецъ, выслушавъ объясненіе Комаровскаго, онъ простилъ великаго князя и позволилъ ему подать рапортъ при разводѣ.

Сдѣлавшись самъ усерднымъ служакою, Константинъ Павловичъ былъ крайне требователенъ къ своимъ подчиненнымъ во всемъ, что относилось къ исполненію службы, строевому обученію и къ формѣ въ одеждѣ. О томъ — какими понятіями о значеніи военной службы руководствовался онъ около этой поры, можно лучше всего заключить изъ собственноручныхъ его замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ Лагарпа, относящихся къ 1794 году и напечатанныхъ въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества». Въ нихъ пятнадцатилѣтній «носитель шлема» высказывалъ: «офицеръ есть ничто иное, какъ машина; все, что командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость». Въ силу этого правила несовершеннолѣтній юноша вдавался въ самые крайніе выводы о необходимости поддержанія дисциплины, давая просторъ, — въ своихъ фантастическихъ замѣткахъ,— самому неограниченному произволу начальниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Павловичъ полагалъ, что «фантазія начальника можетъ сдѣлать подчиненнаго своимъ слугою, который и можетъ быть употребляемъ на все».

При исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ иногда примѣнялъ къ дѣлу свои теоретическія воззрѣнія, будучи чрезвы-

чайно строгъ и вспыльчивъ въ обращеніи со всѣми. На ученіяхъ онъ поворачивалъ каждаго рекрута налѣво и направо, заставлялъ шагать его взадъ и впередъ, приподнималъ ему подбородокъ, подтягивалъ портупею и ремни у ранца, поправлялъ на головѣ его шляпу, давая повременамъ чувствительно понять неудовольствіе свое противъ неуклюжихъ или неповоротливыхъ служивыхъ. То же самое, кромѣ развѣ послѣдней прибавки, онъ дѣлалъ и съ офицерами, при чемъ переходилъ очень часто границы предоставленныхъ ему по «военному уставу» правъ. Бывшій въ ту пору въ Петербургѣ, по дѣламъ Мальтійскаго ордена, іезуитъ аббатъ Жоржель, писалъ о Константинѣ Павловичѣ, что онъ является противоположностію своему брату, что онъ не имѣетъ привлекательной и располагающей наружности, извѣстенъ въ публикѣ своимъ отвращеніемъ къ наукамъ, странностями, вспыльчивостію, и что военные его не любятъ. Допуская съ своей стороны нарушенія «воинскаго устава» въ пользу своей личной власти и въ то же время зная, что императоръ крайне не любилъ подобныхъ нарушеній, Константинъ Павловичъ побаивался попасть за это подъ военный судъ. Саблуковъ разсказываетъ, что эта боязнь великаго князя служила ему, Саблукову, щитомъ противъ вспыльчивости и горячности Константина. «Одно упоминаніе о военномъ судѣ было, по словамъ Саблукова, для великаго князя Медузиною головою, которое оцѣпеняло ужасомъ его императорское высочество». Впослѣдствіи, однако, когда, въ 1829 г., Саблуковъ встрѣтился съ нимъ въ Дрезденѣ, великій князь благородно признался, что былъ постоянно не правъ передъ нимъ. «Мнѣ очень пріятно, — пишетъ Саблуковъ, — засвидѣтельствовать, что великій князь Константинъ Павловичъ, — хотя и подвергавшійся строгому осужденію, не былъ, однако, какъ представляютъ его многіе, лишенъ добродѣтели, и прежде всего смиренія и доброжелательства».

Жизнь Константина Павловича въ царствованіе его родителя проходила хотя и весьма хлопотливо и весьма дѣятельно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно однообразно. Во время пребыванія императора въ Петербургѣ, онъ каждый день раннимъ утромъ долженъ былъ являться на вахтъ-парады, послѣ того

онъ ѣздилъ по ввѣреннымъ ему частямъ гвардіи на ученія, на смотры, готовился къ парадамъ, отбывалъ ихъ, а лѣтомъ и осенью велъ лагерную и бивуачную жизнь на продолжительныхъ маневрахъ, происходившихъ преимущественно въ окрестностяхъ Гатчины. Довольствуясь, повидимому, фронтовыми занятіями и военными экзерциціями, онъ тѣмъ не менѣе,—какъ сообщалъ объ этомъ еще и прежде герцогинѣ Саксенъ-Кобургской,—очень желалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и случай этотъ ему представился, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, были отправлены въ Италію для завоеванія ея у овладѣвшихъ ею французовъ.

Императоръ Павелъ посылалъ Константина въ Италію какъ для того, чтобы придать болѣе важности этой кампаніи, такъ и для того, чтобы удовлетворить его желаніе. Что Константинъ Павловичъ желалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, это можно заключить и изъ письма императора Павла, писаннаго къ нему, по французски, отъ 30-го декабря 1798 года.

«Мнѣ очень пріятно, — писалъ Павелъ, — имѣть сына съ такими чувствами, каковы ваши, мой любезный Константинъ. При этомъ скажу вамъ, мой дорогой другъ, что Голицынъ ведетъ только вспомогательный корпусъ, состоящій на жалованьи у Англіи, а корпусъ Розенберга состоитъ на жалованьи у Австріи. Я вовсе не желалъ бы, чтобъ русскій великій князь участвовалъ въ такомъ походѣ. Впрочемъ, быть можетъ, обстоятельства будутъ таковы, что для насъ представится случай отправиться въ походъ на нашъ собственный счетъ».

Теперь такой случай оказался и притомъ случай самый блестящій: армія Суворова шла въ Италію не наемницею, но спасительницею царей и императору Павлу представились теперь самыя благопріятныя обстоятельства для того, чтобы сдѣлать Константина участникомъ этого похода. Великому князю не было дано никакого опредѣленнаго назначенія, а дозволено только было находиться волонтеромъ при фельдмаршалѣ графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія Константина Павловича въ предстоящемъ ему пути, а также для попеченія о немъ въ бытность его при арміи, былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ екатери-

нинскихъ генераловъ — генералъ-отъ-инфантеріи Дерфельденъ. Константинъ Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 11-го марта с. с. 1799 года. Ростопчинъ писалъ Воронцову, что Измайловскій полкъ плакалъ, разставаясь съ своимъ шефомъ, который, однако, для полка былъ такимъ требовательнымъ и строгимъ начальникомъ. Свиту великаго князя, кромѣ Дерфельдена, составляли: генералъ-маіоръ Сафоновъ, находившійся при немъ въ родѣ дядьки, адъютанты его: полковникъ Комаровскій и Лангъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Озеровъ, и адъютантъ Дерфельдена — поручикъ Перскій, докторъ великаго князя, Вельценъ, хирургъ Линдстремъ, два пажа: Храповицкій и князь Гагаринъ, и берейторъ Штраубе. Экономической частью завѣдывалъ Сафоновъ, письменною Комаровскій. Великій князь, Дерфельденъ, Сафоновъ и Комаровскій ѣхали въ одной каретѣ.

На другой день по отъѣздѣ Константина Павловича изъ Петербурга, выѣхала къ своимъ родителямъ въ Кобургъ супруга великаго князя, Анна Ѳеодоровна. Ее сопровождали: шталмейстеръ Тутолминъ съ женою, камергеръ Чичаговъ, статсъ-дама Ренне съ дочерью и фрейлина графиня Воронцова.

Мѣстомъ первой остановки великаго князя, ѣхавшаго подъ именемъ графа Романова, была Митава. Здѣсь жилъ тогда братъ погибшаго на эшафотѣ короля Людовика XVI, признаваемый европейскими державами, а въ числѣ ихъ и Россіею, королемъ французскимъ подъ именемъ Людовика XVIII. Король съ чрезвычайнымъ вниманіемъ встрѣтилъ представившагося ему Константина Павловича, взялъ его за руку и, введя въ гостиную, указалъ на портретъ Павла Петровича, сказавъ: «c'est mon bienfaiteur». Великій князь обѣдалъ у короля и, отправившись послѣ того изъ Митавы, ѣхалъ довольно медленно, по причинѣ весенней распутицы.

На австрійской границѣ его встрѣтилъ и привѣтствовалъ отъ имени римско-нѣмецкаго императора молодой князь Эстергази, а во время проѣзда великаго князя, оставившаго вскорѣ прежнее инкогнито, по австрійскимъ владѣніямъ, ему отдавались всевозможныя воинскія почести. На послѣднюю станцію передъ Вѣною выѣхалъ ему на встрѣчу его дядя, герцогъ Фер-

динандъ Виртембергскій, состоявшій въ службѣ нѣмецкаго императора и бывшій въ то время губернаторомъ Вѣны. Въ столицѣ императора встрѣтили великаго князя съ большимъ почетомъ, а когда онъ появился въ ложѣ въ оперномъ театрѣ, то раздались общія громкія и продолжительныя рукоплесканія. Великому князю было приготовлено помѣщеніе въ Бургѣ, императорскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и остановился. Обѣдалъ онъ постоянно съ императоромъ, а свита его за гофмаршальскимъ столомъ. Бывшій тогда въ Вѣнѣ русскимъ посланникомъ, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій давалъ въ честь великаго князя роскошные завтраки и обѣды и устраивалъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Пратерѣ блестящіе балы. Императоръ, по случаю войны, не давалъ празднествъ, но взамѣнъ ихъ угощалъ своего гостя парадами и смотрами. Императоръ далъ ему чинъ генералъ-фельдцейхмейстера и назначилъ его шефомъ гусарскаго полка. Великій князь зажился въ Вѣнѣ, а между тѣмъ туда доходили безпрестанно вѣсти объ успѣхахъ Суворова въ верхней Италіи. Главный приставникъ Константина Павловича, генералъ Дерфельденъ, поторапливалъ великаго князя, говоря, что онъ, Дерфельденъ, знаетъ хорошо Суворова, который такъ скоро порѣшитъ дѣло, что они, пожалуй, ничего не застанутъ. Во время пребыванія великаго князя въ столицѣ Австріи, императоромъ Францемъ былъ утвержденъ договоръ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, который и былъ при этомъ назначенъ главнокомандующимъ цесарскою арміею, дѣйствовавшею на Рейнѣ.

Въ виду этого назначенія, императоръ предложилъ Константину Павловичу, не пожелаетъ-ли онъ отмѣнить поѣздку въ Италію и ѣхать на Рейнъ, чтобъ участвовать тамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ командою своего будущаго зятя. Великій князь не рѣшился принять предложеніе императора, ссылаясь на то, что онъ не можетъ сдѣлать это безъ соизволенія своего родителя. Оказалось, что великій князь поступилъ въ этомъ случаѣ весьма осмотрительно, такъ какъ, когда обо всемъ этомъ узналъ Павелъ, то онъ, благодаря черезъ графа Разумовскаго императора за предложеніе, сдѣланное Константину Павловичу, прибавилъ: «но какъ я поручилъ его попеченіямъ генерала

Дерфельдена, которому назначено принять начальство надъ корпусомъ Розенберга, а въ случаѣ нужды, заступить даже мѣсто фельдмаршала графа Суворова, то я предпочитаю, чтобъ великій князь Константинъ Павловичъ продолжалъ путь по прежнему своему назначенію въ Италію, откуда, впослѣдствіи, судя по обстоятельствамъ, онъ можетъ отправиться и къ рейнской арміи».

Великій князь пробылъ въ Вѣнѣ съ 15-го по 19-е апрѣля н. с. и, уѣзжая оттуда, роздалъ много дорогихъ подарковъ австрійскимъ вельможамъ, по росписанію, составленному заранѣе въ Петербургѣ канцлеромъ княземъ Безбородко. Князю Эстергази приказано было императоромъ сопровождать Константина Павловича до главной квартиры союзной арміи. 24-го апрѣля, великій князь прибылъ въ Верону. Генералъ Край, начальствовавшій австрійскими войсками на Минчіо, пригласилъ его на открытіе траншей противъ крѣпости Пескіеры, но Константину Павловичу не привелось быть свидѣтелемъ или участникомъ осады этой крѣпости, такъ какъ на другой день Пескіера сдалась безъ боя и онъ торжественно въѣхалъ въ Пескіеру съ австрійскими войсками, вступившими въ эту крѣпость. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ нея, направляясь чрезъ Бресшію, Кремону и Лоди. Всюду на пути великаго князя собирались жители и привѣтствовали его радостными восклицаніями. 26-го апрѣля, онъ пріѣхалъ въ Вочеру, спустя только часъ по прибытіи туда Суворова, которому онъ и представился немедленно. На другой день фельдмаршалъ явился къ своему высокому волонтеру и представилъ ему строевой рапортъ о состояніи русскихъ и австрійскихъ войскъ. Отобѣдавъ у Суворова, Константинъ Павловичъ отправился въ русскій лагерь, расположенный у рѣки Дорно, и здѣсь остался въ главной квартирѣ генерала Розенберга.

Съ этого времени начинается боевое поприще будущаго цесаревича.

ГЛАВА VII.

Боевая служба великаго князя Константина Павловича. — Отношенія къ Суворову.—Участіе въ сраженіи при Нови.— Награжденіе орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Участники побѣдъ Суворова въ Италіи и его похода въ Швейцарію справедливо покрыты въ военной нашей исторіи заслуженною ими славою — всѣ, начиная отъ главнаго полководца до послѣдняго солдата. Къ числу такихъ участниковъ, или—говоря нѣсколько торжественнѣе — сподвижниковъ Суворова, принадлежалъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Въ историческихъ нашихъ сочиненіяхъ личность его замѣтно выдвигается впередъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ участниковъ суворовской кампаніи находились лица, не только равнявшіяся своими подвигами съ Константиномъ Павловичемъ, но, можетъ быть, и превосходившія его; но исключительное или, вѣрнѣе сказать, привилегированное положеніе великаго князя, конечно, заставляло обращать на него особенное вниманіе и упоминать о немъ даже въ такихъ случаяхъ, которые въ отношеніи другихъ соратниковъ знаменитаго нашего полководца прошли бы совершенно безслѣдно. По всему этому въ душу историка могло бы закрасться какое-то невольное сомнѣніе при чтеніи засвидѣтельствованій о подвигахъ такого волонтера, который былъ окруженъ блестящею свитою, которому воздавались почти царскія почести и которому, какъ «сыну природнаго своего государя», верховный вождь союзныхъ армій, Суворовъ, съ благоговѣйною почтительностью представлялъ

рапорты. Но все это не даетъ безпристрастному историку права сомнѣваться безусловно въ похвальныхъ отзывахъ о храбрости и мужествѣ великаго князя Константина Павловича. Если исключительное его положеніе доставляло ему, сравнительно съ боевыми сотоварищами, съ бо́льшею легкостью похвалы военнымъ его доблестямъ, то, съ другой стороны, то же самое положеніе и умѣряло пылкость двадцатилѣтняго юноши, готоваго кинуться, неосмотрительно, въ отчаянный бой. Суворовъ дѣйствительно берегъ великаго князя. Онъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «опасности, которымъ ваше высочество можете быть подвержены, заставляютъ меня думать, что я не переживу васъ, если съ вами случится какое-нибудь несчастіе». Суворовъ высказывалъ, между прочимъ, опасеніе, что если великій князь будетъ взятъ въ плѣнъ, то Россія, для избавленія его, должна будетъ подписать тяжелый для нея миръ съ Франціею. Понятно, что такія высокія особы, хотя бы и являющіяся въ качествѣ волонтеровъ, своимъ присутствіемъ въ арміи стѣсняютъ какъ полководца, распоряжающагося общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій, такъ и начальниковъ тѣхъ отдѣльныхъ частей, къ которымъ примкнутъ эти особы, и не подлежитъ сомнѣнію, что великій князь Константинъ Павловичъ — говоря по-просту — составлялъ для Суворова не малое затрудненіе. Онъ съ горячностью молодого воина рвался въ самый пылъ битвы, а это, конечно, составляетъ одинъ изъ признаковъ безотчетной храбрости, свойственной тому возрасту, въ которомъ тогда находился великій князь. Но Суворову такіе именно отважные порывы царственнаго волонтера и приходились не по вкусу: великій князь могъ и самъ очутиться въ опасномъ положеніи, и увлечь съ собою другихъ на вѣрную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безполезную погибель.

Главными описателями подвиговъ великаго князя въ италіано-швейцарской кампаніи являются: во-первыхъ, Суворовъ въ своихъ реляціяхъ и въ приказахъ по арміи и, во-вторыхъ, Комаровскій, адъютантъ и неразлучный спутникъ Константина Павловича въ этомъ походѣ. Комаровскій въ 1811 году напечаталъ, безъ подписи своего имени, въ издававшемся тогда «Военномъ Журналѣ» описаніе похода русскихъ въ Италію и

разумѣется, что въ этомъ описаніи первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Константинъ Павловичъ. Конечно, суровая историческая критика можетъ отнестись недовѣрчиво къ этимъ главнымъ источникамъ, но едва-ли позволительно сдѣлать это не только при отсутствіи какихъ-либо противъ нихъ опроверженій, и особенно въ виду тѣхъ отзывовъ о личной храбрости Константина Павловича, которые впослѣдствіи долго, хотя и не безъ нѣкоторыхъ противорѣчій — напримѣръ, со стороны партизана Давыдова — слышались среди его сотоварищей по оружію.

Мы приведемъ тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились объ участіи великаго князя въ италіанской кампаніи, совершенной имъ подъ начальствомъ и вблизи Суворова. Въ разсказахъ объ этомъ нѣтъ ничего чудеснаго и невѣроятнаго, и великій князь представляется только храбрымъ и, порою, запальчивымъ офицеромъ-юношей, а въ такихъ его качествахъ, конечно, никто и никогда не могъ сомнѣваться.

Боевая служба великаго князя началась 16-го (27-го) апрѣля поѣздкою къ городку Валенца, около котораго стояли французы, и безстрашіе Константина Павловича въ этомъ случаѣ выразилось въ томъ, что онъ приблизился къ непріятельской линіи на ружейный выстрѣлъ, такъ что кругомъ его летали пули. 19-го (30-го) апрѣля, въ окрестностяхъ Валенцы, при Бассиньяно, онъ, во главѣ двухъ ротъ, бросился въ атаку противъ деревеньки Пиччето, занятой непріятелемъ, и подъ сильнымъ огнемъ указалъ мѣсто, гдѣ поставить орудіе. Позиція эта, по словамъ Комаровскаго, была выбрана такъ удачно, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ французская артиллерія замолчала. Не смотря на нѣкоторыя счастливыя частности, общій исходъ сраженія при Бассиньяно былъ, однако, для насъ неудаченъ. Во время этого сраженія царственный волонтеръ рвался въ бой и генералъ Розенбергъ, оправдываясь передъ Суворовымъ въ своей неудачѣ, ссылался на то, что онъ рѣшился вступить въ дѣло только по просьбѣ и по желанію великаго князя. Д. А. Милютинъ, въ «Исторіи войны 1799 года», удивляется такой неумѣстной ссылкѣ заслуженнаго и стараго генерала и не упоминаетъ о дѣйствительномъ виновникѣ неудачи русскихъ

при Бассиньяно — о Константинѣ Павловичѣ [1]). Это, конечно, произошло не отъ пристрастія автора, но оттого, что генералъ Милютинъ не могъ имѣть въ виду неизданныхъ еще, во время составленія его исторіи,» Записокъ» графа Комаровскаго, напечатанныхъ только въ 1867 году, такъ что въ этомъ случаѣ почтенный историкъ руководствовался не всѣми свѣдѣніями. А между тѣмъ графъ Комаровскій сообщаетъ, что Константинъ Павловичъ былъ дѣйствительно виноватъ въ нашей неудачѣ при Бассиньяно, вздумавъ распорядиться слишкомъ энергически и насказавъ горячихъ словъ и рѣзкостей своему командиру, генералу Розенбергу. Когда Розенбергъ не рѣшался вступить въ бой, великій князь, укоряя его въ трусости, сказалъ ему, между прочимъ:

— Вы привыкли служить въ Крыму, тамъ были покойны и непріятеля въ глаза не видѣли [2]).

---

[1]) Обвиняя автора войны 1799 года въ томъ, что онъ не упоминаетъ о дѣйствительномъ виновникѣ неудачи русскихъ при Бассиньяно 1-го (12-го) мая, Е. П. Карновичъ не упоминаетъ о встрѣчѣ великаго князя Константина Павловича съ фельдмаршаломъ Суворовымъ послѣ сраженія, описанной Д. А. Милютинымъ; между тѣмъ эта встрѣча вполнѣ объясняетъ дѣло и снимаетъ упрекъ, о которомъ распространяется Карновичъ.

«Когда великій князь прибылъ въ главную квартиру и явился фельдмаршалу (4-го мая), — пишетъ Д. А. Милютинъ, — Суворовъ просилъ его высочество войти въ кабинетъ и заперъ за собою дверь на замокъ. Чрезъ полчаса великій князь вышелъ съ разстроеннымъ лицомъ и въ слезахъ. Суворовъ провожалъ его съ низкими поклонами, касаясь рукою до пола; но войдя въ ту комнату, гдѣ ожидала свита его высочества, сердито обратился къ адъютантамъ великаго князя: «а вы мальчишки! вы будете мнѣ отвѣчать за его высочество. Если вы пустите его дѣлать то, что онъ теперь дѣлалъ, то я васъ отправлю къ государю». Затѣмъ Суворовъ опять провожалъ великаго князя до крыльца, съ самыми низкими поклонами». (Д. Милютинъ: «Исторія войны 1799 года», т. I, стр. 379).

Разсказъ этотъ записанъ былъ Михайловскимъ-Данилевскимъ со словъ очевидца князя Александра Ивановича Горчакова. Н. Шильдеръ.

[2]) Въ запискахъ Комаровскаго приведены слова великаго князя Константина Павловича въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму; тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали». («Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго». «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. LXIX, стр. 363).

Генералъ Розенбергъ, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ командовалъ въ Крыму войсками и оттуда назначенъ былъ въ италіанскую армію.

Н. Шильдеръ.

Письмо в. к. Константина Павловича императору Павлу. (1788 г.)

Mon très cher Papa.
№ 2

Tout en etant abilier en solda
je n'oublie pas de faire mon dévoir
c'est à dire de vous écrire.
Nous nous amusons extrémement
mais si vous éties ici je m'amusére
d'avantage et je prie dieu
qu'il vous conserve et que
vous nous aimies. Nous avons
un tems horrible. Les suédois
sont des hommes qui ont perdu
l'esprits et qu'ils le roi,
est venu à Stockholm il est tout
droit à l'Opéra
Je suis avec le plus profond respect
votre très obéissant serviteur.

Constantin

ce 8 Septembre.
1788.

Понятно, что послѣ такой странной выходки Константина Павловича, съ которымъ не приходилось тягаться хотя бы и заслуженному и храброму генералу, этому послѣднему не оставалось ничего болѣе, какъ только, вступивъ въ бой, доказать несправедливость мнѣнія, высказаннаго на счетъ его августѣйшимъ волонтеромъ.

Въ сраженіи при Бассиньяно Константинъ Павловичъ подвергся большой опасности. Когда началось отступленіе русскихъ войскъ и когда они, среди общей суматохи, столпились у переправы, лошадь великаго князя чего-то испугалась и со всѣхъ ногъ бросилась въ рѣку. Бывшій около него казакъ Пантелѣевъ остановилъ и вывелъ ее на берегъ. Послѣ этого великій князь переправился черезъ рѣку на маленькой лодкѣ, провелъ ночь въ Мадонна-дель-Граціа и только на другой день утромъ присоединился къ своему отряду.

Фельдмаршалъ былъ встревоженъ этимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздосадованъ исходомъ сраженія при Бассиньяно. Узнавъ, что великій князь подвергался опасности въ этомъ сраженіи, онъ приказалъ окружавшимъ великаго князя не допускать его до подобнаго случая, грозилъ сковать ихъ и отослать на расправу къ императору Павлу. Онъ распорядился усилить конвойныхъ великаго князя, вмѣнивъ имъ въ обязанность быть его тѣлохранителями. При свиданіи же съ нимъ, Суворовъ строго выговаривалъ ему и, какъ разсказываетъ Комаровскій, хотѣлъ-было отдать приказъ по арміи, въ которомъ вся неудача сраженія при Бассиньяно была бы отнесена къ «запальчивости и неопытности юности». «Молодо-зелено, и не въ свое дѣло прошу не вмѣшиваться», повторялъ Суворовъ, когда заходила рѣчь о сраженіи при Бассиньяно въ присутствіи Константина Павловича, не относя прямо къ нему этого поученія.

Мы видѣли, что Саблуковъ сдерживалъ нѣкоторыя выходки Константина Павловича страхомъ военнаго суда. Онъ блѣднѣлъ при одномъ строгомъ словѣ своего отца, а императрица Екатерина замѣтила однажды, что у него отъ страху сдѣлалась лихорадка, и теперь, когда Суворовъ заговорилъ съ нимъ неблагосклоннымъ тономъ, великій князь началъ оказывать ему особенное уваженіе. Великій князь почтительно просилъ у

фельдмаршала позволенія присутствовать въ его кабинетѣ во время доклада бумагъ. Суворовъ согласился на это съ условіемъ, чтобы не мѣшать другъ другу и держать себя каждому изъ нихъ такъ, какъ будто одинъ не видитъ другого. Допущенный подъ этимъ условіемъ въ кабинетъ главнокомандующаго, Константинъ Павловичъ въ точности исполнялъ уговоръ. Войдя къ фельдмаршалу во время его занятій, онъ не кланялся ему, пробирался на цыпочкахъ въ уголокъ, тамъ сидѣлъ смирно, и молча слушалъ доклады и резолюціи Суворова, который и съ своей стороны дѣлалъ видъ, будто вовсе не замѣчаетъ его.

Когда, 15-го (26-го) мая, союзныя войска вступили въ Туринъ, столицу сардинскаго короля, очищенную отъ французовъ, Константинъ Павловичъ находился при австрійскомъ полку князя Лобковича. Для него въ этомъ городѣ приготовленъ былъ великолѣпный дворецъ Карпиньяно, но онъ не пожелалъ остаться въ городѣ и отправился въ Орбассано къ расположенной тамъ русской дивизіи. Изъ Турина союзныя войска двинулись на Алессандрію; во время этого движенія, Константинъ Павловичъ находился постоянно при авангардѣ князя Багратіона и, не смотря на проливной дождь, шелъ почти всю дорогу пѣшкомъ, а на привалахъ отдыхалъ вмѣстѣ съ солдатами на мокрой травѣ. Немедленно по прибытіи, 1-го іюня н. с., въ Алессандрію, онъ посѣтилъ Суворова, который пріѣхалъ туда накапунѣ.

Между тѣмъ генералъ Макдональдъ наступалъ на союзниковъ. Противъ него вышелъ изъ Алессандріи Суворовъ, при которомъ долженъ былъ находиться князь Багратіонъ. Вслѣдствіе этого, начальство надъ войсками авангарда принялъ, вмѣсто Багратіона, Константинъ Павловичъ, которому Суворовъ приказалъ вести авангардъ какъ можно поспѣшнѣе, а вслѣдъ за нимъ идти безостановочно и всей арміи, чтобы поспѣть на помощь войскамъ, тѣснимымъ французами на рѣкѣ Тидоне. Такое порученіе было съ руки запальчивому и кипучему Константину Павловичу и онъ отлично исполнилъ его, приведя колонну на позицію съ необыкновенною быстротою. По поводу этого Суворовъ въ донесеніи своемъ къ императору Павлу писалъ слѣдующее:

«Благовѣрный государь великій князь Константинъ Павловичъ, изъ усердія къ пользѣ общаго блага, быстро привелъ съ неутомимостію передовыя вашего императорскаго величества войска, внушая имъ храбрость и расторопность, командировалъ оныя къ подкрѣпленію слабой части и тѣмъ способствовалъ побѣдѣ».

Французы были отброшены за Тидоне и отступили къ Треббіи. Это произошло 6-го іюня н. с. 1799 года.

На другой день, въ 10 часовъ прекраснѣйшаго италіанскаго утра, русскія войска двинулись къ Треббіи. Константинъ Павловичъ вмѣстѣ съ Суворовымъ находился при правой колоннѣ. Войска перешли вбродъ Тидоне и тогда, при палящемъ зноѣ, завязалось упорное сраженіе, по окончаніи котораго великій князь, вмѣстѣ съ фельмаршаломъ, ночевалъ въ сельскомъ домикѣ, верстахъ въ двухъ отъ поля битвы. На другой день сраженіе возобновилось и союзныя войска заняли снова лѣвый берегъ Тидоне. Великій князь и эту ночь провелъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ. Русскіе готовились къ новой схваткѣ съ непріятелемъ, но въ ночь съ 8-го на 9-е іюня н. с. французы отступили отъ Треббіи, а 10-го іюня армія Суворова, окончательно оттѣснивъ непріятеля съ занятой имъ позиціи, расположилась на дневку при рѣкѣ Арданѣ.

Послѣ пораженія Макдональда при Треббіи, Суворовъ возвратился въ Алессандрію и, въ виду медленности австрійцевъ, долженъ былъ провести тамъ четыре недѣли, занимаясь маневрами. На одномъ изъ этихъ маневровъ, онъ приказалъ великому князю произвести примѣрный приступъ къ стѣнамъ городка. Во все это время Константинъ Павловичъ, находясь въ авангардѣ русскихъ войскъ, жилъ за городомъ, въ лагерѣ, гдѣ для него и для его свиты были разбиты офицерскія и солдатскія палатки. Онъ принималъ постоянное и живое участіе во всѣхъ учебныхъ занятіяхъ войска, присутствовалъ на смотрахъ, командуя частями, осматривалъ осадныя работы, которыя велись противъ Алессандрійской цитадели, и по поводу ихъ бесѣдовалъ съ инженерами. Пользуясь настоящею, а не учебною только военною обстановкою, онъ внимательно вникалъ въ бытъ австрійскихъ и русскихъ солдатъ и требовалъ поддержанія строгой дисциплины.

Алессандрійская цитадель сдалась 11-го (22-го) іюля и тогда Суворовъ приступилъ къ осадѣ Тортоны. Между тѣмъ, въ планѣ исполняемой имъ кампаніи главное значеніе имѣла сильно укрѣпленная Мантуя, обложенная австрійскими войсками. Сдача этой крѣпости замедлилась вслѣдствіе вялыхъ дѣйствій австрійцевъ и русскій военачальникъ долженъ былъ измѣнить свои первоначальныя предположенія, такъ какъ онъ могъ начать дѣйствовать по своимъ соображеніямъ только послѣ паденія Мантуи, сдавшейся австрійцамъ 17-го іюля.

Что касается собственно Константина Павловича, то онъ 25-го іюля (5-го августа) и въ слѣдующіе за тѣмъ дни присутствовалъ при осадѣ Серравалле, а 1-го (12-го) августа, принявъ опять начальство надъ авангардомъ Багратіона, внимательно слѣдилъ за движеніемъ непріятеля. Поручивъ передовую цѣпь генералу Чубарову и полковнику Грекову, Константинъ Павловичъ безпрестанно посылалъ къ нимъ предписанія и снабжалъ ихъ наставленіями, самъ очень часто ѣздилъ въ цѣпь и почти не сходилъ съ коня въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. 2-го (13-го) августа, показалась передъ русскимъ авангардомъ сильная непріятельская колонна, направлявшаяся къ городку Нови. Великому князю не пришлось, однако, остаться въ эту важную минуту во главѣ авангарда, такъ какъ къ авангарду прибылъ тогда настоящій его начальникъ, князь Багратіонъ, а Константинъ Павловичъ, оставшійся послѣ этого при авангардѣ безъ опредѣленнаго назначенія, отправился въ главную квартиру фельдмаршала, расположенную въ Поцолло-Формигаро.

4-го (15-го) августа, произошла кровопролитная битва при Нови. Съ двухъ часовъ ночи Константинъ Павловичъ, — какъ разсказываетъ Комаровскій, — былъ уже на конѣ, наблюдалъ за движеніями непріятеля, разставлялъ цѣпь застрѣльщиковъ и указывалъ мѣста для постановки орудій. Въ сраженіи при Нови великій князь подвергался большой опасности; объ этомъ можно заключить изъ того, что у нѣкоторыхъ лицъ изъ его свиты были ранены лошади. Употребивъ неимовѣрныя усилія, русскіе, наконецъ, ворвались въ Нови и послѣ упорнаго боя вытѣснили оттуда французовъ. Побѣда при Нови была одною изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Италіи Суворовымъ.

Когда, послѣ этой битвы, Суворовъ дѣлалъ императору представленіе о наградахъ, то въ списокъ отличившихся былъ внесенъ и Константинъ Павловичъ, съ слѣдующимъ о немъ отзывомъ фельдмаршала: «обрѣтался при передовыхъ войскахъ и когда выступили они на баталію, въ боевомъ порядкѣ, то великій князь Константинъ Павовличъ изволилъ идти съ ними и во все время баталіи присутствовалъ, гдѣ, мужествомъ своимъ поощряя войска, приводилъ ихъ къ неустрашимости». Съ своей стороны, Комаровскій, упоминая объ участіи великаго князя въ битвѣ при Нови, разсказываетъ, что, по вступленіи въ этотъ городъ Константина Павловича, «фельдмаршалъ учинилъ поздравленіе его высочеству съ одержанною побѣдою и съ справедливостію изъявлялъ величайшую похвалу мужеству и неутомимости, которыя его императорское высочество въ сей день явить изволилъ и коими наипаче войска ободряемы были».

Битва при Нови почти оканчивала кампанію Суворова въ верхней Италіи, такъ какъ со времени ея начала, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, русскіе успѣли вытѣснить французовъ изъ всѣхъ владѣній Венеціанской республики, Ломбардіи и Піемонта. Въ то время, когда русское оружіе покрылось здѣсь такою славою, въ Швейцаріи русская и французская арміи стояли почти неподвижно одна передъ другою на тѣхъ мѣстахъ, которыя онѣ заняли по отступленіи Массены отъ Цюриха. Причиною этому было бездѣйствіе главнокомандующаго австрійскою арміею въ Швейцаріи, эрцгерцога Карла, а между тѣмъ непріятель, занявъ Симплонъ и С. Готаръ, угрожалъ тылу союзной арміи въ Италіи. Извѣстіе о такой опасности дошло до Суворова тотчасъ по взятіи Нови и онъ, прикрывъ по возможности свой тылъ, ожидалъ сдачи Тортонской цитадели, расположившись лагеремъ при Асти. Здѣсь онъ обучалъ свои войска военнымъ эволюціямъ, въ чемъ принималъ дѣятельное участіе и великій князь Константинъ Павловичъ.

17-го (28-го) августа, былъ отслуженъ въ лагерѣ благодарственный молебенъ за побѣду при Нови, послѣ чего Суворовъ въ походной церкви раздавалъ награды, присланныя изъ Петербурга императоромъ Павломъ, по представленію фельдмаршала, за отличія, оказанныя въ битвѣ при Треббіи. Въ числѣ

награжденныхъ былъ и Константинъ Павловичъ, которому императоръ пожаловалъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпанный бриллiантами. Такая награда считалась въ ту пору чрезвычайно важною, такъ какъ въ царствованіе Павла орденъ этотъ давался вмѣсто ордена св. Георгія за военныя заслуги. Кромѣ ордена, великому князю дано было 50,000 рублей.

Отношенія Россіи къ Австріи между тѣмъ запутывались все болѣе и болѣе; Павелъ Петровичъ былъ крайне недоволенъ образомъ дѣйствій вѣнскаго кабинета, и Суворовъ, во время своей стоянки лагеремъ при Асти, получилъ отъ государя повелѣніе выступить изъ Италіи и перейти въ Швейцарію, которую русскій императоръ намѣревался освободить отъ господства французовъ.

Наканунѣ выступленія русскихъ войскъ изъ Италіи, представились Константину Павловичу австрійскіе генералы, «изъявляя, — какъ передаетъ Комаровскій, — свое соболѣзнованіе о томъ, что лишаются счастья служить долѣе съ его высочествомъ и россійскими войсками, имѣвшими главное участіе въ пріобрѣтенной въ сію кампанію славѣ». Послѣ генераловъ явился къ Константину Павловичу офицеръ драгунскаго полка Карачая, для принесенія ему признательности всего полка, который во время сраженія при Нови состоялъ подъ начальствомъ великаго князя. «Такою честью полкъ навсегда будетъ гордиться,— заявлялъ офицеръ отъ имени своихъ сотоварищей,— и весь полкъ готовъ свидѣтельствовать о мужествѣ и храбрости, оказанныхъ его высочествомъ въ этомъ дѣлѣ».

ГЛАВА VIII.

Швейцарскій походъ.— Военный совѣтъ.— Участіе великаго князя въ военныхъ дѣйствіяхъ.— Похвальный отзывъ Суворова.— Пожалованіе титула «Цесаревичъ».— Отъѣздъ изъ арміи.

18-го (29-го) августа 1799 года, раннимъ утромъ, русскія войска двинулись изъ лагеря при Асти въ Швейцарію. Когда они подошли къ горнымъ ущельямъ, то Суворовъ узналъ, что для перевозки артиллеріи и вьюковъ не было еще заготовлено муловъ. Тогда Константинъ Павловичъ предложилъ, взамѣнъ муловъ, употребить казацкихъ лошадей, такъ какъ въ горахъ въ конныхъ казакахъ не было никакой надобности, да и кромѣ того спѣшенные казаки были бы тамъ полезнѣе конныхъ. Предложеніе это было принято Суворовымъ съ большимъ одобреніемъ, но такъ какъ въ скоромъ времени было поставлено для русской арміи 650 муловъ, то и не оказалось надобности воспользоваться имъ на дѣлѣ. Къ 10 сентября н. с. все было готово и Суворовъ двинулся въ горы, направляясь къ С. Готару. Походъ этотъ былъ крайне труденъ, такъ какъ, кромѣ затрудненій, встрѣчаемыхъ по дорогѣ на каждомъ шагу, пришлось двигаться подъ проливнымъ дождемъ и при холодномъ рѣзкомъ вѣтрѣ.

Великій князь находился попрежнему при авангардѣ князя Багратіона и шелъ все время пѣшкомъ. Онъ теперь такъ же твердо переносилъ непогоду и холодъ, какъ переносилъ на равнинахъ Италіи палящій лѣтній зной. На крутизнахъ С. Готара русскіе были встрѣчены и два раза сбиты французами. При

этихъ битвахъ присутствовалъ Константинъ Павловичъ, «одушевлявшій» войска. Не смотря на отчаянное сопротивленіе французовъ, русскіе взобрались на снѣжную вершину С. Готара. Между тѣмъ, французы заняли тѣснину, ведшую чрезъ Урзернскій проходъ къ Чортову мосту. Пришлось вступить здѣсь съ ними въ отчаянный бой и русскіе, одолѣвъ ихъ, спустились по скату горы въ долину и пришли къ деревнѣ Муттену, гдѣ и были окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ ихъ по своей численности. Суворовъ былъ поставленъ, повидимому, въ безъисходное положеніе; оно было такъ безнадежно, что генералъ Массена, узнавъ объ этомъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Цюриха, обѣщалъ находившимся тамъ въ плѣну русскимъ офицерамъ привезти къ нимъ черезъ нѣсколько дней и фельдмаршала Суворова и его неразлучнаго спутника, великаго князя Константина Павловича. Бѣдствія русскихъ увеличивались все болѣе и болѣе, провіанта у нихъ въ запасѣ не было и великій князь скупалъ у муттенскихъ жителей на свои собственныя деньги всѣ съѣстные припасы, какіе только можно было найти, какъ для того, чтобы прокормить солдатъ, такъ и для того, чтобы спасти мѣстное населеніе отъ мародерства проголодавшагося войска.

Въ виду такого бѣдственнаго положенія, Суворовъ собралъ военный совѣтъ. Въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на этомъ совѣтѣ, находился и великій князь, который, — по разсказу Комаровскаго,—принималъ въ происходившихъ здѣсь совѣщаніяхъ самое живое участіе. Въ то время, когда въ совѣтѣ обсуждался вопросъ: какъ слѣдуетъ поступить при настоящихъ условіяхъ? — Суворовъ, «придя въ какое-то восторженное состояніе», вскрикнулъ, обратившись къ присутствующимъ: «Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!» и съ этими словами онъ бросился къ ногамъ великаго князя, и со слезами обнималъ ихъ. Константинъ Павловичъ въ сильномъ смущеніи поспѣшилъ поднять съ полу старика-фельдмаршала, и, въ свою очередь, обнималъ, цѣловалъ его и, громко рыдая, не могъ произнести ни одного слова.

Когда прошло сильное волненіе, въ какомъ находился великій князь, то онъ, съ своей стороны, самымъ убѣдительнымъ

образомъ сталъ опровергать предложенное австрійскими штабными чинами, бывшими также на совѣтѣ,—движеніе арміи къ Швицу. «Если бы намъ и удалось выполнить это движеніе,— говорилъ великій князь, — если бы даже и дѣйствительно мы вышли въ тылу у непріятельской арміи, то какія будутъ отъ того выгоды? Мы еще болѣе отдалимся отъ главной нашей цѣли, то есть, отъ соединенія со всѣми частями союзныхъ силъ. Напротивъ того, если мы пойдемъ къ Гларису и пробьемся чрезъ непріятельскія войска, преграждающія намъ дорогу къ Линте, то мы немедленно соединимся съ Линкеномъ, получимъ чрезъ него нѣкоторыя средства продовольствія и, умноживъ силы свои, можемъ легче предпринять всякое дальнѣйшее движеніе для соединенія съ прочими частями».

Суворовъ одобрилъ этотъ планъ, и всѣ члены совѣта приняли предложеніе великаго князя — идти къ Гларису.

19-го (30-го) сентября, русскіе выступили изъ Муттена. Имъ предстоялъ страшный переходъ для того, чтобъ, взобравшись на горныя вершины, спуститься снова въ равнину. Перевалъ этотъ былъ совершенъ удачно. Выйдя на равнину, русское войско начало строиться въ боевой порядокъ. Въ это время нѣкоторые изъ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба приблизились къ великому князю и сочли нужнымъ предупредить его о томъ, что союзныя войска могутъ быть поставлены маневромъ непріятеля въ самое опасное положеніе, почему и предлагали ему отъѣхать назадъ за боевую линію. Великій князь съ сильнымъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, сказавъ, что присутствіе его въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть въ особенности полезно. Затѣмъ, выѣхавъ передъ боевую линію, онъ сказалъ войску: «мы со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ, но вспомните, что завтра день радостный для цѣлой Россіи — день рожденія нашего государя и моего родителя. Мы должны прославить этотъ день побѣдою или умереть со славою». Приведя эту рѣчь, Комаровскій добавляетъ, что русскій отрядъ, воодушевленный ею, смѣло двинулся впередъ. Вскорѣ завязался упорный бой, въ которомъ былъ смертельно раненъ одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, полковникъ Лангъ. Битва кончилась къ вечеру; русскіе пода-

лись впередъ и фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, ночевалъ въ овечьемъ хлѣву.

Послѣ труднаго похода по крутизнамъ, покрытымъ гололедицею, армія Суворова съ значительною потерею людей выбралась наконецъ изъ горныхъ тѣснинъ и, достигнувъ Планца, могла уже считать себя въ безопасности.

Объ участіи Константина Павловича въ этомъ трудномъ походѣ, продолжавшемся шестнадцать дней, Суворовъ доносилъ императору слѣдующее:

«Его высочество всю нынѣшнюю многотрудную кампанію и нынѣ на вершинахъ страшныхъ швейцарскихъ горъ — гдѣ проходилъ мужественно всѣ опасности, поощряя войско своимъ примѣромъ къ преодолѣванію трудностей и неустрашимой храбрости — изволилъ преподавать полезные и спасительные совѣты. Всегдашнее присутствіе его высочества передъ войсками и на гибельныхъ стремнинахъ горъ оживляетъ ихъ духъ и бодрость. Исторія увѣковѣчитъ его похвальные подвиги, которыхъ я имѣлъ счастье быть очевидцемъ».

По полученіи такого отзыва отъ фельдмаршала о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, императоръ, 28-го октября 1799 года, подписалъ въ Гатчинѣ слѣдующій манифестъ:

«Видя съ сердечнымъ наслажденіемъ, яко государь и отецъ, отличные подвиги храбрости и примѣрное мужество, которые во все продолженіе нынѣшней кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣры оказывалъ любезнѣйшій сынъ нашъ его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ, во мзду и вящшее отличіе жалуемъ ему титулъ Цесаревича».

Давая безъ всякихъ поясненій этотъ титулъ второму своему сыну, императоръ Павелъ Петровичъ какъ бы отмѣнялъ изданное имъ и прочитанное имъ при коронаціи, 5-го апрѣля 1797 года, «Учрежденіе императорской фамиліи», въ силу котораго титулъ цесаревича долженъ былъ быть всегда соединенъ съ тою особою, которая «дѣйствительно въ то время наслѣдникомъ престола назначена». Давъ Константину Павловичу титулъ цесаревича, государь въ тотъ же день собственноручно написалъ ему: «Герой, пріѣзжай назадъ. Вкуси съ нами плоды дѣлъ твоихъ».

Иностранные государи, въ пользу которыхъ бились русскіе, почтили подвиги великаго князя. Король сардинскій прислалъ ему орденъ Анунціады съ цѣпью, а императоръ римско-нѣмецкій — военный орденъ Маріи-Терезіи съ лентою.

Въ полной справедливости похвальныхъ отзывовъ Суворова о Константинѣ Павловичѣ, во время бытности его въ походахъ, невозможно сомнѣваться, въ особенности если принять въ соображеніе, что Ростопчинъ, который прежде такъ неблагосклонно отзывался о великомъ князѣ, по поводу полученія имъ ордена Маріи-Терезіи писалъ, 25-го іюля 1799 года, къ графу Воронцову, что Константинъ заслужилъ этотъ орденъ. «Нужно вамъ сказать,—добавляетъ Ростопчинъ,— что великій князь, противъ моего ожиданія, ведетъ себя какъ ангелъ; онъ преисполненъ храбрости и думаетъ только о томъ, чтобъ дѣлать добро».

Державинъ въ длиннѣйшей одѣ, подъ заглавіемъ «На переходъ Альпійскихъ горъ», воспѣлъ подвиги мужественнаго цесаревича въ слѣдующей строфѣ:

Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ,
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Вослѣдъ младой птенецъ орлинъ.
Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыкѣ византійскихъ странъ?
Еще Россъ выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константинъ воинскій санъ.

Другой, неизвѣстный піита, въ которомъ, какъ кажется, надобно предполагать графа Хвостова, воспѣлъ также подвиги Константина Павловича подъ заглавіемъ «Путешествіе его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича».

Въ своихъ стихахъ онъ заявлялъ, что съ прибытіемъ великаго князя къ арміи:

Звучняе пушки загремѣли,
Ярчае пули зашумѣли,
Летитъ за шаромъ шаръ, огню вослѣдъ огонь,
Напорнѣй рветъ пѣшецъ, борзяе топчетъ конь,
Частитъ разы копье, и глубже въ Галлахъ тонетъ, и т. д.

Сильно раздраженный политикою вѣнскаго кабинета, императоръ расторгъ союзъ съ Австріею и повелѣлъ арміи Суворова возвратиться въ Россію черезъ Германію, минуя австрійскія владѣнія. Суворовъ далъ своимъ войскамъ необходимый отдыхъ, послѣ чего русскіе и австрійцы разошлись въ разныя стороны. Великій князь принялъ подъ свое начальство кирасирскій ея величества полкъ и, какъ инспекторъ всей кавалеріи, осматривалъ другіе полки, входившіе въ составъ арміи Суворова. По пріѣздѣ его въ Аугсбургъ, сюда неожиданно явился къ нему, встрѣчавшій его на границахъ Австріи и нѣкоторое время сопутствовавшій ему тамъ, князь Эстергази. Онъ имѣлъ отъ вѣнскаго двора секретное порученіе — склонить Константина Павловича къ тому, чтобы онъ сдѣлался посредникомъ между двумя императорами, Францемъ и Павломъ, такъ какъ, по объясненію Эстергази, всѣ бывшія между этими государями недоумѣнія происходили собственно оттого, что министры ихъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ союзныхъ державъ. Великій князь на предложеніе, сдѣланное ему Эстергази, отвѣчалъ, что онъ находится въ арміи не болѣе какъ въ званіи волонтера; что дипломатическія отношенія между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами ему вовсе не извѣстны; что онъ не можетъ войти въ какое либо посредничество безъ воли своего родителя и что онъ теперь, видя въ князѣ Эстергази дипломатическое лицо, долженъ, къ сожалѣнію, измѣнить образъ прежняго съ нимъ обращенія.

Испросивъ у Суворова разрѣшеніе отлучиться изъ арміи, великій князь отправился изъ Аугсбурга въ Кобургъ, гдѣ въ это время находилась его супруга великая княгиня Анна Ѳеодоровна, и оттуда, черезъ Прагу, миновавъ Вѣну, пріѣхалъ 27-го ноября 1799 года въ Петербургъ, гдѣ и былъ восторженно встрѣченъ императоромъ Павломъ. Въ честь его устраивались празднества и общественныя увеселенія, а на эрмитажномъ театрѣ былъ поставленъ балетъ подъ названіемъ: «Le retour de Pelioctète».

ГЛАВА IX.

Придворная жизнь великаго князя Константина Павловича. — Кончина императора Павла. — Горесть великаго князя.

Въ Петербургѣ жизнь цесаревича пошла прежнимъ порядкомъ, но вскорѣ онъ навлекъ на себя гнѣвъ государя.

Императоръ разговорился съ нимъ однажды объ одеждѣ солдатъ, и цесаревичъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣніе, вынесенное имъ изъ опыта, что башмаки, штиблеты и въ особенности унтеръ-офицерскія алебарды вышиною въ четыре аршина чрезвычайно неудобны въ походѣ и что въ Италіи древки этихъ алебардъ были употребляемы на дрова. Павелъ Петровичъ внимательно выслушалъ доводы своего сына и приказалъ, чтобъ цесаревичъ представилъ для образца рядового и унтеръ-офицера, одѣтыхъ и вооруженныхъ такъ, какъ по соображеніямъ его, цесаревича, было бы всего удобнѣе. Константинъ Павловичъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе и черезъ нѣсколько дней представилъ обмундированныхъ имъ нижнихъ чиновъ на показъ государю. Лишь только взглянулъ на нихъ Павелъ Петровичъ, какъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, увидя, что придуманная цесаревичемъ форма подходила нѣсколько къ той формѣ, какая была введена въ русскомъ войскѣ въ царствованіе Екатерины II. Обратясь къ цесаревичу, онъ съ сильнымъ негодованіемъ сказалъ ему:

— «Я вижу, что ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію; чтобъ они шли съ глазъ моихъ долой!»

Проговоривъ это, императоръ быстро вышелъ изъ той комнаты, гдѣ находились приведенные къ нему на показъ рядовые.

Вскорѣ послѣ этого случилось слѣдующее: на крещенскомъ парадѣ, 6-го января 1800 года, императоръ остался чрезвычайно недоволенъ Конногвардейскимъ полкомъ, приказавъ ему въ тотъ же день, какъ прогнанному съ глазъ его величества, отправиться на стоянку въ Царское Село. Вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное начальство надъ этимъ полкомъ государь поручилъ цесаревичу, который и долженъ былъ довести конногвардейцевъ до желаемаго государемъ совершенства. Вслѣдствіе такого распоряженія, Константину Павловичу пришлось переселиться немедленно на постоянное житье въ Царское Село, гдѣ у него былъ собственный дворецъ, купленный для него императрицею Екатериною у Ланского. Въ продолженіе цѣлой зимы дворецъ этотъ не топили, и потому въ немъ былъ страшный холодъ; но нужно было немедленно исполнить повелѣніе государя, и цесаревичъ поселился въ этомъ домѣ, гдѣ онъ и вся его свита должны были ходить нѣсколько дней не иначе, какъ въ теплыхъ шинеляхъ. Съ цесаревичемъ переѣхала сюда и его супруга; тамъ она жестоко простудилась и едва не умерла отъ горячки.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, государь, производя конногвардейцамъ смотръ, остался ими доволенъ и возвратилъ ихъ въ Петербургъ. Цесаревичу все болѣе и болѣе начинала нравиться кавалерійская служба; онъ ревностно занимался ею по своимъ обязанностямъ инспектора кавалеріи, и осенью 1800 года былъ посланъ государемъ инспектировать полки легкой кавалеріи, расположенные на австрійской границѣ.

У насъ не имѣется въ виду никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Константина Павловича къ его отцу въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла Петровича, но, судя по тому настроенію, какое все болѣе и болѣе принималъ характеръ вспыльчиваго, раздражительнаго и подозрительнаго государя, надобно полагать, что отношенія эти были не очень пріятны для цесаревича, всегда сильно боявшагося родительскаго гнѣва.

Справедливость такого предположенія подтверждается «Записками» генерала Саблукова [1]).

Саблуковъ, бывшій въ ту пору полковникомъ и эскадроннымъ командиромъ въ Конногвардейскомъ полку, расказываетъ, что 11-го марта, т. е. наканунѣ кончины императора, всѣ присутствующіе утромъ этого числа на разводѣ были чрезвычайно удивлены отсутствіемъ великаго князя Александра и его брата, цесаревича. Такъ какъ отсутствіе ихъ въ этомъ случаѣ выходило изъ ряда обычныхъ явленій, то оно въ военной средѣ породило разные догадки и толки. Вечеромъ же, когда Саблуковъ, будучи дежурнымъ по полку, пріѣхалъ въ 8 часовъ съ рапортомъ къ своему начальнику, Константину Павловичу, — который, какъ и Александръ Павловичъ, жилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Михайловскомъ замкѣ, — то встрѣтившій Саблукова камеръ-лакей, на заявленіе полковника, что онъ идетъ къ цесаревичу, сказалъ: «пожалуйста не ходите, такъ какъ я тотчасъ же долженъ донести о томъ государю». Саблуковъ, ссылаясь на то, что онъ дежурный по полку, настаивалъ на необходимости видѣть Константина Павловича, и когда онъ пошелъ по одной сторонѣ лѣстницы, то камеръ-лакей сталъ подниматься по другой ея сторонѣ, направляясь въ покой государя.

Когда Саблуковъ поднялся во второй этажъ, то тамъ встрѣтилъ его другой лакей и съ удивленіемъ спросилъ полковника, зачѣмъ онъ пришелъ? Когда же Саблуковъ отвѣтилъ, что онъ дежурный по полку и пріѣхалъ къ цесаревичу съ рапортомъ, то лакей молча отворилъ ему дверь.

Саблуковъ засталъ цесаревича вблизи этой двери. Константинъ Павловичъ былъ страшно взволнованъ. Саблуковъ началъ рапортовать ему о состояніи полка и въ это время изъ другой двери вышелъ Александръ Павловичъ, а вслѣдъ за тѣмъ отворилась третья, бывшая по той же стѣнѣ, дверь и въ ней показался Павелъ Петровичъ, бывшій въ сапогахъ со шпо-

---

[1]) Записки Саблукова были напечатаны въ англійскомъ изданіи «Frazer's Magazin» 1865 года (августъ и сентябрь), а также и въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года.

рами, со шляпою въ одной и съ генеральскою тростью въ другой рукѣ. Онъ, по разсказу Саблукова, церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ, направился къ великимъ князьямъ и Саблукову. Александръ поспѣшно удалился въ свой аппартаментъ, а Константинъ стоялъ какъ пораженный, опущенныя его руки бились по боковымъ карманамъ мундира и онъ въ это время казался Саблукову обезоруженнымъ человѣкомъ, которому грозитъ неизбѣжная опасность. Саблуковъ представилъ рапортъ императору, который, кивнувъ головою, вышелъ изъ комнаты. Цесаревичъ стоялъ неподвижно, а Александръ, услышавъ, что дверь сильно хлопнула, догадался, что государь удалился, и выбѣжалъ къ своему брату. Александръ сказалъ Саблукову, что онъ и Константинъ подъ арестомъ и что генералъ-прокуроръ Обольяниновъ водилъ ихъ обоихъ въ церковь къ присягѣ. Цесаревичъ вслѣдъ за тѣмъ отпустилъ Саблукова, сказавъ ему: «смотрите, будьте осторожны»[1]).

Разсказъ Саблукова, повидимому, не совсѣмъ сходится съ записью, сдѣланною о вечерѣ 11-го марта въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. Изъ этого журнала, между прочимъ, видно, что императоръ въ этотъ вечеръ ужиналъ въ довольно большомъ обществѣ и что въ числѣ лицъ, бывшихъ за ужиномъ, присутствовали великіе князья Александръ и Константинъ, что̀, повидимому, едва-ли могло бы быть, если бы они дѣйствительно находились подъ арестомъ. Разсказъ Саблукова — подозрѣвать правдивость котораго нѣтъ никакого основанія — можно, однако, согласить съ гофъ-фурьерскою записью, предположивъ одно изъ двухъ, а именно: или что арестъ великихъ князей былъ домашній, препятствовавшій имъ только выходить изъ за̀мка, или что, быть можетъ, уже послѣ свиданія съ ними Саблукова, государь освободилъ ихъ изъ-подъ ареста. Притомъ вообще, такъ какъ арестъ былъ навлеченъ на нихъ подо-

---

[1]) Пока камердинеръ Рудковскій помогалъ Саблукову въ передней надѣвать шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ: «Рудковскій, стаканъ воды!» — Когда камердинеръ налилъ стаканъ, Саблуковъ замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рудковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ: «сегодня оно плаваетъ, а завтра потонетъ».

Н. Шильдеръ.

Великій князь Константинъ Павловичъ въ юности.

Съ портрета Лампи.

зрительностію со стороны императора, то присутствіе ихъ вечеромъ на глазахъ Павла Петровича не только не ослабляло существенной цѣли ареста, но, напротивъ, даже какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ей. Что же касается приведенія, 11-го марта 1801 года, Александра и Константина къ присягѣ, то достовѣрность этого факта подтверждается и «Записками» графа Комаровскаго.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ часу пополуночи, 12-го марта, великій князь Константинъ Павловичъ прислалъ къ Саблукову, какъ къ дежурному по полку, слѣдующую записку: «собрать тотчасъ же полкъ верхомъ какъ можно скорѣе, съ полною амуниціею, но безъ поклажи, и ждать моихъ приказаній». Но прежде чѣмъ пришли въ полкъ какія-либо новыя приказанія отъ цесаревича, тамъ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Павла и полкъ принесъ присягу въ вѣрности новому государю.

Вѣсть о кончинѣ отца застала цесаревича въ его покояхъ; онъ былъ потрясенъ ею, и сохранилось сказаніе, будто бы онъ, въ порывѣ горести, высказалъ, что никогда не приметъ короны, еслибъ очередь дошла до него [1]). Этотъ порывъ былъ первымъ проявленіемъ желанія цесаревича отказаться отъ верховной власти, въ случаѣ перехода къ нему правъ на наслѣдованіе императорскаго престола.

---

[1]) Это не сказаніе, но несомнѣнный историческій фактъ. Еще въ 1801 году, тотчасъ послѣ мартовскихъ событій. Константинъ Павловичъ сказалъ полковнику Саблукову.

— «Ну, хорошая это была каша?»

— «Хорошая, дѣйствительно, каша», отвѣчалъ Саблуковъ, «и я весьма счастливъ, что къ ней не причастенъ».

— «Это хорошо, другъ мой», сказалъ цесаревичъ, торжественно присовокупивъ: «послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму». Н. Шильдеръ.

ГЛАВА X.

Вступленіе на престолъ императора Александра I.—Его отношенія къ брату.—Военныя упражненія великаго князя въ Стрѣльнѣ.—Неблагопріятные толки о Константинѣ Павловичѣ и его приближенныхъ.

Со вступленіемъ, 12-го марта 1801 года, на престолъ Александра Павловича, началась для цесаревича иная, совершенно привольная жизнь: онъ могъ попрежнему предаваться своей страсти къ военной службѣ, но съ тѣмъ новымъ удобствомъ, что ему теперь не приходилось переносить тѣ непріятности, какія онъ, по роду своихъ служебныхъ занятій, испытывалъ безпрестанно отъ вспыльчиваго и прихотливо-требовательнаго Павла Петровича. Теперь Константинъ Павловичъ могъ въ ввѣренныхъ ему частяхъ распоряжаться почти произвольно, не имѣя уже надъ собою прежняго грознаго начальника. Отношенія обоихъ братьевъ были самыя дружескія, причемъ, однако, смѣлый и порывистый Константинъ бралъ перевѣсъ надъ старшимъ своимъ братомъ, отличавшимся сдержанностію и мягкостію характера. Константинъ чрезвычайно любилъ Александра и однажды, въ разговорѣ съ герцогинею Саксенъ-Кобургскою, матерью своей невѣсты, сказалъ: «я не знаю, можетъ-ли братъ обойтись безъ меня, но я не могу жить безъ него». До какой степени доходила сильная привязанность Константина къ брату, можно судить по слѣдующему разсказу

лейбъ-хирурга Тарасова, находящемуся въ его «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г.

Въ февралѣ 1824 года, пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ. Императоръ страдалъ тогда болью въ ногѣ и Тарасовъ дѣлалъ ему перевязку, когда вошедшій въ уборную государя камердинеръ Описимовъ доложилъ ему о пріѣздѣ цесаревича, котораго онъ вовсе не ожидалъ. «Какъ только камердинеръ отворилъ двери, цесаревичъ,— разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Тарасовъ, — въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана, и, залившись слезами, цѣловалъ государя въ губы, въ глаза и грудь и, наконецъ, наклонясь къ ногамъ императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную его ногу. Эта сцена,—добавляетъ Тарасовъ, — была столь трогательна, что и я не могъ удержаться отъ слезъ, и поспѣшилъ выйти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ».

Причина такой сцены впослѣдствіи объяснилась. До цесаревича въ Варшаву дошли слухи, что императоръ находится въ самомъ опасномъ положеніи и что болѣзнь его приняла такой оборотъ, что врачи не надѣются на его выздоровленіе.

Въ свою очередь, Александръ отзывался герцогинѣ Саксенъ-Кобургской о братѣ въ такихъ словахъ: «онъ немного легкомысленъ, но зато какъ онъ добръ!» О взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ братьевъ встрѣчается нѣсколько строкъ и въ «Запискахъ» извѣстнаго князя Адама Чарторижскаго. Желая подражать и угодить императрицѣ Екатеринѣ, чрезвычайно благоволившей къ семейству Чарторижскихъ, Константинъ Павловичъ свелъ дружбу съ младшимъ изъ нихъ, княземъ Константиномъ. Александръ просилъ молодого князя не удаляться отъ такого сближенія, но только скрывать тайные его, Александра, разговоры съ Чарторижскими отъ Константина, къ которому, впрочемъ—по словамъ князя Адама — онъ питалъ самыя братскія чувства.

Послѣ кончины Александра, котораго великій князь называлъ постоянно своимъ благодѣтелемъ, цесаревичъ сохранялъ о немъ благоговѣйную память, выражавшуюся во всѣхъ, даже

самыхъ мелочныхъ случаяхъ, касавшихся покойнаго государя, и писалъ Лагарпу, что не можетъ свыкнуться съ мыслью о кончинѣ Александра, который для него будетъ жить вѣчно.

До вступленія на престолъ Александра Павловича произошло, впрочемъ, неудовольствіе между братьями, по слѣдующему поводу. Въ числѣ адъютантовъ великаго князя Константина былъ баронъ Винценгероде, одолѣваемый охотою побывать на войнѣ. Провѣдавъ, что Россія не будетъ воевать съ Франціею, баронъ Винценгероде вздумалъ просить у императора Павла Петровича позволеніе вступить въ службу римско-нѣмецкаго императора, который собирался начать войну съ французами. Павелъ Петровичъ отказалъ барону въ его просьбѣ, но Константинъ Павловичъ обо всемъ этомъ не вѣдалъ ровно ничего и только во время похода въ Италію онъ, узнавъ о намѣреніяхъ барона Винценгероде, былъ не столько взволнованъ такимъ поступкомъ своего адъютанта, сколько огорчился тѣмъ, что посредникомъ между барономъ и государемъ былъ въ этомъ случаѣ великій князь Александръ Павловичъ, не сказавшій ни слова своему брату о томъ, что дѣлалъ втихомолку его адъютантъ.

По всей, однако, вѣроятности, случай этотъ не повліялъ впослѣдствіи нисколько на взаимныя братскія отношенія великихъ князей, которые, какъ казалось всѣмъ, жили постоянно душа въ душу. Константинъ не стремился вовсе къ тому, чтобъ принимать участіе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, и довольствовался тѣмъ, что управлялъ нѣкоторыми частями военнаго вѣдомства, по которымъ ему былъ предоставленъ полный просторъ и, кромѣ того, являлся порою въ числѣ сотрудниковъ императора по тѣмъ вопросамъ, которые вообще касались организаціи русскаго войска, и по этимъ вопросамъ было у него въ первые годы царствованія Александра Павловича довольно занятій. Кромѣ того, онъ, будучи начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, старался о томъ, чтобъ съ своей точки зрѣнія довести эти учрежденія до высшей степени улучшенія.

Лѣтомъ онъ жилъ большею частію въ своемъ имѣніи Стрѣльнѣ и тамъ усердно занимался военными упражненіями

съ расположенными около Стрѣльны войсками. Проживавшій въ 1803 году, въ недальнемъ разстояніи отъ Стрѣльны, у Сергія, въ ту пору іеромонахъ, впослѣдствіи извѣстный митрополитъ кіевскій, Евгеній Болховитиновъ, терпѣлъ неудобства отъ военныхъ упражненій цесаревича. Въ письмѣ къ своему пріятелю Македонцу, мирный инокъ Евгеній жаловался на то, что Константинъ Павловичъ не даетъ ему спать, открывая у себя по ночамъ съ 11-ти или 12-ти часовъ страшнѣйшую пушечную пальбу. «Ужасный охотникъ до пальбы и до экзерциній», замѣчаетъ Евгеній о своемъ безпокойномъ сосѣдѣ.

О томъ, какъ держалъ себя Константинъ въ первые годы царствованія Александра, свѣдѣній у насъ не имѣется, но, судя по одному письму графа С. Р. Воронцова изъ Англіи къ брату его Александру Романовичу, приходится заключить, что о Константинѣ Павловичѣ шла въ эту пору не вполнѣ добрая молва. Графъ Семенъ Романовичъ, 14-го іюня 1801 года, писалъ, что «императору слѣдуетъ наблюдать за своимъ семействомъ, потому что, если Константинъ не будетъ слѣдовать примѣру брата и не удалитъ тѣхъ негодяевъ, которые окружаютъ цесаревича, то въ государствѣ будутъ двѣ партіи: одна изъ людей хорошихъ, а другая изъ людей безнравственныхъ, а такъ какъ эти послѣдніе, по обыкновенію, будутъ болѣе дѣятельны, то они ниспровергнутъ и государя и государство».

Въ другомъ письмѣ, отъ 6-го (18-го) мая, къ Новосильцеву, графъ Семенъ Воронцовъ, коснувшись лицъ, окружавшихъ императора Александра, писалъ: «они предоставили Константину инспекцію, т. е. начальство надъ южною арміею, составляющею $^2/_3$ войска, для того, чтобы въ случаѣ нужды противопоставить его—брату. Они хотятъ господствовать надъ старшимъ братомъ, пугая его возмущеніемъ младшаго. Однимъ словомъ, я полагаю, что государство въ опасности».

Мы увидимъ, что и впослѣдствіи Константинъ Павловичъ былъ предметомъ подобныхъ неосновательныхъ соображеній, такъ какъ его, неимѣвшаго никакихъ притязаній на верховную власть, старались выставить противникомъ его старшаго брата.

Независимо, впрочемъ, отъ этихъ нелѣпыхъ догадокъ, окружающіе цесаревича, около того времени, къ которому относятся письма Воронцова, возбудили толки въ обществѣ, для погашенія которыхъ императоръ Александръ Павловичъ, 30-го марта 1802 г., повелѣлъ напечатать и разослать по Петербургу особое объявленіе [1]).

---

[1]) См. въ приложеніяхъ печатное объявленіе о смерти г-жи Араужо 1802 года, составляющее въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

Въ «Русской Старинѣ» 1874 года, т. 12-й, стр. 629, это объявленіе было перепечатано въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Примѣры гласности въ царствованіе Александра I-го 1802 года». Н. Шильдеръ.

ГЛАВА XI.

Кампанія 1805 и 1806 годовъ. — Участіе великаго князя Константина Павловича въ Аустерлицкомъ сраженіи. — Пребываніе въ Тильзитѣ. — Полученіе ордена Почетнаго Легіона.

Когда, въ 1805 году, началась война Россіи съ Франціею, то, между 10-мъ и 15-мъ числами августа, гвардія выступила въ походъ подъ предводительствомъ великаго князя Константина Павловича. Она шла на помощь австрійцамъ, нѣсколько поздновато, такъ какъ въ то время Наполеонъ заставилъ уже австрійскаго военачальника Макка сдаться на капитуляцію подъ Ульмомъ и подвигался къ Вѣнѣ, между тѣмъ какъ гвардія только-что выступила изъ Бреста. Кутузовъ съ частью русской арміи соединился около Бранау съ австрійскими войсками и намѣревался преградить непріятелю путь къ Вѣнѣ, но вскорѣ Наполеонъ сталъ напирать на него и онъ, подвигаясь назадъ, перешелъ на лѣвый берегъ Дуная. Передъ сраженіемъ подъ Аустерлицемъ гвардія слѣдовала въ резервѣ; 15-го (27-го) ноября, къ вечеру, она расположилась, вмѣстѣ съ главною квартирою императоровъ Александра и Франца, въ Просницѣ, а 17-го (29-го) ноября, цесаревичъ стоялъ съ нею по лѣвую сторону рѣки Литтау, впереди Аустерлица.

20-го ноября (2-го декабря) 1805 года, происходило сраженіе подъ Аустерлицемъ. Въ этомъ сраженіи слѣдовало, между прочимъ, австрійскому генералу князю Лихтенштейну, по составленной диспозиціи, занять пространство между центромъ и правымъ крыломъ, а именно, между Блазовицемъ и Кругомъ.

Русская же гвардія, которая, подъ личнымъ начальствомъ Константина Павловича, должна была составлять резервъ праваго крыла, по неприбытію во-время князя Лихтенштейна на указанное по диспозиціи мѣсто, очутилась въ первой линіи и неожиданно встрѣтилась съ непріятелемъ. Великій князь, выступивъ отъ Аустерлица, перевелъ гвардію черезъ Раусницкій ручей и подходилъ къ Блазовицу, когда замѣчены были впереди войска какого-то приближавшагося къ нему отряда. Сначала ихъ приняли за кавалерію изъ колонны князя Лихтенштейна. Едва только цесаревичъ, желая поддержать мнимыхъ союзниковъ, построилъ свой резервъ въ боевой порядокъ, какъ непріятель открылъ по немъ канонаду. Въ это время прибылъ, дѣйствительно, къ цесаревичу отрядъ князя Лихтенштейна и онъ, обрадованный такимъ сильнымъ подкрѣпленіемъ, подскакалъ къ шедшему впереди отряда уланскому полку, поздоровался съ солдатами, обнялъ полкового командира и, обратясь къ фронту полка, который носилъ его имя, крикнулъ: «Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!» Затѣмъ, не дожидаясь построенія къ бою австрійской кавалеріи, уланскій полкъ кинулся въ атаку. Произошла страшная свалка, но русскіе уланы были отбиты французскою кавалеріею и прикрывавшею ее артиллеріею.

Великій князь въ этомъ дѣлѣ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ только 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ. Онъ былъ отрѣзанъ отъ центра союзной арміи и хотѣлъ возстановить связь между нею и своимъ отрядомъ. Для достиженія этого, преображенцы ходили въ штыки, конногвардейцы, кавалергарды и лейбъ-казаки бросались въ атаку, но всѣ усилія были безполезны. Атаки эти сопровождались каждый разъ громадными потерями и Константинъ Павловичъ увидѣлъ необходимость отвести свои войска обратно за Раусницкій ручей. Французы не преслѣдовали ихъ.

Въ 11 часовъ утра правое крыло и центръ союзной арміи принуждены были оставить поле сраженія. Русскія войска, окруженныя непріятелемъ, страшно громимыя его батареями, смѣшались въ нестройную толпу. Лѣвое крыло получило приказаніе отступать и войска его, попавъ на озеро, покрытое тонкимъ льдомъ, гибли подъ картечью непріятеля. Пораженіе

было полное и союзной арміи не оставалось ничего болѣе, какъ только поспѣшно уходить въ предѣлы Венгріи. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, Пресбургскій миръ окончилъ войну Австріи и ея союзницы, Россіи, съ Франціей.

О дѣйствіяхъ Константина Павловича подъ Аустерлицемъ французскій писатель Егронъ разсказываетъ слѣдующее: великій князь находился противъ корпуса Бернадотта и, увидѣвъ, что непріятель атаковалъ деревню, занятую русскими войсками, оставилъ — быть можетъ, и несовсѣмъ благоразумно—занятыя имъ высоты и сталъ въ боевую линію противъ французовъ. Завязалась сильная ружейная перестрѣлка, но французы должны были отступить подъ натискомъ русскихъ штыковъ. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Константинъ Павловичъ напалъ на императорскую гвардейскую кавалерію и вслѣдствіе этого очутился между нею и французскою пѣхотою. Положеніе его сдѣлалось опасно и онъ увидѣлъ необходимость отступить на прежнюю позицію; при этомъ движеніи кавалерія его удержала французскую конницу и смяла пѣхоту и только послѣ жестокаго боя онъ проложилъ себѣ дорогу къ Аустерлицу.

16-го ноября 1806 года, была объявлена вторая война Франціи, на этотъ разъ въ союзѣ съ Пруссіею, и послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, императоръ Александръ приказалъ цесаревичу, въ концѣ февраля 1807 г., выступить съ гвардіею изъ Петербурга въ Юрбургъ. Походъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ. Гвардія шла, при жестокихъ морозахъ, усиленными маршами; дневки были только черезъ пять или шесть переходовъ. Гвардейская же артиллерія, выступившая позже пѣхоты и конницы, имѣла, на протяженіи 800 верстъ отъ Петербурга до Юрбурга, одну только дневку въ Псковѣ. Въ Юрбургѣ Константинъ Павловичъ представилъ гвардію на смотръ прибывшему туда изъ Петербурга императору. Послѣ того гвардія соединилась съ союзною арміею при Гейльсбергѣ. Константинъ Павловичъ имѣлъ главную квартиру въ Шипельбейнѣ; въ арміи, — какъ разсказываетъ Ермоловъ, — начались разводы и щегольство, а въ авангардѣ съ тощими желудками принялись за перестройку амуниціи. Надобно, однако, сказать, что когда цесаревичъ узналъ о тѣхъ недостаткахъ, какіе испытываютъ вой-

ска, то взялся заботиться объ улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ, отправленный, по его настоянію, въ авангардъ, былъ захваченъ непріятелемъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ, подъ сильными конвоями, продолжалъ доставлять продовольствіе въ отрядъ князя Багратіона. Получивъ приказаніе слѣдовать съ 1-ю дивизіею въ резервѣ за главными силами на Аренсдорфъ, Константинъ Павловичъ участвовалъ въ сраженіи, происходившемъ 15 (27) мая подъ Гейльсбергомъ. Въ этомъ сраженіи главнокомандующій поручилъ ему перевести пѣхоту и артиллерію авангарда за рѣку Алле на отдохновеніе, а кавалерію, менѣе утомленную или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Между тѣмъ, императоръ Александръ, пробывъ самое короткое время при арміи, предоставилъ надъ нею полное начальство Бенигсену, который, послѣ неудачнаго сраженія при Гейльсбергѣ, предпочелъ отступить за рѣку Прегель и содѣйствовать оттуда оборонѣ Кенигсберга. Цесаревичъ, которому Бенигсенъ сообщилъ свои предположенія, поѣхалъ, по его просьбѣ, въ Тильзитъ, чтобы доложить государю о положеніи дѣлъ и о стратегическихъ намѣреніяхъ главнокомандующаго.

Пріѣхавъ въ Тильзитъ, цесаревичъ,—по замѣчанію нашего военнаго историка генерала Богдановича,—«не любившій войны», хотя и былъ ученикъ Суворова,—горячо убѣждалъ государя открыть переговоры съ Наполеономъ.

По поводу этого пріѣзда, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и вызванный императоромъ Александромъ въ Тильзитъ для участія въ переговорахъ съ Франціею, писалъ оттуда, 3-го (15-го) іюля, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ слѣдующее:

«Внезапный пріѣздъ его высочества произвелъ сильное впечатлѣніе. Предположили, и не ошиблись, что онъ прибылъ для того, чтобъ энергически и вѣрно представить государю настоящее положеніе нашей арміи и ея оставшихся резервовъ. Мысли всѣхъ соединились въ одно общее желаніе успѣховъ великому князю, когда узнали, какъ онъ жалѣетъ о безполезной потерѣ столькихъ храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, и когда услышали высказанное имъ желаніе мира».

Въ Тильзитѣ великій князь пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Куракина и тайнаго совѣтника Николая Николаевича Новосильцева, находившагося также въ главной квартирѣ императора Александра. За обѣдомъ шла рѣчь о положеніи дѣлъ и Константинъ Павловичъ высказалъ при этомъ, что было бы очень хорошо, поставивъ русскую армію въ готовность дѣйствовать тотчасъ по первому призыву, въ то же время послать къ Бонапарту парламентера подъ предлогомъ открытія мирныхъ переговоровъ, съ тѣмъ, чтобы парламентеръ этотъ вывѣдалъ дальнѣйшія намѣренія Наполеона, равно какъ и тѣ условія, на которыхъ возможно было бы войти съ нимъ въ мирное соглашеніе. Высказывая это предложеніе, великій князь замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій не только былъ бы полезенъ нашимъ выгодамъ, но и одобрительно повліялъ бы на армію, которая увидѣла бы въ этомъ доказательство заботливости объ ея сбереженіи.

Положеніе наше было чрезвычайно затруднительно: на пруссаковъ, потерпѣвшихъ уже жестокія пораженія, расчетъ былъ очень плохъ, и всѣ значительныя лица, состоявшія при императорѣ Александрѣ, соглашались съ мыслію Константина Павловича о необходимости безотлагательнаго мира съ Франціею. Единственнымъ противникомъ такой благой мысли оказывался управляющій въ ту пору министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, генералъ баронъ Будбергъ. Воинственный баронъ упорно настаивалъ на продолженіи войны, говоря, что дѣйствующая наша армія еще не разбита, что у насъ есть еще значительные резервы и что мы можемъ опираться на вѣрность провинцій, присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, если бы намъ пришлось отступить туда. Присутствовавшій при этомъ князь Адамъ Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ и началъ дѣлать возраженія Будбергу, увѣряя его, между прочимъ, что онъ, баронъ, сильно ошибается насчетъ настроенія польскихъ подданныхъ Россіи. Чарторижскій говорилъ при этомъ, что «сѣмя возстанія прозябаетъ между ними» и что всѣ они возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, лишь только Бонапартъ перейдетъ русскую границу.

Константинъ Павловичъ, съ своей стороны, не только поддерживалъ справедливость мнѣнія Чарторижскаго въ этомъ

отношеніи, но, настаивая на необходимости мира съ Наполеономъ, добавилъ, что баронъ Будбергъ жестоко ошибается, полагая, что у насъ есть большая резервная армія. Такой арміи, по словамъ Константина Павловича, — говорившаго на этотъ разъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, — у насъ не было, такъ что весь успѣхъ русскаго оружія въ настоящей кампаніи, все наше спасеніе, всѣ наши надежды — основывались до сихъ поръ только на успѣхахъ, хотя и нерѣшительныхъ, но все же, повидимому, пріобрѣтенныхъ войсками, состоявшими подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена. Полагая всю численность нашей резервной арміи не болѣе какъ въ 35,000 человѣкъ, цесаревичъ весьма основательно указывалъ еще и на другія, слишкомъ неблагопріятныя для насъ обстоятельства. Онъ говорилъ, что у насъ оказывается недостатокъ въ деньгахъ, оружіи и припасахъ. Онъ заявлялъ, что хотя народъ русскій и извѣстенъ своею доблестію и непремѣнно возстанетъ поголовно, если только Наполеонъ вступитъ въ предѣлы Россіи, но,—совершенно вѣрно добавлялъ онъ,—всего этого недостаточно, такъ какъ прежде всего самый народъ долженъ быть защищенъ регулярною арміею.

Такія разумныя рѣчи Суворовскаго соратника, которому, какъ казалось, должна была бы нравиться война, имѣли, конечно, сильное вліяніе; но императоръ Александръ I, отличавшійся всегда въ трудныя минуты нерѣшительностію, колебался принять доводы своего брата. Въ это время пришло въ Тильзитъ извѣстіе о новомъ жестокомъ пораженіи, нанесенномъ французами русскимъ и пруссакамъ при Фридландѣ. Наполеонъ шелъ на Кенигсбергъ, а наша армія, утомленная походомъ и ослабленная сильными ударами, нуждалась въ отдохновеніи, и при такихъ условіяхъ миръ съ Франціею представлялся положительною необходимостію.

Исполнивъ въ Тильзитѣ порученіе главнокомандующаго русскою арміею, великій князь выѣхалъ оттуда въ главную квартиру Бенигсена, но попасть туда не могъ: французскіе отряды появились уже въ окрестностяхъ этого города и, занявъ въ разныхъ мѣстахъ всѣ дороги, отрѣзали Тильзитъ отъ сообщеній съ арміею Бенигсена, и поэтому Константину Павловичу не оставалось ничего болѣе, какъ только возвратиться въ этотъ городъ.

При извѣстіи о неудачѣ подъ Фридландомъ, императоръ Александръ окончательно склонился къ миру. Тогда произошло знаменитое Тильзитское свиданіе; Константинъ Павловичъ находился въ свитѣ своего брата, когда онъ и императоръ Наполеонъ свидѣлись между собою посредині рѣки Нѣмана, въ устроенномъ для нихъ павильонѣ. Послѣ того завязалась большая пріязнь между обоими государями.

Миръ въ Тильзитѣ былъ подписанъ 27-го іюня 1807 года и при этомъ Константинъ Павловичъ получилъ отъ Наполеона ленту Почетнаго Легіона. Изъ Тильзита онъ возвратился въ Петербургъ [1]).

[1]) Карновичъ не упоминаетъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ о пребываніи цесаревича Константина Павловича въ Эрфуртѣ въ 1808 году, во время свиданія императора Александра съ Наполеономъ. Н. Шильдеръ.

ГЛАВА XII.

Охлажденіе великаго князя Константина Павловича къ войнѣ.—Военная комиссія.—Совѣтъ о военныхъ корпусахъ.—Реформы въ военномъ вѣдомствѣ.—Кадетъ Волотскій.

Цесаревичу было только двадцать восемь лѣтъ отъ роду, но онъ успѣлъ сдѣлать уже четыре кампаніи, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ, 1805—1806 и 1807 годовъ, великому князю, покрытому славою прежнихъ суворовскихъ походовъ, приходилось быть свидѣтелемъ пораженій, а не торжества русскаго оружія. При томъ, всѣ четыре сдѣланныя имъ кампаніи, а въ томъ числѣ даже и италіанская и швейцарская, прославленныя блестящими побѣдами русскихъ, окончились чрезвычайно неудачно; въ особенности же была печальна послѣдняя, предпринятая въ союзѣ съ Пруссіею, такъ какъ Тильзитскій миръ клонился исключительно къ выгодамъ Франціи [1]). Великій князь съ самаго дѣтства чрезвычайно любилъ военное ремесло и въ ранней юности постояннымъ его желаніемъ было примѣнить это ремесло къ боевой практикѣ. Оказалось, однако, что такое примѣненіе не всегда сопровождается желанными результатами. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если такой прискорбный опытъ сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго великаго князя: онъ разлюбилъ войну, и въ Тильзитѣ соратникъ Суворова на равнинахъ Италіи и на вершинахъ снѣжныхъ Альпъ явился, про-

---

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ Карновича нельзя согласиться, послѣ появленія въ печати историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, которыя авторъ біографіи цесаревича не имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ 1877 году. Н. Шильдеръ.

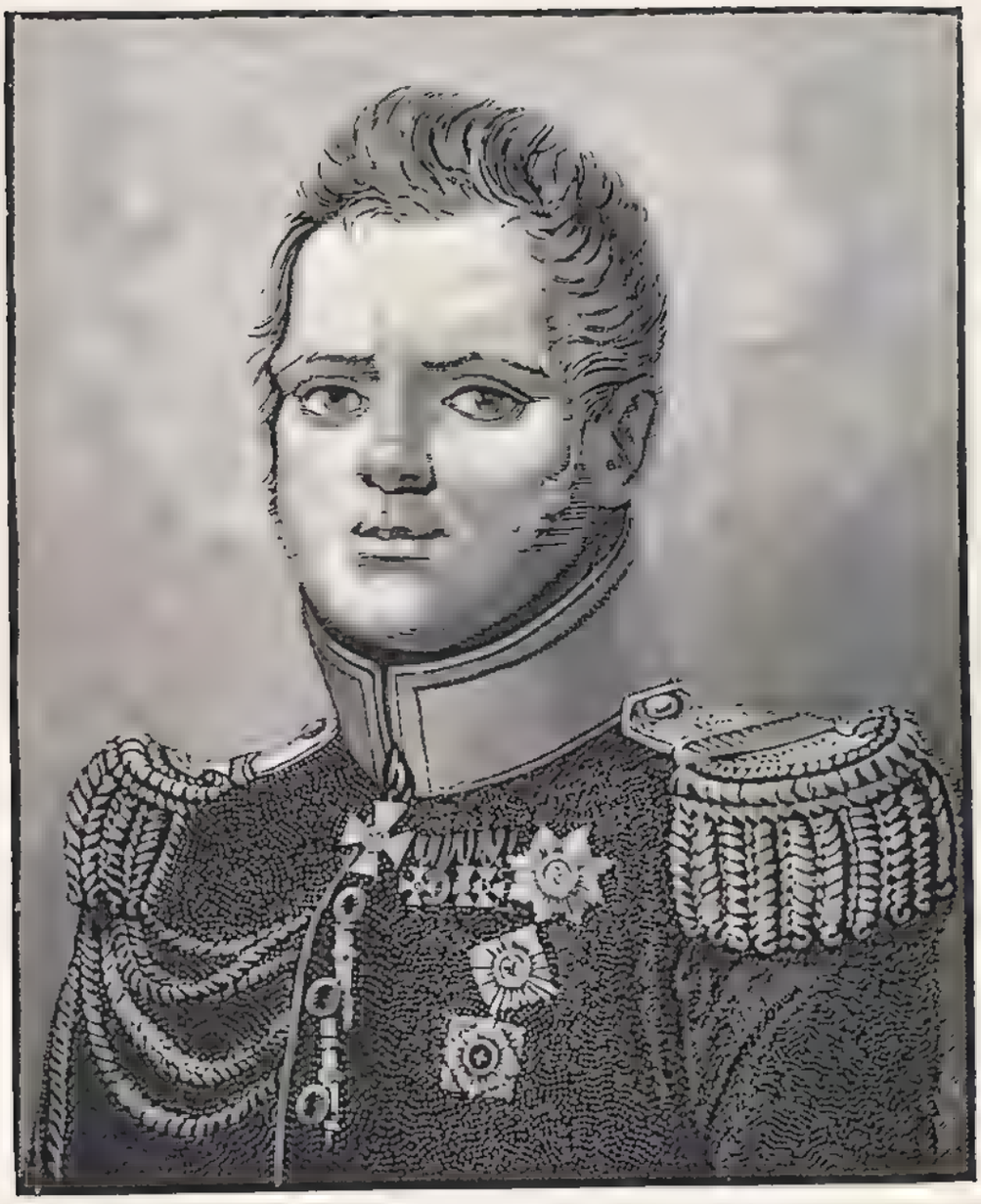
тивъ всякаго ожиданія, самымъ ревностнымъ поборникомъ мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, боевая жизнь повліяла на него въ другомъ отношеніи. До совершенныхъ имъ походовъ ему приходилось смотрѣть на солдатъ только какъ на предметъ военной техники и учебной выправки, въ походахъ же онъ сошелся съ ними при иныхъ условіяхъ—среди общихъ опасностей и лишеній, которыя всего скорѣе сближаютъ людей, не смотря на огромную разницу ихъ общественнаго и іерархическаго положенія. Узнавъ русскаго солдата вполнѣ, цесаревичъ не могъ не полюбить его; но полюбилъ его по-своему, поставивъ выше чувства любви строгость дисциплины и точное соблюденіе всѣхъ воинскихъ порядковъ. Какъ начальникъ, Константинъ Павловичъ продолжалъ иногда слѣдовать тѣмъ взглядамъ, какіе онъ высказывалъ будучи еще юношей, прибавляя къ этимъ взглядамъ крайнюю неровность своего характера.

Почувствовавъ нерасположеніе къ войнѣ, Константинъ Павловичъ все-таки съ прежнимъ увлеченіемъ исполнялъ обязанность начальника мирной арміи, для усовершенствованія которой единственнымъ средствомъ считалось тогда постоянное и неутомимое занятіе строевыми эволюціями, маршировкой, выправкой, пригонкой амуниціи и вообще такими предметами, которые во время войны неизбѣжно отодвигаются на второй планъ. Великій князь не гнался за лаврами полководца, но желалъ и быть и слыть замѣчательнымъ организаторомъ арміи, къ чему влекли его и наклонности, обнаруженныя имъ съ самаго дѣтства, и привычки, усвоенныя имъ съ той же поры. Подобно тому какъ отецъ его съ безпримѣрною энергіею старался объ устройствѣ модельнаго войска изъ гатчинскихъ баталіоновъ по образцу нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ—Константинъ Павловичъ трудился надъ тѣмъ, чтобы всѣ ввѣренныя ему части войска были «модельными». Разница же въ этомъ случаѣ между занятіями отца и занятіями сына была та, что первый изъ нихъ безусловно слѣдовалъ прусскому образцу, какъ идеалу всего лучшаго по части обученія и обмундированія войскъ, тогда какъ Константинъ Павловичъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно по собственнымъ своимъ соображеніямъ, улучшая всѣ части въ тѣхъ командахъ, которыя состояли подъ его начальствомъ. Къ этому

ему представлялась полная возможность, такъ какъ, въ царствованіе Александра Павловича, почти исключительно отъ него зависѣли и введеніе и отмѣна по всему войску какъ фронтовыхъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Кромѣ того, къ гвардіи изъ армейскихъ полковъ прикомандировывались офицеры, которые, живя въ Стрѣльнѣ, обучались подъ надзоромъ великаго князя фронтовымъ эволюціямъ, и по окончаніи тамъ обученія возвращались въ свои команды, которыя и перенимали черезъ нихъ все то, что́ было заведено въ Стрѣльнѣ.

Нелюбовью великаго князя къ войнѣ объясняется, вѣроятно, то обстоятельство, что онъ не принималъ участія ни въ австрійской, ни въ шведской, ни въ турецкихъ войнахъ, которыя вела Россія послѣ заключенія Тильзитскаго мира, но, живя то въ Петербургѣ, то въ Стрѣльнѣ, и здѣсь и тамъ занимался дѣятельно обученіемъ войска въ манежахъ, на плацъ-парадахъ и маневрахъ и былъ самымъ бдительнымъ блюстителемъ по исполненію всѣми чинами тогдашняго воинскаго устава.

Врожденное великому князю нетерпѣніе и неудержимая его вспыльчивость мѣшали, однако, ему сохранять то хладнокровіе и спокойствіе, которыя такъ необходимы для военныхъ инструкторовъ. При видѣ малѣйшей неисправности, нерѣдко ничтожнаго отступленія отъ порядка службы, неправильнаго движенія колонны, роты или взвода, онъ выходилъ изъ себя и гнѣвъ его не зналъ тогда предѣловъ. Выговоры и замѣчанія сыпались на тѣхъ, кого великій князь считалъ виновными, но послѣдствія его раздраженія отзывались обыкновенно и на тѣхъ, кто не былъ причиною его гнѣва. Веригинъ, служившій въ Варшавѣ подъ начальствомъ великаго князя, говоритъ въ своихъ «Запискахъ», — завѣщанныхъ имъ редакціи «Русской Старины», — между прочимъ, слѣдующее: «если полковой командиръ заслуживалъ гнѣвъ своего царственнаго начальника, то при первомъ ученіи весь полкъ терпѣлъ одинаково съ своимъ полковымъ командиромъ; если ротный начальникъ вызывалъ въ немъ неудовольствіе, то вся рота никуда не годилась; если прапорщикъ вдавался въ либерализмъ (?), то великій князь взыскивалъ не только съ него, но и съ его взвода. Цесаревичъ,— добавляетъ Веригинъ,—любилъ покорность безъ разсужденій».



Великій князь Константинъ Павловичъ.

Съ гравированнаго портрета Карделли.

Такое обобщеніе вины и при томъ иногда только кажущейся, а не дѣйствительной, обращало въ большой трудъ службу подъ начальствомъ Константина Павловича, личная требовательность котораго превосходила очень часто не только самыя строгія требованія военной службы, но иногда и физическую возможность. Гнѣвныя вспышки Константина Павловича поражали всѣхъ своею крайностью. Такъ, однажды, когда онъ дѣлалъ смотръ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, лошадь его чего-то испугалась и кинулась въ сторону; великій князь, выхвативъ палашъ, ударилъ имъ пугливаго коня, вообще очень сердился и, изранивъ лошадь, слѣзъ съ нея...

Подобные неудержимые припадки гнѣва съ видоизмѣненными примѣненіями ихъ повторялись постоянно и великій князь былъ грозою ученій, смотровъ, разводовъ, карауловъ и парадовъ. Ѳаддей Булгаринъ, какъ видно изъ напечатанныхъ записокъ Н. И. Греча, описалъ въ слѣдующихъ стихахъ положеніе стрѣльнинскихъ воиновъ:

Трепещетъ Стрѣльна вся, по всюду ужасъ, страхъ.
Неужели землетрясенье?
Нѣтъ, нѣтъ!—Великій князь ведетъ насъ на ученье...

Въ началѣ царствованія императора Александра цесаревичъ завѣдывалъ Днѣпровскою дивизіею, расположенною въ юго-западныхъ губерніяхъ, и потому нѣкоторое время квартировалъ въ мѣстечкѣ Дубно, центрѣ своей инспекціи. Здѣсь онъ могъ ознакомиться съ мирнымъ положеніемъ армейскихъ войскъ, тогда какъ прежде, живя въ Петербургѣ и въ Стрѣльнѣ, онъ не имѣлъ случая изучить хорошенько этотъ весьма важный вопросъ какъ въ военной администраціи, такъ и въ военномъ хозяйствѣ.

Въ бытность же свою въ Петербургѣ, Константинъ Павловичъ принималъ участіе въ слѣдующихъ по военному вѣдомству работахъ.

24-го іюня 1801 года, по повелѣнію императора, а очень можетъ быть, что и по мысли цесаревича, была учреждена въ Петербургѣ «воинская коммисія», въ виду того, что суммы на содержаніе сухопутныхъ войскъ съ 1796 года весьма возвысились. Комиссія должна была привести расходы по этой

части въ надлежащую соразмѣрность и «пріобрѣсть способы къ народному облегченію». Предсѣдателемъ вновь образованной комиссіи былъ назначенъ Константинъ Павловичъ, а членами ея: генералы-отъ-инфантеріи князь Прозоровскій, Ламбъ, Татищевъ и Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-провіантмейстеръ Свѣчинъ и генералъ-лейтенанты Тормазовъ, князь Волконскій и князь Долгорукой. Предметами занятій этой комиссіи были: опредѣленіе числа войскъ и общее ихъ положеніе; опредѣленіе числа войскъ по разнымъ родамъ и именованіямъ, а также числа людей въ полку и въ ротѣ; продовольствіе войска; положеніе ремонтной службы; одежда,—при разсмотрѣніи этого послѣдняго вопроса предполагалось «дать одеждѣ видъ воинственный и прочный и не только для всѣхъ оборотовъ службы и для сохраненія здоровья и бодрости солдатъ вообще удобнѣйшій, но и каждому роду войскъ приличнѣйшій». Ко всему указанному выше присоединялись еще вопросы о вооруженіи войскъ пѣхотныхъ и конныхъ, объ устроеніи сѣделъ и вообще конской сбруи и, наконецъ, о содержаніи артиллеріи. Въ 1802 году комиссія эта приступила къ печатанію рисунковъ придуманной ею формы обмундированія.

Другой родъ занятій цесаревича по одному изъ общихъ для всего государства вопросовъ состоялъ въ занятіяхъ вопросомъ по проекту объ управленіи военно-учебными заведеніями. 29-го марта 1804 года, императоръ утвердилъ докладъ великаго князя, уже давно завѣдывавшаго упомянутыми заведеніями, «объ учрежденіи совѣта о военныхъ корпусахъ». Предсѣдателемъ вновь учрежденнаго совѣта былъ назначенъ цесаревичъ, а членами его: министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, министръ военно-сухопутныхъ силъ Вязмитиновъ, инженеръ-генералъ Сухтеленъ, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь Чарторижскій, товарищъ министра юстиціи Новосильцевъ и генералъ-маіоры Клингеръ и Клейнмихель. Такимъ образомъ, въ этомъ совѣтѣ явились два самыя близкія къ императору въ ту пору лица, Чарторижскій и Новосильцевъ, который впослѣдствіи былъ главнымъ сотрудникомъ цесаревича по управленію царствомъ Польскимъ. Совѣтъ немедленно долженъ былъ приступить къ

устроенію въ назначенныхъ мѣстахъ губернскихъ военныхъ училищъ и къ преобразованію высшихъ кадетскихъ корпусовъ. Онъ долженъ былъ учредить отъ себя особый комитетъ для составленія уставовъ и штатовъ для всѣхъ означенныхъ учебныхъ заведеній. Цесаревичъ открылъ засѣданія совѣта 4-го апрѣля 1805 года и первымъ постановленіемъ совѣта было уравненіе по управленію 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ.

Непосредственныя предположенія Константина Павловича по военному вѣдомству касались самыхъ разнородныхъ и, повидимому, для неспеціалистовъ иной разъ самыхъ мелочныхъ предметовъ. Такъ, по проекту цесаревича, 21-го декабря 1803 года, были учреждены при кавалерійскихъ полкахъ запасные эскадроны и полуэскадроны; прибавлены, 17-го февраля 1804 года, въ каждый эскадронъ лейбъ-казачьяго полка по 28-ми человѣкъ для облегченія службы; назначены пастбища нѣкоторымъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкамъ; составленъ уставъ о лагерной службѣ и о продовольствіи строевыхъ лошадей подножнымъ кормомъ; о довольствѣ этихъ лошадей сухимъ фуражемъ, вмѣсто 9-ти—10 мѣсяцевъ въ году. Въ 1811 году, онъ представлялъ на высочайшее утвержденіе росписаніе кавалерійскихъ полковъ по старшинству ихъ сформированія. Цѣль этого росписанія клонилась къ тому, чтобы полки, во время строя и въ другихъ случаяхъ, могли становиться по назначенному въ росписаніи порядку.

Кромѣ всего этого, черезъ руки цесаревича проходило множество другихъ вопросовъ: объ уравненіи числа людей въ баталіонахъ; о порядкѣ смѣны стоящихъ въ караулахъ эскадроновъ; о формѣ эполетъ; объ амуничныхъ вещахъ гвардейскихъ и егерскихъ полковъ; о гусарскихъ ментикахъ; о переименованіи полковъ и о нумерахъ дивизій на погонахъ; о перевязяхъ и портупеяхъ въ пѣхотныхъ полкахъ; о зимнихъ и лѣтнихъ панталонахъ; о чепракахъ; о формѣ мѣсячныхъ рапортовъ; о штандартахъ; о конскихъ потникахъ; о выключкѣ нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ; объ отверткахъ къ ружьямъ, и о пробойнахъ къ пистолетамъ. Всѣ эти вопросы въ общей системѣ военнаго управленія и хозяйства имѣли практическую важность, и несомнѣнно, что указанія цесаревича,

вполнѣ знакомаго со всѣми мелочами военнаго быта и полкового хозяйства, оказывались полезны, и, конечно, не даромъ онъ, по тогдашнимъ понятіямъ и потребностямъ, слылъ во всей русской арміи самымъ способнымъ и самымъ дѣятельнымъ организаторомъ.

Такого рода занятія, прерываемыя двумя походами цесаревича сперва въ Австрію, а потомъ въ Пруссію, продолжались до 1812 года. Начавшаяся въ этомъ году война отвлекла его отъ обычныхъ занятій. Послѣ отечественной войны, ему, 8-го февраля 1813 года, отданъ въ команду формировавшійся тогда гвардейскій саперный баталіонъ, а въ 1814 году, подъ его руководствомъ, генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ формировалъ конно-егерскій полкъ, который долженъ былъ быть причисленъ къ составу гвардейскаго корпуса. Второй походъ во Францію и пребываніе за границею прекратили постоянныя занятія цесаревича по завѣдыванію гвардейскимъ корпусомъ и всею кавалеріею, а затѣмъ назначеніе его главнокомандующимъ польскою арміею потребовало постояннаго его присутствія въ Варшавѣ. Несмотря, однако, на это, онъ сохранилъ за собою нѣкоторое время званіе генералъ-инспектора всей кавалеріи и продолжалъ до конца жизни состоять главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а съ 1822 года въ завѣдываніи его былъ и Царскосельскій лицей. Къ исторіи управленія великимъ княземъ военно-учебными заведеніями относится слѣдующій разсказъ.

Константинъ Павловичъ, въ противоположность императору Александру, не сочувствовалъ вовсе проявлявшемуся въ русскомъ обществѣ религіозному мистицизму и отзывался о мистикахъ весьма неодобрительно. Отъ 10-го декабря 1816 года, онъ писалъ начальнику гвардейскаго штаба, генералъ-адъютанту Спягину, что кадету 2-го кадетскаго корпуса, Волотскому, мальчику лѣтъ 15-ти, начало каждую ночь являться видѣніе въ бѣлой монашеской мантіи, въ клобукѣ и съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ, и уговаривало его идти въ монахи; что корпусный іеромонахъ, чтобъ отогнать отъ него это видѣніе, поилъ его святою водою, водилъ въ алтарѣ кругомъ престола, читалъ надъ нимъ молитвы, но когда все это не помогло, то доложилъ

директору корпуса, генералъ-маіору Маркевичу. Между тѣмъ, министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ къ себѣ кадета. Великій князь, съ своей стороны, находилъ, что іеромонаху не слѣдовало приступать ни къ чему, «не доложась начальству», что монахъ—человѣкъ «простаго ума»,—не можетъ быть при корпусѣ законоучителемъ, такъ какъ «онъ долженъ своими убѣжденіями отклонять суевѣрныя, вкоренившіяся въ младенчествѣ, заблужденія въ кадетѣ Волотскомъ, а не вкоренять оныя еще болѣе въ мысляхъ молодаго человѣка читаніемъ надъ нимъ молитвъ и прочаго». Поэтому, великій князь полагалъ удалить іеромонаха изъ корпуса, а кадета отдать въ руки лекарямъ. «На счетъ же того,—писалъ цесаревичъ Сипягину,—что почтенный нашъ князь Александръ Николаевичъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже и въ видѣнія, я вамъ скажу, что я видѣніевъ никакихъ не видывалъ, а если увижу князя Александра Николаевича, то вѣрно увижу его и тогда съ одной и той же стороны, съ которой я, какъ вамъ извѣстно, всегда его вижу».

Кадетъ Волотской поступилъ «въ завѣдываніе князя Волконскаго», а отъ него въ завѣдываніе князя Голицына. О причинѣ такого распоряженія государь предоставилъ себѣ лично объяснить цесаревичу, при первомъ съ нимъ свиданіи, но тѣмъ не менѣе великій князь просилъ Сипягина развѣдать подъ рукою, что́ дѣлается съ Волотскимъ. Сипягинъ не могъ написать въ отвѣтъ ничего опредѣленнаго, но замѣтилъ, что кадета можно было излечить «весьма обыкновеннымъ видѣніемъ ротнаго командира съ розгами». Великій князь, въ письмѣ къ Сипягину, похвалилъ это антимистическое средство, добавляя, что объ этихъ предметахъ «иначе разсуждаютъ и думаютъ», и что поступки іеромонаха одобрены. Однако, въ слѣдующемъ, 1817 году, отчитывальщикъ-іеромонахъ былъ уволенъ, но зато на мѣсто его поступилъ еще болѣе ловкій начетчикъ, будущій архимандритъ Фотій...

ГЛАВА XIII.

Отечественная война 1812 годъ.—Поѣздка великаго князя Константина Павловича изъ арміи въ Москву.—Отношенія къ Барклаю-де-Толли.—Походъ 1813—1814 годовъ.—Пребываніе въ Парижѣ.

Въ началѣ 1812 года, штабъ-квартира великаго князя Константина Павловича, какъ командира 5-го корпуса, находилась въ Петербургѣ. Подъ начальствомъ его въ это время состояли: двѣ пѣхотныя дивизіи, гвардейская—Ермолова и сводная гренадерская, и одна кирасирская дивизія — Депрерадовича. Такимъ образомъ, весь составъ его корпуса простирался до 26-ти баталіоновъ пѣхоты и до 20-ти эскадроновъ тяжелой кавалеріи. Когда же при предстоявшей войнѣ была организована 1-я западная армія подъ начальствомъ Барклая-де-Толли то корпусъ цесаревича вошелъ въ составъ этой арміи и въ началѣ 1812 года выступилъ въ походъ изъ Петербурга. Въ то время, когда Наполеонъ, находясь въ Дрезденѣ, дѣлалъ громадныя приготовленія къ войнѣ съ Россіею, ожидая отвѣта отъ императора Александра Павловича, бывшаго въ Вильнѣ, корпусъ цесаревича стоялъ въ Свенцянахъ и Видзахъ, уѣздномъ городкѣ и мѣстечкѣ Виленской губерніи.

Константинъ Павловичъ былъ чрезвычайно недоволенъ предстоящею войною и не только настаивалъ на отправкѣ для мирныхъ переговоровъ особаго посла, но и самъ вызывался ѣхать съ этою цѣлью къ Наполеону, военный геній котораго онъ чрезвычайно цѣнилъ и по поводу котораго онъ, бывши въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны въ гостяхъ,

вступилъ въ самый запальчивый споръ съ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, рѣзко отзывавшимся объ императорѣ французовъ.

Съ переходомъ Наполеона черезъ Нѣманъ, началось изъ Свенцянъ и изъ Видзъ отступленіе корпуса цесаревича со всею арміею Барклая-де-Толли, который, предполагая дать сраженіе наступавшему на него непріятелю, занялъ укрѣпленный австрійскимъ генераломъ Фулемъ лагерь при Дриссѣ на Двинѣ. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, позиція эта оказалась неудобною, армія вышла изъ Дриссенскаго лагеря и продолжала отступленіе на востокъ, къ Смоленску. Въ «Военномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» упоминается, что Константинъ Павловичъ уѣхалъ отъ арміи изъ Дриссенскаго лагеря, но это не вѣрно. Онъ продолжалъ съ нею отступленіе, и когда она дошла до Смоленска, то тамъ сосредоточилось 120,000 русскаго войска. Подъ Смоленскомъ былъ собранъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ присутствовалъ и цесаревичъ. Члены совѣта единогласно и рѣшительно требовали отъ главнокомандующаго, чтобъ русская армія перешла въ наступательное положеніе. По поводу этого совѣта, Ермоловъ въ своихъ «Запискахъ» пишетъ: «Я въ первый разъ, въ случаѣ столь важномъ, видѣлъ великаго князя и не могу довольно сказать похвалы какъ о разсужденіи его, чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предлагалъ онъ его, и съ сего времени удвоилось мое къ нему почтеніе». Барклай-де-Толли, хотя и неохотно, но принялъ мнѣніе совѣта, который положилъ идти всѣми силами на Рудню, какъ на центръ расположенія непріятельской арміи. Предположеніе это было исполнено: армія наша, на разсвѣтѣ 26-го іюля, двинулась впередъ отъ Смоленска, но главнокомандующій, получивъ неблагопріятныя для русскихъ извѣстія о расположеніи арміи Наполеона, снова попятился назадъ, и сталъ производить около Смоленска различныя стратегическія движенія. Войско громко роптало на безпрестанное отступленіе и въ числѣ ропщущихъ былъ Константинъ Павловичъ. Вѣроятно, обстоятельство это послужило поводомъ къ тому, что, какъ сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ» Ермоловъ, главнокомандующій, въ Витебскѣ, далъ порученіе великому князю отправиться въ Москву къ государю; «не знаю,—доба-

вляетъ Ермоловъ,—но сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ то сдѣлать самъ по собственному побужденію. На первомъ отъ Порѣчья переходѣ арміи, великій князь возвратился, однако, изъ Москвы и вступилъ въ командованіе 5-мъ корпусомъ».

Относительно этой поѣздки Константина Павловича въ Москву, въ «Запискахъ» графа Ростопчина встрѣчается любопытное извѣстіе: «великій князь,—пишетъ Ростопчинъ,—прибылъ изъ арміи Барклая, который, считая его присутствіе безполезнымъ и затруднительнымъ, отправилъ его курьеромъ въ Москву съ словеснымъ порученіемъ представить отчетъ о состояніи войскъ и предположеніяхъ главнокомандующаго». Императоръ хотѣлъ оставить въ Москвѣ Константина Павловича, поручивъ ему сформировать кавалерійскій полкъ. Цесаревичъ полагалъ окончить это порученіе въ какихъ нибудь пятнадцать дней, употребивъ для этого самое простое средство, а именно, забирая всюду годныхъ людей и лошадей. «Предвидя неудобство отъ пребыванія великаго князя въ Москвѣ и отъ дурнаго впечатлѣнія, какое могъ бы произвести тотъ способъ, какой онъ намѣревался употребить», Ростопчинъ просилъ императора дать великому князю другое назначеніе, чтобъ избавить его, Ростопчина, отъ непріятностей. Вслѣдствіе такой просьбы, государь поручилъ ему сформировать ополченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, но великій князь не захотѣлъ заняться этимъ и императоръ согласился отпустить его снова въ армію.

6-го августа, французы, послѣ кровопролитнаго боя, овладѣли Смоленскомъ. Генералъ Жиркевичъ въ своихъ интересныхъ «Запискахъ» («Русская Старина» 1874 г., стр. 651) разсказываетъ, что онъ «своими ушами слышалъ, какъ при отступленіи отъ Смоленска великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ его, Жиркевича, батареѣ, около которой стояло много смольянъ, говорилъ: «что дѣлать, друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, да должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается». Такіе отзывы цесаревича, дѣлаемые въ ущербъ довѣрія къ Барклаю и со стороны войска и со стороны народа, подтверждаются и «Записками» Д. В. Давыдова. Упомянувъ о томъ, что на

военномъ совѣтѣ, подъ Смоленскомъ, великій князь предложилъ наступательное движеніе, Давыдовъ прибавляетъ, что Барклай-де-Толли, крайне недовольный тѣмъ, что окружающіе цесаревича позволяютъ себѣ громко осуждать дѣйствія его, главнокомандующаго, и стѣсняясь присутствіемъ великаго князя въ арміи, рѣшился выслать его въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ: ему поручено было отъ Барклая передать государю письмо чрезвычайно важнаго содержанія. О такомъ намѣреніи главнокомандующаго цесаревичъ былъ предваренъ заблаговременно начальникомъ штаба 1-й западной арміи, Ермоловымъ, и правителемъ канцеляріи Барклая-де-Толли, Закревскимъ.

Невыносимое для Барклая-де-Толли положеніе, занятое цесаревичемъ въ арміи, обрисовывается весьма ясно въ «Изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи въ 1812 году». «Изображеніе» это представляетъ, собственно, краткій, послѣдовательный отчетъ, поднесенный государю Барклаемъ, который жалуется на «духъ происковъ», «пристрастіе», «обидныя сужденія и слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ», замѣчая, что слухи эти восприяли свое начало при соединеніи обѣихъ армій. «Въ сіе самое время,—писалъ Барклай,—его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ возвратился въ армію изъ Москвы. Ко всему оному должно присовокупить особъ, принадлежащихъ къ главной квартирѣ вашего императорскаго величества, для начертанія вамъ, государь, слабаго изображенія всего происходившаго». Особы эти, «побуждаемыя къ осужденію всего», были: герцогъ Виртембергскій, генералъ Бенигсенъ, Корсаковъ, Армфельдтъ и нѣкоторые флигель-адъютанты. Барклай указывалъ и на то, что самъ начальникъ его главнаго штаба—Ермоловъ—«человѣкъ съ достоинствами, но ложный и интриганть, единственно изъ лести къ нѣкоторымъ вышесказаннымъ особамъ, къ его императорскому высочеству и князю Багратіону, совершенно согласовался съ общимъ положеніемъ». «Люди, преданные этимъ лицамъ, по исторженіи ими какого либо свѣдѣнія, по ихъ мнѣнію новаго, сообщали вымышленные разсказы, иногда всенародно на улицѣ». Барклай, упомянувъ о томъ, что для прекращенія этого онъ удалилъ нѣкоторыхъ особъ, въ томъ

числѣ адъютантовъ государя, добавляетъ: «я желалъ бы также имѣть право отправить нѣкоторыхъ особъ высшаго званія». Несомнѣнно, что къ числу этихъ особъ принадлежалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Графъ Граббе, упоминая въ своихъ «Запискахъ» объ осмотрѣ позиціи при Дорогобужѣ, прибавляетъ: «роль цесаревича стала затруднительна. Онъ слѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая-де-Толли, это было уже слишкомъ много для послѣдняго. Хладнокровный, безпристрастный, онъ рѣшился, однако, выслать цесаревича изъ арміи. Это было въ Дорогобужѣ. Онъ,— замѣчаетъ Граббе,—съ какою-то тайною радостью оставлялъ армію, едва-ли имъ понятую». По отъѣздѣ цесаревича изъ арміи, надъ корпусомъ, которымъ онъ командовалъ, принялъ начальство генералъ-лейтенантъ Лавровъ. Подъѣзжая къ Петербургу, цесаревичъ, на станціи Ижора, встрѣтилъ отправлявшагося въ армію новаго главнокомандующаго, князя М. И. Голенищева-Кутузова, и передалъ ему подробности сраженія, происходившаго подъ Смоленскомъ. Это было единственное сраженіе, въ которомъ участвовалъ цесаревичъ во все время войны 1812 года. Онъ не появлялся уже при арміи до похода ея за границу.

Если, при отступленіи отъ Свенцянъ къ Смоленску, цесаревичъ позволялъ себѣ и своимъ приближеннымъ относиться рѣзко о стратегическихъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли, зато въ отношеніи къ другимъ лицамъ онъ, противъ своего обыкновенія, велъ себя чрезвычайно сдержанно. По поводу его отъѣзда или благовиднаго удаленія Барклаемъ изъ Витебска, Ермоловъ,—впрочемъ, сторонникъ Константина Павловича,—пишетъ: «я замѣтилъ многихъ сожалѣвшихъ объ его отъѣздѣ и — что̀ еще бо̀льшую дѣлаетъ честь великому князю—людей непосредственно ему подчиненныхъ; о себѣ,— продолжаетъ Ермоловъ,—я не говорю, ибо я обязанъ былъ многими милостями и самымъ благосклоннымъ со мною обращеніемъ, чего я никогда не забуду. Со времени похода изъ Петербурга и въ продолженіе всей кампаніи, великій князь болѣе и болѣе привязывалъ къ себѣ своихъ подчиненныхъ; я, командуя гвардейскою пѣхотною дивизіею и непосредственно завися отъ него, былъ свидѣтелемъ, что никто не имѣлъ ни

малѣйшаго неудовольствія и никто не видалъ и тѣни непріятности».

Изъ приложеній, напечатанныхъ при «Запискахъ» Ермолова, а также изъ подлинныхъ, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины», предписаній цесаревича, видно, что онъ, въ походѣ 1812 года, заботился объ устройствѣ способовъ для продовольствія своего корпуса; хлопоталъ о томъ, чтобъ въ корпусъ этотъ не поступали, подъ видомъ желанія служить въ арміи, подозрительные и вредные люди и предписывалъ объ удаленіи изъ арміи такихъ лицъ. Онъ приказывалъ, чтобъ военные чины не забирали насильно подводъ у обывателей, а также куръ, гусей и тому подобнаго, прибавляя, что въ противномъ случаѣ ничего въ оправданіе принято не будетъ.

При отступленіи французовъ изъ предѣловъ Россіи, великій князь, жившій въ Петербургѣ, снова отправился въ армію и, пріѣхавъ въ Вильну за нѣсколько дней до прибытія туда государя, испросилъ у князя Кутузова позволеніе выбрать изъ хранившагося въ этомъ городѣ огромнаго запаса амуничныхъ вещей необходимо-нужное для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса. «Я былъ свидѣтелемъ разговора объ этомъ,—пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Ермоловъ,—и мнѣ легко было замѣтить, сколько пріятно было фельдмаршалу, что его высочество съ равною настойчивостью не коснулся никакихъ другихъ предметовъ».

Командуя гвардіею, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при переходѣ, 1-го января 1813 года, русскихъ полковъ за Нѣманъ въ составѣ войскъ бывшей 1-й западной арміи, находившейся подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли. Къ этому времени относится слѣдующій разсказъ, напечатанный г. Ульяновымъ въ «Русскомъ Архивѣ». При выступленіи русскихъ войскъ за границу, Константинъ Павловичъ отдалъ по командуемому имъ корпусу приказъ, чтобъ офицеры ни въ чемъ не отступали отъ установленной формы въ одеждѣ. На походѣ онъ увидѣлъ на одномъ кавалерійскомъ штабъ-офицерѣ, вмѣсто кивера, шапку. Подскакавъ къ полковнику, онъ сорвалъ ее и наговорилъ ему рѣзкихъ словъ. Обиженный объявилъ, что послѣ этого не можетъ оставаться на службѣ. Офицеры признали поступокъ це-

саревича оскорбительнымъ для всѣхъ ихъ и подали въ отставку. На одной изъ дневокъ Константинъ Павловичъ назначилъ смотръ, на которомъ объявилъ, что просьбы офицеровъ объ отставкѣ удовлетворены быть не могутъ, но что онъ, вполнѣ сознавая себя виноватымъ и удостовѣрясь, что полковникъ былъ въ шапкѣ по уважительной причинѣ — головной боли, проситъ извиненія, какъ у него, такъ и у всѣхъ офицеровъ, а если кто и этимъ не доволенъ, то дастъ личное удовлетвореніе. Всѣ, разумѣется, остались этимъ довольны, какъ вдругъ изъ фронта выдѣлился одинъ офицеръ, лѣтъ 19—20-ти, и сказалъ: «ваше высочество изволили сейчасъ предложить личное удовлетвореніе; позвольте же мнѣ воспользоваться такою честью».—«Ну, братъ, для этого ты еще слишкомъ молодъ!» отвѣчалъ съ улыбкою цесаревичъ. Офицеръ этотъ былъ Лунинъ, извѣстный впослѣдствіи декабристъ, котораго цесаревичъ тщетно старался спасти отъ постигшаго его наказанія за участіе въ заговорѣ.

Цесаревичъ вступилъ съ своими войсками въ герцогство Варшавское и перешелъ оттуда сперва въ Силезію, а потомъ въ Саксонію. Послѣ присоединенія прусской арміи къ русской, корпусъ цесаревича, во время битвы при Бауценѣ, 8-го (20-го) мая 1813 года, составлялъ резервъ праваго крыла союзныхъ войскъ. Въ составъ этого резерва входили гренадерскій и гвардейскій корпуса, двѣ кирасирскія дивизіи, легкая гвардейская кавалерія и резервная артиллерія. Войска эти были расположены отъ Мальшвица до Глейны. Подъ Бауценомъ только къ вечеру пришлось арміи Барклая-де-Толли выдержать въ ея авангардѣ атаку маршала Нея. Послѣ бауценскаго боя, въ ночь съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) мая, войска цесаревича—18,000 пѣхоты—стали въ резервѣ позади Башюца; его кавалерія, тоже въ резервѣ,—за Нейбуршицемъ. На этихъ позиціяхъ корпусъ великаго князя, 9-го (21-го) мая, подвергся сильнымъ нападеніямъ со стороны непріятеля. Союзники принуждены были отступить отъ Бауцена и русская гвардія, — за исключеніемъ войскъ, состоявшихъ въ отрядѣ Ермолова,—пошла на Гохкирхенъ къ Рейхенбаху, подъ начальствомъ цесаревича, и при этомъ движеніи ей пришлось выдерживать натиски самого Наполеона. Испытавъ неудачи, союзныя войска перебрались снова за Эльбу.

Когда, 23-го мая (4-го іюня), заключено было перемиріе, Константинъ Павловичъ съ своими резервными войсками расположился въ Силезіи и присутствовалъ въ Трахенбергскомъ замкѣ на происходившемъ тамъ совѣщаніи о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйстіяхъ противъ Наполеона. При возобновленіи кампаніи, главнокомандующимъ всей арміи былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, а главная или богемская армія, состоявшая изъ трехъ корпусовъ, находилась подъ начальствомъ Барклая-де-Толли; въ числѣ этихъ трехъ корпусовъ были и прусско-русскіе резервы, подъ командою цесаревича. Численность этихъ резервовъ простиралась до 50,000 человѣкъ при 198 орудіяхъ. Богемская армія двинулась въ Саксонію и 13-го (25-го) августа подошла къ Дрездену, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ котораго, въ Глассгюте, расположился съ своими войсками Константинъ Павловичъ. 14-го (26-го) августа, во время разгара битвы подъ Дрезденомъ, онъ шелъ туда черезъ Котту, когда маршалъ Вандаммъ напиралъ на сообщенія богемской арміи, прикрываемыя принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Угрожаемый слишкомъ значительными силами непріятеля, принцъ послалъ къ цесаревичу полковника Вахтеля просить о подкрѣпленіи, но Константинъ Павловичъ, отозвавшись, что онъ получилъ приказаніе идти съ русско-прусскими резервами на помощь главной арміи, ограничился тѣмъ, что послалъ принцу на помощь только лейбъ-кираспрскій ея величества полкъ, подъ начальствомъ своего шурина, принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, будущаго короля бельгійцевъ. Подойдя къ Дрездену, великій князь находился во время битвы невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ былъ смертельно раненъ генералъ Моро, и получилъ отъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго записку о присылкѣ 40 сильныхъ рядовыхъ равнаго роста, для переноски съ поля сраженія раненаго Моро.

Послѣ двухдневнаго боя при Дрезденѣ, доставившаго цесаревичу золотую, осыпанную брилліантами шпагу съ надписью: «за храбрость», онъ, по диспозиціи, съ 17-го (29-го) на 18-е (30-е) августа, стоялъ на лѣвомъ крылѣ арміи, командуя резервами.

При наступленіи къ Лейпцигу, великій князь, по диспозиціи Шварценберга, находился въ резервѣ за Падерборномъ и Гре-

берномъ. Въ это время у цесаревича были подъ начальствомъ: пѣхота графа Милорадовича, состоявшая изъ русскаго пѣхотнаго корпуса Ермолова и прусской гвардейской пѣхотной бригады; изъ кавалеріи генералъ-лейтенанта князя Голицына, изъ 1-й и 2-й кирасирскихъ дивизій, изъ прусской гвардейской кавалерійской бригады, русской легкой кавалерійской дивизіи и резервной артиллеріи. На позиціи при Вихау отлично дѣйствовала вся артиллерія Константина Павловича, а во время Лейпцигскаго боя, 4-го (16-го) октября 1813 года, всѣ командуемые имъ резервы сблизились съ центромъ арміи. На второй день этого сраженія, онъ, по повелѣнію государя, ѣздилъ къ отряду Бенигсена, чтобъ благодарить его за пріобрѣтенные надъ непріятелемъ успѣхи, а также, чтобъ поздравить наслѣднаго принца шведскаго съ прибытіемъ на поле сраженія. Наградою ему за сраженіе подъ Лейпцигомъ былъ орденъ св. Георгія 2-го класса.

Когда союзники, приближаясь къ предѣламъ Франціи, пришли къ Рейну, то прусско-русскіе резервы, подъ начальствомъ цесаревича, подошли на кантониръ-квартиры позднѣе другихъ войскъ, а именно, только въ концѣ декабря 1813 года. Самъ же Константинъ Павловичъ отправился въ главную квартиру графа Барклая-де-Толли, находившуюся въ Фрейбургѣ.

Перейдя, въ составѣ арміи князя Шварценберга, черезъ Рейнъ, великій князь не принималъ, однако, участія въ сраженіи при Бріеннѣ, такъ какъ, въ продолженіе этого сраженія, русско-прусская гвардія и резервная артиллерія, бывшія подъ его начальствомъ, стояли у Арсонвиля, въ шестнадцати верстахъ отъ поля битвы. Но зато ему привелось не только дѣйствовать съ своими войсками въ битвѣ при Феръ-Шампенуазѣ, но и оказать здѣсь подвигъ личной храбрости. Когда французы стали отступать на Конантрѐ, онъ обошелъ съ конно-гвардейскимъ и лейбъ-драгунскимъ полками оврагъ съ лѣваго фланга непріятеля и стремительно ударилъ на него. По отзывамъ военныхъ писателей, эта атака составляетъ одно изъ самыхъ блистательныхъ кавалерійскихъ дѣлъ въ исторіи войнъ, веденныхъ во времена Наполеона.

Вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, великій князь Константинъ Павловичъ торжественно вступилъ съ русскою гвардіею

въ сдавшійся союзникамъ на капитуляцію Парижъ и тамъ черезъ нѣсколько дней далъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и государь.

Среди торжествъ, празднествъ и увеселеній, происходившихъ въ Парижѣ по случаю вступленія союзниковъ, цесаревичъ не отставалъ отъ своихъ любимыхъ занятій по фронтовой части. Однажды, въ домѣ князя Беневентскаго, гдѣ жилъ императоръ Александръ, услышали сильный шумъ, и бросившіеся на этотъ шумъ приближенные императора и его прислуга увидѣли слѣдующее: нѣсколько высокопоставленныхъ въ русской арміи лицъ маршировали по залѣ, а Константинъ Павловичъ, обучая ихъ маршировкѣ, въ одно и то же время командовалъ и по-русски, и по-польски, и по-французски, дѣлая имъ запальчиво свои начальническія замѣчанія.

По заключеніи Парижскаго мира, онъ съ извѣстіемъ объ этомъ прибылъ, 9-го іюня 1814 года, въ Петербургъ. Императрица Марія Ѳеодоровна, обрадованная окончаніемъ войны, дала въ честь вѣстника мира праздникъ въ Павловскѣ (См. «Павловскъ», изд. 1877 г., стр. 166 — 168).

Въ Петербургѣ дворянство и купечество хотѣли въ честь цесаревича дать балъ, но онъ уклонился отъ такого способа выраженія общественнаго къ нему вниманія и высказалъ желаніе, чтобы собранныя на балъ деньги были употреблены въ пользу русскихъ воиновъ, раненыхъ въ сраженіи при Ферь-Шампенуазѣ и при взятіи Парижа. Изъ Петербурга онъ поѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ; и въ Вѣнѣ онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Императоръ австрійскій сдѣлалъ его шефомъ гусарскаго полка, и цесаревичъ тотчасъ же принялся за обученіе своей новой команды, маневрируя съ своимъ полкомъ въ окрестностяхъ Вѣны, не смотря на непогоду и стужу. По окончаніи конгресса, онъ сопутствовалъ Александру Павловичу въ непродолжительномъ походѣ 1815 года, а послѣ этого прибылъ въ Варшаву.

ГЛАВА XIV.

Царство Польское.—Князь Адамъ Чарторижскій.—Конституція.—Назначеніе великаго князя Константина Павловича главнокомандующимъ польскихъ войскъ.—Организаторская дѣятельность.

Войдя, послѣ Тильзитскаго мира, въ близкія, даже дружескія отношенія съ Наполеономъ, императоръ Александръ Павловичъ направилъ русское оружіе противъ прежней своей союзницы—Австріи, но вскорѣ образъ дѣйствій со стороны императора французовъ вызвалъ въ немъ сильное неудовольствіе. Оказывая полякамъ свое покровительство, Наполеонъ къ возстановленному имъ, подъ властію короля Саксонскаго, герцогству Варшавскому прибавилъ еще значительную территорію на счетъ областей, отошедшихъ къ Австріи при бывшихъ прежде раздѣлахъ Польши. По поводу этого, канцлеръ графъ Румянцевъ писалъ состоявшему при русскомъ дворѣ французскому резиденту генералу Коленкуру, что присоединеніе до 2.000.000 новыхъ подданныхъ къ герцогству Варшавскому могло возбудить въ жителяхъ герцогства несбыточныя надежды на возстановленіе королевства Польскаго въ прежнемъ составѣ, и потому требовалъ именемъ своего государя отъ представителя Франціи, чтобъ Коленкуръ испросилъ у императора Наполеона полномочіе на подписаніе акта, который разъ навсегда обезпечилъ бы за Россіею спокойное обладаніе областями, возвращенными ей отъ Польши, и положительно удостовѣрилъ бы жителей какъ этихъ областей, такъ равно и герцогства Варшавскаго, что увеличеніе территоріи этого послѣдняго «никогда» не поведетъ къ

Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Съ портрета Боровиковскаго.

возстановленію королевства Польскаго. Вслѣдствіе этой ноты графа Румянцева и по повелѣнію Наполеона, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи отвѣчалъ русскому канцлеру, что благодарность — первая добродѣтель монарховъ и честь — первый законъ ихъ — воспрещаютъ императору Наполеону оставить въ рукахъ австрійцевъ страну, единодушно противъ нихъ возставшую. Его величество,—писалъ Шампаньи,— соображая свои дѣйствія съ видами своего союзника, императора Александра, присоединилъ западную Галицію къ герцогству Варшавскому, которымъ владѣетъ король Саксонскій, извѣстный миролюбіемъ и умѣренностію. Императоръ Наполеонъ не только не хочетъ возбудить чуждой ему мысли о возстановленіи Польши, но готовъ содѣйствовать императору Александру во всемъ, могущемъ изгладить о ней память и истребить имя Польши и поляковъ, не только въ государственныхъ бумагахъ, но даже и въ исторіи, чтобы тѣмъ самымъ положить конецъ мечтаніямъ, болѣе вреднымъ для самихъ поляковъ, нежели для правительствъ, которымъ они принадлежатъ.

На основаніи такого отзыва со стороны императора Наполеона, Коленкуръ, 24-го декабря 1809 (5-го января 1810), заключилъ въ Петербургѣ конвенцію, въ которой сказано было: 1) что королевство Польское никогда не будетъ возстановлено; 2) что обѣ договаривающіяся стороны употребятъ всѣ средства къ тому, чтобъ имя Польши не присвоивалось никакой изъ бывшихъ ея областей и было бы навсегда изглажено изъ государственныхъ бумагъ; 3) что ордена, существовавшіе въ Польшѣ, навсегда будутъ уничтожены; 4) что русскіе подданные изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній не будутъ принимаемы на службу въ герцогствѣ Варшавскомъ; 5) что герцогство это не будетъ увеличиваемо областями, принадлежавшими Польшѣ, и 6) что Россія и герцогство не будутъ имѣть общихъ подданныхъ.

Императоръ Александръ Павловичъ не слишкомъ однако довѣрялся политикѣ своего новаго союзника въ отношеніи поляковъ и готовился воспользоваться ими, какъ пользовался Наполеонъ. Во время войны съ Австріею, главнокомандующій русскими войсками, князь С. Ѳ. Голицынъ, предложилъ императору возстановить королевство Польское, «постановивъ при этомъ на

вѣчныя времена, что государи россійскіе суть короли польскіе». Александръ Павловичъ не отвергалъ безусловно такого предположенія, но опасался только, что при этомъ: во-первыхъ, нужно будетъ отдать полякамъ принадлежавшія имъ прежде русскія области, и во-вторыхъ, что при возстановленіи Польши разорвется связь между державами, участвовавшими въ ея раздѣлѣ. Въ виду этого, императоръ Александръ колебался нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ выразилъ желаніе, чтобы князь Голицынъ внушалъ подъ рукою полякамъ мысль объ учрежденіи изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи королевства Польскаго, «ввѣривъ скипетръ онаго русскому государю». По приказанію императора, канцлеръ графъ Румянцевъ велъ объ этомъ дѣятельную переписку съ Голицынымъ. Между тѣмъ, война съ Австріею кончилась и предположеніе, сдѣланное Голицынымъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій. При томъ вообще мало было и надежды на успѣхъ подобнаго предпріятія, такъ какъ поляки не оказывали намъ ни малѣйшаго сочувствія и Голицынъ между прочимъ доносилъ, что наглость варшавскихъ войскъ въ отношеніи русскихъ выходитъ изъ границъ, и что обоюдная ненависть существуетъ не только между офицерами, но даже и между нижними чинами обѣихъ армій.

Во время войны 1812 года, когда Наполеонъ вышелъ изъ предѣловъ Россіи, князь Адамъ Чарторижскій,—другъ юныхъ лѣтъ императора Александра, который въ ту пору велъ съ нимъ «тайные разговоры», тщательно скрываемые отъ Константина Павловича—отправилъ, 12-го (24-го) декабря 1812 года, къ государю чрезъ Новосильцева записку о Польшѣ, подразумѣвая подъ этой послѣдней не одно только герцогство Варшавское, но и всю Рѣчь Посполитую въ прежнихъ ея предѣлахъ. Записка эта сопровождалась письмомъ къ Новосильцеву и въ этомъ письмѣ Чарторижскій объяснялъ, что «простое возстановленіе, обошедшееся очень дорого, было бы слишкомъ мало и оставило бы все въ томъ же положеніи». Возстановленіе Польши въ предположенномъ смыслѣ (т. е. какъ это излагалось въ запискѣ князя) необходимо и Россіи, и Англіи, и всей Европѣ. Этимъ парализировалась бы сразу—по мнѣнію Чарторижскаго—сила Наполеона на сѣверѣ, что́ составляетъ одно изъ необходимыхъ

условій всеобщаго мира. «Въ случаѣ продолженія войны,—писалъ Чарторижскій,—надобно будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ поляки жертвовали послѣднимъ грошемъ и жизнію для общаго дѣла».

Въ заключеніе своего письма, Чарторижскій, имѣя въ виду польскихъ подданныхъ Россіи, добавлялъ: «великій князь Константинъ ихъ въ особенности пугаетъ. Они боятся, что не дождутся конституціи, которая могла бы ихъ защитить отъ жестокостей наслѣдника Александра». Въ этомъ случаѣ подъ поляками подразумѣвались жители областей, принадлежавшихъ Польшѣ, но тогда уже подвластныхъ Россіи.

Было бы долго говорить о ходѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ вопроса о возстановленіи Польши. Довольно замѣтить, что императоръ Александръ Павловичъ, подъ дѣйствовавшимъ на него вліяніемъ сторонниковъ Польши, пошелъ совершенно въ разрѣзъ той конвенціи 1809 года, которая была ратификована имъ, да притомъ и составлена по его инціативѣ, и которая клонилась къ полному уничтоженію даже слѣдовъ бывшаго королевства Польскаго. На Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ Павловичъ сталъ однако ревностнымъ поборникомъ возстановленія падшаго королевства и, послѣ большихъ усилій, достигъ желаемой цѣли. Подъ ограниченною властью его самого и его наслѣдниковъ, явилось снова королевство или царство Польское. 20-го (8-го) іюля 1815 года, громъ пушекъ возвѣстилъ Варшавѣ о торжествѣ этого событія. Въ 9 часовъ утра, въ соборномъ костелѣ св. Яна, собрались всѣ правительственныя лица и, послѣ божественной службы, были прочитаны сперва отреченіе короля Саксонскаго отъ правъ и титула герцога Варшавскаго, а потомъ манифестъ императора Александра о возстановленіи королевства Польскаго и главныя основанія даруемой королевству конституціи. Послѣ того, члены государственнаго совѣта, сенаторы, чиновники и жители приняли присягу въ вѣрности своему новому государю. На казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ появились бѣлые орлы и завѣяло польское знамя. Въ церквахъ служили благодарственныя молебствія. Для составленія конституціи былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Владислава Островскаго. Совѣтъ управленія царствомъ

явился въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателемъ его былъ назначенъ намѣстникъ царства князь Зайончекъ, государственнымъ секретаремъ графъ Соболевскій, а членами — министры: финансовъ—Матушевичъ, внутреннихъ дѣлъ—графъ Мостовскій, просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—Станиславъ Потоцкій, юстиціи—Вавжецкій, военнымъ—Віельгорскій. Тайный совѣтникъ Новосильцевъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ императору Александру, получилъ при государственномъ совѣтѣ царства Польскаго званіе уполномоченнаго комиссара его императорскаго величества.

Конституція, составленная для царства Польскаго и обнародованная 28-го ноября н. с. 1815 года, заключала въ себѣ 165 статей и напоминала въ главныхъ чертахъ хартію, данную Франціи королемъ Людовикомъ XVIII, съ тою разницею, что, сравнительно съ нею, предоставляла полякамъ болѣе правъ по дѣламъ муниципальнымъ и по дѣламъ мѣстнаго управленія. Государю по этой конституціи предоставлялась исполнительная власть, а законодательная принадлежала сенату и палатѣ депутатовъ, состоявшей изъ 77 представителей отъ дворянъ и изъ 51 представителя отъ городовъ. Сеймъ положено было созывать каждые два года; засѣданія его должны были быть открыты для публики и продолжаться въ теченіе тридцати дней.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принималъ никакого участія какъ въ разрѣшеніи вопроса о возстановленіи королевства Польскаго, такъ и въ вопросѣ объ организаціи внутренняго его управленія. Имя его не находилось въ спискѣ первенствующихъ сановниковъ новаго государства. Ему предоставлено было только, какъ и всѣмъ великимъ князьямъ императорскаго дома, право засѣдать въ сенатѣ, и при чтеніи тамъ конституціи, 24-го декабря 1815 года, онъ занималъ первое сенаторское мѣсто по правой сторонѣ трона. Затѣмъ онъ, съ прежнимъ званіемъ генералъ-инспектора всей кавалеріи, получилъ главное начальство надъ польскимъ войскомъ, численность котораго должна была простираться до 35,000 человѣкъ. Войско это было почти налицо.

Поляки, увлеченные побѣдами Наполеона, надѣялись видѣть въ немъ возстановителя Польши и стали сбираться подъ его

знамена. Изъ этихъ пришельцевъ генералъ Домбровскій составилъ въ Италіи первый польскій легіонъ, въ рядахъ котораго раздалась дышащая воинственностію и увѣренностію въ побѣдѣ польская пѣсня: «Jeszcze Polska nie zginęła, póki my żyjemy» (т. е. Польша еще не пропала, пока мы живемъ). Напѣвая эту пѣсню, поляки мужественно бились въ разныхъ концахъ Европы и, торжественно распѣвая ее, они вступили въ оставленную нами Москву. Но прошла пора побѣдъ и счастья Наполеона и польскіе «вояки», разочарованные въ своихъ надеждахъ на Наполеона, остались послѣ его низложенія ни при чемъ. Имъ, закаленнымъ въ бояхъ воинамъ, не предстояло теперь ничего другого, какъ только или разойтись мирно по домамъ или, разъединившись между собою, искать службы въ рядахъ иноплеменныхъ войскъ. Вышло однако иначе; случилось то, на что, повидимому, поляки не могли вовсе надѣяться послѣ паденія Наполеона.

Еще въ 1814 году, при заключеніи Фонтенеблоскаго трактата, командовавшій польскими войсками въ арміи императора французовъ, генералъ Домбровскій, испрашивалъ у императора Александра дозволеніе имъ возвратиться въ Польшу. Въ свою очередь, государь, въ бытность свою въ Парижѣ, принялъ чрезвычайно благосклонно депутацію польскихъ легіоновъ и старался успокоить ее на счетъ будущности, предстоящей польскому войску. Заявивъ депутаціи о томъ, что онъ согласенъ исполнить просьбу ихъ предводителя, Домбровскаго, императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое желаніе, чтобъ войска герцогства Варшавскаго отправились домой одновременно съ русскими войсками, заявивъ при этомъ, что служащіе въ войскахъ герцогства, по прибытіи на родину, получатъ свободу или продолжать или оставить военную службу. Затѣмъ, указывая депутатамъ польскаго войска на присутствовавшаго при ихъ пріемѣ великаго князя Константина Павловича, добавилъ: «командовать вами будетъ братъ мой». Сборнымъ мѣстомъ для польскихъ войскъ была назначена Познань, куда и потянулись польскіе легіонеры изъ разныхъ странъ Европы.

Принявъ главное начальство надъ польскими войсками, цесаревичъ обратился къ нимъ съ дневнымъ приказомъ, въ ко-

торомъ говорилъ имъ: «явитесь готовыми поддержать цѣною вашей крови великодушныя усилія вашего августѣйшаго монарха, заботящагося о благосостояніи вашей страны. Тѣ самые вожди, которые въ продолженіе двадцати лѣтъ указывали вамъ путь къ славѣ, снова укажутъ его вамъ. Императору извѣстна ваша храбрость. Среди бѣдствій злополучной войны, ваша доблесть пережила независившія отъ васъ обстоятельства. Вы отличались великими подвигами въ борьбѣ, нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы посвятите всѣ свои усилія защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы!»

18-го августа 1814 года, находившійся въ Варшавѣ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли далъ по арміи приказъ, въ которомъ оповѣщалось, что «корпусъ войскъ польскихъ, предавшихся совершенно во власть и покровительство августѣйшаго государя нашего, имѣетъ на сихъ дняхъ, по высочайшему его императорскаго величества соизволенію, вступить въ городъ Варшаву»; вслѣдствіе этого начальникамъ было приказано: внушить всѣмъ подчиненнымъ ихъ о дружественномъ обращеніи съ сими войсками. Собравшіеся въ Познани польскіе легіоны, съ своими блуждавшими повсюду одноглавыми орлами, потянулись теперь на родину, а въ Варшавѣ сталъ ходить слухъ, что цесаревичъ будетъ имѣть здѣсь постоянное жительство, и дѣствительно стали отдѣлывать дворцы: Брюлевскій для его зимняго, а Бельведерскій для его лѣтняго пребыванія. 17-го сентября 1814 года, русскій гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ цесаревича, торжественно вступилъ въ Варшаву. Съ этимъ корпусомъ, въ видѣ почетной гвардіи, пришли и польскіе легіоны и въ день своего вступленія это русско-польское войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли.

Съ начала 1815 года приступлено было къ формированію польской арміи на особыхъ основаніяхъ и въ размѣрѣ, постановленномъ по Вѣнскому трактату. Инструкторами въ эту армію были назначены русскіе офицеры, а въ солдаты поступали туда не одни только уроженцы царства Польскаго, но и уроженцы западныхъ губерній, изъ нихъ же преимущественно былъ составленъ и такъ называвшійся литовскій корпусъ, расположенный въ губерніяхъ, смежныхъ съ царствомъ.

Поляки съ удовольствіемъ смотрѣли на составленіе ихъ собственнаго войска, но въ русскихъ кружкахъ образованіе отдѣльной польской арміи было встрѣчено не совсѣмъ спокойно. Одинъ изъ высшихъ представителей этого кружка, предсѣдатель временнаго совѣта управленія царства Польскаго, В. С. Ланской, потомокъ польской фамиліи, издавна, впрочемъ, поселившейся въ Россіи, рѣшился высказать въ письмѣ своемъ къ императору Александру опасенія, возбуждаемыя этою мѣрою. Онъ писалъ, что манифестъ о созданіи царства Польскаго не произвелъ такого вліянія, какого ожидать бы можно отъ народа болѣе «чувствительнаго», что «объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституціонномъ правленіи принимается не за милость, но за опасеніе послѣдствія отъ бѣглеца изъ Эльбы». «Все благосердіе твое,—писалъ Ланской государю,—и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ вообще и войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго изліять ядъ свой». Письмо свое Ланской оканчиваетъ замѣчаніемъ, что «ни въ какомъ случаѣ считать (расчитывать) на поляковъ не можно». Дѣйствительно, «królewstwo kongressowe» или такъ называвшееся попросту поляками «congressówka» (конгрессувка) не удовлетворяло польскихъ патріотовъ.

Въ день торжественнаго объявленія въ Варшавѣ о возстановленіи королества или царства Польскаго, бывшая армія герцогства Варшавскаго, преобразившаяся теперь въ королевско-польскую, въ присутствіи цесаревича, какъ своего главнокомандующаго, собравшись на равнинѣ близъ варшавскаго предмѣстья Воли, принесла по-баталіонно у сооруженнаго на этотъ случай алтаря присягу въ вѣрности королю или царю польскому Александру I. Устранивъ себя на первый разъ отъ всякаго участія въ гражданскомъ управленіи царства Польскаго, великій князь дѣятельно и съ любовью занимался устройствомъ польской арміи. Императоръ Александръ Павловичъ сочувственно относился къ его трудамъ по этой части и, 11-го іюня 1816 года, Константинъ Павловичъ писалъ изъ Стрѣльны Новосильцеву: «принять

былъ такъ милостиво государемъ императоромъ, что даже этого никакъ не заслуживаю и, лучше сказать, государь изволилъ особенною своею ко мнѣ ласкою, будто бичомъ, подгонять, чтобъ я еще болѣе старался хлопотать».

Подъ руководствомъ цесаревича производилась дальнѣйшая организація польскихъ войскъ и литовскаго корпуса, которая была вполнѣ окончена только въ 1823 году, и въ этомъ году, 17-го сентября, былъ большой смотръ упомянутымъ войскамъ и корпусу. На этотъ смотръ, происходившій подъ Брестъ-Литовскомъ, былъ приглашенъ цесаревичемъ императоръ Александръ, который остался чрезвычайно доволенъ организаторскими трудами своего брата.

По польскимъ войскамъ были назначены оклады, значительно превосходившіе оклады, существовавшіе въ ту пору въ русскихъ войскахъ. Оружіе всякаго рода, порохъ и военные снаряды стали въ изобиліи высылаться изъ Россіи для польской арміи. Русскій корпусъ войскъ, стоявшій на границахъ царства Польскаго, былъ названъ «отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ» и служившіе въ немъ русскіе были переведены въ другія войска, расположенныя внутри имперіи. Срокъ службы въ польскихъ войскахъ полагался для нижнихъ чиновъ восьми-годичный, такъ что постепенно все мужское населеніе Польши, побывавъ въ строю, могло ознакомиться съ военнымъ ремесломъ.

Организація военныхъ силъ возстановленнаго императоромъ Александромъ Павловичемъ королевства Польскаго не ограничилась только этимъ. Тамъ принимались, сверхъ того, мѣры для усиленія внутренней обороны края. Находившіяся въ царствѣ крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ фортификаціи, а крѣпость Замостье была возобновлена и усилена. Впослѣдствіи поляки убѣдили Константина Павловича ходатайствовать о возведеніи крѣпости въ Тирасполѣ, какъ бы въ противоположность русской крѣпости, построенной въ Бобруйскѣ, но это было уже въ царствованіе императора Николая, который смекнулъ въ чемъ тутъ дѣло, и не согласился на такое предложеніе. Независимо отъ оружія, бывшаго въ дѣйствительномъ употребленіи въ польской арміи, главные ея представители испросили присылку новаго изъ Россіи, и когда въ Польшу было

доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, то тѣ же лица нашли предлогъ, чтобъ не сдавать лишняго и негоднаго оружія русскимъ властямъ и помѣстили его про запасъ въ варшавскомъ арсеналѣ. По другимъ, впрочемъ, свѣдѣніямъ, непосредственно цесаревичъ приказывалъ сдавать чуть-только испорченное оружіе въ арсеналъ и тѣмъ самымъ подготовилъ въ немъ большіе запасы. По ходатайству Константина Павловича, императоръ Александръ разрѣшилъ обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насыпью. Испрашивалось же это подъ тѣмъ благовиднымъ, вовсе не стратегическимъ предлогомъ, чтобъ затруднить ввозъ въ городъ контрабанды.

Хотя, какъ мы уже замѣчали, великій князь, получивъ званіе главнокомандующаго польскою арміею, не принималъ офиціально никакого участія во внутренней администраціи царства, но, въ сущности, онъ былъ тамъ, по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія краемъ, такимъ же слишкомъ почетнымъ и слишкомъ вліятельнымъ «волонтеромъ», какимъ онъ былъ нѣкогда при арміи Суворова. Нельзя предположить, чтобы дряхлый намѣстникъ, князь Зайончекъ, которому отъ имени русскаго правительства было такъ трудно ладить съ поляками вообще, и съ польскою аристократіею въ особенности, а также и уполномоченный императорскій комиссаръ, человѣкъ слишкомъ близкій къ великому князю, предпринимали какія нибудь мѣры по царству безъ предварительнаго совѣщанія съ братомъ императора и безъ руководства съ его стороны. Михайловскій-Данилевскій въ «Запискахъ» своихъ сообщаетъ, что Зайончекъ не предпринималъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись предварительно съ великимъ княземъ. Авторъ «Замѣтокъ о польскомъ возстаніи въ 1830 году» («Русскій Архивъ» 1867 г.), говоритъ: «когда, въ 1815 году, великій князь принялъ во вновь созданномъ царствѣ Польскомъ верховное управленіе, онъ сразу повелъ дѣло къ цѣли, безъ уступокъ, даже круто, чего, повидимому, требовали сами обстоятельства». Такое сообщеніе съ формальной точки зрѣнія не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Константинъ Павловичъ не принималъ въ 1815 году верховнаго управленія въ царствѣ Польскомъ и вообще уклонялся отъ званія намѣстника, не желая занимать никакихъ высокихъ должностей. Несомнѣнно,

однако, что его вліяніе и его рука и даже его прихоти чувствовались во всѣхъ дѣлахъ края. Съ внѣшней стороны, цесаревичъ оставался вѣренъ тому положенію, какое онъ занималъ въ Варшавѣ; во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ онъ уступалъ первый шагъ намѣстнику, а въ торжественные дни, между прочимъ и въ день празднества, установленнаго въ память учрежденія царства Польскаго, онъ, по окончаніи парада, въ полной формѣ и въ сопровожденіи всей своей свиты, являлся во дворецъ намѣстника для принесенія поздравленія князю Зайончеку, который оставался намѣстникомъ до самой своей смерти, т. е. до 18-го іюня 1826 года. Никакимъ особымъ высочайше обнародованнымъ указомъ не была предоставлена цесаревичу власть по государственному управленію царствомъ. По поводу присвоенія цесаревичу такой власти, одинъ изъ польскихъ историковъ замѣчаетъ, что Константинъ Павловичъ «otrzymał przywileje, które go własciwie robiły wice-królem podczas gdy Zajączek był tylko ciwilnym namiestnikiem we wszystkiem poddany forkasom Konstantego», т. е. получилъ такія привиллегіи, которыя, собственно, дѣлали его вице-королемъ въ то время, когда Зайончекъ былъ только гражданскимъ намѣстникомъ, подчиненнымъ во всемъ приказаніямъ Константина.

ГЛАВА XV.

Недовольство въ Варшавѣ.—Отношеніе вел. князя Константина Павловича къ подчиненнымъ.—Его образъ жизни.—Пріѣздъ императора Александра въ Варшаву.

Недаромъ съ давнихъ временъ Варшава слыла у насъ, русскихъ, веселымъ городомъ и недаромъ приняла она въ свой гербъ сирену. Подобно этой баснословной обольстительницѣ, она привлекала къ себѣ тьму русскихъ, которые хотѣли насладиться пріятностями жизни. Подъ политическими бурями, разразившимися надъ Польшею, пріутихло нѣсколько ея шумное веселье, но вотъ наступила лучшая пора и съ возстановленіемъ королевства Польскаго столица его запировала и запраздновала на славу. Теперь въ нее со всѣхъ сторонъ Европы собирались польскіе вояки, долго разгуливавшіе, то тамъ, то сямъ, подъ знаменами Наполеона; въ Варшаву возвращались эмигранты, съѣзжались магнаты и собиралась мелкая шляхта. Приходъ русскихъ, но уже не какъ враговъ, а какъ друзей, оживлялъ еще болѣе встрепенувшуюся Варшаву. Богатые паны открыли свои палаццо для пріема новыхъ гостей, и начались тамъ роскошныя пиршества. Русскіе въ этомъ отношеніи не оставались въ долгу и, какъ казалось, вѣковая вражда навсегда была забыта.

Варшава въ это время имѣла до 80,000 жителей, число которыхъ такъ быстро стало возростать, что она въ 1826 году была уже городомъ съ населеніемъ въ 126,445 душъ. Умственная жизнь была тамъ также сильно развита, чему можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что около этого времени

выходило въ Варшавѣ 38 періодическихъ, литературныхъ и политическихъ изданій.

Но среди веселья и разгула, господствовавшихъ въ Варшавѣ, начинался уже слышаться ропотъ. Поляки недовольны были тѣмъ, что падшее королевство Пястовъ и Ягеллоновъ не было возстановлено въ предѣлахъ 1772 года, но умѣренные польскіе патріоты разсчитывали на постепенный успѣхъ и въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, большинство поляковъ было вообще на первый разъ довольно новыми порядками: у нихъ офиціальнымъ господствующимъ языкомъ былъ языкъ польскій, были у нихъ теперь и свой сенатъ, и свои министры, и свой сеймъ, и конституція, и армія, на усовершенствованіе которой цесаревичъ обращалъ свое неусыпное вниманіе: польское войско сдѣлалось предметомъ его постоянныхъ заботъ и попеченій и вскорѣ оно, по своему фронтовому образованію и выправкѣ, достигло, подъ начальствомъ Константина Павловича, такого совершенства, что могло считаться образцомъ для всей Европы. Иностранные принцы и генералы пріѣзжали въ Варшаву, чтобъ позаимствовать у великаго князя искусство организовать и обучать войско. Не безъ тщеславія повторяли и сами поляки, что ихъ армія доведена «do wysokiej doskonalnosci», т. е. высокаго совершенства, а самъ цесаревичъ, слушая воздаваемыя ей похвалы, съ удовольстіемъ твердилъ: «мои ученики, мои ученики!»

Великій князь любилъ всегда тѣ военныя команды, которыя состояли подъ его начальствомъ, но особенно онъ увлекался польскою арміею, считая себя ея творцомъ, наставникомъ и руководителемъ. Онъ безпрестанно посѣщалъ казармы и конюшни; заходилъ въ солдатскіе лазареты и кухни, наблюдалъ за чисткой и ковкой лошадей, провѣрялъ кормъ и постилку, а внѣ службы онъ былъ обходителенъ и ласковъ какъ съ офицерами, такъ и съ солдатами, любилъ покалякать и побалагурить съ ними, и милостиво выслушивалъ ихъ просьбы. Онъ былъ чрезвычайно щедръ: давалъ офицерамъ взаймы деньги безъ отдачи. «Мало было, — пишетъ Веригинъ, — такихъ офицеровъ, отъ полковничьяго чина до прапорщика гвардейскихъ полковъ, которые не были бы должны его высочеству; объ уплатѣ же долга никто не помышлялъ. Цесаревичъ не приказывалъ напо-

минать своимъ должникамъ объ ихъ займѣ изъ его кассы. И таково было сердце нашего высокаго благотворителя, что онъ никогда не упрекалъ неблагодарностію даже и тѣхъ, кто иногда забывался противъ него». Посѣщая тѣхъ изъ офицеровъ, которые были больны и не имѣли своихъ средствъ, цесаревичъ клалъ имъ украдкой подъ подушку пачки ассигнацій, ходилъ за гробомъ умершихъ офицеровъ, а генераловъ носилъ до самой могилы. Солдатамъ, отличавшимся исправностью и усердіемъ къ службѣ, даривалъ разомъ по нѣсколько червонцевъ, посѣщалъ ихъ внѣ службы, бывалъ на свадьбахъ, крестилъ дѣтей и приказывалъ хоронить умиравшихъ служивыхъ съ воинскими почестями. Съ нимъ сживались и русскіе, и польскіе солдаты, и эти послѣдніе, какъ добродушно, такъ и злобно, прозвали его «nasz staruszek», т. е. нашъ старичокъ, еще въ ту пору, когда цесаревичъ былъ въ самой бодрой порѣ своей жизни.

Всѣ эти прекрасныя качества, при которыхъ военачальникъ можетъ, совершенствуя подчиненную ему армію и сохраняя въ въ ней строгій порядокъ и неослабную дисциплину, пріобрѣтать въ то же время и привязанность своихъ подначальныхъ, — въ первые годы пребыванія цасаревича въ Варшавѣ значительно ослаблялись другими его свойствами. Константинъ Павловичъ и въ званіи главнокомандующаго польскою арміею проявлялъ тѣ же недостатки, какими отличался еще съ дѣтства: вспыльчивость и рѣзкость, переходившія предѣлы предоставленной ему власти, проявлялись безпрестанно въ служебныхъ его отношешеніяхъ къ подчиненнымъ. Какъ на службѣ, такъ и по поводу какихъ-либо служебныхъ дѣлъ, налагаемыя имъ взысканія были не только строги, но и чрезвычайно оскорбительны: они унижали и служебное и личное достоинство тѣхъ, къ кому примѣнялись, а такъ какъ распоряженія о взысканіяхъ дѣлались въ припадкахъ сильнаго гнѣва, переходившаго въ безотчетную ярость, то въ большинствѣ случаевъ они были не только несправедливы, но и вовсе не заслужены. Такими отношеніями къ подчиненнымъ онъ возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе. Браня польскихъ офицеровъ, онъ,— какъ разсказываетъ партизанъ Денисъ Давыдовъ,— прибавлялъ: «Я вамъ задамъ конституцію!» и тѣмъ самымъ раздражалъ ихъ политическое недовольство.

Однажды, на смотру, во время пребыванія въ Варшавѣ великой княгини Екатерины Павловны, онъ, въ присутствіи принца Виртембергскаго, разсерженный двумя офицерами, поставилъ ихъ во фронтъ на мѣсто рядовыхъ. Офицеры тотчасъ подали въ отставку, а такъ какъ они были люди недостаточные, то товарищи ихъ открыли въ пользу ихъ подписку. Другой разъ, при разводѣ на Саксонской площади, Константинъ Павловичъ пришелъ въ такой гнѣвъ отъ «неудовлетворительности» выправки солдатъ, ружейныхъ пріемовъ и дурного командованія взводами, что отдалъ приказаніе арестовать поголовно всѣхъ офицеровъ, осыпавъ прежде ихъ, тутъ же на площади, самою рѣзкою бранью. Адъютантъ генерала графа Красинскаго, Вильчекъ, публично обиженный великимъ княземъ, съ отчаянія застрѣлился, а другой офицеръ, по той же причинѣ, сбирался повѣситься, но былъ спасенъ отъ самоубійства своими товарищами. Военный нашъ писатель, генералъ М. И. Богдановичъ, сообщая объ этихъ двухъ случаяхъ, говоритъ, что Новосильцевъ, опасаясь еще худшихъ послѣдствій, просилъ государя, чтобъ онъ вызвалъ его изъ Варшавы. Одинъ только Курута умѣлъ сдерживать порывы гнѣва цесаревича. Онъ успокаивалъ его словами: «цейцазъ будетъ исполнено», а самъ не исполнялъ строгихъ приказаній цесаревича, давая ему время успокоиться и обдуматься, а для разсѣянія его гнѣва, начиналъ говорить съ нимъ по-гречески. Съ своей стороны, великій князь, изливая свое раздраженіе на классическомъ языкѣ Эллады, обзывалъ и Куруту рѣзкою всероссійскою рѣчью, переводимою имъ на эллинскій языкъ. Когда же послѣ того спрашивали Куруту, что̀ говорилъ ему цесаревичъ? то потерпѣвшій грекъ хладнокровно отвѣчалъ, что бранчивый разговоръ его высочества по-гречески ничего особенно не значитъ, но что перевести его слова по-русски весьма трудно.

Въ рукописи Вергина находится чрезвычайно много интересныхъ разсказовъ объ отношеніяхъ в. к. Константина Павловича къ его подчиненнымъ [1]). Въ полной правдивости этихъ разсказовъ, перемѣшанныхъ съ восхваленіями великому князю,

---

[1]) Записки Николая Викторовича Вергина были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1892 и 1893 годовъ, т. 76-й и 77-й. Н. Шильдеръ.

нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, и изъ нихъ не трудно вывести заключеніе о странномъ смѣшеніи добра и зла въ характерѣ цесаревича, при чемъ нельзя не замѣтить, что въ общемъ нравственномъ итогѣ послѣднее брало перевѣсъ надъ первымъ, такъ какъ, въ сущности, все сводилось къ широкому самовластію и необузданному произволу. Въ отношеніи военно-служащихъ онъ и теперь держался высказанной имъ мысли, что подчиненный долженъ молча глотать всѣ оскорбленія со стороны своего начальника. Ожье въ своихъ «Запискахъ» («Рус. Ар.» 1877 г.) пишетъ, что русскіе въ 1814 году говорили ему: «великій князь смиренъ какъ ягненокъ, только умѣй блѣять съ нимъ за-одно».

Изъ «Записокъ» Веригина видно, что не только польскіе офицеры, которые могли быть раздражены противъ главнокомандующаго подъ вліяніемъ политическаго настроенія, но и русскіе очень часто были огорчаемы его поступками.

Русскіе офицеры,—по словамъ Веригина, — нерѣдко составляли оппозицію противъ великаго князя. Особаго шума надѣлала исторія капитана лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Пущина, котораго цесаревичъ «за дерзкія объясненія» отдалъ подъ судъ. Узнавъ объ этомъ, всѣ капитаны Литовскаго полка заявили, что они участники въ отвѣтахъ и возраженіяхъ Пущина и просятъ отдать ихъ подъ судъ вмѣстѣ съ Пущинымъ. Эта сильная оппозиція заставила одуматься великаго князя. Созвавъ недовольныхъ капитановъ, онъ сказалъ имъ: «не удивляюсь, господа, что вы стараетесь выручить вашего товарища изъ несчастья. Я самъ люблю и уважаю капитана Пущина и горжусь такими офицерами, какъ онъ; я хочу съ нимъ помириться». И затѣмъ, обратившись къ одному изъ товарищей Пущина, приказалъ, чтобъ онъ привезъ капитана. Цесаревичъ встрѣтилъ Пущина съ приговоромъ военнаго суда въ рукахъ и, сказавъ: «между нами все забыто», разорвалъ приговоръ.

Раздраженіе противъ великаго князя среди русскаго офицерства было, однако, чрезвычайно сильно и оно ясно выразилось на одномъ изъ полковыхъ праздниковъ. «Офицеры,—разсказываетъ Веригинъ,—сговорились не дотрогиваться ни до чего за завтракомъ, который долженъ былъ быть въ этотъ день у

главнокомандующаго, и не пить за его здоровье. Уговоръ между ними былъ исполненъ и когда цесаревичъ съ бокаломъ въ рукѣ сталъ среди залы, никто изъ офицеровъ не подошелъ къ нему. Онъ поджидалъ ихъ нѣкоторое время, а между тѣмъ графъ Красинскій подталкивалъ то того, то другого, но никто не шелъ. Увидѣвъ это, цесаревичъ вспыхнулъ отъ гнѣва, схватилъ шляпу и быстро вышелъ изъ залы».

И въ Польшѣ, и въ Россіи, шла о цесаревичѣ молва какъ о прихотливомъ и до крайности суровомъ начальникѣ. Самъ онъ писалъ однажды къ Ѳ. П. Опочинину, что у него «въ арміи строго и жучковато», производя, конечно, послѣднія слова отъ слова «жучить».

Въ числѣ лицъ, проходившихъ служебную школу цесаревича, былъ князь П. А. Оболенскій. Онъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, былъ отданъ императоромъ Павломъ на исправленіе Константина Павловича, «поступки коего, — говоритъ лаконически въ своихъ «Запискахъ» Оболенскій,—описывать не желаю». И такое уклоненіе даетъ поводъ предположить, что описаніе вышло бы не очень красиво.

Съ своей стороны, Веригинъ, желая опровергнуть общую молву о Константинѣ Павловичѣ какъ о начальникѣ слишкомъ строгомъ, пишетъ: «скажу, что цасаревичъ послѣ взрыва гнѣва былъ скорѣе до слабости добръ и ненастойчиво взыскателенъ, и отъ того порождались новые поступки, къ которымъ нельзя было быть снисходительнымъ».

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ былъ цесаревичъ внѣ служебныхъ отношеній; тогда онъ оказывался чрезвычайно привѣтливымъ и ласковымъ: обнималъ и цѣловалъ каждаго офицера, дружески трепалъ по плечу, но въ особенности любилъ трепать по боку, смѣялся, шутилъ и острилъ, допуская даже шутки и остроты на свой собственный счетъ. Съ дамами онъ былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ; разговаривая бойко по-французски и по-польски, онъ отличался и остроуміемъ и находчивостію. Одна изъ польскихъ дамъ, о «Запискахъ» которой мы упомянули, отдаетъ полную справедливость любезности, вѣжливости и обходительности цесаревича въ общественной жизни.

Княгиня Ловичъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года.

Образъ жизни Константина Павловича былъ простъ и скроменъ; адъютанты и ординарцы обѣдали съ нимъ каждый день и въ этомъ кружку великій князь умѣлъ быть веселымъ и милымъ собесѣдникомъ. Разгнѣвавшись какъ то на своихъ адъютантовъ, онъ пересталъ приглашать ихъ къ обѣду. Въ числѣ ихъ былъ одинъ полякъ, превосходный разсказчикъ, котораго великій князь любилъ слушать. «Что скажешь новенькаго?»,— спросилъ его однажды цесаревичъ. «Новостей, ваше высочество, очень много, да разсказывать теперь некогда, а я разскажу ихъ вамъ за обѣдомъ». Константинъ Павловичъ понялъ этотъ шутливый намекъ, засмѣялся, и съ тѣхъ поръ адъютанты стали опять получать приглашеніе къ его обѣду.

Оттѣнки его благосклонности или гнѣва къ тому или другому лицу выражались прежде всего въ той одеждѣ, въ которой онъ выходилъ къ явившимся или вытребованнымъ къ нему лицамъ. Если цесаревичъ былъ въ своемъ обычномъ бѣломъ холстинномъ халатѣ, то не было никакого сомнѣнія въ его отмѣнной благосклонности къ тѣмъ, кого онъ принималъ въ такомъ нарядѣ. Если онъ былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, то это, относительно его расположенія, означало ни то, ни се; при эполетахъ на плечахъ цесаревича — дѣло становилось плохо; но когда онъ выходилъ въ мундирѣ, а тѣмъ болѣе въ парадной формѣ, то въ первомъ случаѣ надобно было ожидать бурю, а въ послѣднемъ — страшнаго урагана. При этомъ лицо цесаревича принимало грозное выраженіе. Впрочемъ, и во всякое другое время наружность его не внушала особаго расположенія. Онъ былъ средняго роста и нѣсколько сутуловатъ, носъ у него былъ маленькій и вздернутый, и густыя, но слишкомъ короткія брови сходились у самаго носа. Когда же онъ бывалъ въ духѣ, то эта непривлекательность скрадывалась пріятною улыбкою и привѣтливымъ выраженіемъ его голубыхъ глазъ.

Время въ Варшавѣ — гдѣ цесаревичъ жилъ зимою въ Брюлевскомъ, а лѣтомъ въ Бельведерскомъ дворцѣ,— проводилъ онъ довольно однообразно. Вставалъ онъ съ своей постели, на которой былъ постланъ жесткій походный матрацъ и лежала только кожанная подушка, зимою въ 6, а лѣтомъ въ 4 часа утра; затѣмъ, около 8-ми часовъ онъ выходилъ въ пріемную и у него

начинались обычныя ежедневныя занятія. Веригинъ описываетъ утро цесаревича въ слѣдующихъ строкахъ:

«Великій князь во всѣ дни принималъ рапорты отъ полковъ, наряды въ караулъ, дежурныхъ, доношенія всѣхъ родовъ, а также и ординарцевъ отъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, въ комнатѣ передъ большой залой, въ которую, передъ выходомъ его, собирались всѣ генералы и офицеры, а въ воскресные и праздничные дни консулы, члены государственнаго совѣта и другіе сановники. Здѣсь были и величавый Чарторижскій и президентъ польскаго государственнаго совѣта Замойскій. Собравшіеся въ этой залѣ разговаривали между собою довольно громко, но, когда выходилъ изъ сосѣдней комнаты великій князь, все смолкало передъ нимъ, всѣ становились въ одну линію. Въ торжественные дни являлся сюда князь Зайончекъ, лишившійся обѣихъ ногъ въ битвахъ подъ знаменами Наполеона; его вносили въ креслахъ прямо въ пріемную комнату, гдѣ цесаревичъ принималъ ординарцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Зайончекъ возвращался домой черезъ большую залу, привѣтствуемый поклонами, и рѣдко онъ останавливался въ залѣ для разговора съ кѣмъ-нибудь».

Войдя въ залу, великій князь обходилъ представлявшихся, въ числѣ которыхъ были и нижніе чины, какъ-то: вахмистры, дневные пѣшіе ординарцы, солдаты, вновь поступившіе въ полкъ, вновь обмундированные, вновь произведенные въ вахмистры и унтеръ-офицеры, а наконецъ, и рекруты. Окончивъ пріемъ, великій князь отправлялся на разводъ, на Саксонскую площадь. Разводъ отмѣнялся очень рѣдко и здѣсь онъ принимался за свое любимое фронтовое дѣло. Послѣ обѣда онъ уѣзжалъ въ театръ, который очень любилъ, и съ удовольствіемъ присутствовалъ на польскихъ и французскихъ спектакляхъ. Балы онъ не слишкомъ долюбливалъ и въ началѣ 1830 года писалъ Опочинину: «меня, старика, съ женою вытащили на два бала и, кажется, предстоитъ еще два. Стараются, чтобъ я далъ пару, но на это я слишкомъ глупъ и неловокъ».

Пребываніе цесаревича въ Варшавѣ не ослабляло тѣхъ дружескихъ отношеній, какія съ самаго юнаго возроста существовали между нимъ и его братомъ Александромъ Павловичемъ, безъ

котораго, какъ говорилъ Константинъ Павловичъ, онъ не могъ бы жить. Отношенія эти поддерживались теперь частыми свиданіями. Порою великій князь пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Варшавы, или же его навѣщалъ здѣсь императоръ, который теперь довольно часто сталъ ѣздить за границу, а также, кромѣ того, братья, время отъ времени, видѣлись на смотрахъ, производимыхъ польскимъ войскамъ и литовскимъ, которыя представлялъ государю ихъ главнокомандующій. Императоръ Александръ бывалъ довольно часто въ Варшавѣ. Въ первый свой пріѣздъ въ Варшаву, онъ, 15-го марта 1818 года, открылъ засѣданіе польскаго сейма рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго моего сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще, съ тѣхъ поръ какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку, который только въ мирное время пріобрѣтается и приготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ нашихъ (Зайончекъ), — продолжалъ императоръ, — представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ мой выборъ».

Въ 1819 году, Александръ Павловичъ былъ опять въ Варшавѣ и осматривалъ тамъ войска. По отзыву бывшаго съ государемъ генералъ-адъютанта Комаровскаго: «удивительно было видѣть, до какой степени совершенства во всѣхъ своихъ движеніяхъ польская армія была доведена великимъ княземъ».

Въ 1825 году, Александръ Павловичъ былъ въ Варшавѣ и теперь братья видѣлись уже послѣдній разъ. Императоръ пріѣхалъ сюда 15-го апрѣля. На другой день, цесаревичъ сталъ представлять ему русскія и польскія войска, сперва по частямъ, потомъ на общемъ парадномъ смотру, произведенномъ всѣмъ

войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ, въ окрестностяхъ которой были потомъ большіе маневры. Состояніемъ войскъ государь остался вполнѣ доволенъ. 1-го (13-го) мая, начались засѣданія сейма, открытыя лично государемъ. Пробывъ въ Варшавѣ 20 дней, императоръ поѣхалъ по царству и 24-го мая возвратился опять въ столицу королевства. Теперь онъ занимался исключительно дѣлами сейма и обѣдалъ почти каждый день съ великимъ княземъ. 1-го іюня, послѣдовало торжественное закрытіе сейма. При отправленіи государя въ зало засѣданій, цесаревичъ сопровождалъ его изъ внутреннихъ апартаментовъ. Когда государь взошелъ на тронъ, съ котораго онъ читалъ свою рѣчь, Константинъ Павловичъ сталъ немного позади. 2-го іюня, въ 7 часовъ утра, императоръ Александръ Павловичъ, въ сопровожденіи брата, выѣхалъ изъ Варшавы по ковенскому тракту.

«Во время пріѣздовъ государя въ Варшаву, Константинъ Павловичъ,—пишетъ Веригинъ,—съ благоговѣйною любовью и почтительностію къ брату-императору заботился о томъ, чтобы все было въ исправности и ни малѣйшій случай не показалъ бы государю невнимательности къ чему либо Константина Павловича».

Внѣ Польши и Россіи цесаревичъ видѣлся съ братомъ въ октябрѣ 1818 года, въ Парижѣ. Тамъ онъ состоялъ при императорѣ въ званіи генералъ-адъютанта, и постоянно носилъ польскій мундиръ. Каждое утро онъ занимался тамъ чѣмъ нибудь относящимся къ фронтовой части, а вечера проводилъ у маркизы Кюбьеръ, жены королевскаго шталмейстера. Въ январѣ 1819 года, онъ осматривалъ оставшіяся еще во Франціи русскія войска, расположенныя въ Мобежѣ и Валансьенѣ.

ГЛАВА XVI.

Тайныя общества въ царствѣ Польскомъ.— Отношенія къ нимъ великаго князя Константина Павловича.— Генералъ Зайончекъ.

До рѣшенія участи Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ великодушныя завѣренія Александра, при проѣздѣ его черезъ Варшаву, давали полякамъ большія надежды на лучшую будущность. Они слѣдили съ возростающимъ любопытствомъ за всѣми политическими комбинаціями дипломатовъ и, опасаясь новаго раздѣла Польши, при которомъ могло бы исчезнуть даже и герцогство Варшавское, отправляли къ императору Александру депутатовъ съ просьбою, чтобъ онъ принялъ подъ свою исключительную защиту Польшу, за которую около государя былъ тогда чрезвычайно ревностный и неутомимый ходатай, князь Адамъ Чарторижскій. Между тѣмъ, поляки, стремясь возстановить свое политическое бытіе, прибѣгали для достиженія этой цѣли и къ другимъ средствамъ. Еще въ 1814 году, между ними возникло вновь тайное общество подъ названіемъ «истинные поляки»; основателями и членами его были профессоры и студенты Варшавскаго университета. Въ 1819 году, маіоръ польской службы Лукашинскій завелъ «народное общество свободныхъ масоновъ». Въ прибавку къ этимъ двумъ тайнымъ обществамъ составились еще и другія такія же общества, носившія названія «косиньеровъ» (косцовъ), «польскихъ карбонаріевъ» и «филатеровъ». При организаціи этихъ обществъ была принята система десятковъ, т. е. каждый вступающій въ общество дол-

женъ былъ привлечь къ обществу десятокъ членовъ и быть ихъ руководителемъ. Въ то же время, революціонныя стремленія— подъ вліяніемъ того ученія, что присяга императору Александру дана была поляками вынужденная, а потому будто бы и не можетъ считаться обязательною—начали проникать и въ польскую армію. Одинъ изъ ея офицеровъ, Крыжановскій, учредилъ въ разныхъ полкахъ тайныя общества, которыя должны были распространять неудовольствіе противъ правительства и духъ возмущенія исподволь въ цѣломъ полку, такъ чтобы можно было съ увѣренностію располагать цѣлымъ полкомъ въ ту минуту, когда дѣло дойдетъ до возстанія; по системѣ Крыжановскаго, всѣ высшіе чины и старшіе офицеры были отстранены отъ участія въ тайныхъ полковыхъ обществахъ. О замыслахъ, враждебныхъ русскому правительству, дошло до свѣдѣнія Константина Павловича, который, въ 1822 году, назначилъ особую комиссію для изслѣдованія по дѣлу о тайныхъ обществахъ. Занятія комиссіи продолжались уже два года. Въ 1824 году, надъ виновными былъ постановленъ строгій приговоръ. Между тѣмъ, одно тайное общество, «патріотическій союзъ», ускользнуло отъ преслѣдованія комиссіи и вошло въ переговоры и соглашенія съ русскими заговорщиками, принадлежавшими къ «южному обществу».

Цесаревичу, впрочемъ, приводилось имѣть на рукахъ политическія дѣла не только въ Польшѣ, но и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ имперіи. Такое участіе цесаревича по дѣламъ царства объясняется слѣдующимъ: 29-го іюня 1819 года, данъ былъ сенату указъ такого содержанія: «главнокомандующему Литовскимъ корпусомъ, его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу, всемилостивѣйше предоставляю надъ губерніями: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Бѣлостокскою областью власть главнокомандующаго дѣйствующею арміею, на основаніи учрежденія оной, генваря 27-го 1812 года изданнаго, впредь до нашего указа». Въ упомянутомъ же «Учрежденіи» сказано было: «главнокомандующій представляетъ лицо императора и облекается властью его величества». Въ частности же главнокомандующему дѣйствующею арміею предоставлялось въ области, занятой ею, право предавать военно-полевому суду за измѣну, шпіонство, разбой, гра-

бежъ и насиліе, но ему не предоставлялось по означенному выше «Учрежденію» вѣдѣніе дѣлъ гражданскихъ. Особаго постановленія о предоставленіи такого права Константину Павловичу въ законодательномъ порядкѣ сдѣлано не было, а между тѣмъ оказывается, что виленскій генералъ-губернаторъ входилъ къ нему съ рапортами даже по такимъ дѣламъ, какъ, напримѣръ, учрежденіе такъ-называемыхъ «контрактовъ», т. е. съѣздовъ для торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ въ мѣстечкѣ Шавляхъ, и что подобнаго рода дѣла и даже дѣла меньшей важности, только послѣ одобренія ихъ со стороны цесаревича, шли черезъ министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя. При управленіи гражданскою частію въ распоряженіяхъ главнокомандующаго проглядывалъ произволъ. Одинъ разъ поступалъ онъ совершенно «арбитрарно», другой же разъ, напротивъ, являлся строгимъ охранителемъ легальнаго порядка, а иногда смѣшивалъ и то и другое. Такъ, 22-го апрѣля 1825 года, онъ приказалъ виленскаго адвоката Пуцциловскаго «въ страхъ другимъ» выдержать на гауптвахтѣ три мѣсяца, отрѣшить его отъ адвокатской должности и воспретить ему всякое по чужимъ дѣламъ хожденіе, за то, что этотъ адвокатъ, защищая въ судѣ дѣло своего кліента, позволилъ себѣ «рѣзкій» отзывъ о противной сторонѣ. При такомъ распоряженіи, сдѣланномъ безъ суда, слѣдствія и даже допроса, главнокомандующій ссылался ни болѣе, ни менѣе, какъ на сеймовыя конституціи 1764 и 1766 годовъ.

Такимъ образомъ, Константинъ Павловичъ получилъ главное наблюденіе и надъ гражданскимъ управленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляли территорію прежняго королевства Польскаго. Теперь положеніе этихъ мѣстностей было чрезвычайно странное. Находясь подъ завѣдываніемъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, онѣ какъ бы считались состоящими на военномъ положеніи. Въ то же время, состоя подъ властью лица, хотя и не офиціально управлявшаго и царствомъ Польскимъ, онѣ какъ бы соединялись въ административномъ отношеніи съ этимъ послѣднимъ, и такое ихъ положеніе представляло первый шагъ къ тому, къ чему такъ усердно стремились польскіе патріоты — т. е. къ соединенію бывшихъ польскихъ

провинцій съ королевствомъ или царствомъ Польскимъ, хотя, съ другой стороны, самый способъ такого соединенія представлялъ мѣру строгую, принимаемую только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Еще въ 1817 году, во вновь подчиненныхъ власти цесаревича губерніяхъ начали возникать тайныя общества съ цѣлью возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года, а въ 1823 году виленскій генералъ-губернаторъ, Римскій-Корсаковъ, донося цесаревичу по дѣлу «о неприличныхъ надписяхъ, найденныхъ въ V-мъ классѣ Виленской гимназіи», выражалъ свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ въ краѣ «антиправительственныхъ» волненій, которыя,—какъ полагалъ генералъ-губернаторъ,—неминуемо въ немъ возникнутъ вслѣдствіе новаго направленія, усвоеннаго начальствомъ Виленскаго учебнаго округа. Въ свою очередь, Константинъ Павловичъ донесъ объ этомъ государю и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Новосильцеву произвести по этому дѣлу строгое разслѣдованіе. Новосильцевъ, отстранивъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Чарторижскаго, учредилъ особую комиссію, которая и открыла восемь тайныхъ обществъ, составленныхъ преимущественно изъ студентовъ Виленскаго университета и учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ задачею возстановленіе прежней Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Въ то время, когда Чарторижскій обвинялся въ допущеніи въ подвѣдомственномъ ему учебномъ округѣ существованія зловредныхъ тайныхъ обществъ, въ Литовскомъ корпусѣ, подчиненномъ непосредственно цесаревичу, учреждались такія же общества. Мы уже сказали, что учредителемъ ихъ собственно въ польской арміи былъ офицеръ Крыжановскій, а въ Литовскомъ корпусѣ поссесоръ Рукевичъ основалъ «общество военныхъ друзей». Первыми членами этого тайнаго общества, имѣвшаго въ виду ту же самую цѣль, какъ и другія подобныя ему общества,—были офицеры піонернаго баталіона. Вожакъ этого общества, Рукевичъ, указывалъ офицерамъ на строгую исполнительность по службѣ, какъ на единственно вѣрное основаніе служебной свободы, ибо,—говорилъ онъ,—чѣмъ исполнительнѣе военнослужащій, тѣмъ менѣе даетъ онъ поводовъ къ начальническому

снисхожденію, всегда неизбѣжному при упущеніяхъ, и, въ свою очередь, рождающему произволъ со стороны начальниковъ. Такою доктриною поссесоръ Рукевичъ подготовлялъ въ Литовскомъ корпусѣ самыхъ исполнительныхъ, самыхъ усердныхъ служакъ, которыхъ такъ жаловалъ цесаревичъ и которые въ то же время принадлежали къ числу лицъ, приготовлявшихся къ возстанію.

Не смотря на многочисленность тайныхъ обществъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ имперіи, Константинъ Павловичъ былъ вполнѣ увѣренъ, что въ управляемомъ имъ краѣ спокойствіе и порядокъ ни въ какомъ случаѣ не будутъ нарушены явнымъ возстаніемъ. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года Юзефовичъ сообщаетъ, что Новосильцевъ давно увѣдомлялъ обо всемъ цесаревича, который не вполнѣ довѣрялъ ему, «не желая допустить мысли, чтобъ поляки могли отплатить ему гнусною неблагодарностью». Цесаревичъ твердо полагался на вѣрность правительству и на преданность лично ему какъ польской арміи, такъ и Литовскаго корпуса, и надѣялся даже, что эти военныя силы подавятъ народное возстаніе, если бы оно когда либо произошло. Такой взглядъ его на подчиненныя ему войска выражался всего очевиднѣе въ тѣхъ заботахъ, какія онъ прилагалъ для доведенія этихъ войскъ до высшей степени совершенства. Управляя же царствомъ Польскимъ, онъ льстилъ себя надеждою, что имя его будетъ всегда памятно въ исторіи—взаимнымъ примиреніемъ между собою и русскихъ и поляковъ. Подъ вліяніемъ этой утѣшавшей его мечты, онъ не допускалъ никакого различія между представителями какъ русской, такъ и польской національности; выучившись отлично польскому языку, онъ всегда и всюду говорилъ то по-польски, то по-русски; покровительствовалъ смѣшаннымъ бракамъ, а въ совмѣстномъ служеніи русской и польской армій видѣлъ братство обоихъ народовъ по оружію.

Однако, глухое броженіе постоянно происходило въ царствѣ Польскомъ, обращаясь повременамъ, подъ вліяніемъ разныхъ событій, въ явственный ропотъ. Такъ, въ 1821 году, вслѣдствіе волненій, возникшихъ въ Верхней Италіи противъ австрійскаго владычества, императоръ Александръ, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, изъявилъ готовность подавить эти волненія силою

русскаго оружія. У насъ стали готовиться къ войнѣ и приготовленія дѣлались въ такихъ большихъ размѣрахъ, что даже войска, находившіяся въ Тамбовской губерніи, получили приказъ выступить въ походъ. Но прежде чѣмъ успѣли русскіе придти на помощь австрійцамъ, они собственными силами усмирили возстаніе италіанцевъ. Слухъ о походѣ въ Италію, въ качествѣ союзниковъ австрійцевъ, сильно взволновалъ поляковъ: они сами ничего такъ сильно не желали, какъ послѣдовать примѣру возставшихъ италіанцевъ, а потому предположеніе, что польскія войска будутъ принуждены дѣйствовать противъ италіанцевъ, поразило поляковъ страшнымъ ударомъ и еще болѣе усилило ихъ неудовольствіе противъ русской власти.

Главнокомандующимъ войскъ, которымъ слѣдовало идти въ Италію, былъ назначенъ генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ былъ вызванъ съ Кавказа и проѣздомъ черезъ Варшаву гостилъ нѣкоторое время у цесаревича, который былъ съ нимъ чрезвычайно друженъ. Письма свои къ Ермолову онъ начиналъ обыкновенно слѣдующими словами: «любезнѣйшій, почтеннѣйшій, храбрѣйшій другъ и товарищъ». Но бытность Ермолова въ Варшавѣ поколебала эти добрыя отношенія. Однажды Константинъ Павловичъ, показывая свое войско Ермолову, вызвалъ изъ фронта молодца-гренадера и, представивъ его Ермолову, началъ выхвалять ловкость и обмундировку польскаго воина. Ермоловъ, отъявленный врагъ стѣснительной формы въ одеждѣ, казалось, былъ въ восхищеніи и, какъ будто нечаянно уронивъ платокъ, приказалъ гренадеру поднять его; затянутый мундиромъ и амуничными ремнями, ловкій гренадеръ съ большими усиліями исполнилъ приказаніе генерала. Ермоловъ не сказалъ ничего; не сказалъ ничего и великій князь, но сильно нахмурился, и Ермоловъ въ глазахъ его уже не былъ прежнимъ другомъ. Еще болѣе раздражилъ его Ермоловъ въ то время, когда цесаревичъ, въ сопровожденіи польскихъ генераловъ, показывалъ ему Варшаву. Ермоловъ, принимавшій участіе въ кровопролитномъ штурмѣ Праги Суворовымъ, началъ, въ присутствіи поляковъ, разсказывать подробности происходившаго при этомъ страшнаго побоища. Константину Павловичу разсказъ Ермолова, какъ возбуждавшій прискорбныя для поляковъ

воспоминанія, былъ крайне непріятенъ. Оставшись потомъ съ Ермоловымъ въ небольшомъ кружку близкихъ людей, Константинъ Павловичъ сказалъ ему: «государь желалъ слить Польшу съ Россіею, но вы, пользуясь огромною репутаціею въ арміи, выказываете явное пренебреженіе къ полякамъ; вы даже не хотѣли принимать являвшихся къ вамъ польскихъ министровъ». Ермоловъ отвѣчалъ на это: «меня въ грубомъ обращеніи съ подчиненными, а тѣмъ менѣе съ поляками, никто не можетъ упрекнуть; подобными качествами можетъ щеголять лишь молодой и заносчивый корнетъ уланскаго вашего императорскаго высочества полка». Выходки Ермолова цесаревичъ помнилъ еще въ 1827 году и писалъ Ѳ. П. Опочинину: «въ 1821 году Ермоловъ велъ себя въ Варшавѣ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало; я совершенно прекратилъ мои съ нимъ соотношенія».

Надежды цесаревича на сліяніе Польши съ Россіею были, однако, слишкомъ обманчивы. Кромѣ тайныхъ обществъ, работавшихъ совершенно въ другомъ направленіи, и кромѣ глухого ропота, даже и въ засѣданіяхъ сейма, почти на глазахъ государя, происходило многое, не предвѣщавшее прочности и долговѣчности существовавшихъ порядковъ. Уже императоръ Александръ былъ крайне недоволенъ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ и замѣтно противъ прежняго охладѣлъ къ полякамъ. По поводу этого графъ Ростопчинъ, въ 1821 году, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ графу Воронцову, замѣтилъ: «королевство Польское нынѣ не въ модѣ». Политика императора Александра Павловича представляется въ эту пору крайне непослѣдовательною Въ Варшавѣ на сеймахъ онъ говорилъ либеральныя рѣчи, и въ то же время являлся первенствующимъ членомъ на конгрессахъ Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ, на которыхъ предлагались, обсуждались, одобрялись и принимались самыя строгія мѣры къ тому, чтобъ подавить и уничтожить всякое проявленіе свободной мысли. Понятно, что если еще при самомъ возстановленіи царства Польскаго ходили толки о томъ, что конституція дана полякамъ только для вида, то при крутомъ переворотѣ политики Александра I толки эти какъ будто подтверждались и поляки не могли не тревожиться, зная, что король или царь ихъ усердно началъ слѣдовать системѣ Меттерниха къ

водворенію въ Европѣ полнаго абсолютизма. Между тѣмъ, лица, поставленныя во главѣ управленія царствомъ Польскимъ, вовсе не вызывали къ себѣ ни сочувствія, ни любви поляковъ. Сѣдовласый и безногій князь Зайончекъ былъ у поляковъ въ большомъ уваженіи какъ храбрый военачальникъ, но на должности намѣстника дряхлый старикъ представлялъ собою полное ничтожество: онъ пользовался только внѣшнимъ почетомъ, такъ какъ вся власть по управленію царствомъ Польскимъ сосредоточивалась фактически въ рукахъ Константина Павловича и преимущественно въ рукахъ уполномоченнаго императорскаго комиссара Новосильцева. Въ свою очередь, цесаревичъ, не смотря на нѣкоторыя хорошія черты своего характера, не только не привлекалъ, но скорѣе отталкивалъ отъ себя поляковъ, обѣщаясь «задать имъ конституцію». Кромѣ того, Зайончекъ, выбившійся въ люди только своими личными заслугами, не пользовался вовсе расположеніемъ польской аристократіи, имѣвшей въ краѣ такое громадное вліяніе, да и Константинъ Павловичъ своимъ рѣзкимъ обращеніемъ съ магнатами при дѣловыхъ съ ними отношеніяхъ возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе. Поэтому, высшія лица мѣстнаго общества хотѣли быть подальше отъ него и начали выбираться изъ Варшавы на жительство въ Кременецъ.

До сихъ поръ польское возстаніе 1830 года приписываютъ болѣе всего суровымъ мѣрамъ, будто бы принятымъ противъ поляковъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и въ противоположность его образу дѣйствій говорятъ о благодушіи императора Александра Павловича, умѣвшаго такъ сильно привязать къ себѣ поляковъ. Такой взглядъ—скажемъ мы—крайне ошибоченъ: и въ царствованіе Александра Павловича поляки постоянно мечтали о самостоятельной и независимой Польшѣ, а двойственная его политика повліяла гораздо болѣе на подготовку польскаго возстанія, нежели сколько могла бы повліять на это прямодушная суровость императора Николая... При томъ, самымъ главнымъ и наиболѣе побудительнымъ поводомъ была отмѣна публичныхъ засѣданій сеймовъ; распоряженіе же объ этомъ послѣдовало въ февралѣ 1825 года, именно по волѣ императора Александра Павловича.

ГЛАВА XVII.

Семейныя отношенія великаго князя Константина Павловича.—Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.—Разводъ Константина Павловича.

Не ошибся графъ Ростопчинъ, предсказывая—какъ мы видѣли—нерадостную жизнь невѣстѣ Константина Павловича, и жестоко обманулась ея мать, предполагая, что бракомъ своей дочери съ великимъ княземъ она навсегда и вполнѣ упрочила ея счастье. Причины первоначальныхъ размолвокъ молодой четы доискаться трудно; безъ сомнѣнія, однако, первымъ виновникомъ супружескихъ несогласій былъ мужъ, вспыльчивость и крутой характеръ котораго могли причинить много горя великой княгинѣ. Въ то время, когда великій князь находился въ италіанскомъ и швейцарскомъ походахъ, она жила у своихъ родителей въ Кобургѣ, откуда вернулась вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1799 года; но въ 1801 году она опять уѣхала за границу и послѣ того уже не возвращалась въ Россію. Во время своихъ побывокъ за границею, цесаревичъ видался съ своею супругою. Сохранился вполнѣ достовѣрный разсказъ, что онъ, возвращаясь, въ 1814 году, изъ Франціи, видѣлся съ великою княгинею и убѣждалъ ее вернуться въ Россію, выражая, между прочимъ, надежду, что потомство ихъ будетъ на русскомъ престолѣ. Великая княгиня рѣшительно отвергла предложеніе своего мужа и, какъ на невозможность своего возврата въ Россію, заявила Константину Павловичу о такихъ обязанностяхъ, которыя должны были удержать

ее навсегда за границею... Теперь разрывъ былъ окончательный: въ виду фактовъ, предъявленныхъ великою княгинею, соединеніе супруговъ стало невозможно. Охладѣвъ вскорѣ послѣ брака къ своей супругѣ, великій князь, по собственнымъ его словамъ,—какъ передаетъ ихъ въ своемъ разсказѣ сенаторъ А. Д. Даниловъ («Русская Старина» 1870 г.),—«хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской, но матушка и братъ не позволили». Княжна Жанета Антоновна Четвертинская — изъ рода ополячившихся Рюриковичей—была младшая сестра княжны Марьи Антоновны, находившейся въ супружествѣ съ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, и потому причина несогласія какъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ и императора Александра Павловича на бракъ цесаревича съ княжной Жанетой становится понятною помимо другихъ обстоятельствъ, которыя могли бы вызвать возраженія ихъ величествъ противъ желанія Константина Павловича. Впослѣдствіи Четвертинская вышла за какого-то пана Вышковскаго и умерла въ 1854 г. Ко времени предположенія женитьбы на Четвертинской, т. е. къ 1803 году, относится переписка о разводѣ между Константиномъ Павловичемъ и императрицею Маріею Ѳеодоровною.

Дѣло это началось послѣ письма къ нему великой княгини. Письмо это намъ неизвѣстно, но изъ отвѣтнаго письма цесаревича виденъ первый приступъ къ разводу. Отвѣтъ великаго князя былъ слѣдующаго содержанія: «вы пишете, что оставленіе вами меня черезъ выѣздъ въ чужіе края послѣдовало потому, что мы не сходны другъ съ другомъ нравами, почему вы и любви своей ко мнѣ оказывать не можете, то покорно прошу васъ, для успокоенія себя и меня въ устроеніи жребія жизни нашей, всѣ сіи обстоятельства изобразить письменно и что, кромѣ сего, другихъ причинъ вы не имѣете, и то письмо съ засвидѣтельствованіемъ, что оно дѣйствительно вами писано, и подписано, россійскаго министра или находящагося при немъ священника, доставить немедля къ вашему покорному слугѣ Константину».

По этому же предмету онъ обратился письмомъ къ своей родительницѣ, женщинѣ, отличавшейся чрезвычайною добротою и мягкостью характера, хотя въ то же время и сохранявшую

феодальныя традиціи германскихъ династій. Въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, писанномъ, вѣроятно, по-французски, но дошедшемъ до насъ въ современномъ его написанію русскомъ переводѣ, императрица высказывала свое глубокое огорченіе, и припоминала сыну содержаніе писаннаго ею годъ тому назадъ письма, «съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби своей, а также и ея желаніе». Отвѣтомъ на это письмо Константинъ Павловичъ успокоилъ ея опасенія, сообщая, «что̀ принадлежитъ до развода—молчу и повинуюся, каковъ есть долгъ мой». Въ письмѣ своемъ государыня напоминала сыну, что онъ тогда удовольствовался удаленіемъ своей жены и пребываніемъ ея у ея родителей, каковое пребываніе продолжается и теперь, и, слѣдовательно, противъ прежняго ничего не перемѣнилось, «а васъ, однакожъ,—писала императрица,—снова вижу обращающагося паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего, но при всемъ томъ, мой любезный Константинъ Павловичъ, не смотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслью, я изображу вамъ мое по сему предмету мнѣніе, какъ оно мною видится, и, наконецъ, объявлю вамъ условія, на которыхъ нѣжная моя къ вамъ любовь можетъ склонить меня заняться мыслью о вашемъ разводѣ».

Занявшись этимъ, императрица прежде всего говоритъ о «пагубныхъ послѣдствіяхъ для общественныхъ нравовъ, а также объ огорчительномъ и для всей націи опасномъ соблазнѣ, произойти отъ того долженствующихъ». Она указываетъ на то, что «по разрушеніи брака цесаревича, послѣдній крестьянинъ отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини, при церковныхъ молебствіяхъ произносимаго, извѣстится о его разводѣ, и почтеніе крестьянина къ достоинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, чѣмъ для него, а таковаго мнѣнія довольно, чтобъ отщепить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего дома». Въ виду этого, государыня напоминаетъ сыну, что братъ императора долженъ быть для подданныхъ

образцомъ добродѣтелей, что нравы и безъ того уже испорчены и развращены и придутъ еще въ вящшее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ лица, стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола и занимающаго первое мѣсто послѣ государя. «Повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, — прибавляетъ Марія Ѳеодоровна,—единою прелестью неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели нарушеніи, общее мнѣніе ниспровергается, почтеніе къ государю и его роду погибаетъ, безпорядки, въ царскомъ домѣ происходящіе, разглашаются; ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самого себя пожертвованіемъ для государства».

Высказавъ эти мысли, императрица переходитъ къ разсмотрѣнію личныхъ отношеній между разошедшимися супругами и въ этомъ случаѣ является вполнѣ безпристрастною матерью, защищая свою невѣстку и обвиняя своего сына.

«Обратитесь къ самому себѣ,—пишетъ она,—и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтренность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія, между вами и великою княгиней существующаго, оказанныя вами вопреки моихъ сильнѣйшихъ представленій при возвращеніи вашемъ изъ инспекціи въ послѣднюю осень царствованія покойнаго вашего отца, когда я, въ присутствіи брата вашего, просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ съ женою дружелюбіи, а вы противъ всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны. Спросите,—говорю я,—сами у себя: укоризны сердца вашего дозволятъ ли вамъ помышлять о разводѣ?»

Отклоняя цесаревича отъ принятаго имъ намѣренія, императрица, между прочимъ, спрашивала, какая причина побуждаетъ его искать формальнаго, обнародованнаго развода, тогда какъ съ согласія ея и императора онъ въ тайнѣ почти существуетъ, такъ какъ великая княгиня отсутствуетъ и онъ не имѣетъ съ нею никакихъ уже сношеній?

Далѣе въ письмѣ своемъ императрица отвергала ту мысль, будто бы «честь Константина Павловича требуетъ разрушенія

Бельведерскій дворецъ въ Варшавѣ въ 1815 году.

Съ гравюры того времени.

брачнаго его союза». По поводу этого Марія Θеодоровна писала, что она «со всею публикою» отвѣчать будетъ, что разводомъ была оскорблена добрая слава той, которая носитъ имя супруги Константина Павловича, и что, сверхъ того, Константинъ Павловичъ показалъ уже себя легкомысленнымъ и равнодушнымъ въ отношеніи своей жены. Императрица напомнила ему, какъ онъ однажды легкомысленно отзывался о великой княгинѣ «въ передней комнатѣ» императора Павла Петровича, и какъ онъ самъ признавался въ этомъ. Ссылаясь на текстъ письма цесаревича, императрица, на основаніи этого текста, приходила къ заключенію, что будто бы здоровье его требуетъ прежде всего желать «пагубнаго» развода, и что, получивъ разводъ, онъ положитъ «отстать отъ зловредныхъ своихъ обычаевъ». Императрица сообщала, что если это дѣйствительно такъ и что если цесаревичъ, не смотря на ея возраженія, выскажетъ ей, что онъ желаетъ развода съ тѣмъ единственно, чтобъ опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, произведенный расторженіемъ перваго брака, то тогда она снова обратится къ обсужденію вопроса о разводѣ, хотя у ней навсегда останется въ сердцѣ чувство скорби, порожденное такою жестокою необходимостью.

Вступленіе во второй бракъ предоставлялось, однако, цесаревичу со стороны его матери не безусловно по его собственному выбору. Императрица писала: «когда вы предварительно и съ непремѣнностію опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему, поѣзжайте въ чужіе краи. Въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи, изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ васъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ меня и отъ императора дозволеніе, тогда на разводъ вашъ я изъявлю мое согласіе. На семъ только условіи я признаю возможность онаго». Требованіе это Марія Θеодоровна основывала на томъ соображеніи, что соблазнъ развода долженъ быть въ ту же минуту заглаженъ новымъ брачнымъ союзомъ, но союзомъ «соотвѣтственнымъ, закономъ почитаемымъ отъ особъ, подобныхъ Константину, которыя обязаны избирать въ супруги породою себѣ равныхъ». «Не изреченіе

развода,—добавляла императрица,—возвратитъ вамъ здоровье, по житіе порядочное и союзъ, закономъ одобряемый», и единственно при условіи такого союза она соглашалась на разводъ, заявляя, что въ этомъ отношеніи намѣренія ея непоколебимы.

Послѣ этого письма прошло лѣтъ пятнадцать. Супруги жили врозь и Константинъ Павловичъ поднялъ снова вопросъ о разводѣ.

Намъ неизвѣстно, отыскивалъ ли онъ для себя въ виду этого невѣсту въ Германіи. Но нежеланіе слѣдовать относительно вторичнаго брака совѣтамъ своей родительницы Константинъ Павловичъ выражалъ, между прочимъ, въ сочиненной имъ и распѣваемой шутливой пѣснѣ, которая начиналась словами: «избави мя, Боже, отъ пожара, наводненія и нѣмецкой принцессы»... Надобно, однако, полагать, что упорство его въ этомъ случаѣ было неодолимо, а настоянія на необходимости развода до того сильны, что разводъ состоялся безъ того непремѣннаго условія, какое въ этомъ случаѣ требовала прежде императрица-мать.

20-го марта 1820 года, появился высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ принесенною императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и государю просьбою «обратилъ вниманіе на домашнее его положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его великой княгини Анны Ѳеодоровны, которая, еще въ 1801 году удалясь въ чужіе края по крайне разстроенному состоянію ея здоровья, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ, и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобъ бракъ его съ нею былъ расторженъ».

«Внявъ сей просьбѣ,—говорится далѣе въ манифестѣ,—съ соизволенія любезнѣйшей родительницы нашей, мы предлагали дѣло сіе на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который, по сличеніи обстоятельствъ онаго съ церковными узаконеніями, на точномъ основаніи 35-го правила Василія Великаго, постановилъ: бракъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною расторгнуть, съ дозволеніемъ ему вступить въ новый, если онъ пожелаетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ усмотрѣли мы, что безплодное было бы усиліе удерживать въ составѣ императорской фамиліи брачный союзъ четы, 19-й годъ уже разлученной безъ всякой надежды быть соединенною, а потому, изъявивъ соизволеніе наше, по

точной силѣ церковныхъ узаконеній, на приведеніе вышеизложеннаго постановленія святѣйшаго синода въ дѣйствіе—повелѣваемъ: повсюду признавать оное въ свойственной ему силѣ».

Въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», изданномъ 5-го апрѣля 1797 года императоромъ Павломъ, не говорится ничего о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ императорской фамиліи. Тамъ сказано было только: «всякій бракъ, безъ согласія царствующаго императора сдѣланный, законнымъ признаваемъ быть не можетъ». Для дѣйствительности брака требовалось только соизволеніе на него со стороны царствующаго государя, какъ самодержавнаго монарха и главы своего семейства и всего своего рода, и затѣмъ никакого вопроса о происхожденіи жениха или невѣсты возникать не могло. Между тѣмъ, въ манифестѣ о брачномъ разводѣ Константина Павловича было сказано слѣдующее:

«При семъ объемля мыслью различные случаи, которые могутъ встрѣтиться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями, мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное право: «если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола».

Нельзя не сказать, что по точному смыслу этого манифеста самъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ не лишался принадлежавшихъ ему правъ на наслѣдованіе престола, но только, въ случаѣ неравнаго брака, супруга и дѣти его лишались: первая титула какъ великой княгини, такъ и императрицы, а послѣдніе какъ титуловъ, присвоенныхъ другимъ равностепеннымъ членамъ

императорской фамиліи, такъ и права на наслѣдованіе короны Такимъ образомъ, въ силу приводимаго выше манифеста, устанавлялся и у насъ существовавшій издревле въ Германіи какъ для владѣтельныхъ, такъ равно и для дворянскихъ фамилій, такъ называемый тамъ «морганатическій» бракъ, при которомъ мужъ и жена и ихъ законныя дѣти не признаются равными съ тѣмъ изъ супруговъ, который выше другого по рожденію, и если такое превосходство было на сторонѣ отца, то жена и дѣти не носятъ не только его титуловъ, но даже и фамильнаго его имени.

Разводъ Константина Павловича былъ первымъ подобнымъ случаемъ въ царскомъ семействѣ, такъ какъ Петръ Великій, разлучившись съ своею супругою и заточивъ ее въ монастырь, не находилъ нужнымъ домогаться развода по правиламъ церкви. Съ своей стороны синодъ основалъ возможность развода великаго князя на 10-мъ пунктѣ «Духовнаго Регламента», касающемся «мірскихъ особъ». Въ этомъ пунктѣ было сказано: «ежели безъ всякой причины оставитъ мужъ свою жену или сія перваго, то слѣдуетъ непремѣнно о томъ просить по установленному законами порядку сперва епархіальнаго архіерея, того, въ которой кто епархіи жительство имѣетъ, письменно, а сей обязанъ, вызвавъ оставившее лицо черезъ сношеніе съ гражданскимъ правительствомъ въ консисторію, спросить оное о причинахъ оставленія, и когда онѣ окажутся недостаточны или и вовсе никакихъ правильныхъ причинъ не покажетъ, а только объявитъ несходство нравовъ или несклонность другъ къ другу, и потомъ, по увѣщанію архіерейскому, единственно упрямостью своею къ мирному супружескому сожитію останется непреклоннымъ, въ такомъ случаѣ бракъ не расторгается, а ежели причины оставленія ихъ одного коего лица достаточны, то по содержанію 35-го правила Василія Великаго и гражданскаго закона грани 11-й главы 490-й, изображенныхъ въ «Кормчей Книгѣ», таковые отъ супружескаго сожитія бываютъ свободны и невинному лицу дозволяется вступать въ бракъ вторый съ свободнымъ лицомъ, а оставившему безъ причины лицу позволенія не бываетъ».

Чтобы соблюсти во всей полнотѣ какъ силу 35-го правила Василія Великаго, такъ и «Духовнаго Регламента», слѣдовало бы разобрать при вопросѣ о расторженіи брака Константина Павловича причины разлученія супруговъ, но при этомъ возникало

особое, не предусмотрѣнное обстоятельство, а именно: неявка въ консисторію того мужа или той жены, которые покинули супружескій домъ. Синодская практика разрѣшала это обстоятельство въ томъ смыслѣ, что неявляющійся изъ отлучки мужъ или жена даютъ другой сторонѣ право на разводъ. Практика синода указывала на такой исходъ дѣла, потому что такимъ образомъ было уже рѣшено нѣсколько дѣлъ между лицами даже самыхъ низшихъ сословій. Былъ даже такой случай, что только послѣ годичной отлучки жены синодъ развелъ ее съ мужемъ и дозволилъ этому послѣднему вступить во второй бракъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ допущенный въ 1799 году разводъ тайнаго совѣтника князя Степана Борисовича Куракина съ женою его, княгинею Прасковьей Петровной, рожденною Нарышкиною. Княгиня, по собственному ея показанію, отлучилась отъ своего мужа «по неизлечимой болѣзни для жительства въ уединеніи» и о болѣзни своей представила свидѣтельство какого-то штабъ-лекаря Сенъ-Мора. Обстоятельства эти синодъ призналъ достаточными для того, чтобъ расторгнуть бракъ князя Куракина, дозволивъ ему вступить въ новое супружество.

При вопросѣ о разводѣ Константина Павловича не только представлялись обстоятельства, какъ нельзя болѣе сходныя съ тѣми, при которыхъ синодъ допустилъ разводъ князя Куракина, но имѣлось въ виду и то, что великую княгиню Анну Ѳеодоровну, какъ особу, принадлежавшую къ императорскому дому и при томъ находившуюся внѣ предѣловъ Россіи, нельзя было ни принудить къ совмѣстному жительству съ ея супругомъ, ни подвергнуть установленному въ законѣ допросу въ консисторіи. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, синодъ совершенно правильно, въ предѣлахъ законовъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, въ ту пору дѣйствовавшихъ, допустилъ расторженіе брака цесаревича, съ дозволеніемъ, если онъ пожелаетъ, вступить въ новое супружество [1]).

---

[1]) Въ ту пору въ «Гражданскихъ Законахъ» нашихъ не указывались лишь тѣ три случая, при которыхъ только и допускается нынѣ разводъ супруговъ. Дѣйствующія въ настоящее время правила о разводѣ изданы были въ 1841 и 1850 годахъ. Церковные же уставы или «Кормчая Книга» относятся къ случаямъ развода гораздо снисходительнѣе, нежели наши гражданскіе законы. Е. К.

ГЛАВА XVIII.

Іоанна Грудзинская.—Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича.—Присвоеніе его супругѣ титула княгини Ловичъ.—Вліяніе ея на великаго князя.

Прежде, нежели окончилось дѣло о разводѣ великаго князя съ его супругою, онъ на одномъ изъ баловъ, бывшихъ въ Варшавѣ у намѣстника царства, князя Зайончека, встрѣтилъ молоденькую дѣвушку, которой суждено было имѣть такое большое значеніе въ жизни цесаревича. Дѣвушка эта была Іоанна Грудзинская, поразившая его какъ своей красотой, такъ и необыкновенною граціею въ танцахъ. Слишкомъ сорока-лѣтній Константинъ Павловичъ почувствовалъ къ Іоаннѣ неодолимую страсть, пылкую какъ первая любовь юноши. Іоанна Грудзинская была довольно высокаго роста и чрезвычайно стройная дѣвушка. Черты лица ея были тонки, носикъ нѣсколько вздернутый; большіе голубые глаза смотрѣли умно и ласково изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, а свѣженькое ея личико было окаймлено роскошными русыми локонами. По словамъ дамы, о «Запискахъ» которой мы упоминали,—ни одна женщина, ни одна дѣвушка не умѣла такъ понравиться, какъ Іоанна. При замѣчательной ея простотѣ, изящество отражалось у ней во всемъ: и въ движеніяхъ, и въ походкѣ, и въ нарядахъ.

Фамилія, изъ которой происходила Іоанна или Жанета Грудзинская, не принадлежала къ знаменитымъ и богатымъ магнатскимъ родамъ Польши, но, тѣмъ не менѣе, представители этой фамиліи промелькнули нѣсколько разъ въ бытописаніяхъ Рѣчи По-

сполитой. Одинъ изъ Грудзинскихъ, бывшій въ 1576 году старостою Накельскимъ, ѣздилъ при польскомъ посольствѣ въ Москву; другой, Сигизмундъ Грудзинскій, былъ, въ началѣ XVII столѣтія, воеводою Равскимъ. Лицомъ же наиболѣе извѣстнымъ въ этой шляхетской фамиліи былъ Андрей, кастелянъ Накельскій, дѣятельно участвовавшій при королѣ Янѣ Казимірѣ сперва въ войнѣ съ казаками, а потомъ въ войнѣ со шведами. Кромѣ этихъ лицъ, изъ фамиліи Грудзинскихъ извѣстенъ, въ началѣ XVIII столѣтія, Янъ. Онъ былъ сторонникомъ короля Станислава Лещинскаго и довольно замѣтнымъ сподвижникомъ его покровителя, короля шведскаго Карла XII, и, слѣдовательно, противникомъ Россіи. Фамилія Грузинскихъ съ 19-го февраля 1786 года носила графскій титулъ, пожалованный ей королемъ прусскимъ. Графы Грудзинскіе существуютъ и понынѣ въ герцогствѣ Познанскомъ.

Родовыя помѣстья Грудзинскихъ находились въ Познанскомъ воеводствѣ, отошедшемъ, при раздѣлѣ Польши, къ Пруссіи, въ подданствѣ которой и состоялъ отецъ Іоанны. Онъ служилъ прежде въ войскахъ герцогства Варшавскаго, потомъ, выйдя въ отставку, проживалъ въ своемъ родовомъ имѣніи Попово, близъ мѣстечка Венгжовецъ. Грудзинскій не былъ счастливъ въ своей супружеской жизни. Онъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время во всей Польшѣ красавицѣ Дерповской, отъ нея имѣлъ трехъ дочерей, но дѣти не связали супруговъ прочною дружбою и любовью. К. П. Колзаковъ въ весьма интересныхъ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», разсказываетъ, что красота графини Грудзинской и ревность ея мужа были причиною семейныхъ несогласій и неурядицъ, вслѣдствіе которыхъ супруги первоначально разошлись, а подъ конецъ формально развелись. Грудзинскій остался жить въ своемъ помѣстьѣ и вступилъ, послѣ развода, во второй бракъ, а первая жена его поѣхала въ Варшаву, гдѣ вскорѣ вышла замужъ за перваго своего обожателя, графа Бронница. Новый супругъ Грудзинской былъ,—по отзыву Д. В. Давыдова,—человѣкъ веселаго нрава и отличный собутыльникъ. У него, въ теченіе семилѣтняго странствованія за границею, было конфисковано и продано незаконнымъ образомъ все его имѣніе. Онъ полюбился

Константину Павловичу, который сдѣлалъ его гофмаршаломъ своего двора и отвелъ ему помѣщеніе въ Королевскомъ замкѣ,

Пріѣхавъ въ Варшаву, Грудзинская отдала своихъ дочерей на воспитаніе въ бывшій тогда въ Варшавѣ пансіонъ французской эмигранткп Воше. «Пансіонъ этотъ,—разсказываетъ К. П. Колзаковъ,—считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный и ученый французскій аббатъ Малербъ». «Этому аббату,—по словамъ К. П. Колзакова,—молодая дѣвушка была обязана тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ создалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе. Окончательное же свое воспитаніе довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки, миссъ Колинсъ».

Графиня Бронницъ возвратилась изъ Парижа въ Варшаву въ 1815 году. Въ это время старшей ея дочери, Жанетѣ, (род. 17-го [29-го] сентября 1795 года) шелъ двадцатый годъ. Она выѣзжала съ матерью въ большой свѣтъ, и цесаревичъ, какъ мы сказали, увидѣвшій ее въ первый разъ на балѣ у князя Зайончека, плѣнился ею дотого, что въ продолженіе пяти лѣтъ она была единственною завѣтною его мечтою. Всѣ знали, что великій князь былъ страстно влюбленъ въ молодую графиню, которой на каждомъ шагу онъ оказывалъ особенное вниманіе, а она умѣла держать себя въ отношеніи къ нему съ такимъ тактомъ и съ такою осмотрительностію, что самыя злоязычныя варшавскія кумушки не могли сказать ничего въ ея осужденіе. Съ годами великій князь все болѣе и болѣе влюблялся въ Жанету, и зная, что эта дѣвушка не поддастся никакимъ обольщеніямъ, рѣшился вступить съ нею въ бракъ.

Веригинъ разсказываетъ, что однажды, когда онъ стоялъ въ караулѣ на гауптвахтѣ Королевскаго замка, цесаревичъ вышелъ изъ подъѣзда гофмаршала Бронница съ веселымъ лицомъ, бережно неся подъ шинелью большой величины поклажу. Съ нею онъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ къ себѣ, въ Бельведеръ. Впослѣдствіи оказалось, что эта поклажа былъ портретъ его невѣсты, который онъ повезъ съ собою въ Петербургъ, чтобъ

показать своей матери. По возвращеніи цесаревича изъ Петербурга и послѣ состоявшагося его развода съ великою княгинею, стали поговаривать объ его бракѣ, но когда и на комъ онъ женится—объ этомъ не было извѣстно даже самымъ приближеннымъ къ Константину Павловичу лицамъ. Въ эту тайну былъ посвященъ одинъ только Курута, которому великій князь поручилъ отдѣлать за-ново нѣкоторыя комнаты Брюлевскаго дворца для будущей своей супруги. Въ это время великій князь прекратилъ свои давнишнія отношенія къ г-жѣ Фридрихсъ, родомъ француженкѣ, романическая судьба которой была разсказана К. П. Колзаковымъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VII). 7-го марта 1820 года, она вышла замужъ за полковника Вейсса, потомъ отправилась за границу и умерла въ Ниццѣ 5-го апрѣля 1824 года [1]).

Бракъ цесаревича былъ совершенъ 12-го мая 1820 года, безъ всякой торжественности. Великій князь обвѣнчался съ графинею Іоанною Грудзинской сперва по православному обряду въ церкви Королевскаго зàмка, а потомъ по католическому обряду въ каплицѣ того же зáмка. При бракосочетаніи присутствовали только четыре постороннія лица: генералы графъ Курута, Альбрехтъ, Нарышкинъ и Кноррингъ. Вергинъ разсказываетъ, что женихъ пріѣхалъ въ зáмокъ изъ Бельведера въ кабріолетѣ, запряженномъ парою лошадей, которыми, какъ всегда, правилъ самъ. Съ нимъ не было никого изъ его приближенныхъ, а также никого изъ прислуги. Какъ ни старались сохранить въ тайнѣ свадьбу цесаревича, но молва о томъ, что онъ вѣнчается съ Грудзинской въ Королевскомъ зáмкѣ, быстро распространилась по всей Варшавѣ, и всѣ улицы, ведущія изъ зàмка въ Бельведеръ, покрылись густою толпою народа. Зѣваки

---

[1]) У цесаревича былъ воспитанникъ, Павелъ Константиновичъ Александровъ, возведенный въ 1812 году указомъ императора Алексадра Павловича въ дворянское достоинство. Въ пожалованномъ ему гербѣ были изображены: въ верхней части—русскій двуглавый, до половины вылетающій орелъ, а въ нижней — серебряный палашъ между двухъ золотыхъ звѣздъ. Впослѣдствіи Павелъ Константиновичъ Александровъ, отличавшійся чрезвычайнымъ добродушіемъ, былъ генералъ-адъютантомъ. Отъ брака съ княжною Анною Александровною Щербатовою онъ оставилъ единственную дочь, Александру Павловну, вышедшую замужъ за флигель-адъютанта князя Львова. Е. К.

не обманулись въ своемъ ожиданіи: самъ цесаревичъ обнаружилъ тайну. Онъ вскорѣ показался на Краковскомъ предмѣстьи въ томъ же самомъ кабріолетѣ, въ которомъ пріѣхалъ въ зàмокъ, но теперь онъ ѣхалъ не одинъ: рядомъ съ нимъ сидѣла избранная имъ подруга жизни. Толпы народа встрѣчали новобрачныхъ радостными криками и великій князь, правя самъ лошадьми, везъ свою супругу въ кабріолетѣ на разстояніи семи верстъ отъ зáмка до Бельведера.

Понятно, что поляки чрезвычайно обрадовались свадьбѣ цесаревича на ихъ соотечественницѣ, отъ которой при вступленіи въ бракъ не потребовалось перемѣны религіи. Они надѣялись видѣть въ супругѣ правителя Польши заступницу своихъ и политическихъ, и личныхъ интересовъ, не говоря уже о томъ, до какой степени выборъ цесаревича льстилъ ихъ національному самолюбію. Начались около княгини заискиванія протекціи и интриги, но и въ этомъ случаѣ она показала себя такою же умницею, какою недаромъ всегда считали ее. Съ самаго начала,—по словамъ г. Колзакова,—она «отклонила отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла своего мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь ласковою и вѣжливою со всѣми своими прежними знакомыми, умѣла придать этому отказу самый мягкій видъ и сохранила къ себѣ всеобщее уваженіе». Знатная польская дама, «Записки» которой на нѣмецкомъ языкѣ были изданы въ 1833 году, говоритъ, что поляки упрекали супругу цесаревича за то, что она ничего не дѣлаетъ для ихъ отечества, но и эта польская патріотка извиняетъ ея уклончивость отъ политическихъ дѣлъ, замѣчая, что, взамѣнъ этого, благодѣянія супруги цесаревича были безконечны и что она всѣ свои деньги употребляля на добрыя дѣла.

Офиціальное положеніе супруги цесаревича опредѣлялось манифестомъ императора Александра I отъ 8-го (20-го) іюля 1820 года. Замѣчательно, что манифестъ этотъ не былъ распубликованъ въ имперіи. Въ упомянутомъ манифестѣ было сказано, что, по «Учрежденію объ императорской фамиліи», титулъ великаго князя Константина Павловича ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сообщенъ ни его супругѣ, Іоаннѣ Грудзинской, ни дѣтямъ, которыя будутъ прижиты отъ этого брака. Затѣмъ объявлялось,

что великому князю было пожаловано имѣніе Ловичъ и что такъ какъ онъ по имѣнію этому намѣренъ сдѣлать такое распоряженіе, чтобъ супруга его была допущена къ соучастію по владѣнію означеннымъ имѣніемъ, то, — говорилось въ манифестѣ,—«положили мы удостоить и симъ удостоиваемъ нынѣшнюю супругу возлюбленнаго брата нашего великаго князя Константина, Іоанну Грудзинскую, къ воспріятію и ношенію титула княгини Ловицкой». Затѣмъ изъявлялось желаніе и повелѣніе государя, чтобы титуломъ этимъ во всѣхъ публичныхъ и частныхъ актахъ именована была какъ сама она, такъ и дѣти, которыя прижиты будутъ отъ настоящаго брака. Вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости. Замѣтимъ кстати, что екатерининскій орденъ она получила только 27-го апрѣля 1825 г.

Намъ неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ принято было намѣреніе цесаревича вступить въ бракъ съ графиней Грудзинской императрицею Маріею Ѳеодоровною и было ли съ ея стороны предъявлено непремѣнное требованіе, чтобъ Константинъ Павловичъ вступилъ вторично въ супружество не иначе, какъ съ нѣмецкою принцессою, на чемъ настаивала его родительница, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Что же касается императора Александра Павловича, то по одному выраженію, встрѣчающемуся въ письмахъ цесаревича къ Лагарпу, можно заключить, что государь не только не противился женитьбѣ цесаревича на Грудзинской, но что, напротивъ, оцѣнивъ рѣдкія достоинства этой дѣвушки, желалъ, чтобы она сдѣлалась супругою цесаревича. Въ письмѣ этомъ цесаревичъ выражается, что онъ «получилъ свою жену изъ рукъ императора, своего благодѣтеля». Какъ бы то ни было, но, за исключеніемъ великой княгини Маріи Павловны, несочувственно относившейся ко второму супружеству своего брата, всѣ члены императорскаго дома оказывали супругѣ великаго князя и расположеніе, и полное вниманіе. Пріѣзжая въ Варшаву, императоръ Александръ Павловичъ проводилъ съ нею бо́льшую часть времени, а послѣ обѣда, взявъ ее подъ-руку, выходилъ гулять съ нею въ садъ. Такая прогулка, сопровождавшаяся оживленной бесѣдой, продолжалась иногда часа четыре, при чемъ цесаревичъ, слѣдовавшій за ними,

держалъ себя отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи. Французскій писатель Егронъ, въ книгѣ своей «Vie d'Alexandre I», сообщаетъ, что императоръ Александръ Павловичъ былъ страстно влюбленъ въ княгиню Ловичъ. Императрица Марія Ѳеодоровна,— какъ разсказываетъ князь С. М. Голицынъ,—также полюбила княгиню, дѣлала ей подарки и, отказывая ей въ своемъ завѣщаніи драгоцѣнную брилліантовую діадему, написала, что назначаетъ ее своей дорогой невѣсткѣ (à ma chère belle fille, princesse Lowitch). Императоръ Николай Павловичъ не лишилъ ее своего расположенія даже и послѣ прискорбныхъ событій 1830 и 1831 годовъ. Благосклонное къ ней чувство выражала и его супруга. Великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна оказывали ей знаки особаго почета, и при рожденіи у нихъ четвертой дочери, 28-го января 1830 года, воспреемницею ея была великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская, представлять же ее при крещеніи предложено было великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ и княгинѣ Ловичъ, которая, однако, по причинѣ болѣзни, не могла пріѣхать въ Петербургъ. Такое приглашеніе вообще, и въ особенности если принять въ соображеніе неодобреніе со стороны великой княгини Маріи Павловны супружества ея брата, показывало то вниманіе, съ какимъ относились къ ней прочіе члены императорской фамиліи.

Не смотря на морганатическій бракъ, княгиня Ловицкая или Ловичъ являлась во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ императорскою фамиліею, а при коронованіи императора Николая въ Варшавѣ она шла слѣдомъ за императрицею, имѣя подлѣ себя наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича.

Самъ цесаревичъ со времени брака съ княгинею Жанетою Антоновною — такъ стали звать ее по-русски — замѣтно перемѣнился. По мѣткому выраженію К. П. Колзакова, «левъ былъ побѣжденъ голубицею». Онъ съ радостію, при своемъ неукротимомъ характерѣ, несъ теперь супружескія узы и въ молодой женѣ видѣлъ залогъ своего домашняго счастья. Въ перепискѣ своей съ Лагарпомъ, которую онъ повелъ въ разсудительномъ тонѣ, цесаревичъ, въ ноябрѣ 1826 года, писалъ о своей су-

пругѣ: «я ей обязанъ счастіемъ и спокойствіемъ; я получилъ ее изъ рукъ покойнаго императора, который удостоивалъ ее своею дружбою и особымъ довѣріемъ». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ писалъ Лагарпу: «я счастливъ въ своемъ семейномъ быту, наслаждаясь глубокимъ спокойствіемъ благодаря женѣ». Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1828 года онъ повторялъ то же самое слѣдующими словами: «я счастливъ у себя дома и главная тому причина—жена».

Въ письмахъ цесаревича къ Ѳ. П. Опочинину постоянно проглядываютъ самая страстная любовь и нѣжная привязанность къ женѣ. То съ большою озабоченностію онъ пишетъ, что здоровье ея не совсѣмъ хорошо, то въ радостныхъ выраженіяхъ сообщаетъ о перемѣнѣ къ лучшему. Однажды, въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ, во время спектакля, даннаго во дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, увидѣлъ на французской актрисѣ Поль платье, которое ему чрезвычайно понравилось. Возвратившись въ Варшаву, онъ вздумалъ сдѣлать своей женѣ сюрпризъ, подаривъ ей такое же платье, и, пославъ къ Ѳ. П. Опочинину тайкомъ мѣрку съ платья княгини, заботливо и убѣдительно просилъ его отыскать ту модистку, которая шила платье г-жѣ Поль. Заказъ былъ исполненъ, платье было не изъ дорогихъ—оно обошлось только въ 140 рублей—но цесаревичъ въ письмѣ своемъ выражалъ радость, что угодилъ этимъ неожиданнымъ подаркомъ женѣ и не зналъ какъ благодарить Опочинина за исполненіе имъ этого порученія. Цесаревичъ до такой степени любилъ свою жену, что,—по словамъ очевидцевъ,—не могъ разстаться съ нею на самое короткое время. Когда она куда нибудь выѣзжала, онъ обнималъ ее и цѣловалъ и въ лицо, и въ руки по нѣскольку разъ и, нашептывая молитву, начиналъ крестить ее. Онъ вѣрилъ, что съ безгранично любимою имъ женщиною найдетъ прочное счастье и вѣра эта переходила въ какое-то безотчетное чувство. Когда, при отступленіи его изъ Варшавы, къ нему явился одинъ изъ комиссаровъ временнаго польскаго правительства, Волицкій, великій князь, окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, разговорившись съ нимъ о княгинѣ Ловичъ, сказалъ: «превосходная женщина! Да сохранитъ ее Господь! Предокъ мой, Петръ Великій, находился

при Прутѣ въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я теперь; онъ былъ спасенъ своею женою; надѣюсь, что моя спасетъ меня».

Княгиня Ловичъ не могла, разумѣется, поправить все то, что было сдѣлано прежде; но она заботилась, чтобы своимъ вліяніемъ на мужа предотвратить хотя на будущее время тѣ неудовольствія и ту къ нему непріязнь, какія онъ возбуждалъ противъ себя, какъ среди поляковъ, такъ и среди русскихъ, своею необузданною горячностію. Постояннымъ внушеніемъ ея,—какъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» знатная польская дама,—было: «Константинъ! надобно прежде подумать, а потомъ дѣлать, а ты поступаешь совершенно наоборотъ!» Этимъ внушеніемъ она сдерживала его въ минуты самой страшной запальчивости. Цесаревичъ смирялся и сознавалъ свои ошибки и свою несправедливость.

Представивъ Варшавѣ, совершенно неожиданно, тотчасъ изъ-подъ вѣнца свою супругу, великій князь хотѣлъ показать ее и войску. Веригинъ разсказываетъ, что, дня черезъ три послѣ свадьбы цесаревича, было назначено на Саксонской площади ученье пѣхотнымъ гвардейскимъ полкамъ. Великій князь подъѣхалъ къ площади въ коляскѣ, запряженной четвернею въ рядъ; съ нимъ пріѣхала и княгиня, одѣтая въ амазонку. Они сѣли на лошадей и поѣхали почти рядомъ другъ съ другомъ вдоль фронта. Цесаревичъ, какъ всегда, здоровался съ солдатами, а княгиня, останавливаясь повременамъ, разговаривала съ офицерами или по-французски или по-англійски. Объѣхавъ ряды войскъ, она сѣла въ ожидавшую ее другую коляску, а великій князь остался на ученьи, занявшись своимъ дѣломъ съ обыкновеннымъ усердіемъ.

Если при вѣсти о бракѣ великаго князя съ полькою вообще поляки сильно обрадовались, то Грудзинскіе, родственники княгини, обрадовались еще болѣе. Отецъ ея, узнавъ о необыкновенномъ супружествѣ своей дочери, пожелалъ лично поздравить ее и предварительно списался съ нею о своемъ пріѣздѣ въ Варшаву. Освѣдомившись объ этомъ, великій князь пригласилъ его письменно къ себѣ и выѣхалъ къ нему съ женою навстрѣчу на первую станцію по калишскому тракту. Здѣсь, впервые по-

знакомившись съ своимъ тестемъ, онъ посадилъ его къ себѣ въ коляску и такимъ образомъ привезъ его въ Варшаву. Въ Варшавѣ графъ Грудзинскій увидѣлъ своихъ младшихъ дочерей: Жозефину и Антуанету; изъ нихъ первая вышла замужъ за графа Венцеслава Людвиговича Гутаковскаго, бывшаго флигель-адъютантомъ, а потомъ шталмейстеромъ высочайшаго двора; Антуанета вышла замужъ за Дезидерія Хлаповскаго, который,— по отзыву Давыдова, — былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, а по словамъ Смита—умѣлъ внушать въ окружающихъ его «боязливое благоговѣніе». Хлаповскій былъ нѣкоторое время ординарцемъ (officier d'ordonnance) при Наполеонѣ, потомъ находился въ польской службѣ, но былъ вынужденъ великимъ княземъ оставить ее, послѣ чего онъ проживалъ постоянно въ Познани.

ГЛАВА XIX.

Кончина императора Александра Павловича.—Отреченіе великаго князя Константина Павловича отъ престола.—14 декабря 1825 года. Коронація императора Николая Павловича.

Въ то время, когда цесаревичъ, живя въ Варшавѣ, былъ такъ счастливъ въ своемъ домашнемъ быту, положеніе его измѣнилось совершенно неожиданно. Императоръ Александръ Павловичъ былъ еще въ полномъ развитіи силъ и никто не предвидѣлъ близости той катастрофы, которая послѣдовала 19-го ноября 1825 года и которая открыла цесаревичу Константину Павловичу прямой путь къ императорскому престолу. Не только право первородства, но и носимый имъ особый прибавочный титулъ, указывали на него народу какъ на наслѣдника русской короны, потому что, по «Учрежденію объ императорской фамиліи», титулъ этотъ собственно долженъ былъ принадлежать той особѣ, которая «дѣйствительно наслѣдникомъ престола назначена», и первоначально, до своего вступленія на престолъ, его носилъ великій князь Александръ Павловичъ. При восшествіи же на тронъ какъ Павла I, такъ и Александра I, не была принесена присяга на вѣрность опредѣленному наслѣднику, но она приносилась тому, кто будетъ «назначенъ наслѣдникомъ». Послѣ императора Александра Павловича дѣтей не осталось и никто не былъ объявленъ имъ наслѣдникомъ, слѣдовательно, прямымъ и законнымъ его преемникомъ оставался Константинъ Павловичъ. Великій князь Николай Павловичъ, находившійся, послѣ отъѣзда императора на югъ Россіи, въ Петербургѣ, по-

Польское восстаніе 1830 года. Мостъ Собѣскаго въ Лазенкахъ.

Съ гравюры того времени.

лучивъ, вечеромъ 25-го ноября, извѣстіе о кончинѣ государя, собралъ въ ту же ночь государственный совѣтъ. Въ собраніи совѣта была распечатана духовная покойнаго императора, по силѣ которой и вслѣдствіе отреченія Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ великому князю Николаю Павловичу, который, однако, тутъ же отозвался, что отреченіе великаго князя не есть еще отреченіе императора, что духовная не была въ свое время сдѣлана гласною манифестомъ и что онъ, сохраняя коренной законъ о наслѣдіи, первый принесетъ присягу императору Константину Павловичу, что̀ имъ немедленно и было исполнено. На другой день былъ изданъ указъ о повсемѣстной присягѣ вновь воцарившемуся государю. Всѣ указы стали писаться отъ имени императора и самодержца всероссійскаго Константина Павловича, появились съ подписью этого титула его портреты, при богослуженіи стали возносить его имя какъ царствующаго государя, духовные проповѣдники заговорили въ церквахъ объ его воцареніи и начали появляться въ хвалу ему стихотворныя произведенія. Такъ, въ Петербургѣ, 6-го декабря, была напечатана сочиненная пѣкіимъ А. В. Добровольскимъ «Пѣснь въ проѣздъ черезъ Москву 30-го ноября 1825 года въ день народной присяги императору Константину Павловичу». Упомянувъ о кончинѣ Александра Павловича, съ «которымъ россіяне утвердили миръ Европы», пѣвецъ Добровольскій продолжалъ:

Нѣтъ его, льете слезы рѣками,
Счастье съ нимъ ваше въ мигъ протекло!..
Но успокойтесь — Константинъ съ вами!
Намъ его Небо отцомъ нарекло.
Мы поклянемся — быть ему вѣрны
Онъ Александру равенъ душой;
Съ нимъ на сраженьяхъ Россы примѣрны:
Братъ Александра — царь и герой!!...

Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ уже по отреченіи цесаревича отъ престола, слѣдовательно въ ту пору, когда не было побудительныхъ поводовъ къ чрезмѣрной лести, излагалось [1]):

[1]) Стихотвореніе это сообщено въ рукописи редакціи «Русской Старины» И. Р. фонъ-деръ-Ховеномъ.

Что̀ Петръ и что̀ Екатерина?
Что̀ ихъ великія дѣла
Передъ дѣлами Константина?
Они предѣлы измѣряли,
Обширность царства своего,
Они престолы доставали—
Онъ отказался отъ него, и т. д.

Стихи эти оканчивались строфою, въ которой авторъ, обращаясь къ Константину, говоритъ:

Тебѣ усердье вмѣсто трона,
Сердца людей—тебѣ чертогъ,
Любовь народная—корона,
Тебѣ титулъ—нашъ полубогъ!

Противъ такой поэтической мысли высказывались, впрочемъ, и другія прозаическія мнѣнія о Константинѣ, такъ какъ на счетъ его въ русскомъ обществѣ господствовало сильное предубѣжденіе, и подъ вліяніемъ этого предубѣжденія, А. Ѳ. Воейковъ пишетъ: «императоръ Александръ не по прихоти устранилъ отъ престола старшаго брата и, назначая себѣ въ преемники младшаго, никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не показалъ столь разительно своей заботливости о благѣ ввѣреннаго ему Провидѣніемъ народа», а графъ А. И. Рибопьеръ въ «Запискахъ» («Рус. Ар.» 1877 г.) своихъ говоритъ: «хотя я отчасти пользовался благосклонностію великаго князя Константина Павловича и иногда даже бывалъ въ числѣ приближенныхъ къ нему людей, тѣмъ не менѣе съ грустью думалъ я о восшествіи его на престолъ».

Принеся присягу императору Константину, великій князь Николай Павловичъ поступилъ не только вполнѣ прямодушно и совершенно законно, но и чрезвычайно разсудительно: вступивъ въ свои наслѣдственныя права, новый государь имѣлъ полную возможность тотчасъ же отказаться отъ нихъ, объявивъ объ этомъ всенародно обычнымъ порядкомъ, и тогда были бы устранены всякія замѣшательства переходомъ этихъ правъ къ ближайшему послѣ него наслѣднику. Вышло однако иначе.

«Въ Варшавѣ со второй половины ноября 1825 г.—пишетъ баронъ, впослѣдствіи графъ, М. А. Корфъ, — приближенные начали замѣчать, что цесаревичъ Константинъ не въ обыкно-

венномъ расположеніи духа и чрезвычайно мраченъ. Онъ даже часто не выходилъ къ столу, а на разспросы брата (в. к. Михаила Павловича) отвѣчалъ, что ему нездоровится. Прошло еще нѣсколько дней и Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, по дневнымъ рапортамъ коменданта, что пріѣхали два или три фельдъегеря изъ Таганрога, почти вслѣдъ одинъ за другимъ. «Что это значитъ?» спросилъ онъ.—«Ничего важнаго,—отвѣчалъ цесаревичъ съ видомъ равнодушія.—Государь утвердилъ награды, которыя я испрашивалъ разнымъ дворцовымъ чиновникамъ за послѣднее его здѣсь пребываніе». Къ цесаревичу, между тѣмъ, приходили извѣстія о безнадежной болѣзни императора, и когда, 25-го ноября, было получено извѣстіе объ его кончинѣ, то цесаревичъ сообщилъ объ этомъ великому князю Михаилу Павловичу».

Такъ разсказываетъ графъ Корфъ, но послѣ того, какъ онъ писалъ свою книгу «Восшествіе на престолъ императора Николая I», появились еще многіе матеріалы, относящіеся непосредственно къ цесаревичу, и мы, на основаніи этихъ матеріаловъ, скажемъ собственно о томъ, что̀ касается въ нихъ лично Константина Павловича.

Послѣ сообщенія брату рокового извѣстія, цесаревичъ—какъ передаетъ сенаторъ И. Д. Даниловъ («Русская Старина» изд. 1870 г.)—собралъ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ, что хотя окружающіе покойнаго государя признали его, Константина, императоромъ, а князь Волконскій и баронъ Дибичъ съ прочими, находившимися тогда въ Таганрогѣ, прислали ему присяжные листы, но что онъ возвращаетъ имъ эти листы, такъ какъ отрекается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному императору обязательство. Далѣе онъ заявилъ, что когда просилъ позволенія вступить въ бракъ съ княгинею Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола. Цесаревичъ заявилъ также, что, не принявъ принесенной ему присяги, онъ писалъ къ великому князю Николаю Павловичу, какъ императору, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ же должностяхъ, которыя имѣлъ при Александрѣ; а если императору Николаю не угодно, то онъ желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ. Присланные

изъ сената съ состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ чиновникомъ Никитинымъ бумаги цесаревичъ не только не принялъ, но, увидѣвъ Никитина, который слылъ отчаяннымъ карточнымъ игрокомъ, спросилъ его: «что̀ вамъ отъ меня угодно?— я уже давно не играю въ крепсъ». Въ то же время пріѣхалъ въ Варшаву изъ Москвы съ пакетомъ, адресованнымъ къ Константину Павловичу, какъ къ императору, адъютантъ московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, Демидовъ. Взглянувъ на конвертъ, цесаревичъ, не распечатывая, передалъ его Демидову съ такими словами: «скажите князю Голицыну, что не его дѣло вербовать въ цари!»

Когда вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, то въ городѣ и въ войскѣ произошло необычайное движеніе и всѣ ожидали распоряженія о присягѣ Константину Павловичу, но такого распоряженія не было, а цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ отъ престола. Между тѣмъ, къ Брюлевскому дворцу безпрестанно подъѣзжали фельдъегеря, генералы, адъютанты, духовныя лица и гражданскіе чиновники. Пріема однако не было и дежурный адъютантъ цесаревича объявлялъ являвшимся во дворецъ лицамъ, что приказанія въ свое время будутъ объявлены, а «пока все остается по прежнему». Сообразно съ этимъ держалъ себя цесаревичъ. Когда послѣ объявленія цесаревичемъ окружающимъ его лицамъ о кончинѣ императора, состоявшій при великомъ князѣ Н. Н. Новосильцевъ спросилъ: «какія же будутъ теперь приказанія вашего величества?» цесаревичъ остановилъ его словами: «прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула». Затѣмъ, въ продолженіе разговора, Новосильцевъ снова назвалъ цесаревича «величествомъ».—«Въ послѣдній разъ,—закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ,— въ послѣдній разъ прошу васъ перестать,—и помнить, что теперь законный нашъ государь и императоръ—Николай Павловичъ». Когда ему былъ поданъ посланный изъ Таганрога рапортъ барона Дибича о состояніи арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства, то, увидѣвъ, что на пакетахъ было надписано «его императорскому величеству государю Константину I», цесаревичъ нераспечатанными возвратилъ

пакеты привезшему ихъ фельдъегерю и приказалъ его тотчасъ же ночью выпроводить изъ Варшавы, не позволивъ ему даже отдохнуть, и строго запретилъ ему видѣться съ кѣмъ либо въ Варшавѣ. Рѣшимость великаго князя не принимать престола поддерживалась и съ той стороны, откуда, повидимому, слѣдовало бы ожидать противоположныхъ внушеній: княгиня Ловичъ умоляла его не измѣнять своего намѣренія и цесаревичъ, чтобъ успокоить ее, сказалъ ей: «tranquillisez vous, madame, vous ne regnerez jamais». Между тѣмъ, не смотря на такой образъ дѣйствій, цесаревичъ не приводилъ къ присягѣ ни войска, ни народа. Въ виду этого между поляками—какъ разсказываетъ Веригинъ—стала ходить молва, что цесаревичъ не принимаетъ русской короны потому, что желаетъ быть королемъ польскимъ. Болтали втихомолку поляки, что когда было получено въ Варшавѣ извѣстіе о смерти императора Александра Павловича, то одинъ изъ представлявшихся цесаревичу польскихъ генераловъ, Рожницкій, назвалъ великаго князя «императорскимъ» величествомъ. Цесаревичъ разсердился, но когда, вслѣдъ за тѣмъ, тотъ же генералъ назвалъ его «королевскимъ» величествомъ, то Константинъ Павловичъ не изъявилъ неудовольствія. Мысль о предоставленіи Константину Павловичу польской короны казалась, впрочемъ, возможною въ прежнее время. Такъ, Ростопчинъ, въ письмѣ своемъ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 8-го іюля 1789 года, писалъ: «Понятовскій, чтобъ доказать свою преданность императрицѣ, предлагалъ Константину польскую корону, съ тѣмъ, чтобъ великій князь женился на дочери курфирста саксонскаго». Но то, что казалось возможнымъ въ 1789 году, представлялось уже неосуществимымъ въ 1825 году, послѣ тѣхъ отношеній, какія установились между Россіею и Польшею.

Изъ обнародованныхъ въ свое время актовъ, относящихся къ отреченію Константина Павловича отъ престола, а также изъ переписки и фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ графа Корфа, виденъ весь ходъ этого дѣла. Съ своей стороны, мы не будемъ останавливаться на представляющихся здѣсь подробностяхъ и изложимъ только существенныя обстоятельства.

Еще лѣтомъ 1819 года, когда императоръ Александръ Павловичъ, на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ, обѣдалъ съ ве-

ликимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и его супругою, то завелъ совершенно неожиданно съ ними рѣчь о наслѣдіи престола, высказавъ, между прочимъ, слѣдующее: «я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, но онъ, будучи однихъ со мною лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ и съ врожденнымъ, сверхъ того, отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. И такъ, вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану».

Затѣмъ, 20-го марта 1820 года, по случаю развода цесаревича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною, появился манифестъ, гласившій, что, при неравномъ по происхожденію бракѣ, супругъ, на долю котораго приходится такое неравенство, и происшедшія отъ этого брака дѣти не пользуются правами, принадлежащими членамъ императорскаго дома. Мы уже говорили о значеніи этого манифеста, а именно, что онъ самъ по себѣ не лишалъ цесаревича Константина Павловича, вслѣдствіе его неравнаго брака, наслѣдственныхъ его правъ на корону. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что, не смотря на существующій уже законъ, нужно было получить отъ Константина Павловича еще особое отреченіе, которое и было изложено имъ 14-го января 1822 года въ письмѣ къ императору Александру Павловичу въ видѣ «всенижайшей просьбы». Въ письмѣ этомъ причиною своего отреченія цесаревичъ выставлялъ то, что онъ «не чувствуетъ въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію его можетъ имѣть право». Поэтому онъ просилъ государя «передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него». «Симъ,— писалъ цесаревичъ,—могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое я далъ непринужденно и торжественно при случаѣ развода моего съ первою моею женою». Новый залогъ и новая онаго сила, дѣйствительно, требовались для той цѣли, какая имѣлась въ виду при изданіи манифеста 20-го марта 1820 года, такъ какъ, безъ особаго, личнаго отреченія отъ престола, цесаревичъ, получивъ верховную самодер-

жавную власть, получилъ бы въ то же самое время право, силою этой же власти, отмѣнить ограничительный законъ, касавшійся его супруги и того потомства, которое онъ могъ имѣть отъ нея. Письмо свое къ государю цесаревичъ заключилъ словами: «я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго государства нашего». На это письмо императоръ Александръ Павловичъ отвѣтилъ, 2-го февраля 1822 года, письменно, сообщая, что онъ и вдовствующая императрица читали письмо цесаревича «съ чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, его руководившимъ, и что они, уваживъ причины, изложенныя цесаревичемъ, даютъ ему полную свободу слѣдовать непоколебимому его рѣшенію».

Вслѣдствіе этого отреченія, 16-го августа 1823 года, былъ подписанъ Александромъ Павловичемъ въ Царскомъ Селѣ манифестъ, въ которомъ императоръ объявлялъ, что онъ медлилъ назначеніемъ наслѣдника престола «въ ожиданіи, не будетъ-ли благоугодно невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать ему наслѣдника престола въ прямой линіи, но теперь поспѣшаетъ постановить престолъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не оставался празднымъ».

Далѣе въ манифестѣ объявлялось, что цесаревичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ его величеству просьбу, чтобы «право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него, и что онъ принялъ при семъ намѣреніи, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи престола, постановленному нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному». Затѣмъ, въ манифестѣ было сказано, что отреченію цесаревича «быть твердымъ и неизмѣннымъ», актъ же отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ, а также въ синодѣ, государственномъ совѣтѣ и сенатѣ, и, на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи престола, наслѣдникомъ быть великому князю Николаю Павловичу».

Можно вдаться въ разныя догадки—почему манифестъ этотъ, признавшій необходимость «предуготовить и обезпечить спокойствіе и благоденствіе отечества и народа чрезъ ясное и точное указаніе преемника царствующему государю», не былъ обнародованъ при жизни императора Александра Павловича. Предвидѣлъ ли онъ возможность, вслѣдствіе печальной случайности, т. е. кончины супруги своей, имѣть прямыхъ себѣ наслѣдниковъ отъ другого брака? Избѣгалъ ли онъ того, чтобъ поставить при своей жизни старшаго брата въ положеніе сравнительно низшее противъ положенія младшаго? Или, быть можетъ, по чувству суевѣрнаго страха онъ воздерживался обнародованіемъ манифеста, какъ предвозвѣстія своей близкой кончины, или, наконецъ, и на этотъ разъ выразилось только то свойственное императору Александру Павловичу колебаніе, которое обыкновенно проявлялось въ его дѣйствіяхъ въ рѣшительныя минуты жизни? Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что обнародованіе этого манифеста предотвратило бы тѣ смуты, какія неизбѣжно должны были возникнуть при такомъ положеніи дѣлъ, объ огласкѣ которыхъ нужно было всего болѣе заботиться, между тѣмъ какъ, напротивъ, отреченіе Константина Павловича старались покрыть непроницаемою тайною.

Прежде чѣмъ рѣшиться принять императорскую корону, великій князь Николай Павловичъ старался о томъ, чтобъ сдѣлать отреченіе старшаго брата несомнѣннымъ въ глазахъ всего народа. Осторожность свою въ этомъ щекотливомъ случаѣ онъ доводилъ даже до того, что, какъ мы сказали, не признавалъ дѣйствительнымъ отреченіе своего старшаго брата, данное имъ какъ великимъ княземъ, а желалъ имѣть отъ него отреченіе какъ отъ императора. Невозможно было ему идти далѣе этого для отстраненія отъ себя всякихъ нареканій.

Въ письмѣ, посланномъ съ фельдъегеремъ, Николай Павловичъ приглашалъ императора прибыть скорѣе въ Петербургъ, но на письмо это Константинъ Павловичъ отвѣчалъ, что такого предложенія онъ принять не можетъ, и предварялъ, что «удалится еще дальше, если все не устроится въ согласность воли покойнаго государя», поясняя, что непреложное и ни въ чемъ неизмѣнившееся отреченіе его не можетъ и не должно быть

возвѣщено ни въ какой иной формѣ, какъ только чрезъ обнародованіе завѣщанія покойнаго государя и приложенныхъ къ нему актовъ.

26-го ноября, онъ послалъ въ Петербургъ бывшаго въ Варшавѣ великаго князя Михаила Павловича съ двумя письмами: одно изъ нихъ было къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, другое— къ великому князю Николаю Павловичу. Въ обоихъ письмахъ онъ выражалъ намѣреніе отказаться отъ престола, и въ послѣднемъ изъ нихъ просилъ брата принять отъ него вѣрноподданническую присягу, изъясняя, что, «не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничится тѣмъ титуломъ цесаревича, которымъ удостоенъ былъ за службу покойнымъ родителемъ». О своемъ отказѣ онъ извѣстилъ, также письмомъ, предсѣдателя государственнаго совѣта князя Лопухина и министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго.

Положеніе дѣлъ становилось чрезвычайно затруднительно и оно разрѣшилось возмущеніемъ 14-го декабря 1825 года, по поводу котораго Константинъ Павловичъ впослѣдствіи писалъ Ѳ. П. Опочинину: «нельзя равнодушно вспоминать о всѣхъ неосторожностяхъ мѣстнаго начальства, кои были дѣйствительными причинами сихъ гнусныхъ происшествій», хотя справедливость требуетъ сказать, что главною причиною замѣшательствъ былъ самъ цесаревичъ, но никакъ уже не «мѣстное начальство»

Въ продолженіе почти трехъ недѣль носились противорѣчащіе одинъ другому слухи о намѣреніи новаго императора отказаться отъ престола въ пользу младшаго его брата. Неизвѣстность волновала умы. Въ Петербургѣ, гдѣ всѣ присягнули ему, распускали молву, что онъ приметъ корону и вскорѣ пріѣдетъ въ столицу; что посланный къ нему въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ къ нему, но, какъ его приверженецъ, арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Всѣ эти разсказы причиняли сильную тревогу и давали поводъ къ угрожающимъ событіямъ, а между тѣмъ цесаревичъ оставался въ Варшавѣ, не вмѣшиваясь вовсе въ ходъ дѣлъ, распутать которыя онъ могъ всего легче самъ. Въ Петербургѣ между тѣмъ даже не знали, гдѣ находится новый государь— въ Варшавѣ или Таганрогѣ.

Въ такомъ странномъ образѣ его дѣйствій нельзя однако видѣть какіе-то затаенные, злокозненные планы, какъ это истолковывали нѣкоторые, и было бы слишкомъ неумѣстно сдѣлать одно крайнее предположеніе, что онъ будто бы выжидалъ той минуты, когда революція призоветъ его на престолъ и что онъ, такимъ образомъ, побужденный необходимостью, будетъ считать себя въ правѣ отмѣнить данное имъ прежде добровольное отреченіе. Если бы онъ имѣлъ желаніе присвоить себѣ тѣ права, отъ которыхъ однажды уже отказался, то къ осуществленію ихъ ему представлялся самый удобный случай, а именно тотъ, когда онъ получилъ извѣстіе о присягѣ, принесенной ему, какъ императору, въ Петербургѣ не только войскомъ и народомъ, но и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Между тѣмъ оказывается, что чѣмъ благопріятнѣе были обстоятельства для достиженія имъ императорскаго престола, тѣмъ рѣзче высказывалось нежеланіе его принять на себя верховную власть. Въ 1852 году, при разборѣ бумагъ покойнаго министра императорскаго двора князя Волконскаго, найдены были четыре тетради одинаковаго содержанія и съ одинаковымъ заглавіемъ: «Любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ отъ его императорскаго высочества великаго князя торжественное объясненіе». Объясненіе это помѣщено въ книгѣ графа Корфа и въ немъ причиною отреченія Константина Павловича отъ престола выставляется воля императора Александра Павловича, чтобъ, въ случаѣ его кончины, ему наслѣдовалъ великій князь Николай Павловичъ.

Такой взглядъ на причину своего отреченія высказывалъ цесаревичъ и въ письмахъ своихъ къ Лагарпу; въ одномъ изъ нихъ, отъ 4-го (16-го) февраля 1826 года, онъ писалъ, что принялъ бы письмо Лагарпа не смотря на титулъ, «который, благодаря Богу и покойному государю, онъ никогда не носилъ». Въ другомъ письмѣ къ бывшему своему наставнику онъ писалъ: «разъ принявши положеніе, одобренное покойнымъ нашимъ безсмертнымъ императоромъ и моею матерью, на все остальное я смотрѣлъ какъ на простыя послѣдствія и роль моя тѣмъ болѣе была легка, что я оставался на томъ же постѣ, который занималъ прежде и котораго не покидалъ. Доволенъ и счастливъ на сколько это возможно. Всегда зналъ повиновеніе самое пассивное, дѣй-

ствовалъ съ полною откровенностію, безъ задней мысли, старался, чтобъ дѣлать то, что̀ предписано, хотя бы и противъ моего мнѣнія. Очень немногіе поймутъ меня: они не имѣли счастья служить императору-брату, императору-другу, императору-товарищу и благодѣтелю и питать тѣ чувства, которыя мы питали другъ къ другу».

Наступило время коронаціи. Даниловъ говоритъ, что неизвѣстно, былъ ли приглашенъ цесаревичъ на это торжество, но рѣшилъ ѣхать туда, совершенно неожиданно для своихъ окружающихъ. Надобно, впрочемъ, полагать, что такого приглашенія ему послано не было, такъ какъ онъ просилъ Ѳ. П. Опочинина увѣдомить его о времени коронаціи. Цесаревичъ былъ въ пути пять дней и на станціяхъ приказывалъ спрашивать ѣдущихъ изъ Москвы, была ли уже коронація или нѣтъ? Такіе вопросы указываютъ на то, что цесаревичъ приглашенія не получилъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему было бы положительно извѣстно о времени коронаціи. Цесаревичъ пріѣхалъ въ Москву 14-го августа. При въѣздѣ въ городъ, онъ, оставя Данилова и прочихъ своихъ спутниковъ у заставы, отправился прямо въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ жилъ тогда императоръ Николай. Въ моментъ пріѣзда цесаревича, государь занимался бумагами въ своемъ кабинетѣ. Великій князь вошелъ въ смежную съ кабинетомъ комнату и приказалъ доложить о себѣ. Государю сказали о великомъ князѣ безъ упоминанія титула цесаревича и имени. Императоръ, полагая, что пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, велѣлъ подождать. Спустя нѣсколько минутъ, другой болѣе догадливый камердинеръ доложилъ его величеству, кто именно былъ неожиданный гость. Тогда императоръ кинулся къ нему, объясняя причину не совсѣмъ почтительнаго пріема. Тотчасъ же оба брата поѣхали въ домъ графа Разумовскаго, гдѣ остановилась императрица Марія Ѳеодоровна. На другой день, въ праздникъ Успенія, великій князь, вмѣстѣ съ императоромъ, былъ у обѣдни въ большомъ Успенскомъ соборѣ, а 17-го и 18-го числа присутствовалъ на маневрахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ Москвы, на пространствѣ между тверскою и звенигородскою дорогами.

Одно изъ лицъ, близкихъ къ великому князю и бывшихъ съ нимъ въ это время въ Москвѣ, разсказываетъ, что цесаре-

вичъ передъ коронаціею заѣхалъ однажды къ своей давнишней знакомой, генеральшѣ Сорочинской, дочери князя М. И. Голенищева-Кутузова, и узналъ отъ нея, что въ коронаціонномъ церемоніалѣ предполагается, чтобъ великій князь Константинъ Павловичъ возложилъ корону на своего брата. Извѣстіе это,—продолжаетъ разсказчикъ,—сильно встревожило его и онъ пригласилъ къ себѣ митрополита Филарета для объясненія по этому дѣлу. Филаретъ успокоилъ его тѣмъ, что если его высочество не желаетъ исполнить это, то, конечно, будетъ сдѣлано другое распоряженіе. Дѣйствительно, по церемоніалу назначалось, чтобы корону на императора возложилъ митрополитъ, но государь сказалъ, что онъ самъ съумѣетъ это сдѣлать. Во время обряда коронованія цесаревичъ находился вмѣстѣ съ членами императорской фамиліи, нисколько не выдѣляясь отъ нихъ, и, -какъ сообщаетъ Давыдовъ,—по окончаніи коронаціи, при выходѣ изъ Успенскаго собора, сказалъ Ѳ. П. Опочинину: «теперь я отпѣтъ!» Когда шелъ государь въ императорскомъ облаченіи въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, то цесаревичъ находился по правую руку, «ласково привѣтствуя,—по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», — народъ, который не спускалъ съ него глазъ».

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, цесаревичъ былъ сумраченъ, сильно скучалъ и былъ недоволенъ тѣмъ, что день коронаціи отлагали нѣсколько разъ по случаю нездоровья вдовствующей императрицы. Замѣтили также, что, являясь на балы и общественныя собранія, онъ постоянно уѣзжалъ ранѣе императора. 24-го августа, въ ночь, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ любимую имъ Варшаву. По поводу коронаціи онъ переписывался съ Лагарпомъ, которому онъ писалъ, что счастливъ, заслуживъ одобреніе Лагарпа за свое поведеніе во время коронаціи, прибавляя, что онъ, съ своей стороны, не придавалъ этому обстоятельству особой важности, такъ какъ «все было просто, естественно».

ГЛАВА XX.

Управленіе великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ царствомъ Польскимъ.— Отношенія великаго князя къ императору Николаю Павловичу.—Недовольство великаго князя.—Намѣреніе удалиться отъ дѣлъ.

Въ предыдущихъ главахъ намъ приходилось говорить гораздо болѣе о занятіяхъ цесаревича Константина по военной части, нежели объ его управленіи въ царствѣ Польскомъ, при чемъ офиціальное его тамъ положеніе какъ бы исключалось пребываніемъ намѣстника, князя Зайончека, какъ непосредственнаго представителя особы государя. Со смерти Зайончека, послѣдовавшей въ 1826 году, цесаревичъ безусловно распоряжался и всѣми отраслями управленія въ царствѣ Польскомъ, такъ какъ новаго намѣстника назначено не было, а при немъ состояла канцелярія по гражданской части. Главнымъ своимъ призваніемъ онъ, какъ мы уже замѣтили, считалъ взаимное примиреніе обѣихъ національностей — русской и польской, и надѣялся, достигнувъ этого, оставить по себѣ благодарную память въ потомствѣ. Между тѣмъ, не смотря на многія хорошія качества, цесаревичъ не былъ призванъ, по самому своему характеру и привычкамъ, къ роли примирителя, тѣмъ болѣе, что вся его дѣятельность и всѣ его заботы постоянно и даже исключительно сосредоточивались на одномъ только предметѣ—на польской арміи.

Г. Максимовичъ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 года», разсказываетъ, что всякое распоряженіе было на глазахъ у цесаревича и не уско-

зало отъ его личнаго контроля. Онъ входилъ во всѣ подробности службы и солдатскаго быта. Цесаревичъ всегда прочитывалъ даже дневные рапорты и дѣлалъ на нихъ карандашомъ помѣтки, имѣвшія послѣдствіемъ какое нибудь практическое улучшеніе въ бытѣ войскъ. При постоянныхъ занятіяхъ по военной части, онъ не имѣлъ возможности, даже если бы и желалъ, посвящать достаточно времени на дѣла гражданскаго управленія. О томъ же, что занятія эти были хотя и не всегда важны, но тѣмъ не менѣе продолжительны, можно заключить изъ того, что, напримѣръ, подписываніе и провѣрка паспортовъ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ отъ службы, брала въ началѣ каждаго года у цесаревича—какъ это видно изъ одного его письма къ Ѳ. П. Опочинину — иногда 34 дня сряду, а между тѣмъ онъ не хотѣлъ никому передавать эту утомительную, чисто-канцелярскую работу. Ему приходилось также употреблять много времени и на просмотръ поступавшихъ къ нему лично просьбъ, а ихъ оказывалось у него не мало по самымъ разнороднымъ предметамъ. Такихъ просьбъ было подано ему въ 1827 году 1,148, а въ слѣдующемъ, 1828 году—1,318.

Замѣтимъ прежде всего, что въ то время, когда великій князь смотрѣлъ на безусловную покорность военныхъ какъ на первое условіе ихъ службы, онъ проводилъ нѣсколько иные взгляды на отношенія внѣ военно-служебныхъ сферъ. Еще будучи женихомъ, онъ, въ разговорѣ съ матерью своей невѣсты, высказывалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые гоняются за милостями высокихъ особъ, и выражалъ опасеніе, чтобы старшій братъ его не подпалъ подъ ихъ вліяніе. Онъ обнаруживалъ свое неудовольствіе при видѣ оказываемыхъ ему личныхъ услугъ, и однажды, во время ужина у герцогини Саксенъ-Кобургской, когда дежурный пажъ захотѣлъ служить ему, цесаревичъ сказалъ пажу по-французски: «прошу, сударь, васъ не безпокоиться; мнѣ непріятно думать, что дворянинъ, который мнѣ будетъ послѣ товарищемъ, стоитъ у меня за стуломъ».

Такое понятіе о различіи взаимныхъ отношеній по службѣ и внѣ ея сохранилъ цесаревичъ во всю свою жизнь: ни гражданскіе чиновники, ни обыватели царства Польскаго вообще,

не имѣли никакого повода жаловаться на его строгое или надменное съ ними обращеніе, тогда какъ вся его суровость была направлена на войско. Поэтому, если войско было раздражено имъ, то вообще населеніе царства, хотя и недовольное господствующими порядками, не питало лично къ великому князю непріязни, и скорѣе сочувственно, нежели враждебно, относилось къ нему.

Для общей характеристики политическихъ взглядовъ цесаревича мы приведемъ нѣкоторыя высказанныя имъ самимъ мнѣнія и понятія.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Лагарпу онъ говорилъ: «я дѣлаю себѣ столько же чести и славы, дѣйствуя вопреки моему мнѣнію, какъ если бы я дѣйствовалъ согласно съ онымъ. Недовольные никогда не найдутъ поддержки и сборнаго пункта около меня. Напротивъ, я всячески буду стараться обратить ихъ къ слѣпому повиновенію своему государю». Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ Лагарпу же, но нѣсколько позднѣе, онъ, по поводу возстанія грековъ, сообщалъ такое съ своей стороны мнѣніе: «сожалѣя объ участи грековъ, я не нахожу ихъ дѣло справедливымъ, и не могу допустить въ моихъ принципахъ эманципацію народа посредствомъ возмущенія у сосѣда или ближняго, и поддерживать ее, не вызывая подобныхъ событій у себя, гдѣ, конечно, ихъ даже не потерпѣли бы и гдѣ употребили бы самыя энергическія средства, чтобы подавить ихъ. Съ которыхъ поръ великіе поборники греческаго дѣла и либералы—какъ ихъ нынѣ называютъ—сдѣлались такими христіанами, что съ такою ревностью защищаютъ дѣло св. креста? Начните прежде у себя и эманципируйте прежде своихъ, чѣмъ поддерживать эманципацію другихъ».

Цесаревичъ былъ увѣренъ, что «дѣйствія среди поляковъ не предпринимается» и что если они хотятъ присоединенія къ царству прежнихъ областей королевства Польскаго, то это потому, что они видятъ уже подобный примѣръ. По поводу этого Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину для доклада государю слѣдующее: «всѣ они (поляки) однѣхъ мыслей и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій; но чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не

одобряютъ таковыхъ намѣреній, а, напротивъ, весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслію только какого нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, и наиболѣе примѣръ утверждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи и сдѣлано было, подобно царству Польскому, великое княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой, слѣдовательно, и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить на счетъ сего какое либо мое собственное заключеніе, но только, когда таковой примѣръ мнѣ выставляютъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что мнѣ на оное отвѣчать?»

Оправдывая съ своей точки зрѣнія мечтанія поляковъ, Константинъ Павловичъ въ частности выказывалъ большое нерасположеніе къ римско-католическому духовенству, но собственно за то только, что оно, какъ онъ полагалъ, хотѣло составить въ Польшѣ, по выраженію его, «status in statu». Когда, въ виду дряхлости митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевича, государь просилъ великаго князя Константина Павловича указать преемника митрополиту, то цесаревичъ сообщилъ, что, кромѣ луцкаго епископа, 70-ти лѣтняго старца, Цецишевскаго, человѣка почтеннѣйшаго и отлично уважаемаго не только своимъ духовенствомъ и католиками, но и русскими,— онъ не знаетъ никого даже въ Варшавѣ изъ католическихъ духовныхъ, кромѣ военныхъ священниковъ, и что всегда старался держать себя подальше отъ католическаго духовенства и не имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Особенное сочувствіе цесаревичъ питалъ къ польской арміи, полагаясь преимущественно на вѣрность и преданность ея главныхъ представителей. Въ 1826 году, онъ отзывался объ нихъ предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ слѣдующихъ словахъ: «я ручаюсь за польскихъ начальниковъ; они умѣютъ чувствовать милость государя. Дай Богъ только, чтобъ другіе умѣли это чувствовать какъ они!» Другой разъ онъ выразился такъ: «совершенно увѣренъ во всѣхъ войскахъ и начальникахъ частей, подъ командою моею состоящихъ; имъ нечѣмъ другимъ заниматься какъ только службою».

Польское возстаніе 1830 года. Взятіе тюрьмы инсургентами въ Варшавѣ.

Съ гравюры того времени.

Относительно правъ печати—Константинъ Павловичъ высказывалъ слѣдующее мнѣніе: «печатайте что́ угодно, но скажите тому, про кого вы печатаете, источники, откуда вы почерпнули, дабы онъ могъ найти удовлетвореніе, если оскорбленъ или обиженъ. Всякій безъимянный авторъ подлъ, ибо онъ скрывается за тайною, чтобы дѣлать зло и вредить, а затронутые имъ принуждены прибѣгать къ личному и непозволенному мщенію и поставлены въ необходимость личной защиты». Само собою разумѣется, что такой взглядъ относится къ личнымъ оскорбленіямъ въ печати, но не къ той свободѣ, при которой она получаетъ вліяніе на политическіе вопросы. Намъ не пришлось встрѣтить мнѣнія цесаревича собственно по этому предмету, но надобно полагать, что онъ, любя покорность безъ разсужденій и привыкнувъ самъ къ пассивному повиновенію, невыносливо бы смотрѣлъ на вмѣшательство печати въ дѣла политическаго свойства. Вообще же онъ отличалъ слова отъ поступковъ и по поводу обвиненія подполковника Лунина, вызывавшаго его нѣкогда на дуэль, писалъ въ Петербургъ: «статься могло, что онъ (Лунинъ), находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что либо на счетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ нимъ однимъ — даже его императорское величество изволилъ припомнить, что мы иногда сами между собою, сгоряча, неодумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда въ рѣчахъ умѣренными,—но это еще не означаетъ какаго либо вреднаго намѣренія».

Константинъ Павловичъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякихъ безъимянныхъ доносовъ и писемъ, говоря, что если вѣрить имъ, то пойдутъ большія непріятности и несправедливости, «ибо самая ракалья можетъ очернить и сдѣлать вредъ невиннымъ или честнымъ людямъ».

Не смотря на свои принципы, во многихъ и даже въ большинствѣ случаевъ не слишкомъ подходившіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, Константинъ Павловичъ, слѣдуя духу времени, принадлежалъ къ масонамъ, но, какъ онъ самъ писалъ Лагарпу, сдѣлалъ это съ разрѣшенія императора Александра Павловича, и прибавлялъ, что впослѣдствіи, когда вышло запрещеніе при-

надлежать къ какимъ либо тайнымъ обществамъ, онъ тотчасъ оставилъ масонство.

Послѣ всего, что мы сказали вообще о политическихъ взглядахъ великаго князя, любопытно будетъ посмотрѣть на примѣненіе имъ этихъ общихъ взглядовъ къ положенію Польши.

Прежде всего онъ въ этомъ отношеніи дѣлалъ различіе между мечтами поляковъ и попытками осуществить эти мечты. «Полякамъ,—писалъ онъ Опочинину,—желать все, что́ содѣйствуетъ ихъ возстановленію, можно, и сіе желаніе ихъ признать должно естественнымъ; но дѣйствовать имъ, въ какомъ бы то видѣ ни было, не позволительно, ибо такое дѣйствіе есть преступленіе».

Между тѣмъ, положеніе цесаревича, какъ неофиціальнаго правителя царства Польскаго, «облеченнаго властью вполнѣ диктаторскою и неограниченною», по собственнымъ словамъ его въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, 7-го (19) февраля 1826 г., «становилось весьма щекотливымъ и труднымъ». Въ этомъ письмѣ, по поводу князя Антона Яблоновскаго, замѣшаннаго во вредныхъ замыслахъ противъ правительства, цесаревичъ писалъ слѣдующее: «желая только повиноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ благодѣтелемъ моимъ на счетъ этой страны и возможнаго образа дѣйствій, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную коммисію, наблюденіе и направленіе которой останется подъ моимъ надзоромъ». Упоминая о томъ, что въ составъ этой комиссіи вошли: Новосильцевъ, Курута, Кривцовъ, Колзаковъ, Моренгеймъ — какъ русскіе, а Замойскій, Соболевскій, Гауке, двое Грабовскихъ и Розенштраухъ — какъ поляки, и замѣтивъ, что это люди различныхъ цвѣтовъ и убѣжденій, прибавлялъ, «что слѣдствію должна быть дана наибо́льшая гласность» и что «всѣ подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени; а такъ какъ мы,—заключилъ цесаревичъ,—подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго правленія и болѣе входитъ въ строй». Составленіе предположенной комиссіи было разрѣшено государемъ.

Въ такомъ поддержаніи законности Константинъ Павловичъ не былъ однако устойчивъ. Въ 1830 году, онъ требовалъ бе-

зусловно строгихъ мѣръ противъ «интригановъ», дѣйствующихъ въ Петербургѣ, причисляя ихъ къ тѣмъ людямъ, которые стремятся къ тому, чтобы соединить Литву съ царствомъ Польскимъ. Императоръ Николай Павловичъ не удовольствовался такимъ голословнымъ обвиненіемъ, «желая имѣть что либо положительное, которое доказывало бы подобный замыселъ, и кто именно тѣ лица, дабы учинить наказаніе достойное и съ тѣмъ вмѣстѣ справедливое и согласное съ закономъ». Сообщая объ этомъ цесаревичу, Опочининъ, 4-го февраля 1830 года, писалъ ему: «я бы на вашемъ мѣстѣ поступалъ болѣе, нежели когда нибудь, осторожно, дабы самымъ видомъ показывать истину, отчуждая всякаго рода предположенія. Симъ способомъ отымите у людей неблагонамѣренныхъ всѣ средства къ кознямъ, ибо законное веденіе и сужденіе дѣлъ докажетъ истину и лишитъ средствъ людей тѣхъ распространять, что вы поступаете «арбитрарно». Опочининъ старался выяснить Константину Павловичу, что если онъ предполагаетъ, что интриганы имѣютъ въ Петербургѣ такое сильное вліяніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ надобно предположить, что правительство допускаетъ это по своей слабости. «Сіе,— писалъ Опочининъ,—неминуемо должно огорчить государя, который—какъ и вы—увѣренъ, что труды его неусыпны, и что мѣры, имъ принимаемыя, суть самыя дѣятельныя. Изъ сего слѣдуетъ неминуемо, что таковыя предположенія, когда они не основаны на ясныхъ доказательствахъ, пользы не приносятъ и умножаютъ искру между вами неудовольствій къ совершенному торжеству людей неблагонамѣренныхъ».

Въ «Запискахъ» своихъ («Рус. Ар.» 1875 г.) графиня А. Д. Блудова замѣтила: «положеніе великаго князя и отношенія къ нему государя были такія особенныя, такія ненормальныя, что уступка желаніямъ старшаго брата была необходима». Одна изъ такихъ уступокъ была особенно важна: императоръ Николай Павловичъ желалъ, чтобы польская армія приняла участіе въ турецкой войнѣ. Безъ сомнѣнія, такое участіе произвело бы на поляковъ самое благопріятное впечатлѣніе, польстивъ ихъ національному чувству, напомнивъ времена Собѣсскаго, и сблизило бы ихъ съ русскими въ сраженіяхъ подъ одними знаменами. Кромѣ того, походъ польской арміи въ Турцію отвлекъ

бы польскую молодежь отъ ихъ тайныхъ обществъ, среди которыхъ составлялись планы будущаго возстанія. Но Костантинъ Павловичъ, желая сохранить въ цѣлости польскую армію, находилъ, что война портитъ войско, и, въ виду его противорѣчія этому предположенію, государь вынужденъ былъ уступить его желанію.

Другимъ поводомъ къ разномыслію между братьями было слѣдующее обстоятельство: императоръ Николай Павловичъ, уѣзжая изъ Москвы въ мартѣ 1830 года, оставилъ тамъ для разсмотрѣнія со стороны нѣкоторыхъ лицъ проектъ государственныхъ преобразованій, цѣль которыхъ, какъ писалъ А. С. Пушкинъ къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, клонилась къ тому, чтобъ оградить дворянъ отъ произвола чиновниковъ и предоставить новыя права мѣщанамъ и крестьянамъ. Этотъ проектъ, однако, не состоялся, вслѣдствіе несогласія со стороны Константина Павловича, которому государь, изъ братской любви и изъ уваженія къ старшинству, посылалъ на предварительный просмотръ всѣ важнѣйшія государственныя бумаги. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, кромѣ того, еще при Александрѣ Павловичѣ было заведено, чтобы всѣ русскія посольства и миссіи, находящіяся при иностранныхъ дворахъ, посылали въ Варшаву для свѣдѣнія къ Константину Павловичу копіи со всѣхъ ихъ депешъ. По отъѣздѣ великаго князя изъ Варшавы, поляки завладѣли этою перепискою, которая и была издана въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: «Portfolio».

Отрекшійся отъ престола цесаревичъ сталъ въ отношеніи своего младшаго брата въ положеніе вѣрноподданнаго и, соотвѣтственно этому, выражалъ государю чувства полной покорности и безпредѣльной преданности. Онъ изъявлялъ почтительную благодарность императору за дозволеніе употреблять присланную ему на память печать покойнаго государя; почтительно благодарилъ за присылку доставшихся ему, при раздѣлѣ, восьми лошадей, изъ числа принадлежавшихъ императору Александру Павловичу, и за тѣ объясненія, которыя относительно его хотѣлъ внести императоръ Николай Павловичъ въ свой манифестъ на случай своей кончины. Въ письмахъ своихъ къ Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ просилъ повергнуть его къ стопамъ госу-

даря, что со стороны этого послѣдняго вызвало наконецъ слѣдующія слова, обращенныя къ Опочинину: «сдѣлай одолженіе— упроси брата, чтобы онъ не повергалъ себя къ моимъ стопамъ».

Между тѣмъ, великій князь началъ подозрѣвать, что находятся люди, которые хотѣли разстроить доброе согласіе между обоими братьями. Въ Петербургѣ стали на счетъ его ходить разные слухи, и отъ 29-го января 1896 года Опочининъ писалъ объ этомъ, на что цесаревичъ отвѣчалъ: «все, что вы сообщили мнѣ о неясныхъ слухахъ, распространяемыхъ на мой счетъ въ Петербургѣ, мало меня безпокоитъ: поведеніе мое слишкомъ безукоризненно, чтобы кто нибудь могъ его запятнать», и просилъ Опочинина письмо это показать государю. Къ слухамъ этимъ, враждебнымъ цесаревичу, прибавилось еще какое-то письмо тайнаго совѣтника Арсеньева, котораго, какъ писалъ цесаревичъ Опочинину—онъ не зналъ. Видно однако, что въ этомъ письмѣ говорилось о томъ, что будто-бы покойный императоръ съ цесаревичемъ «яко бы были въ общемъ заговорѣ». «На сіе,—писалъ Константинъ Павловичъ,—надобно обратить вниманіе: не съ умысломъ ли пущено сіе письмо; ибо что касается до государя императора, такъ какъ онъ скончался, то и дѣло кончено, а я какъ живъ, то не хотятъ ли подать нѣкоторое сомнѣніе его величеству въ искренности моей, дабы вселить подозрѣніе; но я совершенно увѣренъ, что никому въ семъ не удастся». Свою подозрительность въ этомъ отношеніи онъ выразилъ и въ другомъ письмѣ къ Опочинину, замѣчая, что Опочининъ съ нѣкотораго времени сдѣлался чрезвычайно осмотрителенъ въ своей съ нимъ перепискѣ, и допскивался тому причины. На письмо это Опочининъ самымъ положительнымъ образомъ отвѣчалъ, что прежнее расположеніе государя къ цесаревичу не измѣнилось нисколько.

Изъ дальнѣйшей переписки Константина Павловича съ Опочининымъ открывается, что причиною его неудовольствій были не личныя отношенія къ нему государя, но тѣ новые порядки, которые тогда стали заводиться въ Петербургѣ. По поводу этого онъ, 13-го (25-го) декабря 1829 года, писалъ: «мудрено быть дѣятельнымъ и тянуться съ молодыми, коихъ правила и разумѣнія о вещахъ противны старымъ правиламъ и старымъ при-

вычкамъ, а можетъ быть, и грубой закоснѣлости и грубымъ предубѣжденіямъ, вкоренившимся въ продолженіе полустолѣтія» [1]). Въ другомъ письмѣ, отъ 9-го (21-го) января 1830 года, онъ выражался такъ: «пускай новые будутъ дѣлать новое такъ, какъ мы дѣлали старое. Намъ, старикамъ, не догнать въ ловкости новыхъ». Послѣ того, въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, онъ писалъ: «не привыкать мнѣ, въ мои годы и послѣ 30-ти лѣтней службы, къ новымъ порядкамъ, быть можетъ и великолѣпнымъ, но для меня непонятнымъ». Въ этихъ письмахъ слышится брюзгливое ворчаніе старѣющаго человѣка, привыкшаго къ стародавнимъ порядкамъ и находившаго, какъ это всегда водится, старое житье-бытье лучше новаго...

Помимо однако этого, были еще особые случаи, раздражавшіе цесаревича. Такъ, онъ выражалъ негодованіе на то, что въ Петербургѣ обнаруживается какое-то покровительство лицамъ, которымъ удалось заручиться покровительствомъ генерала Бенкендорфа и князя Ливена. Лица эти были тѣ, которыхъ цесаревичъ, въ административномъ порядкѣ, удалилъ изъ мѣстъ ихъ жительства со времени своего управленія западными губерніями. Они, какъ полагалъ цесаревичъ, выдавали себя въ Петербургѣ жертвами произвола и тамъ находили себѣ покровителя въ лицѣ князя Любецкаго — «человѣка — по отзыву цесаревича — тщеславнаго, способнаго на всякія подлости и униженія, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей и личныхъ выгодъ». Въ такомъ положеніи дѣлъ онъ видѣлъ «интригу и заговоръ» и находилъ, что «трудно будетъ подобрать однажды распущенныя возжи». «Къ тому же,—добавлялъ цесаревичъ, — я слишкомъ хорошо вижу, что болѣе ужъ не пользуюсь прежнимъ довѣріемъ государя; недоумѣваю, чѣмъ могъ его лишиться: совѣсть моя чиста передъ Богомъ и людьми». Подозрительность его въ это время доходила до того, что онъ видѣлъ «всѣ придирки и ловушки, чтобъ вывести его изъ терпѣнія и, если можно, выжить его». Къ этому онъ прибавлялъ, что скоро будетъ восемь мѣсяцевъ, какъ онъ не получалъ, въ противность прежняго порядка, ни одной бумаги

---

[1]) См. въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 13-го (25-го) декабря 1829 года.

Н. Шильдеръ.

отъ нашихъ заграничныхъ посольствъ и миссій. «Это,—заключилъ онъ,—болѣе чѣмъ явное доказательство утраченнаго довѣрія». Его волновало также и то обстоятельство, что теперь поднялись высоко тѣ люди, которые были ничтожны въ предшествовавшее царствованіе, но особенно сильное неудовольствіе возбудило въ немъ дѣло какого-то мелкаго чиновника Згерскаго-Каша, котораго онъ, какъ человѣка опаснаго, преслѣдовалъ въ Петербургѣ, но котораго императоръ Николай Павловичъ не признавалъ справедливымъ удалить оттуда со службы въ виду того, что Згерскій велъ себя въ Петербургѣ весьма скромно, а потому государь велѣлъ только: «имѣть за нимъ строгое наблюденіе».

По поводу всего этого Опочининъ писалъ цесаревичу слѣдующее:

.... «Я нахожу, что положеніе ваше и братца вашего не естественно. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ; слѣдовательно, и обоюдныя ваши соотношенія должны быть необыкновенныя. Они должны быть основаны на любви самой чистѣйшей и душевной; отсюда проистекать должны неминуемо уваженіе, дружба, довѣренность и всѣ тѣ хорошія послѣдствія, которыя содѣлываютъ семейное благополучіе. Если же вы обоюдно будете токмо критиковать дѣйствія другъ друга, сіе не породитъ вышеизложеннаго, напротивъ того, расторгнетъ современемъ всѣ связанныя между вами существующія узы ко вреду даже государства. Вы полагаете, что вы потеряли довѣренность; братецъ также можетъ полагать, что всѣ его усилія, клонящіяся къ добру, не получаютъ вашу апробацію».

«Если нынѣ существующій ходъ дѣла не измѣнится, ядъ раздора, который теперь еще не ощутителенъ, постепенно ощутителенъ будетъ, изліетъ желчь свою на васъ и на братца вашего къ совершенному торжеству неблагонамѣренныхъ людей, буде таковые изверги подъ сводомъ неба за грѣхи наши существуютъ».

Все это прямодушный Ѳ. П. Опочининъ передалъ и государю, хотя и могъ навлечь на себя гнѣвъ съ обѣихъ сторонъ. «Я страшусь, конечно, сего письма,—писалъ онъ Константину Павловичу,—но еще болѣе боюсь гнѣва Божія, который поставилъ меня въ сіе положеніе, а потому говорю неуклонительно правду».

13-го (25-го) февраля 1830 года, цесаревичъ благодарилъ Опочинина за эти совѣты, «которые онъ — по словамъ его,— умѣлъ цѣнить въ полной силѣ». «Въ отвѣтъ я ничего не имѣю сказать,—писалъ Константинъ Павловичъ,—какъ только то, что молчать и повиноваться не стать мнѣ учиться въ 51-й годъ отъ роду, пріобыкнувъ къ оному съ самыхъ юныхъ годовъ жизни моей. Я даю слово, что впередъ ни словесно, ни письменно жаловаться не буду ни о чемъ. Оправдываться мнѣ несовмѣстно и пусть молчаніе мое послужитъ удостовѣреніемъ, что я не подыскивался ни къ кому, но излагалъ правду, какъ разумѣлъ. Впредь мнѣ наука».

Недовольный своимъ положеніемъ, цесаревичъ напустилъ на себя такую старость, какая пока къ нему еще не приближалась, хотя съ годами онъ дѣйствительно становился уже не тѣмъ молодцомъ, какимъ былъ прежде. Въ былое время онъ цѣлый день не выходилъ изъ мундира, а теперь просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ спальнѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ, и, страдая ногами, онъ, когда-то лихой наѣздникъ, теперь съ трудомъ садился на коня.

Подхвативъ ходившую тогда между военными своеобразную поговорку князя П. И. Багратіона, составленную имъ на складъ грузинской рѣчи и примѣненную къ самому себѣ: «молода была— янычаръ была; стара стала — г.... стала», онъ безпрестанно, и на словахъ и въ письмахъ къ Ѳ. П. Опочинину, повторялъ ее. Ссылка на старость была у него съ 1826-го года постоянною темою. Въ февралѣ этого года онъ писалъ Опочинину: «старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора меня въ какую нибудь Цуруканскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особая милость, то въ коменданты». Цесаревичъ теперь безпрестанно твердилъ, что онъ ни на что не годенъ, что ему «пора убраться по-добру, по-здорову», и однажды, коснувшись выхода въ отставку рижскаго генералъ-губернатора, маркиза Пауллучи, писалъ Опочинину: «онъ показалъ мнѣ примѣръ, что̀ надобно дѣлать, и предупредилъ меня тогда, когда мнѣ бы слѣдовало показать ему оный» [1]). Константинъ Павловичъ сби-

[1]) Въ томъ же письмѣ отъ 9-го (21-го) января 1830 года, цесаревичъ еще продолжаетъ разсужденія на ту же тему:

рался уѣхать за границу и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Мысль удалиться изъ Варшавы онъ высказывалъ постоянно и—какъ сообщаетъ Д. В. Давыдовъ—хотѣлъ просить у государя мѣсто военнаго губернатора въ Твери, въ память долголѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ великой княгини Екатерины Павловны. Когда же онъ узналъ о найденномъ въ бумагахъ польскаго генерала Князевича проектѣ: соединить Польшу въ прежнемъ составѣ подъ властью саксонской династіи; Пруссіи, взамѣнъ отошедшей отъ нея при этомъ территоріи, дать Саксонію, а чтобъ вознаградить Россію—сдѣлать Константина Павловича восточнымъ императоромъ,—когда онъ узналъ объ этомъ, то сказалъ: «пускай мена не считаютъ и оставятъ въ покоѣ, мое мѣсто—развѣ въ хлѣбопашцы».

«Пускай всѣ новые будутъ дѣлать новое такъ, какъ мы дѣлали. Намъ старикамъ не догнать въ ловкости новыхъ. Мѣсто свято пусто не будетъ. На это есть церемоніймейстеры и жандармы, всѣ и все живо вѣдующіе. Вотъ и будемъ замѣщены и тогда установится существо дѣлъ по новому ихъ понятію».

Н. Шильдеръ.

ГЛАВА XXI.

Настроеніе умовъ въ царствѣ Польскомъ въ 1830 году. — Приближеніе бури.—Беззаботность великаго князя Константина Павловича.

Ко времени воцаренія императора Николая Павловича поляки были уже достаточно подготовлены къ возстанію. Не даромъ намѣстникъ царства, князь Зайончекъ, писалъ императору Александру Павловичу, что партія Чарторижскаго похожа на заговоръ, хотя она и не заслуживаетъ этого названія, и что махинаціи ея могутъ разразиться не въ царствованіе его величества, но при его преемникахъ. Кромѣ партіи Адама Чарторижскаго и дѣятельности тайныхъ обществъ, предполагавшемуся въ Польшѣ возстанію содѣйствовали и другія еще обстоятельства. Заговоръ декабристовъ подавалъ полякамъ надежду, что они найдутъ поддержку и въ самой Россіи, среди проявившихся тамъ революціонныхъ элементовъ. Затѣмъ, война Россіи съ Турціею, отвлекшая значительныя наши силы за Балканы, внушала имъ надежду на болѣе вѣрный успѣхъ вооруженнаго возстанія. Но особенно вскружила имъ головы революція, происшедшая, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, въ Парижѣ и отозвавшаяся въ Бельгіи, поднявшей оружіе противъ господства голландцевъ. Всѣ ожидали общей европейской войны, при которой легко могъ быть поднятъ вопросъ и о Польшѣ. Вліяніе всѣхъ этихъ событій на поляковъ ускользнуло, однако, на первый разъ отъ вниманія цесаревича и онъ полагалъ, что въ царствѣ Польскомъ не можетъ произойти ничего подобнаго народному возстанію. Отъ 29-го августа (10-го сентября) 1830 года, онъ писалъ Опочинину: «слава Богу, у насъ все смирно и, скажу, надежно

къ воздержанію порядка. Рѣчи нѣтъ ни о чемъ—по всѣмъ свѣдѣніямъ, и все старое по старому и вновь ничего. Въ войскѣ духъ хорошъ и генерально насмѣхающійся надъ легкомысліемъ и вѣтренностію французовъ со товарищами». Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, онъ, сообщая Опочинину, что «весьма непріятныя продолжаются происшествія не только въ Нидерландіи, но и въ Германіи», добавлялъ: «у насъ же, благодаря Бога, все хорошо и покойно». То же самое, и притомъ буквально, повторялъ и въ послѣдующихъ своихъ письмахъ отъ 11-го (21-го) сентября и 21-го сентября (3-го октября), присовокупляя въ послѣднемъ письмѣ, что рекрутскій наборъ произведенъ въ царствѣ замѣчательно быстро и что всѣ рекруты поспѣшали на службу съ полною готовностью. Въ виду этого, цесаревичъ «былъ радъ проявившемуся хорошему, разумному и разсудительному настроенію въ краѣ».

Мѣряя это настроеніе предпочтительно по ходу дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ и видя себя окруженнаго отлично дисциплинированнымъ польскимъ войскомъ, Константинъ Павловичъ былъ совершенно далекъ отъ мысли, что вѣрность этого войска давно уже подточена въ корнѣ, и никакъ не предполагалъ, что польскіе рекруты являлись къ набору «съ полною готовностью» не для того, чтобъ служить подъ его начальствомъ, но для того, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ освободиться отъ него.

Не предчувствуя собиравшейся грозы, цесаревичъ продолжалъ писать Опочинину въ самомъ успокоительномъ тонѣ. Такъ, 28-го сентября (10-го октября), онъ сообщалъ ему: «у насъ все тихо и покойно». То же повторялъ онъ въ письмахъ своихъ отъ 5-го (17-го) и 19-го (31-го) октября, прибавляя, впрочемъ, въ послѣдующихъ изъ нихъ слабую догадку о вліяніи на поляковъ западно-революціонныхъ движеній; «идетъ лишь болтовня, послѣдствія нынѣшняго общаго моральнаго настроенія»,—писалъ онъ и надѣялся, что «по милосердію Божію въ Польшѣ избѣгнутъ всего дурнаго». Вообще цесаревичъ весьма легко и даже шутливо относился къ тому сильному впечатлѣнію, какое производили на поляковъ «тревожныя» бельгійскія событія. Въ числѣ придворныхъ чиновниковъ цесаревича состоялъ гофъ-фурьеръ Бѣляевъ, служившій постоянною мишенью его остротъ

и насмѣшекъ, и исправлявшій при немъ, кромѣ гофъ-фурьерской должности, еще и должность шута. Въ этомъ Бѣляевѣ—человѣкѣ чрезвычайно тупомъ и безтолковомъ—цесаревичъ олицетворялъ, съ своей точки зрѣнія, карикатуру тогдашнихъ либеральныхъ доктринъ. Онъ пускался съ Бѣляевымъ въ разсужденія о «пагубномъ» настроеніи умовъ въ Европѣ, и къ глупостямъ, высказываемымъ по этой части гофъ-фурьеромъ, примѣшивалъ свои собственныя остроты и насмѣшки, направленныя противъ стремленій къ политической свободѣ, забавляясь тѣмъ, что «принципіумы Бѣляева распространяются во всей Европѣ».

Въ то время, когда великій князь подшучивалъ надъ своимъ простоватымъ гофъ-фурьеромъ, настроеніе умовъ въ Польшѣ, непріязненное Россіи, дѣлалось все замѣтнѣе и оно наконецъ становилось ясно и для Константина Павловича. Такъ надобно полагать, судя по двумъ его письмамъ къ Опочинину, въ которыхъ онъ уже не пишетъ, что «у насъ все тихо и спокойно», но и не сообщаетъ, впрочемъ, ничего зловѣщаго. Въ письмѣ же отъ 10-го ноября нов. стиля 1830 г. онъ снова повторяетъ, что все тихо и постарому, но въ припискѣ къ этому письму находятся слѣдующія строки: «вы узнаете, быть можетъ, отъ государя или отъ брата Михаила объ открытіи, которое мы здѣсь сдѣлали и въ которомъ десница Божья очевидна». Рѣчь здѣсь, конечно, шла о томъ покушеніи, которое предпринималось-было на жизнь цесаревича. Заговорщики намѣревались убить его на разводѣ, но онъ на этотъ разъ не явился на Саксонскую площадь и планъ злоумышленниковъ разстроился. По поводу этого случая—какъ писалъ Константинъ Павловичъ Опочинину—«приняты мѣры къ открытію нити заговора».

Сынъ Ѳ. П. Опочинина, Константинъ Ѳедоровичъ [1]), въ ту пору 22-хъ лѣтній юноша, служившій въ конной гвардіи и на-

---

[1]) Константинъ Ѳедоровичъ, по матери внукъ фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего поколѣнія (род. въ 1808 г.). Онъ составилъ обширную библіотеку, и съ чрезвычайной готовностью давалъ изъ нея своимъ знакомымъ дорогія и рѣдкія книги. Онъ, съ разрѣшенія покойнаго государя, пользовался правомъ получать заграничныя сочиненія безъ цензурныхъ исключеній. Вторая его дочь, Дарья Константиновна, графиня Богарне, нынѣ покойная, была въ супружествѣ съ е. и. в. княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Е. К.

ходившійся при цесаревичѣ въ Варшавѣ, оставилъ «Записки» о времени, предшествовавшемъ такъ называвшемуся у поляковъ ноябрьскому возстанію (powstanie listopadowe). Въ октябрѣ 1830 года, онъ писалъ: «постоянно увѣряютъ, что возстаніе въ Варшавѣ пока не возможно, однако, какъ кажется, спокойствіе было нарушено въ послѣднее время. Принимаютъ мѣры предосторожности, но все дѣлается сколь возможно скрытнѣе. Любовидзскаго призывали въ Бельведеръ, чтобы былъ осмотрительнѣе. Каждый день какія-то странныя, непонятныя приказанія. Появились возмутительныя прокламаціи, писанныя женскимъ почеркомъ; въ арсеналѣ развинчивались ружья; дѣлались тревоги въ полной походной амуниціи; приказано было наблюдать за толпами, шумомъ и пожаромъ, и при каждомъ кабакѣ поставленъ караулъ».

Приближеніе бури чувствовалось какъ-то безсознательно. По разсказамъ молодого Опочинина, тайная полиція въ Варшавѣ обходилась ежегодно до 400,000 рублей, но она не открывала заговорщиковъ, а доносила только цесаревичу объ офицерахъ, носившихъ шляпы не по формѣ или ходившихъ по улицамъ разстегнутыми. Полагали, что Рожницкій слухами о возстаніи только пугалъ великаго князя и дѣлалъ изъ мухи слона. Между тѣмъ, Константинъ Павловичъ получалъ анонимныя письма, предварявшія его объ опасности, но онъ не вѣрилъ этимъ письмамъ. 31-го окт. (11-го ноября), задержано въ Варшавѣ 6 заговорщиковъ, но великій князь былъ спокоенъ и продолжалъ разъѣзжать одинъ по городу. 6-го (18-го) ноября, запретили давать оперу «Фенелла», приводившую публику въ неописанный восторгъ [1]).

---

[1]) Цесаревичъ писалъ Ѳ. П. Опочинину 12-го (24-го) октября 1830 года:

«Какой несчастный нынѣшній годъ, возмущенія, повальная болѣзнь и сверхъ того во всемъ полуденномъ краю совершенный неурожай. Chez nous jusqu'à ce moment tout èst tranquille et j'espère dans la clémence de Dieu que tout restera de même».

10-го (22-го) ноября 1830 года:

«Вы пишете на счетъ Бельгіи, что дѣла въ ней ни въ какомъ отношеніи не утѣшительны.—Это правда! Совершенный хаосъ, одному Всевышнему извѣстно, чѣмъ всѣ эти мерзости кончатся. У насъ, слава Богу, доселѣ все смирно и по старому и надѣюсь на благость Его, что такъ и останется».

Н. Шильдеръ.

16-го (28-го) ноября 1830 года—значитъ, наканунѣ самаго возстанія—цесаревичъ отправилъ къ своему другу, Ѳ. П. Опочинину, послѣднее письмо изъ Варшавы. Въ письмѣ этомъ не говорится ровно ничего о положеніи дѣлъ въ Польшѣ и оно касается только отвѣта на просьбу Опочинина объ увольненіи его сына въ отпускъ. Затѣмъ, слѣдующее письмо великаго князя, отъ 8-го января нов. ст. 1831 года, Опочинину пришлось получить изъ Великой Бжостовицы, на пути отступленія цесаревича изъ Варшавы къ границамъ имперіи...

ГЛАВА XXII.

Коронованіе императора Николая Павловича въ Варшавѣ.—Засѣданія польскаго сейма.—Недовольство великаго князя Константина Павловича.

Еще при слѣдствіи по дѣлу о декабристахъ обнаружилось соединеніе польскаго патріотическаго союза, существовавшаго въ Варшавѣ, съ заговорщиками русскаго южнаго общества, и такъ какъ участники союза принадлежали къ военно-служащимъ, то Константинъ Павловичъ и предложилъ учредить надъ ними военный судъ. Государь хотѣлъ, однако, сохранить въ царствѣ Польскомъ общій установленный законами порядокъ и поручилъ судить виновныхъ варшавскому сенату, какъ высшему государственному судилищу. Предметомъ обвиненія было—оскорбленіе величества. Сенатъ, однако, оправдалъ подсудимыхъ. Тогда дѣло объ обвиняемыхъ было передано въ совѣтъ управленія царствомъ Польскимъ, и въ совѣтѣ состоялось опредѣленіе, гласившее, что, по несовершенству законовъ, сенатъ не могъ произнести никакого другого, кромѣ оправдательнаго приговора.

Главнымъ руководителемъ втайнѣ подготовляемаго возстанія былъ подпоручикъ польскаго гвардейскаго егерскаго полка Петръ Высоцкій. Составленное имъ тайное общество соединилось съ такимъ же обществомъ военной молодежи, при чемъ самымъ дѣятельнымъ пособникомъ Высоцкаго былъ учитель школы плаванія Юзефъ Заливскій. Къ упомянутымъ тайнымъ обществамъ примкнули составленные студентами варшавскаго университета тайные патріотическіе союзы, число которыхъ

было очень велико. Они то создавались, то упразднялись, то являлись вновь, принимая при этомъ новую организацію и новыя болѣе вычурныя названія. Высоцкій не ограничился тѣмъ, что общество его состояло изъ военной молодежи и студентовъ, но онъ привлекъ въ составъ этого общества сперва горожанъ, а потомъ присоединилъ къ нему представителей магнатской партіи, въ числѣ которыхъ былъ на этотъ разъ и князь Адамъ Чарторижскій. Война съ Турціею ободрила заговорщиковъ, а послѣдовавшія затѣмъ революціонныя потрясенія во Франціи и въ особенности въ Бельгіи оживили ихъ пылкими надеждами. Они теперь со дня на день ожидали общей европейской войны. Высоцкій не дремалъ, его агенты дѣйствовали энергически не только среди польской арміи, но и среди литовскаго корпуса, а между тѣмъ Константинъ Павловичъ не подозрѣвалъ еще ничего и, надѣясь, что, при милости Божіей, все обойдется тихо и спокойно, твердо разсчитывалъ на вѣрность и преданность подчиненной ему арміи. Впрочемъ, не одинъ цесаревичъ, но и вообще всѣ русскіе полагали невозможнымъ, чтобы польскія войска, даже въ случаѣ народнаго возстанія въ краѣ, измѣнили своему знамени.

Желая, съ одной стороны, подкрѣпить свою верховую власть религіознымъ обрядомъ, а съ другой стороны, показать полякамъ въ царствѣ Польскомъ, что они, находясь въ династическомъ соединеніи съ Россіею, пользуются политическою обособленностію, императоръ Николай Павловичъ, въ мартѣ 1829 года, поѣхалъ въ Варшаву, чтобъ короноваться королемъ или царемъ польскимъ [1]). Передъ нимъ, 1-го мая, пріѣхалъ туда великій князь Михаилъ Павловичъ, а 4-го мая, въ день именинъ княгини Ловичъ, послѣ обѣдни, Константинъ и Михаилъ Павловичи поѣхали на встрѣчу государю, остановившемуся на ночлегъ въ Яблони. Они возвратились въ тотъ же день въ Варшаву, а на другой день императоръ и императрица имѣли торжественный въѣздъ въ столицу Польши; съ ними находился

---

[1]) Подробности описанія этой коронаціи находятся въ «Воспоминаніяхъ К. П. Колзакова», помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 года, томъ VII.

[illegible] [illegible] 1[illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]

Съ гравюры того вр[illegible]

и наслѣдникъ престола. Государь со свитою, въ числѣ которой состоялъ и цесаревичъ, ѣхалъ верхомъ среди войска, разставленнаго на всемъ пути отъ заставы двойною шпалерою. Въ 12½ часовъ государь въѣхалъ въ Королевскій зàмокъ, и когда всѣ сопутствовавшія ему лица разъѣхались, онъ отправился съ визитомъ къ цесаревичу и его супругѣ въ Брюлевскій дворецъ. Обѣдъ былъ въ этотъ день въ зàмкѣ; за обѣдомъ находились цесаревичъ, княгиня Ловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Вечеромъ государь заѣхалъ снова въ Брюлевскій дворецъ, а императрица посѣтила княгиню.

6-го, 7-го и 8-го мая, были разводы на Саксонскомъ плацу. Главнокомандующій польскою арміей не безъ чувства самодовольства показывалъ ее государю. Въ оба послѣдніе дня княгиня Ловичъ была нездорова. 9-го мая, былъ большой парадъ русскому и польскому войску. Парадомъ этимъ командовалъ цесаревичъ, и государь остался чрезвычайно доволенъ.

Въ этотъ же день, въ 1-мъ часу, собрались передъ Брюлевскимъ дворцомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя отъ польскаго конно-егерскаго полка, герольды и отсюда они поѣхали сперва къ Королевскому зàмку, а потомъ по всему городу, и читали на площадяхъ манифестъ о предстоящей коронаціи. 10-го мая, повторилось то же самое. Между тѣмъ, императоръ и императрица каждый день посѣщали княгиню, здоровье которой начало поправляться.

12-го мая, происходило коронованіе и когда государь, въ порфирѣ и коронѣ, шелъ изъ зàмка въ каѳедральный костель, за нимъ слѣдовалъ цесаревичъ рядомъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Императрица шла послѣ нихъ подъ балдахиномъ, а за нею княгиня Ловичъ съ наслѣдникомъ престола. За обѣдомъ, между прочими тостами, былъ провозглашенъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ, тостъ за польскій народъ. Въ этотъ день было роздано много наградъ, но замѣчательно, что ихъ не было пожаловано никому изъ лицъ, состоявшихъ въ свитѣ цесаревича.

13-го мая, былъ балъ во дворцѣ. Государь, по случаю простуды, не присутствовалъ, а императрица вышла въ бальную залу въ сопровожденіи цесаревича, его супруги, наслѣдника и

великаго князя Михаила Павловича. Балъ открыла государыня полонезомъ съ Константиномъ Павловичемъ. Въ слѣдующіе дни были обѣды и балы и продолжались обычнымъ порядкомъ разводы. 23-го мая, государь уѣхалъ изъ Варшавы.

Въ слѣдующемъ году императоръ намѣревался созвать польскій сеймъ. Константинъ Павловичъ отклонялъ его отъ этого. Побудительныя къ тому для цесаревича причины не разъясняются прямо имѣющимися у насъ въ рукахъ источниками, но о нихъ не трудно догадаться по тому пренебреженію, съ какимъ цесаревичъ относился къ представительнымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ Польшѣ, и по той насмѣшливой угрозѣ, съ какою онъ обыкновенно обращался къ офицерамъ, обѣщая имъ «задать конституцію». Важныхъ политическихъ послѣдствій отъ созванія сейма онъ, конечно, опасаться не могъ, если онъ даже предъ самымъ возмущеніемъ былъ увѣренъ, что въ Польшѣ все будетъ тихо и спокойно. Цесаревичъ зналъ, впрочемъ, что на сеймѣ готовится сильная оппозиція правительству, и, не желая слушать предстоящія пренія, говорилъ, что просилъ бы у Бога глухоты на то время, пока будетъ продолжаться сеймъ, добавляя, что «не мѣшало бы сейму отрѣзать языкъ». Образовавшуюся оппозицію онъ приписывалъ, главнымъ образомъ, вліянію женщинъ, вмѣшивающихся не кстати въ государственныя дѣла.

Совершенно иначе относился къ предстоящему сейму императоръ Николай Павловичъ. Онъ не только не намѣревался отложить сеймъ, но даже предоставилъ полную свободу преній. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Мостовскій, счелъ однако нужнымъ довести до свѣдѣнія государя о составившейся среди депутатовъ сильной оппозиціи. Въ такомъ же смыслѣ докладывалъ государю и уполномоченный императорскій комиссаръ, Новосильцевъ, намекнувъ при этомъ, что разными способами можно было бы, если и не совершенно уничтожить, то хотя значительно ослабить оппозицію. Императоръ съ сильнымъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, и замѣтилъ, что онъ признаётъ возможность существованія только двухъ видовъ правленія—самодержавіе и республику. Къ этому онъ прибавилъ, что существуетъ сильное отвращеніе къ конституціонному образу правленія, потому именно, что, при его существованіи, прави-

тельства прибѣгаютъ къ подкупу. Въ заключеніе государь заявилъ, что онъ желаетъ остаться въ сторонѣ отъ подобныхъ недостойныхъ его средствъ. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи сейма, императоръ съ большимъ тактомъ объяснилъ бездѣйствіе польской арміи во время турецкой войны, происшедшее единственно по сопротивленію цесаревича. «Польская армія,—сказалъ императоръ,—не участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ довѣріе мое къ ней возложило на нее другую обязанность: она составляла передовое войско, которое охраняло безопасность государства».

Поводомъ къ тому, что Константинъ Павловичъ не желалъ открытія сейма, могло главнымъ образомъ послужить и слѣдующее, довольно щекотливое для него, обстоятельство. Обсужденію предстоящаго сейма, въ числѣ разныхъ законопроектовъ, подлежалъ, между прочимъ, законъ о разводѣ супруговъ. Оппозиція разсчитывала на то, чтобы провести на сеймѣ законодательный объ этомъ проектъ въ либеральномъ смыслѣ, такъ какъ на практикѣ разводы въ Польшѣ были въ большомъ обычаѣ. Между тѣмъ, императоръ Николай Павловичъ былъ противнаго мнѣнія и не желалъ, по вопросу о разводахъ, допускать какихъ либо облегченій противъ тѣхъ правилъ, какія на этотъ случай установлены каноническимъ правомъ римской церкви. Въ разговорѣ по этому вопросу, происходившемъ въ присутствіи министра духовныхъ дѣлъ, графа Соболевскаго, государь, безъ малѣйшаго намѣренія затронуть цесаревича, получившаго разводъ съ первой своей супругой, выражался, съ свойственною ему прямотою, не слишкомъ сочувственно о такомъ способѣ расторженія брака.

— «Я никакъ не могу,—сказалъ государь,—представить себѣ брака, при которомъ былъ бы возможенъ разводъ».—Онъ, однако, тотчасъ замѣтилъ, что затронулъ этимъ лично цесаревича, и поспѣшилъ прекратить начатый разговоръ самымъ дружескимъ объясненіемъ.—«Я думаю,—сказалъ онъ, обращаясь къ Константину,—что и ты раздѣлишь мое мнѣніе, потому что ты теперь счастливъ въ супружествѣ, какъ и я. Спросимъ у нашихъ женъ: что онѣ думаютъ о разводѣ?»

Въ засѣданіяхъ сейма вопросъ о разводахъ былъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ, и всѣмъ былъ извѣстенъ различный

взглядъ на этотъ вопросъ, съ одной стороны, императора, а съ другой—цесаревича, такъ что, повидимому, оппозиція на сеймѣ была поддержкою мнѣнія Константина Павловича о необходимости какъ можно болѣе облегчить супружескіе разводы.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ въ Варшавѣ, не смотря на тотъ непріязненный правительству оттѣнокъ, какой принялъ сеймъ, окончившій свои засѣданія обвиненіемъ министровъ. Въ рѣчи, сказанной при закрытіи сейма, государь выразилъ сожалѣніе, что палата депутатовъ отвергла проектъ закона о разводахъ. Онъ постоянно былъ привѣтливъ и веселъ, между тѣмъ какъ Константинъ Павловичъ былъ, наоборотъ, сердитъ и мраченъ.

— «Я чувствую,—сказалъ императоръ Константину Павловичу,—что я государь Польши, и предвижу, что рано или поздно я привлеку къ себѣ поляковъ благодѣяніями».

Цесаревичъ не отвѣчалъ ничего на эти слова, и мрачное расположеніе его духа общественная молва объясняла тѣмъ, что онъ какъ будто ревновалъ поляковъ къ государю, такъ какъ ему были непріятны тѣ знаки преданности, которые поляки выражали теперь императору, довольные какъ его пребываніемъ въ Варшавѣ, такъ и тѣмъ сдержаннымъ положеніемъ, какое онъ принялъ въ отношеніи сейма.

Недовольство цесаревича своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ разсказываютъ, выразилось съ его стороны довольно ясно. Возвращаясь однажды вмѣстѣ съ государемъ въ Варшаву съ бывшаго за городомъ смотра войскамъ, великій князь спросилъ государя: «знаете ли, государь, о чемъ я мечтаю» и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: «я хочу уѣхать на постоянное житье во Франкфуртъ-на-Майнѣ и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Такое мое желаніе раздѣляетъ и княгиня. Я хочу только отбыть на службѣ полные сорокъ лѣтъ». Такое желаніе, если не самая точность выраженія, заслуживаетъ полнаго вѣроятія: въ послѣдніе годы своего правленія въ Польшѣ цесаревичъ, какъ мы уже видѣли, тяготился своимъ постомъ и очень часто выражалъ желаніе «уйти на покой».

При этомъ пріѣздѣ императора Николая Павловича въ Варшаву цесаревичъ видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ въ жизни.

ГЛАВА XXIII.

Польское возстаніе 1830 года.—Событія въ Варшавѣ.—Нападеніе на дворецъ.—Убійство генерала Жандра.—Спасеніе великаго князя Константина Павловича.

28 ноября ст. стиля 1830 года, позднимъ вечеромъ, подъѣхалъ къ дому прусскаго посольства въ Петербургѣ измученный курьеръ. Онъ привезъ съ собой, вмѣсто депешъ, лоскутокъ бумаги, чуть-чуть запечатанный воскомъ. На этомъ лоскуткѣ, неразборчивымъ почеркомъ, было написано:

«Варшава, 30-го ноября, нов. стиля (18-го ноября ст. ст.), 2 часа утра. Общее возстаніе; заговорщики овладѣли городомъ. Его И. В. цесаревичъ живъ и здоровъ; онъ въ безопасности посреди русскихъ войскъ». Эта депеша или записка была подписана: «Шмидтъ, русскій консулъ».

Такъ какъ въ посольствѣ очень хорошо былъ извѣстенъ почеркъ консула, то относительно подлинности этого извѣстія не возникло никакого сомнѣнія. Стали разспрашивать курьера, но онъ рѣшительно ничего не могъ сказать, такъ какъ поскакалъ въ Петербургъ прямо изъ Познани, гдѣ вручена была ему эта записка генераломъ Дицемъ. Посланникъ отправился немедленно къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу К. В. Нессельроде, и передалъ ему привезенную курьеромъ записку.

Въ то время давно уже не было въ Петербургѣ никакихъ извѣстій изъ Варшавы, по обстоятельствомъ этимъ никто не тревожился при дворѣ и вовсе не предвидѣли, чтобы въ Польшѣ могли произойти какіе нибудь важные безпорядки. Было, правда,

извѣстно господствующее тамъ возбужденіе умовъ, особенно среди молодежи, но на это не обращали особаго вниманія, полагая, что такое возбужденіе—ничего болѣе какъ только отголосокъ іюльской революціи, происходившей въ Парижѣ и отразившейся въ сосѣднихъ государствахъ.

Графъ Нессельроде чрезвычайно изумился такому неожиданному извѣстію и даже заподозрилъ его подлинность. Однако онъ тотчасъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, который, къ крайнему удивленію вице-канцлера, не былъ особенно пораженъ этою новостью, какъ будто относительно ея онъ былъ уже предваренъ заранѣе. Дѣйствительно, самъ императоръ предвидѣлъ могущіе возникнуть въ Варшавѣ безпорядки, такъ какъ министръ финансовъ царства Польскаго, князь Любецкій, постоянно въ своихъ конфиденціальныхъ донесеніяхъ сообщалъ ему откровенно о положеніи дѣлъ, предвѣщавшемъ мало хорошаго въ самомъ близкомъ будущемъ.

Затѣмъ, въ ночь на 1-е декабря ст. стиля, прибылъ въ Петербургъ къ государю другой курьеръ, посланный изъ Берлина находившимся тамъ въ это время фельдмаршаломъ графомъ Дибичемъ. Но Дибичъ не сообщалъ о возстаніи въ Варшавѣ прямыхъ извѣстій, а прислалъ только тѣ польскія и нѣмецкія газеты, въ которыхъ говорилось о революціи въ Варшавѣ, присовокупивъ къ этому и то, что̀ онъ слышалъ отъ короля Фридриха-Вильгельма, который самъ узналъ объ этомъ изъ полученной записки или коротенькой записочки, присланной черезъ Познань, отъ прусскаго консула, находившагося въ Варшавѣ. На другой день въ конторы берлинскихъ банкирскихъ и торговыхъ домовъ были доставлены газеты, въ которыхъ сообщалось о возстаніи въ Варшавѣ и которыя фельдмаршалъ немедленно отправилъ къ императору Николаю съ нарочнымъ курьеромъ. Только вечеромъ 2-го декабря, государь получилъ офиціальныя донесенія о варшавскихъ событіяхъ. Онъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ иностранные дворы и тотчасъ же вызвалъ Дибича изъ Берлина, и отправилъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ цесаревичу со словесными распоряженіями.

По Петербургу пошелъ смутный говоръ о томъ, что въ Варшавѣ что-то не ладно, но никто обстоятельно не зналъ, что̀

именно тамъ произошло, и только 3-го декабря, при выходѣ съ развода, бывшаго въ Михайловскомъ манежѣ, государь, сохраняя полное спокойствіе, объявилъ собравшимся около него генераламъ и офицерамъ о прискорбныхъ событіяхъ, случившихся въ Варшавѣ, и о той опасности, какой подвергался цесаревичъ [1]).

Между тѣмъ, до начала открытаго возстанія въ Польшѣ, были уже тамъ признаки приближающагося волненія. Такъ, при полученіи въ Варшавѣ извѣстія объ іюльской революціи, тамъ произошло нѣсколько уличныхъ демонстрацій: стали появляться возмутительныя прокламаціи къ польскому народу, мелькать національныя кокарды, раздаваться на улицахъ революціонныя пѣсни, а на рѣшеткѣ Бельведерскаго дворца появилось объявленіе, что дворецъ этотъ будетъ скоро отдаваться въ наймы. Вслѣдствіе этого было произведено множество арестовъ, но самые тщательные розыски не открыли никакихъ слѣдовъ заговора и казалось, что эти промелькнувшіе уличные безпорядки останутся безъ всякихъ послѣдствій. Около того же времени стали ходить между поляками слухи, будто бы Россія вступила въ переговоры съ Австріею и Пруссіею о возстановленіи королевства Польскаго въ границахъ 1772 года, съ тѣмъ однако, чтобы возстановленное королевство не было государствомъ независимымъ, но состояло бы подъ протекторатомъ Россіи. Проектъ этотъ приписывали великому князю Константину и разсказывали, что такое предположеніе согласовалось съ видами императора Николая. Разумѣется, все это была выдумка, первоначально пущенная въ ходъ англійскими газетами, но она имѣла однако сильное вліяніе на умы поляковъ, которые думали,

---

[1]) Разсказъ, который передаетъ Карновичъ о томъ, когда и какимъ образомъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о польскомъ возстаніи 17-го (29-го) ноября, требуетъ поправки.

Императоръ Николай получилъ первое извѣстіе о Варшавской революціи 25-го ноября (7-го декабря) вечеромъ; но это былъ второй рапортъ цесаревича, а первый полученъ былъ государемъ позже, а именно 26-го ноября (8-го декабря), четырнадцать часовъ спустя послѣ второго.

Разводъ, о которомъ упоминаетъ Карновичъ, имѣлъ мѣсто 26-го ноября (8-го декабря). На другой день, 27-го ноября (9-го декабря), императоръ Николай получилъ третій рапортъ цесаревича. Н. Шильдеръ.

что подобный проектъ непремѣнно долженъ осуществиться и что государь уже заранѣе готовится къ уступкамъ въ виду того, что поляки легко могутъ воспользоваться бурнымъ временемъ. Собственно же вожаки революціоннаго движенія старались достигнуть не только этого, но и полной независимости Польши и при томъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она существовала до перваго ея раздѣла. Первымъ шагомъ къ возстановленію ея въ такомъ видѣ должно было служить исполненіе слѣдующаго плана: когда тайное общество почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дѣйствовать, то сорокъ рѣшительныхъ и вооруженныхъ молодыхъ людей явятся по одиночкѣ, въ плащахъ, на Саксонскую площадь, на которой цесаревичъ производилъ обыкновенно смотры и разводы. Тамъ они смѣшаются съ зрителями и останутся въ толпѣ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ на площадь цесаревичъ. Когда же онъ покажется, то они нападутъ на него и на русскихъ генераловъ, а собранныя на площади войска, провозгласивъ независимость Польши, немедленно устремятся въ казармы русскихъ полковъ и обезоружатъ ихъ. Планъ этотъ думали привести въ исполненіе 20-го октября нов. стиля, но сдѣлать этого не удалось, такъ какъ въ этотъ день цесаревичъ, противъ обыкновенія, не прибылъ на площадь къ разводу.

Еще болѣе возбудило партію дѣйствія къ принятію рѣшительныхъ мѣръ повелѣніе императора Николая о постановкѣ русской арміи на военное положеніе и о движеніи ея къ западнымъ границамъ государства. Принялись толковать, что польская армія выступитъ какъ авангардъ, такъ какъ походъ въ Бельгію рѣшенъ и остается только ожидать приказа о выступленіи. Поляки стали опасаться, что русская армія, расположившись въ царствѣ, пресѣчетъ всякую возможность къ возстанію, и, кромѣ того, между поляками пошелъ слухъ, что русская армія предназначается собственно не для того, чтобы смирить Бельгію, но для того, чтобы поддержать порядокъ въ царствѣ Польскомъ. Мѣру эту дѣйствительно, но нѣсколько позднѣе, предложилъ императору князь Любецкій, сообщивъ его величеству о томъ, какое вліяніе и какую силу пріобрѣли въ Польшѣ тайныя общества, и указавъ на то, что въ случаѣ

если тамъ возникнутъ волненія, то русскому правительству никакъ не слѣдуетъ полагаться на литовскій корпусъ, въ которомъ почти всѣ офицеры состоятъ членами тайныхъ обществъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, угрожавшихъ подавить попытки злоумышленниковъ, эти послѣдніе рѣшились привести свои замыслы въ исполненіе 17-го (29-го) ноября. Предвѣстіемъ близкаго возстанія были, между тѣмъ, продолжавшееся наклеиваніе на стѣнахъ казенныхъ и общественныхъ зданій и распространеніе повсюду возмутительныхъ прокламацій; писанныя женскимъ почеркомъ анонимныя письма великому князю то въ угрожающемъ, то въ остерегающемъ смыслѣ; все чаще и чаще появлялись національныя кокарды и раздавались революціонныя пѣсни, а порою мятежные крики. Чернь сдѣлалась на улицахъ дерзка и нахальна; поляки задѣвали русскимъ солдатъ и заводили съ ними драки. Подбивали народъ и тѣмъ еще, что русская армія, вступивъ въ предѣлы царства, занесетъ холеру, почему и предлагали возстать всѣмъ поголовно какъ одному человѣку.

По Варшавѣ прошелъ слухъ, что возстаніе произойдетъ 16-го (28-го) ноября, и потому великимъ княземъ въ этотъ день приняты были особыя мѣры предосторожности и, между прочимъ, польскіе караулы были всюду замѣнены русскими и это обстоятельство заставило заговорщиковъ отложить исполненіе ихъ намѣренія до завтра. Но такъ какъ роковой срокъ миновалъ благополучно, то цесаревичъ считалъ говоръ о близкомъ возстаніи однимъ изъ тѣхъ вздорныхъ слуховъ, которые часто и совершенно напрасно тревожили какъ его самого, такъ и русскія власти, охранявшія порядокъ и спокойствіе въ столицѣ царства Польскаго. Вслѣдствіе этого принятыя, 16-го (28-го) числа, мѣры на слѣдующій день возобновлены не были. Тѣмъ не менѣе, русскіе чуяли что-то недоброе: они старались не быть въ разбродѣ и имѣли при себѣ заряженные пистолеты. Съ своей стороны, и цесаревичъ распорядился, чтобы ночью по городу ходили сильные патрули отъ русскихъ полковъ; иногда онъ самъ рано по утру отправлялся повѣрять эти караулы и внушалъ какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, чтобъ они исполняли свои служебныя обязанности какъ можно рачительнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

на случай тревоги, онъ назначилъ русскимъ полкамъ сборные пункты поблизости Бельведера.

Въ то время, какъ со стороны русскихъ принимались такія мѣры, руководители возстанія собрались на совѣщаніе и рѣшились начать съ того, чтобы умертвить цесаревича. На необходимости этого злодѣйства настаивалъ въ особенности Лелевель, высказывая опасеніе, что если великій князь останется въ живыхъ, то весьма вѣроятно, что нѣкоторые польскіе полки или начнутъ колебаться, или прямо станутъ на его сторону. Въ свою очередь, и Константинъ Павловичъ разсчитывалъ попрежнему на вѣрность и преданность польскихъ войскъ.

Присутствовавшій на упомянутомъ совѣщаніи одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Заливскій, предложилъ отложить возстаніе по той причинѣ, о которой было уже сказано прежде, и 16-го (28-го) ноября рано утромъ послалъ въ польскіе полки, расположенные въ окрестностяхъ Варшавы, своихъ соучастниковъ извѣстить офицеровъ, что возстаніе начнется 17-го (29-го) ноября вечеромъ, и что сигналомъ возстанія послужитъ пожаръ пивоварни, находившейся въ предмѣстьи Варшавы, Сольцы. Общій планъ возстанія заключался въ томъ, чтобъ: 1) убить великаго князя, 2) взять арсеналъ и хранившееся тамъ оружіе раздать народу, и 3) обезоружить русскія войска и захватить въ плѣнъ русскихъ генераловъ, умертвивъ тѣхъ изъ нихъ, которые окажутъ сопротивленіе. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Людвигъ Набѣлякъ, принялъ присягу 32-хъ студентовъ, назначенныхъ напасть на Бельведерскій дворецъ, чтобы покончить тамъ съ великимъ княземъ.

Утромъ 17-го (29-го) ноября, въ понедѣльникъ, въ Варшавѣ было замѣтно особенно сильное движеніе: заговорщики сновали то въ ту, то въ другую сторону, но, послѣ благополучно прошедшаго дня, полиція не обращала на это особеннаго вниманія. Въ 6 часовъ вечера Высоцкій явился въ школу подпрапорщиковъ, въ которой находилось 200 учениковъ не моложе 20-ти лѣтъ, поступившихъ въ школу изъ польской шляхты. Вооруживъ ихъ, онъ повелъ ихъ за собою съ криками: «niech żyje Polska!» Двое же изъ подпрапорщиковъ направились къ Бельведеру, чтобы принять начальство надъ ожидавшими около этого

дворца молодыми людьми, назначенными умертвить великаго князя. Незамѣтно подкрались они къ незапертой желѣзной рѣшеткѣ Бельведерскаго дворца, въ которомъ вовсе не было даже военнаго караула, а находились только два или три безоружныхъ сторожа изъ инвалидовъ. Справиться съ ними было не трудно и заговорщики безъ труда забрались въ комнаты, занимаемыя великимъ княземъ, и тамъ они съ криками: «niech żyje Polska!» принялись бить стекла, зеркала, люстры и ломать мебель. Высоцкій между тѣмъ направился къ казармамъ уланскаго его высочества полка и своимъ внезапнымъ появленіемъ произвелъ тамъ сильный переполохъ.

Въ то время, когда заговорщики готовились напасть на цесаревича, онъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровымъ, легъ спать у себя въ кабинетѣ и тамъ заснулъ.

Въ эту пору своей жизни онъ отсталъ отъ своей прежней привычки—не снимать мундира въ теченіе цѣлаго дня. Придя въ кабинетъ, онъ надѣлъ, по обыкновенію, бѣлый холстинный халатъ, и когда заговорщики забрались во дворецъ, онъ спалъ на софѣ послѣобѣденнымъ «сладчайшимъ», какъ онъ выражался, сномъ. Въ пріемной комнатѣ, отдаленной отъ кабинета, ожидалъ его пробужденія вице-президентъ города и начальникъ варшавской полиціи, Любовидзскій, явившійся во дворецъ съ тѣмъ, чтобы доложить великому князю о готовившемся возстаніи. Заговорщики знали, что Любовидзскій не былъ вовсе ихъ доброжелателемъ, и, увидя его, кинулись на него; онъ побѣжалъ, а они съ угрожающими криками стали преслѣдовать его изъ комнаты въ комнату. Любовидзскій успѣлъ, однако, черезъ корридоръ добѣжать до дверей кабинета, растворилъ ихъ и громко крикнулъ по-польски: «ваше высочество, спасайтесь! Васъ хотятъ убить!» Заговорщики нагнали Любовидзскаго въ концѣ корридора и нанесли ему двѣнадцать штыковыхъ ранъ.

Вскочивъ съ софы, великій князь бросился въ просонкахъ къ двери, къ тому направленію, откуда слышались шумъ и крики, но вбѣжавшій въ это время въ кабинетъ камердинеръ его — по разсказамъ однихъ Фризе, а по разсказамъ другихъ Коханскій—оттолкнулъ цесаревича отъ двери и заперъ ее на двѣ задвижки. Константинъ Павловичъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ сторонъ убійцъ, которые ломились въ дверь и усиливались выбить ее бѣшеными ударами ружейныхъ прикладовъ. Дверь однако твердо выдерживала и натискъ и удары: она была сдѣлана изъ дубоваго дерева и обита желѣзомъ.

Озадаченный внезапною тревогою, великій князь прежде всего подумалъ о женѣ, безпрестанно повторяя: «надобно спасать княгиню!» Камердинеръ успокоивалъ его, говоря, что княгиня находится въ безопасности, а онъ, сообразивъ, что присутствіе его около нея не только не предохранитъ ее отъ бѣды, но, напротивъ, усилитъ опасность, рѣшился выбраться изъ дворца, въ которомъ уже распоряжались мятежные пришельцы. Великій князь,—какъ разсказываетъ Лакруа,—остался въ халатѣ какъ былъ, и, только схвативъ пистолеты и саблю, кинулся въ потаенный ходъ, который одинъ только онъ умѣлъ отпереть и запереть.

Между тѣмъ заговорщики шарили во всѣхъ углахъ дворца, отыскивая исчезнувшаго великаго князя. Одинъ изъ нихъ закричалъ, что цесаревичъ, вѣроятно, убѣжалъ къ княгинѣ Ловичъ и скрывается у нея, но они не рѣшались вторгнуться въ покои княгини, которая, узнавъ объ опасности, постигшей ея мужа, рвалась къ нему на помощь. Когда же окружавшія ее женщины не допустили ея до этого, она, въ изнеможеніи упавъ на полъ, безсвязно молилась о спасеніи любимаго ею человѣка. Обыскавъ понапрасну весь дворецъ, заговорщики кинулись въ садъ, и тамъ продолжали нѣкоторое время свои поиски безъ всякаго успѣха.

При выходѣ изъ дворца, они встрѣтили во дворѣ состоявшаго при великомъ князѣ генерала Жандра, который спѣшилъ въ Бельведеръ, чтобы вывести оттуда цесаревича къ русскимъ войскамъ. По словамъ однихъ, заговорщики приняли Жандра въ темнотѣ за великаго князя и, не пускаясь съ нимъ въ разговоръ, одинъ изъ нихъ, Кучневскій, прокололъ его штыкомъ насквозь. По словамъ другихъ, Жандръ назвалъ себя и они потребовали, чтобъ онъ выдалъ имъ великаго князя, но прежде чѣмъ Жандръ успѣлъ произнести хоть одно слово въ отвѣтъ на это требованіе, ему былъ нанесенъ смертельный ударъ. Убѣдившись, что поиски за великимъ княземъ будутъ напрасны,

заговорщики явились къ Высоцкому и объявили ему, что цесаревичъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ.

О спасеніи великаго князя имѣются у насъ въ виду два главныхъ, не совсѣмъ сходящихся между собою съ перваго взгляда, разсказа. Поль Лакруа (Bibliophile Jacob), въ исторіи жизни и царствованія императора Николая, передаетъ, что цесаревичъ черезъ потаенный ходъ спустился въ подземелье съ своимъ камердинеромъ Коханскимъ и, блуждая въ потемкахъ по подземнымъ ходамъ, выбрался наконецъ на Сольцы, къ казармамъ уланскаго полка, но увидѣлъ, что казармы пусты, и, опасаясь попасть въ руки мятежниковъ, сталъ пробираться черезъ поле, мѣстность совершенно пустынную, прислушиваясь къ доходившему до него изъ Варшавы шуму, покрываемому порою ружейными выстрѣлами и ревомъ набата. Вдругъ онъ увидѣлъ человѣка, который внимательно слѣдилъ за нимъ и, какъ казалось, дѣлалъ это не съ добрыми намѣреніями. Великій князь смѣло подошелъ къ нему и окликнулъ его громкимъ, повелительнымъ голосомъ.

— «Неужели это—вы, ваше высочество?» съ изумленіемъ спросилъ незнакомецъ, въ которомъ цесаревичъ тотчасъ узналъ консула Шмидта.

Затѣмъ у Лакруа приводится подробный разговоръ двухъ этихъ, столь неожиданно встрѣтившихся лицъ. Во время разговора консулъ подвелъ великаго князя къ дому какого-то нѣмца, которому и отрекомендовалъ его высочество какъ русскаго вельможу, захваченнаго врасплохъ напавшими на него мятежниками и едва ускользнувшаго отъ ихъ ярости. Изъ этого дома и въ присутствіи великаго князя Шмидтъ отправилъ тѣ двѣ депеши, изъ которыхъ одна была доставлена черезъ Познань въ Берлинъ, а другая тѣмъ же путемъ пошла въ Петербургъ. Цесаревичъ же, не зная ничего, что̀ дѣлается въ Варшавѣ, не пожелалъ сообщить отъ себя императору какихъ-либо извѣстій. Побѣжавшій въ Бельведеръ камердинеръ великаго князя возвратился оттуда съ частью придворной прислуги, со многими адъютантами, и привелъ достаточный конвой для прикрытія особы цесаревича. Какъ только Константинъ Павловичъ вернулся во дворецъ, онъ поспѣшилъ къ своей супругѣ, благодаря присут-

ствію которой въ Бельведерѣ заговорщики удалились изъ дворца, не произведя вторичнаго на него нападенія.

— Ваше высочество,—закричала княгиня, увидавъ своего мужа,—простите меня за то, что я полька!... Слава Богу, что вы не погибли отъ рукъ моихъ соотечественниковъ!

— Успокойся, дорогая моя Жанета! Не мучь себя, убійцы мои, вѣроятно, не были поляки, — проговорилъ растроганный цесаревичъ, обнимая княгиню.

Онъ одобрилъ вполнѣ тѣ распоряженія, какія въ отсутствіе его она сдѣлала, повелѣвъ начальникамъ войскъ, обратившихся къ ней за приказаніями, не нападать самимъ на заговорщиковъ, но только отражать ихъ нападенія, и не заводить въ городѣ общаго боя, дабы опровергнуть злобную выдумку, будто не поляки напали на русскихъ, но русскіе на поляковъ, желая грабить мирныхъ жителей Варшавы.

Въ «Воспоминаніяхъ» вице-адмирала П. А. Колзакова — служившаго во время возстанія адъютантомъ при великомъ князѣ,—напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» (томъ VII, изд. 1873 г.), находится замѣтка сына покойнаго адмирала Колзакова, Константина Павловича Колзакова, въ которой говорится, что великій князь, «какъ извѣстно, былъ спасенъ присутствіемъ духа своего камердинера Фризе». Далѣе изъ этого разсказа видно, что когда партія повстанцевъ, назначенная для нападенія на Бельведеръ, собралась въ Лазенковской рощѣ, у моста Собѣсскаго, гдѣ они должны были ожидать условленнаго сигнала: поджога пивоварни на Сольцахъ,—то предводители шайки, Набѣлякъ и Гощинскій, раздѣлили своихъ соучастниковъ на два отряда. Первый, въ бо̀льшемъ составѣ, долженъ былъ, подъ начальствомъ Тшасковскаго, идти на Бельведеръ, ворваться вовнутрь дворца и убить великаго князя; а другой — стать съ задняго фаса дворца, чтобы воспрепятствовать отступленію великаго князя, въ случаѣ неудачи покушенія, произведеннаго противъ него во дворцѣ. Условленный сигналъ долго не показывался, но когда заговорщики услышали выстрѣлы со стороны казармъ гвардейскихъ уланъ, на которыя долженъ былъ напасть Высоцкій съ главнымъ отрядомъ, то они рѣшились сдѣлать нападеніе на Бельведеръ. Они ворвались во дворецъ

въ то время, когда великій князь спалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда, а въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ были генералы Жандръ и вице-президентъ Любовидзскій, ожидавшіе пробужденія его высочества.

«Услышавъ крики и шумъ въ такое время, когда все молчало во дворцѣ, оба, и Любовидзскій и Жандръ,—пишетъ К. П. Колзаковъ,—побѣжали къ стеклянной двери, ведущей на лѣстницу, и, увидѣвъ вооруженныхъ подпрапорщиковъ, поспѣшили назадъ, дабы предупредить великаго князя, но не успѣли они добѣжать до комнаты камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ пятахъ. Великій князь, услышавъ шумъ, проснулся, вскочилъ съ дивана, растворилъ дверь въ комнату камердинера и такимъ образомъ на одну секунду былъ лицомъ къ лицу со своими убійцами. Любовидзскій успѣлъ только сказать ему: «Zle, moscie xiąże—плохо, ваше высочество!» и, будучи пронзенъ штыкомъ въ бокъ, свалился какъ снопъ. Камердинеръ, бросившись навстрѣчу къ великому князю, втиснулъ его снова въ кабинетъ почти силою и захлопнулъ за собою дверь, заперевъ ее на задвижку; затѣмъ повлекъ его въ чуланчикъ подъ крышу, гдѣ и помогъ на́-скоро ему одѣться».

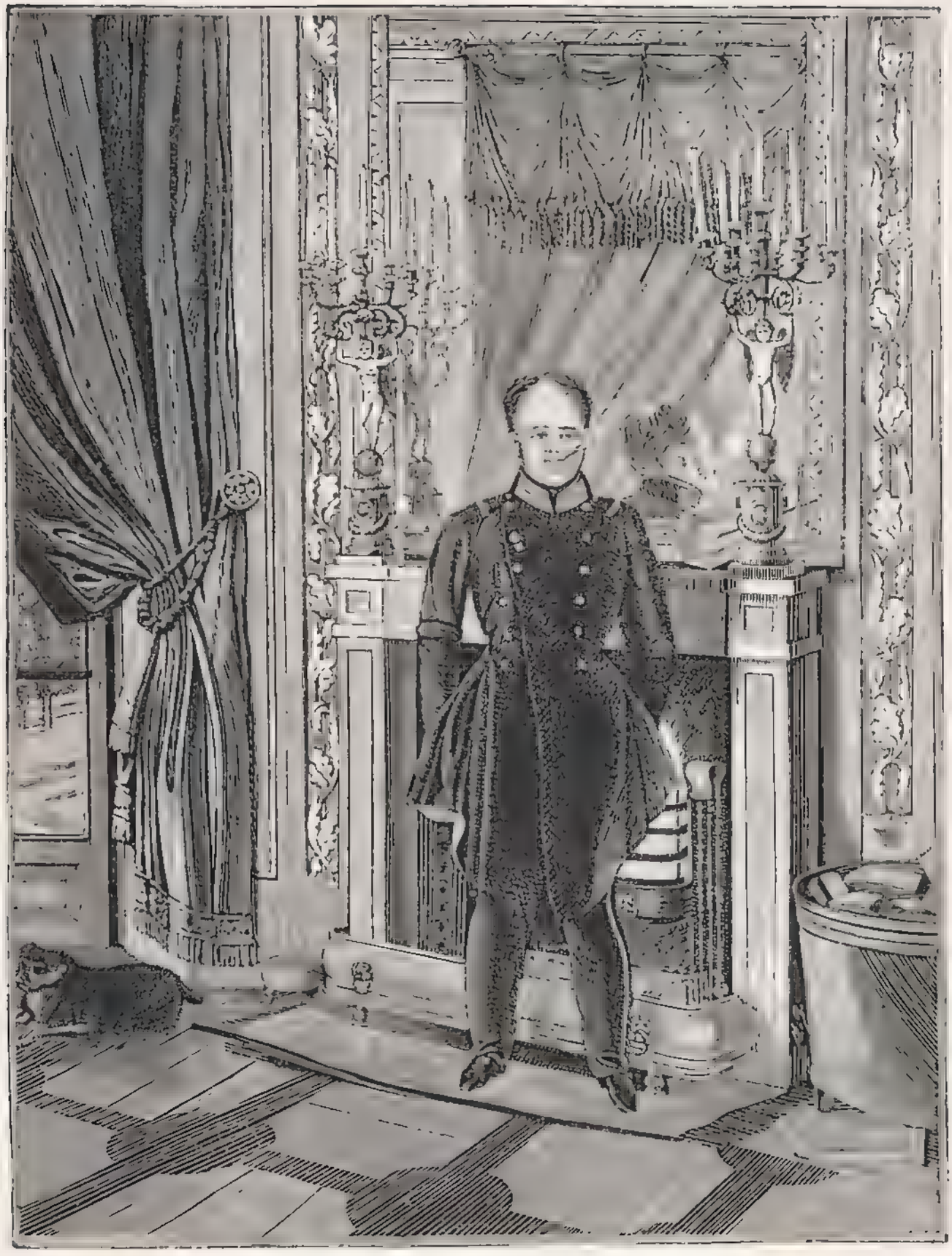
Мы полагаемъ, что разсказъ г. Колзакова болѣе достовѣренъ, нежели разсказъ, помѣщенный въ книгѣ Лакруа. Разсказъ К. П. Колзакова основанъ на словахъ лицъ, самыхъ близкихъ къ великому князю, отъ которыхъ не могло бы скрыться его странствованіе по подземельямъ и отправка конвоя для его прикрытія при переѣздкѣ изъ дома какого-то нѣмца въ Бельведерскій дворецъ. Кромѣ того, представляется не совсѣмъ вѣроятнымъ, чтобы великій князь, какъ военный человѣкъ, привыкшій къ тревогамъ, не успѣлъ даже, удаляясь ихъ дворца, накинуть на себя шинель. Страннымъ представляется также и блужданіе прусскаго консула въ пустынномъ полѣ въ вечернихъ потемкахъ и, наконецъ, въ самомъ разсказѣ, о которомъ теперь рѣчь, встрѣчается противорѣчіе, которое болѣе всего подрываетъ кредитъ разсказчика. Такъ, на страницѣ 180-й тома V-го, Лакруа разсказываетъ, что великій князь, убѣгая изъ своего кабинета, не успѣлъ переодѣться, но захватилъ съ собою пистолеты и шпагу, а между тѣмъ далѣе, на страницѣ 187-й, гово-

рится, что онъ, при встрѣчѣ съ Шмидтомъ, «позабылъ, что у него нѣтъ оружія». Между тѣмъ невѣроятно, чтобы великій князь, окруженный опасностями, бросилъ по дорогѣ и пистолеты и шпагу. Наконецъ, въ разсказѣ г. Локруа встрѣчается еще нѣкоторая несообразность: Шмидтъ нашелъ цесаревича въ полѣ одного, безъ камердинера; Шмидтъ повелъ его къ «группѣ домовъ, которые составляли что-то въ родѣ колоніи нѣмецкихъ ремесленниковъ»; затѣмъ тутъ же оказывается камердинеръ, отправившійся въ Бельведеръ за платьемъ великаго князя и за конвоемъ. Въ томъ же разсказѣ Лакруа встрѣчается еще одна несообразность. Онъ говоритъ, что консулъ написалъ отправленную имъ въ Петербургъ записку при великомъ князѣ, въ то время, когда они оба находились въ домѣ нѣмца-колониста. Записка эта помѣчена «два часа утра», а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ за шесть часовъ до этого времени, Константинъ Павловичъ былъ уже предъ Бельведеромъ, съ окружавшими его войсками.

Такимъ образомъ, прогулка по подземельямъ, блужданіе въ полѣ и неожиданная встрѣча—ничего болѣе, какъ произведеніе фантазіи, появившееся первый разъ въ печати въ 1833 году въ «Запискахъ» знатной польской дамы, о которыхъ мы уже имѣли случай упоминать.

По всему этому приходится предполагать, что великій князь не убѣгалъ изъ Бельведера подземными ходами, но скрылся въ чердачномъ чуланѣ или башенкѣ; тамъ онъ одѣлся и вышелъ на площадку дворца, по прибытіи къ Бельведеру войска. Точно также представляется болѣе вѣроятнымъ разсказъ К. П. Колзакова, что заговорщики, убившіе генерала Жандра, приняли его за цесаревича и потому крикнули снизу своимъ товарищамъ: «выходите, онъ убитъ!» Этою ошибкою всего вѣрнѣе объясняется прекращеніе заговорщиками ихъ поисковъ великаго князя въ Бельведерскомъ дворцѣ.

Въ письмахъ великаго князя къ Ѳ. П. Опочинину, находящихся въ распоряженіи «Русской Старины», не встрѣчается разсказа о событіи 17-го ноября, по которому можно было бы провѣрить болѣе или менѣе разнорѣчивыя извѣстія о первыхъ часахъ варшавскаго возстанія: но въ журналѣ К. Ѳ. Опочи-



Великій князь Константинъ Павловичъ.

Съ рисунка съ натуры адъютанта его Киля. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

нина находится короткій разсказъ объ уходѣ великаго князя изъ Бельведера, сходный во всемъ съ разсказами К. П. Колзакова.

Когда вице-адмиралъ Колзаковъ, захваченный въ Варшавѣ возстаніемъ, добрался до великаго князя и подъѣхалъ къ нему, то Константинъ Павловичъ сказалъ ему:

— «Ступай, отыщи княгиню на ея половинѣ, я тебѣ поручаю—вези ее куда хочешь, но чтобъ она была въ безопасности». Колзаковъ поспѣшилъ исполнить приказаніе цесаревича. Онъ нашелъ княгиню Ловичъ въ одной изъ залъ дворца, окруженную нѣсколькими дамами; она была блѣдна какъ мертвая, губы ея дрожали—вообще на лицѣ ея выражались ужасъ и отчаяніе. Когда Колзаковъ передалъ княгинѣ волю цесаревича, она рѣшительно объявила, что ни за что не рѣшится разстаться съ великимъ княземъ. Напрасно Колзаковъ убѣждалъ княгиню ѣхать изъ дворца, она на-отрѣзъ отказалась и Колзаковъ доложилъ объ этомъ великому князю. При этомъ онъ высказалъ предложеніе, чтобъ и самъ цесаревичъ не оставался въ Бельведерѣ, около котораго войскамъ, на стѣсненной вокругъ мѣстности, не возможно было сосредоточиваться. Въ виду этого, Колзаковъ упрашивалъ цесаревича ѣхать на дачу тестя Колзакова, Миттона, Вержбу, противъ которой на обширномъ Мокотовомъ полѣ могли расположиться войска съ такимъ удобствомъ, что были бы въ состояніи дать отпоръ мятежникамъ, если бы эти послѣдніе вздумали напасть на нихъ. Предложеніе это было поддержано и другими генералами, такъ что великій князь, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился принять его.

ГЛАВА XXIV.

Сосредоточеніе русскихъ войскъ на Бельведерской площади. — Отступленіе изъ Варшавы.—Польская депутація.—Объясненіе великаго князя съ депутатами.—Распоряженія его.

Въ то время, когда великій князь Константинъ Павловичъ, въ ночной мглѣ, усиливаемой дождемъ и туманною изморозью, стоялъ на дворцовой площади передъ Бельведеромъ, во главѣ эскадрона кирасиръ, надъ Варшавою ярко пылало зарево двухъ пожаровъ и со стороны города доносился къ Бельведеру глухой, зловѣщій шумъ и слышалась ружейная перестрѣлка. Между тѣмъ, къ цесаревичу изъ Варшавы и ея окрестностей стали подходить и другія войска. Первымъ прискакалъ 4-й эскадронъ уланскаго имени его высочества полка. Казармы этого полка находились въ зданіяхъ лазенковскаго дворца и, пока эскадронъ несся къ Бельведеру, въ него было сдѣлано мятежниками нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ легко двухъ рядовыхъ. Слѣдомъ за уланами подоспѣли къ цесаревичу гродненскіе гусары и польскіе конные егеря, приведенные польскимъ генераломъ Курнатовскимъ, вмѣстѣ съ пѣхотными польско-егерскими ротами. Изъ брошюры г. М. Максимовича, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 года», видно, что въ моментъ возстанія русская артиллерія, какъ пѣшая, такъ и конная, а также учебный сводный баталіонъ были расположены въ окрестностяхъ Варшавы по квартирамъ: въ Блони, въ 20-ти верстахъ, въ Гурѣ, въ 50-ти, и въ Скерневицахъ, въ 60-ти, и ничего не знали ни о революціи въ Варшавѣ, ни объ опасномъ

положеніи цесаревича, ни о гибельной участи, на которую они сами были обречены заговорщиками.

По приходѣ упомянутыхъ войскъ, положеніе великаго князя, сравнительно съ первыми минутами тревоги, значительно улучшилось, но ему лично грозила новая опасность. Когда онъ подъѣхалъ къ польско-егерскимъ ротамъ, увѣщевая, на польскомъ языкѣ, солдатъ не забывать долга воинской присяги, егерскій подпоручикъ Волосчанскій схватилъ у одного солдата ружье и прицѣлился въ великаго князя. Ружье однако осѣклось три раза и раздосадованный этою неудачею Волосчанскій бросилъ его на землю и самъ, выйдя изъ рядовъ егерей, никѣмъ неудержанный, скрылся среди темноты ночи въ лазенковской рощѣ. Кромѣ войскъ, прибывшихъ къ Бельведеру въ болѣе или менѣе полномъ составѣ, туда же черезъ толпы мятежниковъ пробирались къ великому князю русскіе офицеры, застигнутые врасплохъ неожиданно вспыхнувшимъ возстаніемъ.

Нѣкто г. Ульяновъ, находившійся въ Варшавѣ при самомъ началѣ возстанія, разсказываетъ слѣдующія подробности, подтверждающія, до какой степени — послѣ принимавшихся за нѣсколько дней предосторожностей — неожиданно захватило и самого цесаревича происшедшее, (17-го) 29-го ноября, возстаніе. Желая знать, что̀ происходитъ въ городѣ, Константинъ Павловичъ послалъ туда для развѣдки фельдъегеря Рейзера, который возвратился съ донесеніемъ, что въ Варшавѣ начались на улицахъ безпорядки и что самый любимый цесаревичемъ 4-й егерскій полкъ, такъ называвшіеся «чвартаки», — бывшій въ этотъ день въ караулѣ — дѣйствуетъ заодно съ буйною толпою и раздаетъ народу оружіе. Цесаревичъ не повѣрилъ этому донесенію и, сказавъ Рейзеру, что онъ, вѣроятно, побоявшись подъѣхать поближе, не разсмотрѣлъ хорошенько, а потому и ошибся, приказалъ ему снова отправиться въ Варшаву. Но Рейзеръ уже не вернулся оттуда, такъ какъ онъ былъ взятъ поляками въ плѣнъ. Вскорѣ такая же участь постигла и одного изъ адъютантовъ великаго князя, капитана Грессера. Онъ поѣхалъ по приказанію Константина Павловича въ Варшаву и, возвратившись оттуда, донесъ, что въ бунтѣ участвуетъ 4-й полкъ. При этомъ извѣстіи, казалось, великій князь не вѣрилъ своимъ ушамъ и,

обратившись къ другому своему адъютанту, полковнику Турно, спросилъ: «ты слышалъ что̀ сказалъ Грессеръ?» Турно отвѣчалъ утвердительно, но великій князь какъ будто не хотѣлъ вѣрить словамъ Грессера и приказалъ ему ѣхать къ городскому арсеналу, чтобъ разузнать съ точностію, что̀ происходитъ въ Варшавѣ. При этой, второй, поѣздкѣ Грессеръ былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ. Такой же участи и при такихъ же обстоятельствахъ подвергся и другой адъютантъ великаго князя, Гогель, а посланный цесаревичемъ въ Варшаву для развѣдокъ полковникъ Зассъ былъ изрубленъ въ куски.

Въ 10 часовъ вечера пронеслась молва, что поляки идутъ изъ города, чтобъ напасть на войска великаго князя. Всѣ сѣли на коней, нѣкоторые выстроились въ боевой порядокъ, но вдругъ ударили отступленіе: великій князь, послѣдовавъ совѣту П. А. Колзакова, приказалъ собравшимся около Бельведера войскамъ начать отступленіе къ Вержбѣ, а егерскимъ ротамъ и конно-егерскому полку, оставаясь въ аллеѣ, шедшей отъ дворца, прикрывать начавшееся отступленіе. Уланы пошли въ авангардѣ, за ними въ каретѣ ѣхала княгиня Ловичъ, великій князь со своею свитою сопровождалъ ее верхомъ, а за нимъ пошли кирасиры. Отступая отъ Варшавы, цесаревичъ громко сказалъ окружающимъ: «прощай, Варшава! Брестъ протягиваетъ къ намъ руки». Пройдя версту, великій князь съ своимъ войскомъ благополучно достигъ мызы Вержба, гдѣ жилъ тогда извѣстный всей Варшавѣ сыроваръ Шанель. Въ его домикѣ великій князь нашелъ убѣжище отъ холода и ненастья, а въ большомъ домѣ, на мызѣ француза Миттона, расположился штабъ великаго князя; въ свою очередь, поляки заняли аванпосты, оставленные русскими и доходившіе до церкви св. Александра.

«Была темная ночь и накрапывалъ дождь,— разсказываетъ г. Колзаковъ,—когда подъѣхала къ этому домику карета съ княгинею и великій князь верхомъ со свитою. Въ домикѣ всѣ спали и можно себѣ представить испугъ и изумленіе сыровара, когда на стукъ въ двери всталъ онъ, сонный и полуодѣтый, и, съ ворчаніемъ отпирая дверь, увидѣлъ передъ собою великаго князя съ княгинею, а за ними генераловъ, входящихъ въ его скромные покои». Великій князь и его супруга помѣстились въ

двухъ комнатахъ; затопили каминъ, поставили самоваръ, и при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей они отогрѣвались и пили чай.

Узнавъ объ отступленіи великаго князя къ Вержбѣ, русскія семейства, успѣвавшія выбраться изъ Варшавы, подъѣзжали къ фермѣ Шанеля подъ защиту войска. Карета ѣхала за каретой, всѣ помѣщенія фермы наполнились дамами и дѣтьми, всюду раздавались говоръ, плачъ, оханье, крики и брань прислуги. Между тѣмъ, войска стали бивуаками на Мокотовомъ полѣ, и отдѣльными отъ нихъ отрядами великій князь приказалъ занять всѣ выѣзды до мокотовской заставы и калишскаго шоссе.

Принятыя цесаревичемъ предосторожности оказались на этотъ разъ напрасными; поляки вовсе не думали нападать пока на его войско, да и подумать объ этомъ имъ было некогда, такъ какъ въ Варшавѣ царила полнѣйшая смута. Тамъ по улицамъ двигалась пѣхота, конница и артиллерія, скакали всадники съ крикомъ «do broni!»—раздавались набатный звонъ колоколовъ, конскій топотъ, стукъ экипажей, крики, пѣсни, угрозы. Чернь грабила арсеналъ, въ которомъ было 80,000 ружей, и разбивала кабаки; расходившіеся повстанцы отыскивали и убивали тѣхъ поляковъ, которые считались сторонниками русскаго правительства. Неучаствовавшіе въ буйствахъ запирали ворота и ставни, всѣ были въ тревогѣ и въ теченіе цѣлой ночи никто не ложился спать. Русскія деньги тотчасъ упали въ цѣнѣ. На другой день революціи, за сторублевую бумажку, — разсказываетъ К. Ѳ. Опочининъ, — давали только 9 рублей; даже серебряный рубль и тотъ чрезвычайно понизился въ курсѣ.

Наступило утро 18-го ноября. Послѣ вчерашней слякоти, морозъ дошелъ до 10-ти градусовъ. Находившіяся съ великимъ княземъ войска стояли въ открытомъ полѣ безъ пищи, лошади оставались безъ корму; не было дровъ, чтобъ развести костры.

Солдаты, находившіеся въ отрядѣ цесаревича, мучимые холодомъ и голодомъ, принялись мародерствовать. Они, по разсказу К. Ѳ. Опочинина, грабили окрестныя деревни, разбирали крыши на домахъ и въ какую нибудь четверть часа растащили прекрасный загородный домикъ г-жи Вонсовичъ, стоявшій на Мокотовомъ полѣ. Цесаревичъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости: были схвачены два или три солдата на мѣстѣ престу-

пленія, ихъ судили полевымъ военнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни, которую, однако, великій князь отмѣнилъ.

Константинъ Павловичъ въ это время тревожился особенно объ участи двухъ гвардейскихъ полковъ, Литовскаго и Волынскаго, которые въ моментъ возстанія находились въ Варшавѣ и о которыхъ затѣмъ въ русскомъ лагерѣ не было ни слуха—ни духа. Спустя нѣкоторое время, и эти полки пришли на Мокотово поле, но безъ своихъ полковыхъ командировъ, которые были взяты въ плѣнъ въ Варшавѣ. Поздній приходъ этихъ полковъ объяснился тѣмъ, что они, для избѣжанія столкновенія съ мятежниками въ улицахъ Варшавы, сдѣлали обходъ около города. За ними пришли: конная артиллерія изъ Скерневицъ и пѣшая—изъ Гуры.

Когда около Константина Павловича сосредоточились военныя силы, простиравшіяся въ общей сложности до 7,000, то генералы Даненбергъ и Герштенцвейгъ убѣждали великаго князя употребить оружіе противъ повстанцевъ, при чемъ Герштенцвейгъ заявлялъ, что онъ берется усмирить Варшаву не долѣе какъ въ продолженіе четырехъ часовъ. Великій князь не хотѣлъ даже и слушать о подобномъ предложеніи, чтобъ не подтвердить распускаемаго въ Варшавѣ злоумышленниками слуха, будто бы русскіе рѣжутъ поляковъ. Онъ повторялъ, что такъ какъ все внутреннее управленіе царствомъ находится въ рукахъ польскихъ властей, и онъ въ это дѣло не вмѣшивался, то и надѣется, что поляки будутъ настолько благоразумны, что съумѣютъ унять бунтовщиковъ. Возраженія свои противъ предложенія Герштенцвейга цесаревичъ окончилъ изъявленіемъ своего нежеланія, чтобы русскіе вмѣшивались въ польскую ссору—«kłótnia polska», какъ онъ называлъ начавшееся возстаніе. Разсказывали впрочемъ, въ русскихъ кружкахъ, что одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, графъ Владиславъ Замойскій, и нѣкоторые другіе поляки, окружавшіе Константина Павловича, представляли ему, что весь безпорядокъ произошелъ только отъ ошибочнаго въ Варшавѣ мнѣнія, будто русскіе напали на поляковъ, и что, поэтому, всего лучше невмѣшательствомъ русскихъ доказать всю неосновательность этой клеветы, и что такимъ толкованіемъ были отклонены предложенія генераловъ Да-

ненберга и Герштенцвейга, но г. Ульяновъ отвергаетъ всякое внушеніе въ такомъ смыслѣ со стороны Замойскаго, и говоритъ, что отказъ упомянутаго предложенія былъ прямымъ расчетомъ великаго князя на то, что поляки усмирятъ самихъ себя.

Не переходя въ наступленіе, великій князь стоялъ на Мокотовомъ полѣ, а между тѣмъ такъ называемая имъ «польска клутня» разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, какъ пожаръ, раздуваемый вѣтромъ.

Въ это время Бельведерскій дворецъ—жилище великаго князя, только что имъ оставленное—представлялъ, по уходѣ подпрапорщиковъ и ихъ соучастниковъ, ужасную картину: въ сѣняхъ были перебиты всѣ стекла, на парадной лѣстницѣ стояли лужи крови, которою былъ покрытъ полъ и забрызганы стѣны въ камердинерской комнатѣ. Оставшійся во дворцѣ придворный штатъ цесаревича былъ въ страшной тревогѣ; всѣ выносились и укладывались, какъ будто былъ пожаръ, забирая при этомъ бездѣлки и оставляя необходимое. Во дворѣ стояло нѣсколько заложенныхъ каретъ, а въ дежурной адъютантской комнатѣ лежали раненые: президентъ города Варшавы, Любовидзкій, и поручикъ Дерфельденъ.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ образовалось временное народное правительство, сообщившее великому князю прокламацію административнаго совѣта, въ которой было сказано, что совѣтъ, сожалѣя о случившихся безпорядкахъ, убѣждаетъ народъ быть спокойнымъ, извѣщая его объ отступленіи отъ Варшавы русскаго отряда и надѣясь, что виновники возстанія не захотятъ предать свою родину въ жертву междоусобной войны, и потому сами отступятся отъ своихъ гибельныхъ предпріятій.

19-е ноября, великій князь и бывшія съ нимъ войска провели опять на бивуакѣ. Стоянка цесаревича была бѣдственна. «Голы; по тревогѣ на бивуакъ. Кромѣ того, что на себѣ, у многихъ ничего нѣтъ»—писалъ цесаревичъ къ корпусному командиру, барону Розену,—добавляя: «милость помилованія болѣе подѣйствуютъ нежели сила». Въ этотъ день, около полудня, явился къ цесаревичу начальникъ польской дивизіи, генералъ Шембекъ (Сцембекъ). Великій князь обрадовался ему какъ давнишнему сослуживцу и принялъ его съ распростертыми объя-

тіями. Болѣе часу бесѣдовали они наединѣ и Константинъ Павловичъ казался гораздо спокойнѣе прежняго, такъ какъ Шембекъ ручался ему, что уговоритъ польскія войска остаться вѣрными данной ими присягѣ. Но этотъ генералъ, изъ издавна ополячившихся нѣмцевъ, жестоко обманулъ великаго князя. Подъѣхавъ къ мокотовской заставѣ, онъ нашелъ тамъ стоявшія еще на прежней позиціи егерскія роты и, вмѣсто того, чтобы сдѣлать имъ внушенія о вѣрности, скомандовалъ идти въ Варшаву, а самъ, заломивъ набокъ уланскую шапку, бойко запѣлъ:

Jeszcze Polska nie zginęła
Póki my żyjemy...

21-го ноября, пріѣхала на Мокотово поле депутація, отряженная временнымъ революціоннымъ правительствомъ. Ее составляли лица, пользовавшіяся у поляковъ чрезвычайнымъ значеніемъ, а именно: князь Адамъ Чарторижскій, графъ Островскій, князь Любецкій и Лелевель. Имъ поручено было вступить въ непосредственные переговоры съ великимъ княземъ. Болѣе пяти часовъ безъ перерыва длились эти переговоры и присутствовавшая при нихъ княгиня Ловичъ то словами, то взглядомъ, умѣряла и сдерживала, съ одной стороны, запальчивость своего супруга, а съ другой—заносчивость революціонныхъ депутатовъ.

Принявъ варшавскихъ депутатовъ вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодно и сурово, цесаревичъ сталъ выслушивать ихъ предложенія. Они начали свои объясненія заявленіемъ, что возставшая Польша считаетъ себя въ правѣ не покориться безусловно русскому государю и что она согласна остаться подъ его покровительствомъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ возстановлена конституція, данная ей императоромъ Александромъ, въ первоначальномъ ея видѣ, безъ всякихъ какъ прибавленій, такъ и сокращеній; если къ царству Польскому будутъ присоединены области, принадлежавшія прежде Польшѣ, и, наконецъ, если императоръ Николай издастъ полную и безусловную амнистію для тѣхъ, кто принималъ участіе въ происшедшемъ возстаніи.

Сдерживаемый княгинею Ловичъ, цесаревичъ выслушалъ все это съ терпѣніемъ изумительнымъ и совершенно не соотвѣтство-

вавшимъ на этотъ разъ его обычной вспыльчивости. Но когда заговорилъ Лелевель, то княгиня, въ сильномъ порывѣ негодованія, вскочила съ креселъ и закричала великому князю:

— «Не слушайте этого человѣка, онъ нашъ предатель!»

Цесаревичъ дозволилъ однако Лелевелю, какъ профессору исторіи, обсуждать предъявленныя депутатами предложенія съ исторической точки зрѣнія и политической экономіи. Выслушавъ профессора, цесаревичъ равнодушно отвѣтилъ:

— Императоръ—вашъ государь; а я здѣсь только первый его подданный и всѣ эти вопросы можетъ разрѣшить лишь его величество по своему высочайшему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ былъ положенъ рѣшительный конецъ общему вопросу о будущей судьбѣ Польши и затѣмъ начались переговоры относительно настоящаго положенія дѣлъ, и здѣсь уже обѣ стороны начали горячиться все сильнѣе и сильнѣе. Когда же, во время этихъ переговоровъ, Лелевель возвратился опять къ заявленнымъ прежде предложеніямъ о замиреніи Польши, то Константинъ Павловичъ рѣзко отвѣтилъ ему:

— Я могъ бы, милостивый государь, раздѣлять еще, такъ или иначе, ваше мнѣніе до настоящихъ событій; но теперь я желаю остаться непричастнымъ къ вашимъ дѣламъ и могу только ходатайствовать предъ императоромъ о помилованіи виновныхъ...

— Мы не просимъ о помилованіи! — дерзко возразилъ Лелевель.

— Между нами нѣтъ виновныхъ!—громко крикнулъ Островскій, и съ этими словами надѣлъ на голову свою конфедератку.

Только вмѣшательство княгини Ловичъ отвратило ту страшную бурю, которая готова была разразиться въ эту минуту. Чарторижскій поспѣшилъ повернуть разговоръ на частные вопросы и пытался развѣдать у великаго князя о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Онъ освѣдомился также, не было ли отдано цесаревичемъ приказаніе о вступленіи Литовскаго корпуса въ предѣлы царства Польскаго? Великій князь отвѣчалъ, что онъ не только не отдавалъ такого приказанія, но даже просилъ государя воздержаться отъ подобнаго распоряженія, по тѣмъ соображеніямъ, какія онъ представилъ съ своей стороны его

величеству. Къ этому великій князь присовокупилъ, что онъ не думаетъ нападать на Варшаву, что онъ готовъ отпустить отъ себя оставшіеся ему вѣрными польскіе полки и что онъ желаетъ только выступить спокойно за предѣлы царства съ русскими войсками. Услышавъ это, князь Любецкій поспѣшилъ заявить, что главнокомандующій польскою арміею обяжется честнымъ словомъ не тревожить его высочество во время отступленія къ границамъ имперіи.

Результатомъ этихъ переговоровъ было слѣдующее, подписанное Константиномъ Павловичемъ, объявленіе:

Его императорское высочество объявляетъ: 1) что не имѣетъ намѣренія атаковать городъ войсками, находящимися подъ его начальствомъ; 2) что принимаетъ на себя ходатайство передъ престоломъ его величества императора и царя о милосердномъ забвеніи всего прошлаго; 3) объявляетъ, что не давалъ Литовскому корпусу повелѣнія вступить въ царство Польское, и 4) плѣнные будутъ освобождены.

Въ «Воспоминаніяхъ» Колзакова объ этомъ объявленіи не упоминается, что депутаты взяли съ великаго князя слово, что если бы онъ вынужденъ былъ впослѣдствіи произвести нападеніе на Варшаву, то долженъ былъ предупредить временное правительство объ этомъ за 48 часовъ. «Разсказываютъ нѣкоторые очевидцы, — передается далѣе въ этихъ «Воспоминаніяхъ», — будто бы великому князю предложена была депутатами польская корона, но что княгиня въ энергическихъ выраженіяхъ отвергла это, высказавъ депутатамъ всю дерзость такого предложенія».

Колзаковъ разсказываетъ, что депутаты пріѣхали изъ Варшавы въ четырехмѣстной каретѣ, въ родѣ стараго рыдвана, запряженной парою измученныхъ клячъ. На козлахъ, возлѣ кучера, былъ огромный узелъ и когда адъютантъ спросилъ кучера, что́ находится въ этомъ узлѣ? то получилъ отъ полупьянаго возницы отвѣтъ, что въ узлѣ лежатъ польскія національныя кокарды, назначенныя для свиты цесаревича, въ случаѣ если бы онъ согласился принять титулъ короля польскаго, дабы съ такимъ убранствомъ онъ и окружающія его лица могли торжественно въѣхать въ Варшаву.

Кромѣ того, молва, распущенная поляками, прибавляла, будто великій князь обязывался ходатайствовать у государя о присоединеніи къ царству Польскому областей, отошедшихъ къ имперіи.

Такую добавку К. Ѳ Опочининъ считаетъ апокрифическою. Что же касается другихъ условій, то онъ говоритъ: «что́ же намъ оставалось дѣлать! Благопріятный моментъ былъ упущенъ: нападеніе на возмутившійся городъ сдѣлалось невозможнымъ, да и не повело бы ни къ чему, какъ только къ истребленію нашего 7,000-го отряда. Въ особенности же было важно, чтобъ сохранить особу великаго князя».

Между тѣмъ, положеніе русскихъ на мокотовскихъ бивуакахъ было крайне бѣдственно; кромѣ того, польскій гвардейскій гренадерскій полкъ началъ колебаться, пѣшіе егеря тоже, и только конные гренадеры выражали непоколебимую преданность цесаревичу. Вдобавокъ къ этому, надобно было ожидать, что къ Варшавѣ подойдутъ польскія войска со стороны Мазовіи и Кракова.

Когда, вскорѣ послѣ отъѣзда депутаціи, до великаго князя дошло извѣстіе, что войска Гелгуда, вслѣдствіе даннаго имъ изъ Варшавы повелѣнія, стали двигаться на Радомъ, къ столицѣ царства, а войска Круковецкаго пошли туда же на Раву, такъ что движеніе это начало угрожать единственному пути отступленія русскихъ войскъ на Гуры и Пулавы, то Константинъ Павловичъ оставилъ лѣвый берегъ Вислы и направилъ свой путь къ границамъ имперіи, пославъ временному правительству слѣдующее объявленіе:

«Дозволяю польскимъ войскамъ, до сего времени остававшимся мнѣ вѣрными, присоединиться къ своимъ.

«Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время ихъ движенія тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и жизнь особъ».

Объявленію этому революціонеры и ихъ историкъ Шпацпръ придавали тотъ смыслъ, что цесаревичъ ставилъ себя подъ защиту польской націи.

Константинъ Павловичъ началъ отступленіе 21-го ноября (3-го декабря), въ пятницу, въ 10 часовъ утра, отославъ въ Варшаву бывшихъ при его отрядѣ плѣнныхъ поляковъ, а между тѣмъ многіе изъ поляковъ, и въ числѣ ихъ генералъ графъ Красинскій и полковникъ Турно, просили у него позволенія проводить его до границы, на что цесаревичъ изъявилъ свое согласіе.

Разставаніе польскихъ конныхъ гренадеръ съ русскими было, по словамъ К. Ѳ. Опочинина, «раздиравшее душу зрѣлище». Красинскій и Курнатовскій заливались слезами. Плакалъ и великій князь, выражая, какъ имъ, такъ и солдатамъ, благодарность за ихъ вѣрность.

При условіяхъ того положенія, въ какомъ тогда находился цесаревичъ, отступленіе отъ Варшавы представлялось настоятельною потребностью. Онъ не могъ надѣяться войти черезъ посредство административнаго совѣта въ болѣе почетную сдѣлку съ вожаками возстанія; не могъ предпринять ни нападенія на столицу царства, ни какихъ либо стратегическихъ движеній противъ безпрестанно увеличивавшейся польской арміи и противъ городского населенія, которое только и желало того, чтобъ поскорѣе схватиться съ русскими.

Между тѣмъ, въ ту пору многіе на словахъ, а впослѣдствіи нѣкоторые—и между ними извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ—и письменно укоряли Константина Павловича за то, что онъ, вмѣсто отступленія въ Вержбу, не двинулся тотчасъ на взволновавшуюся Варшаву, гдѣ онъ могъ легко подавить возстаніе, такъ какъ тамъ въ ту пору было не болѣе 4,500 человѣкъ польскаго войска. Ему ставили въ упрекъ еще и то, что онъ офиціальнымъ своимъ сношеніемъ съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, что онъ добровольно отпустилъ отъ себя польскія войска, остававшіяся ему вѣрными, и что онъ не захватилъ Модлинскую и Замосцьскую крѣпости, которыя онъ могъ бы удержать за собою до прихода русскихъ войскъ.

Извѣстно, что, послѣ каждаго дѣйствія одного лица, критическій разборъ его другимъ лицомъ бываетъ дѣломъ, сравнительно, довольно легкимъ. Такимъ образомъ, не трудно осуждать

и дѣйствія Константина Павловича послѣ роковыхъ событій, поставившихъ его съ русскою арміею въ то затруднительное положеніе, на которое мы уже указали. Могло однако случиться и то, что великій князь, вступивъ въ борьбу съ поляками, подвергъ бы небольшой русскій отрядъ совершенному истребленію и тѣмъ усилилъ бы еще болѣе самонадѣянность поляковъ и тогда противъ него возникли бы обвиненія въ противномъ смыслѣ: его укоряли бы за то, что онъ неосмотрительно рѣшился на крайнія мѣры. Съ неумѣстностью рѣшительныхъ мѣръ противъ польскихъ революціонеровъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился тогда Константинъ Павловичъ, соглашается и г. Максимовичъ, авторъ упомянутой уже нами брошюры, служившій въ Польшѣ въ составѣ русскихъ войскъ и смотрящій на польское возстаніе, какъ русскій, исключительно съ патріотической точки зрѣнія. Онъ пишетъ: «его высочество цесаревичъ, видя кругомъ себя одну польскую измѣну, избіеніе главныхъ своихъ помощниковъ, не могъ повести въ бой 7,000 русскихъ противъ 60,000-го польскаго войска, изъ котораго въ одной Варшавѣ было болѣе 10,000 человѣкъ, и противъ возставшихъ и вооруженныхъ студентовъ и народа, составлявшихъ массу, вмѣстѣ съ войсками, болѣе 100,000 человѣкъ, могущихъ во всякое время усиливать варшавскую революцію цѣлыми дивизіями польскихъ мятежныхъ войскъ изъ окрестностей».

«Въ таковыхъ, безпримѣрно исключительныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ, — продолжаетъ г. Максимовичъ, — начать небольшому русскому отряду подавленіе вспыхнувшаго вооруженнаго возстанія значило-бы: позволить окружить себя со всѣхъ сторонъ, поставить себя въ безвыходное положеніе, лишиться всякаго сообщенія съ отечествомъ, быть, такъ сказать, въ залогѣ у непріятеля и тѣмъ придать еще болѣе бодрости революціонерамъ».

Прибавимъ ко всему этому, что — какъ разсказываетъ Давыдовъ—Хлопицкій, явившись къ цесаревичу, вызвался занять арсеналъ и тѣмъ предупредить развитіе безпорядковъ, но великій князь не согласился на это, не полагаясь, быть можетъ,— добавимъ мы, — на искренность Хлопицкаго.

ГЛАВА XXV.

Движеніе къ русской границѣ.—Диктаторъ Хлопицкій.—Вступленіе русскихъ войскъ въ царство Польское.

Хлопицкій, вступивъ 23-го ноября (5-го декабра) въ права диктатора, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго со всеподданнѣйшею просьбою возстановить въ царствѣ Польскомъ конституцію 1815 года, распространивъ ее и на области, принадлежавшія прежде Польшѣ. При этомъ Хлопицкій выразилъ чувства личной преданности, имъ питаемыя къ особѣ его величества. Онъ, подъ смертною казнью, воспретилъ нападать на войска, отступавшія подъ начальствомъ великаго князя; закрылъ революціонные клубы и сталъ строго наблюдать за сборищами и сходками. Онъ говорилъ всѣмъ, и говорилъ смѣло и громко, что дѣйствуетъ какъ вѣрный подданный своего государя, и, согласно съ этимъ заявленіемъ, онъ дѣлалъ распоряженія отъ имени цесаревича, и во время диктаторства Хлопицкаго имя императора Николая, какъ и прежде, поминалось при богослуженіи во всѣхъ католическихъ храмахъ. Оставаясь вѣрнымъ русскому правительству, диктаторъ не согласился на предложеніе нѣкоторыхъ запальчивыхъ революціонеровъ распространить возстаніе въ польско-русскихъ губерніяхъ, тогда какъ на принятіи этой мѣры настаивалъ въ особенности Романъ Солтыкъ. Онъ отвергъ также предложеніе о нападеніи на отступавшаго цесаревича и о захватѣ его въ плѣнъ въ видѣ заложника. Чтобъ принудить Хлопицкаго къ

такой мѣрѣ, въ народѣ распустили слухъ, что великій князь при отступленіи своемъ отъ Бельведера захватилъ съ собою двадцать государственныхъ преступниковъ, томившихся уже много лѣтъ въ подземельяхъ Бельведерскаго дворца. На освобожденіе этихъ мнимыхъ плѣнниковъ враги великаго князя указывали какъ на первую обязанность каждаго патріота.

Между тѣмъ великій князь продолжалъ отступленіе на Гуры и Пулавы. Въ Пулавахъ онъ посѣтилъ княгиню Чарторижскую, отъ посѣщенія которой отказалась его супруга и которую онъ не могъ терпѣть, называя ее бабой-ягой. При Пулавахъ Константинъ Павловичъ переправился на паромахъ съ большимъ затрудненіемъ, полагая, что поляки гонятся за нимъ. Походъ изъ Вержбы продолжался двѣнадцать дней и по своимъ трудностямъ и неудобствамъ напоминалъ цесаревичу походъ въ Швейцаріи. У войска не было ни вьюковъ, ни обоза, ни продовольствія, ни лазаретовъ. Не мало нижнихъ чиновъ умерло отъ болѣзней и изнуренія и еще болѣе значительное ихъ число пришлось оставить на дорогѣ. Лошади падали безпрестанно. Въ перемежку съ войсками тянулось множество разнаго рода экипажей, наполненныхъ женщинами, дѣтьми, стариками и больными.

Около Пулавъ, 5-го декабря н. ст., къ нему явился комиссаръ временнаго правительства Валицкій. Подробности этого въ высшей степени интереснаго свиданія приведены нами въ приложеніи.

Изъ Пулавъ цесаревичъ пошелъ на Куровъ, Маркушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. До самаго Любартова отряду цесаревича приходилось идти по проселочнымъ дорогамъ, и во всякое время крайне плохимъ, а теперь совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной осенней непогоды. Изъ Любартова, гдѣ онъ провелъ полсутокъ у графини Мостовской, рожденной княжны Сангушко, встрѣтившей его гостепріимно, онъ хотѣлъ двинуться чрезъ Коцкъ на брестское шоссе, около Бѣлы, но такъ какъ, по слухамъ, Бѣла была занята польскими войсками, пришедшими туда изъ Варшавы, то онъ предпочелъ, повернувъ вправо на Влодаву, переправиться черезъ замерзшій уже Бугъ. Здѣсь онъ вступилъ въ предѣлы имперіи. Оставляя

границу Польши, онъ,—какъ разсказываетъ Смитъ,—обращаясь къ окружавшимъ его, сказалъ: «карьера моя навсегда кончена; на свѣтѣ не существуетъ благодарности!»

Генералъ баронъ Розенъ, командовавшій Литовскимъ корпусомъ, расположеннымъ по рѣкѣ Бугу, будучи извѣщенъ объ опасномъ положеніи, въ которомъ находился цесаревичъ съ его отрядомъ, испрашивалъ разрѣшенія Константина Павловича двинуться къ нему на помощь, но великій князь положительно воспретилъ Розену переходить границу царства, не желая никоимъ образомъ нарушить обѣщаніе, данное имъ депутатамъ, пріѣзжавшимъ къ нему изъ Варшавы на Мокотово поле.

Константинъ Павловичъ отступилъ мирно изъ предѣловъ Польши, быть можетъ, столько же изъ опасенія неравнаго боя съ поляками, сколько и для того, чтобъ, избѣжавъ кровопролитнаго столкновенія, имѣть возможность прекратить возстаніе миролюбивымъ способомъ. Мысль о примиреніи съ поляками руководила его и въ продолженіе войны. Но такая система дѣйствія повела къ тому, что большинство его подчиненныхъ стало роптать. Этотъ ропотъ нашелъ отголосокъ и въ рядахъ русской арміи.

Войдя въ предѣлы имперіи, цесаревичъ расположилъ свой отрядъ въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, и такимъ образомъ сталъ позади Литовскаго корпуса.

4-го декабря ст. стиля, русскій отрядъ пришелъ въ Брестъ, и цесаревичъ расположился на мызѣ Адамовкѣ, въ двухъ верстахъ отъ Бреста. 8-го декабря, главная квартира выступила изъ Адамовки и пришла въ Высоколитовскъ, куда, 17-го декабря, пріѣхалъ къ великому князю Ѳ. П. Опочининъ. Отсюда отрядъ выступилъ 24-го декабря и 29-го пришелъ въ Брестовицы, куда, 30-го декабря, пріѣхалъ къ цесаревичу изъ Гродно фельдмаршалъ Дибичъ и, отобѣдавъ у него, поѣхалъ обратно. 2-го января 1831 г., пріѣхалъ изъ Гродно генералъ Толь, а 3-го января уѣхалъ Ѳ. П. Опочининъ. 22-го января выступили изъ Брестовицъ, а 23-го пришли въ Бѣлостокъ, гдѣ нашли главную квартиру фельдмаршала Дибича.

Между тѣмъ Хлопицкій, въ качествѣ диктатора, продолжалъ дѣйствовать въ Варшавѣ прямо и смѣло въ видахъ возстанов-

Письмо великаго князя Константина Павловича Ѳ. П. Опочинину. (1826 г.)

Mon cher Opochinine,

Je m'adresse à Votre Zèle de Votre pitié de Souverain et l'empereur me demande que j'en fasse tout ce qui consiste en ce qui Sert. — Que mon Nom Soit cité par Sa Majesté et que mon Impartiale mère épouse en or qui soit partie de son trône et même du rang de Sa Majesté Impériale. Je Sais bien l'avoir mère une religieuse pieuse et que j'espère que l'empereur ne me refusera pas a cette prière dit il mends chez les Sieur Gabelé dans les grande notes de Sa mère mère. Vous trouver mon Dessin et Sa Majesté et je compte sur Votre coopération pour l'obtenir. — Mettez moi aux pieds de Sa Majesté et croyez moi bien et de mon dévouement. Je prie en Général tous les pétitionnaires Impériaux mon nom ne m'oublie pas et croyez toujours sur l'amitié de Votre cité ami.

Nicolas

Varsovie
le 15. Juin.
1826.

ленія добрыхъ отношеній между государемъ и его польскими подданными. Подъ благовиднымъ предлогомъ онъ удалилъ изъ столицы двухъ главныхъ зачинщиковъ возстанія, Высоцкаго и Заливскаго, а тѣхъ, которые покушались въ Бельведерѣ на жизнь цесаревича, хотѣлъ отдать подъ военный судъ, обвиняя ихъ въ вѣроломномъ убійствѣ, недостойномъ честныхъ воиновъ.

Такой образъ дѣйствій Хлопицкаго въ пользу Россіи тѣмъ бо ѣе возбуждалъ удивленіе революціонеровъ, что онъ, во дни могущества русскаго правительства въ Варшавѣ, не былъ вовсе его сторонникомъ. Прослуживъ съ честью почти двадцать лѣтъ подъ побѣдоносными знаменами французской республики и имперіи, онъ, переселясь въ столицу Польши, воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла, не искалъ ничего у русскаго правительства, и даже отказался отъ предложенія великаго князя вступить опять въ военную службу, хотя предложеніе это было ему сдѣлано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и при томъ на условіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ его долголѣтней службѣ и его боевымъ отличіямъ. Когда князь Любецкій и графъ Езерскій, отправленные временнымъ правительствомъ въ качествѣ его депутатовъ къ императору Николаю, свидѣлись на пути изъ Варшавы въ Петербургъ съ великимъ княземъ, то онъ, говоря о Хлопицкомъ, съ сожалѣніемъ сказалъ: «если бы Хлопицкій пожелалъ прежде содѣйствовать намъ своимъ вліяніемъ и своею опытностію, то не было бы ничего, что происходитъ теперь».

Диктатура Хлопицкаго должна была продолжиться до 18-го декабря н. ст., то есть—до срока созванія новаго сейма.

Передъ представителями сейма Хлопицкій говорилъ съ тою же прямотою, какою отличался и прежде. Онъ укорялъ поляковъ за нарушеніе присяги государю и признавалъ себя вѣрнымъ подданнымъ «короля» Николая. Крайніе революціонеры возмущались этимъ и готовили диктатору паденіе, но онъ не допустилъ ихъ до этого торжества, сложивъ съ себя добровольно ввѣренную ему власть, которою пользовался въ продолженіе сорока двухъ дней. Революціонное правительство предложило ему начальство надъ всею арміею, но онъ отклонилъ

отъ себя эту честь, заявивъ, что будетъ служить отечеству въ рядахъ простыхъ воиновъ.

Извѣстивъ императора о возстаніи въ Варшавѣ, цесаревичъ до самаго прихода во Влодаву не писалъ ничего государю и только отсюда отправилъ къ нему письмо, которое пришло въ Петербургъ лишь 30-го декабря [1]). Тѣмъ не менѣе, государь имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ изъ другихъ источниковъ и, сообразно съ ними, дѣлалъ разнаго рода распоряженія. Наканунѣ дня своихъ именинъ, онъ, собравъ около себя присутствовавшихъ на разводѣ генераловъ и офицеровъ, объявилъ имъ, что, въ случаѣ если придется ему двинуть противъ взбунтовавшихся поляковъ гвардію, то онъ надѣется на ея мужество и преданность. Тѣ, къ кому относились эти слова, отвѣчали на нихъ восторженными криками, къ которымъ примѣшались безпощадныя угрозы полякамъ. Императоръ, услышавъ эти угрозы, подалъ рукою знакъ молчанія и, среди глубокой тишины, напомнилъ разгорячившимся воинамъ, что они не должны забывать, что поляки ихъ братья, что всюду есть злые люди и что только такіе люди должны нести заслуженную ими кару.

Смотря съ этой точки зрѣнія на поднявшійся въ Варшавѣ мятежъ и видя въ то же время печальную необходимость прекратить его силою оружія, государь, еще 1-го декабря 1830 года, издалъ указъ о сформированіи особой дѣйствующей арміи подъ

---

[1]) 1-го (13-го) декабря 1831 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю изъ Влодавы:

«Cher et excellent frère, je ne vous parle pas dans cette lettre des événements de Varsovie et de ce qui s'en est suivi. Voici donc un ouvrage de 16 ans détruit totalement par des sous-officiers, de jeunes officiers et des étudiants et compagnie. Je n'en dis pas davantage, puisqu'il est de mon devoir de vous certifier que les propriétaires, les gens de la campagne et tout ce qui est seulement avec quelque avoir en sont au désespoir. Officiers, généraux, ainsi que les soldats n'ont pu s'empêcher de suivre le mouvement, entrainés par la jeunesse et les sous-officiers qui ont égaré tout le monde. Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls..... Nous voilà, nous autres Russes à la frontière, mais, grand Dieu, dans quel état, presque nus-pieds et croyant rentrer en casernes et au lieu de cela ayant fait des marches terribles. Les officiers ont tout perdu et n'ont que ce qu'ils ont sur le corps».

Н. Шильдеръ.

начальствомъ фельдмаршала графа Дибича. Посольство въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго не имѣло—какъ это, впрочемъ, и можно было предвидѣть—никакого успѣха по неумѣстности требованій, заявленныхъ временнымъ польскимъ правительствомъ, и въ декабрѣ начались приготовленія, которыя имѣли видъ не мѣръ къ подавленію мятежа, но мѣръ для борьбы съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ.

25-го января 1831 года, русскія войска перешли границу имперіи черезъ Бугъ и вступили въ предѣлы царства. Мы, конечно, не будемъ слѣдить за общимъ ходомъ войны противъ полякомъ и остановимся только на участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ цесаревича и на личномъ его положеніи въ это слишкомъ тягостное для него время. При этомъ чрезвычайно драгоцѣннымъ матеріаломъ могутъ служить подлинныя письма цесаревича къ одному изъ самыхъ близкихъ его друзей, Ѳ. П. Опочинину, а также и дневникъ П. А. Колзакова.

ГЛАВА XXVI.

Военныя дѣйствія противъ поляковъ. — Сраженіе подъ Гроховомъ. — Душевное настроеніе великаго князя Константина Павловича.—Кончина фельдмаршала Дибича.

При открытіи военныхъ дѣйствій противъ поляковъ, великій князь жилъ въ мѣстѣ расположенія русскаго отряда, выведеннаго имъ изъ царства Польскаго, а больная княгиня Ловичъ находилась въ Бѣлостокѣ. Цесаревичъ просилъ у императора дозволенія остаться совершенно непричастнымъ въ вопросахъ по дѣламъ Польши, ссылаясь на то, что воспоминанія о времени, проведенномъ имъ въ этой несчастной теперь странѣ, не позволяютъ ему быть вполнѣ справедливымъ и безпристрастнымъ. Когда же былъ объявленъ противъ поляковъ походъ, то онъ, по его заявленію, не счелъ удобнымъ удалиться изъ арміи, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что такой поступокъ могъ бы казаться протестомъ противъ мѣръ, принятыхъ для укрощенія польскаго возстанія [1]).

---

[1]) 3-го (15-го) января 1831 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Qui des deux doit périr la Russie ou la Pologne? Décidez vous même».

Графу Дибичу-Забалканскому императоръ Николай писалъ 8-го (20-го) января 1831 года:

«J'attends que mon frère me dise finalement ce qu'il désire, car, excepté le désir prononcé de ne pas quitter sa garde, il m'a dit ne pas vouloir se mêler de rien. Je lui ai écrit encore dernièrement et même aujourd'hui, pour lui bien faire entendre que la garde doit marcher, et que si cela lui est désagréable il peut attendre celle d'ici, mais je ne puis priver l'armée d'une réserve pareille dans un moment où il faut user de tous nos moyens». Н. Шильдеръ.

Онъ написалъ императору письмо въ томъ смыслѣ, что онъ, цесаревичъ, состоя собственно королевскимъ намѣстникомъ въ Польшѣ и главнокомандующимъ бывшей польской арміи, не считаетъ себя въ правѣ уклониться отъ открывающихся теперь военныхъ дѣйствій; что онъ сперва полагалъ, что дѣло до войны не дойдетъ, и надѣялся, что, если предоставить поляковъ себѣ самимъ, то, вѣроятно, они изъявили бы безусловную покорность государю, но такъ какъ война дѣло рѣшенное, то онъ не можетъ оставаться празднымъ, почему и проситъ, чтобы ему было предоставлено начальство надъ какимъ либо корпусомъ, присовокупляя, что въ такомъ случаѣ онъ подчинится—если это окажется нужнымъ—главнокомандующему всею арміею.

Такое заявленіе со стороны цесаревича должно было до нѣкоторой степени противорѣчить видамъ императора Николая Павловича, такъ какъ онъ назначилъ уже главнокомандующимъ дѣйствующею арміею фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, съ которымъ великій князь былъ не въ ладахъ. Разсказывали, что первымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны фельдмаршала противъ Константина Павловича были тѣ насмѣшки надъ маленькимъ ростомъ, толстымъ брюшкомъ, лохматой прической и вообще слишкомъ невзрачною наружностію Дибича, какія позволялъ себѣ цесаревичъ. Мало-по-малу дѣло отъ такихъ мелочей дошло между ними до сильной вражды, и теперь, когда Константинъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ резервовъ, фельдмаршалъ вознамѣрился не давать ему рѣшительно никакого хода и до послѣдней крайности обходиться безъ его содѣйствія.

26-го января 1831 года, цесаревичъ выѣхалъ въ армію изъ Бѣлостока, гдѣ осталась княгиня Ловичъ.

Русская армія, состоявшая изъ 100,000 человѣкъ, при 320 орудіяхъ, вступила въ предѣлы царства въ пяти различныхъ пунктахъ. При этомъ ея движеніи, за 6-мъ корпусомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ барона Розена, слѣдовала главная квартира и резервы, которыми командовалъ цесаревичъ. Первоначально отрядъ его состоялъ только изъ двухъ полковъ пѣхоты, Волынскаго и Литовскаго, трехъ кавалерійскихъ: Подольскаго кирасирскаго, уланскаго его высочества и Гродней-

скаго гусарскаго, при двухъ батареяхъ; всего же было въ отрядѣ 4 баталіона, 12 эскадроновъ и 20 орудій или, круглымъ числомъ, 3,600 человѣкъ и 2,000 коней.

27-го января 1831 года, Дибичъ доносилъ императору, изъ Высокомазовецка, что русская армія расположена имъ, фельдмаршаломъ, такъ, чтобы 80,000 человѣкъ могли соединиться между собой въ теченіе 20-ти часовъ и нанести мятежникамъ рѣшительный ударъ, еслибъ они отважились принять сраженіе. Къ этому Дибичъ прибавлялъ, что резервъ арміи, находившійся подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича и состоявшій теперь изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 12-ти эскадроновъ кавалеріи и 36-ти орудій, перешелъ границу въ Суражѣ 25-го и 26-го января и направился на Соколово. Отъ 1-го февраля, Дибичъ въ своемъ рапортѣ писалъ государю, что въ виду наступившей оттепели слѣдовало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ Буга, что переправа совершилась еще по льду, но съ большими предосторожностями, и что весь резервъ, подъ командою великаго князя Константина Павловича, перешелъ вслѣдъ за первымъ корпусомъ при Соколовѣ, посылая свои авангарды къ Сѣдльцу, куда и пришелъ 2-го февраля.

6-го февраля, польская армія сосредоточилась у мѣстечка Грохова.

Изъ Сѣдльца цесаревичъ шелъ слѣдомъ за арміею Дибича и отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года писалъ изъ Милосны Ѳ. П. Опочинину: «мы все двигаемся по путямъ-дорогамъ, по распоряженіямъ начальства. Много плѣнныхъ; нижніе чины со мною говорятъ, какъ ни въ чемъ не бывало, со слезами на глазахъ. Что же до молодыхъ офицеровъ, они всѣ какъ бы въ горячкѣ и вздоръ мелютъ».

При движеніи къ Прагѣ русскіе встрѣтили отрядъ польской арміи, занявшій Калушинъ, и великій князь, который очутился лицомъ къ лицу съ этимъ отрядомъ, получилъ отъ фельдмаршала приказаніе выбить непріятеля изъ Калушина и отбросить его къ Минску. Такимъ образомъ, цесаревичу съ его резервомъ пришлось схватиться съ авангардомъ польской арміи, столь долго состоявшей подъ его начальствомъ. Лакруа, въ сочиненіи своемъ «Histoire de la vie et du règne de l'empereur Nicolas», раз-

сказываетъ, что Константинъ Павловичъ былъ крайне изумленъ приказаніемъ Дибича — нанести первый ударъ полякамъ и что ґенералъ Толь, сообщившій цесаревичу это приказаніе фельдмаршала и замѣтившій изумленіе великаго князя, сказалъ, что такое порученіе служитъ со стороны главнокомандующаго знакомъ особаго вниманія къ его императорскому высочеству. Далѣе, Лакруа пишетъ, что цесаревичъ нахмурилъ брови и, напѣвая вполголоса: «jeszcze Polska nie zginęła», приказалъ начать нападеніе. Ударъ былъ такъ быстръ и силенъ, что поляки не могли устоять; они были опрокинуты, смяты и въ безпорядкѣ попятились къ Минску. Послѣ этого великій князь занялъ Калушинъ и, расположившись тамъ, послалъ сказать фельдмаршалу, что, по существующему на войнѣ порядку, резервъ не можетъ идти впереди авангарда. Въ письмѣ же своемъ къ Опочинину великій князь, не сообщая никакихъ подробностей объ этой битвѣ, замѣчаетъ только, что онъ «былъ en amateur въ сраженіи подъ Калушиномъ».

13-го февраля, произошелъ бой подъ Гроховомъ. Когда сраженіе кончилось, было уже темно. Дибичъ не пошелъ къ Варшавѣ. Онъ прекратилъ дальнѣйшее движеніе, желая избѣгнуть повторенія суворовскаго штурма. Кромѣ того, онъ полагалъ, что польская армія уничтожена наполовину и что капитуляція Варшавы послѣдуетъ завтра безъ боя. Онъ расположилъ свою главную квартиру въ деревнѣ Ваверъ, между Милосною и Гроховомъ [1]).

---

[1]) Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ:

«13-го числа послѣдовалъ рѣшительный бой, заставившій польскую армію отступить подъ защиту прагскихъ орудій. Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть Прагскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну.

Около этого времени, въ арміи сталъ распространяться нелѣпый слухъ, будто великій князь упорно отказывается дѣйствовать съ своимъ отрядомъ противъ поляковъ. Разсказывали также, будто онъ, находясь безучастнымъ зрителемъ въ сраженіи при Гроховѣ, увидѣлъ, какъ польскій уланскій полкъ понесся въ атаку противъ русской кавалеріи. При воспоминаніи о томъ,

---

Съ этого времени, убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ всю энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на Прагскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову: «мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіею. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки, видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и уничиженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы».

21-го февраля (2-го марта) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la rigueur possible».

24-го февраля (8-го марта) 1831 года императоръ по поводу того же Гроховскаго сраженія писалъ:

«Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien, bien fâcheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse».

какъ онъ обучалъ этотъ полкъ, цесаревичъ увлекся его маневромъ до того, что, начавъ хлопать въ ладоши, кричалъ: «славно, славно, ребята!» И затѣмъ, обратившись къ окружавшимъ его офицерамъ, сказалъ такъ часто повторяемую имъ фразу: «польскіе солдаты—лучшіе солдаты въ цѣломъ свѣтѣ!»

Все это не болѣе какъ розсказни, которыя, однако, біографы не въ правѣ обойти, чтобы указать, въ какомъ отношеніи находилось въ описываемое время общественное мнѣніе въ Россіи—къ Константину Павловичу.

Но нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору должны были часто приходить на память цесаревичу стихи, которые, еще въ 1821 году, ко дню его именинъ, скропалъ польскій піита Мольскій, отставной полковникъ войскъ бывшаго герцогства Варшавскаго.

Въ своихъ виршахъ Мольскій заявлялъ о томъ, что между столицею Польши и Петербургомъ нѣтъ никакой разницы въ тѣхъ чувствахъ, которыя питаютъ жители обоихъ этихъ городовъ къ великому князю; что празднованіе его именинъ связываетъ одною цѣпью сердца обоихъ народовъ и что они воодушевлены одною мыслью.

Стихотвореніе это оканчивалось слѣдующею замѣчательною строфою о польскомъ войскѣ:

Szyk, obrót wojsk zagranicznych dziwi,
Dziwią się znawcy, iż podobne dzieło
Innym mocarstwom pół wieku zajęło
Ty! przez lat siedem oddawszy się pracy,
Dowiodłes czem są i będą Polacy!

т. е., построеніе и движеніе войска удивляетъ иностранцевъ; удивляются и знатоки, что подобное дѣло, потребовавшее въ иныхъ государствахъ полвѣка, ты, отдавшись труду, совершилъ въ продолженіе семи лѣтъ, и показалъ, чѣмъ стали теперь и чѣмъ будутъ поляки!

Послѣднія пророческія слова Мольскаго оправдывались теперь, когда русскимъ войскамъ приходилось сражаться съ превосходно сформированными и отлично обученными польскими войсками.

Не смотря однако на мужество, дѣйствительно выказанное польскими войсками въ сраженіи подъ Гроховомъ, бой кончился

для поляковъ крайне неудачно, но ожиданіе Дибича о капитуляціи Варшавы не сбылось и притомъ оттепель мѣшала ему перейти черезъ Вислу, покрытую ненадежнымъ льдомъ. Русскіе остановились передъ Прагою и въ виду ея произошелъ кровавый бой, въ которомъ получилъ сильную контузію ядромъ бывшій диктаторъ Хлопицкій. Поляки, будучи не въ состояніи выдержать натиска русскихъ, вошли въ Прагу. Дибичъ не преслѣдовалъ ихъ, положившись, какъ разсказывали, на увѣреніе нѣкоторыхъ приближенныхъ, что Варшава сдастся безъ боя.

Послѣ нѣкоторыхъ частныхъ неудачъ и ослабленія главной арміи отдѣленіемъ отъ нея особыхъ отрядовъ, Дибичъ отошелъ отъ Вислы, переправа чрезъ которую, какъ выразился цесаревичъ, была невозможна «по худобѣ льда», и рѣшился не предпринимать наступательныхъ дѣйствій до болѣе благопріятныхъ условій. Въ виду предстоящаго затишья, фельдмаршалъ—какъ писалъ великій князь Ѳ. П. Опочинину —«дозволилъ» ему съѣздить къ женѣ, остававшейся въ Бѣлостокѣ, куда онъ и прибылъ 18-го февраля 1831 года. Кромѣ желанія свидѣться съ нею, Константину Павловичу были необходимы нѣкоторый отдыхъ и спокойствіе. Со времени перехода черезъ Бугъ при Нурѣ, т. е. при отступленіи изъ царства Польскаго, онъ почувствовалъ «геморроидальную колику», но пренебрегъ этимъ и отправился съ своимъ отрядомъ въ мѣстечко Соколово, гдѣ его схватила сильная лихорадка, заставившая его пробыть на мѣстѣ цѣлыя сутки. Вдобавокъ къ лихорадкѣ, у него открылось сильное разстройство желудка. Перемогая себя, онъ отправился со всѣми войсками въ походъ и послѣ сраженія подъ Калушиномъ лицо его обметала лихорадка, а геморрой ослабилъ его до такой степени, что онъ едва стоялъ на ногахъ. Въ такомъ состояніи онъ пріѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ нашелъ княгиню Ловичъ довольно здоровою, но спустя два дня она жестоко расхворалась: у нея сдѣлался кашель, сопровождавшійся сильнымъ жаромъ. Великій князь заботливо ухаживалъ за своею женою и писалъ Ѳ. П. Опочинину, что болѣзнь ея — послѣдствія испытанныхъ ими несчастій, въ которыхъ винилъ болѣе всѣхъ Лелевеля. Въ Бѣлостокѣ посѣтилъ его великій князь Михаилъ Павловичъ два раза, 10-го и 15-го марта 1831 г.

До какой степени подъ ударами постигшаго несчастія Константинъ Павловичъ былъ огорченъ и разстроенъ, о томъ можно судить изъ письма его къ Опочинину, помѣченнаго изъ Бѣлостока отъ 13-го (25-го) марта. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ: «живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю; безъ того есть съ чего съума сойтить». О княгинѣ онъ сообщалъ: «жена столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю» [1]).

Изъ писемъ цесаревича къ Опочинину видно, между прочимъ, что до него доходили въ Бѣлостокъ изъ Варшавы разныя вѣсти, изъ которыхъ, по однѣмъ, поляки хотѣли сдаться, а по другимъ — готовились къ отчаянному бою; между тѣмъ, о переправѣ черезъ Вислу и въ половинѣ марта не было еще никакого слуха. Изнуренный походомъ и душевными волненіями, тревожимый боязнью за здоровье страстнолюбимой жены, цесаревичъ томился въ Бѣлостокѣ и оттуда, 1-го (13-го) мая, писалъ Опочинину, между прочимъ, слѣдующее: «я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надобно много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... есть минуты таковыя, что голова идетъ въ кругъ и до сумашествія не далеко. Я бы былъ одинъ почти все потерявъ, бѣда не большая, но всѣ сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ». Въ особенности онъ безпокоился объ участи русскихъ, оставшихся плѣнными въ Варшавѣ. Душевная скорбь цесаревича выражалась и въ другихъ его письмахъ къ Опочинину. Такъ, въ письмѣ отъ 5-го (17-го) мая,

---

[1]) Въ томъ же письмѣ цесаревичъ пишетъ:

«Всѣ ея недуги не суть иное какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣнія всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего положенія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно и надежды нѣтъ къ тому. Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ не разсказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ l'initiative дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и какъ говорится чертова пропасть, а на дѣлѣ взять вездѣ такой некомплектъ, что ей ей страшно».

Н. Шильдеръ.

благодаря своего стараго друга за поздравленіе съ днемъ рожденія, Константинъ Павловичъ писалъ ему: «какая для меня разница въ окончаніи моихъ 52-хъ лѣтъ отъ роду и начатія 53-го года съ предъидущими; признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ всѣ тѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе 16½ лѣтъ!» [1]).

Коснувшись поѣздки великаго князя въ Бѣлостокъ, мы — употребивъ его собственное выраженіе — сказали, что ему «дозволилъ» ѣхать туда фельдмаршалъ Дибичъ. Выраженіе это, употребленное въ письмѣ едва ли не къ самому близкому человѣку, и переписка съ которымъ носитъ характеръ полной дружеской откровенности, какъ будто показываетъ готовность великаго князя подчиняться волѣ главнокомандующаго и опровергаетъ тѣ слухи объ его упорной оппозиціи, которые въ разное время являлись въ польской и въ иностранной печати вообще и которые въ подробностяхъ повторяются въ книгѣ г. Лакруа [2]).

---

[1]) Въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Богъ есть судія виновникамъ всего нынѣ сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло молчаніе и терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наживѣйшихъ чувствъ привязанности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ, какъ бы сказать, водворить моего государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ 16½ л. продолжавшихся.—Кто бы могъ тогда вообразить, что спустя два года все будетъ поставлено въ верхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь неполитическими способами и которые повлекли цѣлый народъ, и ¾ онаго противъ желанія, и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ.—Волосы дыбомъ становятся только что объ этомъ подумаешь».

А между тѣмъ тому же Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ писалъ 1-го (13-го) мая, что его сердце было всегда чуждо всякаго зла и ничего другого не желало, какъ общаго блага и справедливости. Н. Шильдеръ.

[2]) Извѣстно, что сочиненіе Лакруа составлено по матеріаламъ, сообщеннымъ изъ Россіи, между прочимъ покойнымъ графомъ М. А. Корфомъ, да и самый трудъ составленія «Исторіи жизни и царствованія императора Николая» предоставленъ г. Лакруа, если не ошибаемся, покойнымъ русскимъ посломъ въ Парижѣ, графомъ Киселевымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не допустить, что

Въ этой книгѣ разсказывается о нелицемѣрной, повидимому, вѣроятія — сообразно съ общими чертами характера великаго князя — его выходкѣ противъ Дибича въ то время, когда фельдмаршалъ держалъ въ ваверской корчмѣ военный совѣтъ. Лакруа разсказываетъ, что подъѣхавшій верхомъ къ окнамъ корчмы великій князь запѣлъ польскую революціонную пѣсню: «jeszcze Polska nie zginęła»; что Дибичъ, чрезвычайно оскорбленный такою странною выходкою, принесъ государю жалобу, изъявляя въ ней свое желаніе — сложить званіе главнокомандующаго; что государь, получивъ эту жалобу, въ дружескихъ выраженіяхъ и во имя покойнаго императора Александра Павловича, просилъ цесаревича примириться съ Дибичемъ и воздержаться отъ такихъ поступковъ, которые могутъ подать мятежникамъ поводъ думать, что образъ ихъ дѣйствій поддерживаетъ и одобряетъ родной братъ государя.

Въ отвѣтъ на это, великій князь, — какъ разсказываетъ г. Лакруа, — просилъ императора, чтобы его величество не препятствовалъ ему уклониться отъ участія въ войнѣ, избѣжать которую онъ старался всѣми силами; что онъ, цесаревичъ, надѣялся, что, съ принятіемъ имъ начальства надъ частью дѣйствующей арміи, поляки начнутъ стекаться подъ его бѣлое примирительное знамя, но что, къ сожалѣнію, ихъ раздражили и тѣмъ испортили все дѣло. Въ заключеніе письма, цесаревичъ ссылался на свое разстроенное здоровье и выражалъ нетерпѣніе возвратиться поскорѣе въ Литву, къ своей больной женѣ. Къ этому Лакруа прибавляетъ, что, послѣ отправки этого письма, цесаревичъ оставался въ полномъ бездѣйствіи при главной квартирѣ фельдмаршала до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ императора формальное разрѣшеніе оставить ввѣренную ему часть и возвратиться въ Бѣлостокъ.

Въ достовѣрности всѣхъ этихъ разсказовъ приходится, однако, сомнѣваться, такъ какъ трудно и — скажемъ — даже невозможно предположить, чтобы всѣ эти подробности цесаревичъ

нѣкоторыя подробности въ соч. Лакруа почерпнуты имъ изъ сомнительныхъ польско-французскихъ источниковъ или даже принадлежатъ его собственному измышленію. Таково, между прочимъ, почти все, что относится до Константина Павловича въ тяжкую для него годину польскаго возстанія. Е. К.

скрылъ въ своихъ письмахъ къ Опочинину, тѣмъ болѣе, что Опочининъ удостоивался частыхъ бесѣдъ съ государемъ, который и съ своей стороны могъ, разговорившись съ нимъ, высказать тѣ затрудненія, въ какія ставитъ великій князь фельдмаршала, а о такомъ слишкомъ важномъ разговорѣ Опочининъ не преминулъ бы сообщить или хоть бы намекнуть въ своихъ письмахъ къ цесаревичу.

Событія, происшедшія въ Варшавѣ, а затѣмъ и въ Польшѣ, вообще сильно во всѣхъ отношеніяхъ надломили Константина Павловича. Для него наступило горькое разочарованіе на счетъ польской арміи, на преданность которой онъ разсчитывалъ съ такою непоколебимою увѣренностію [1]). При оставленіи имъ Варшавы, весь прежній образъ его жизни, вся его обстановка, всѣ его привычки должны были вдругъ измѣниться и притомъ въ такіе уже поздніе годы, когда слишкомъ трудно бываетъ освоиваться съ новымъ, и притомъ, совершенно неожиданнымъ положеніемъ. Кромѣ того, проживъ слишкомъ шестнадцать лѣтъ съ поляками, онъ свыкся съ ними и не могъ не отдавать справедливости многимъ ихъ прекраснымъ качествамъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ очень друженъ, многихъ изъ нихъ любилъ, и очень естественно, что эту любовь переносилъ и на всю націю. Вдобавокъ ко всему, его самая нѣжная привязанность къ женѣ—родомъ полькѣ—ставила его еще въ бо́льшее затрудненіе, когда ему приходилось направлять выстрѣлы и штыки противъ ея соотечественниковъ. Все это не могло не мучить его и онъ съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на начавшуюся братоубійственную войну, которую онъ называлъ уже не «поль-

---

[1]) 13-го (25-го) августа 1830 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю:

«Tout est tranquille chez nous jusqu' à ce moment et je me flatte de l'espoir que cela restera de même avec l'aide et la grâce de Dieu; qu' Il me soit en aide. Les Polonais vous prouveront leur fidélité, j'ose l'espérer de sa clémence et feront tomber le doute a ce sujet».

Императоръ Николай отвѣчалъ цесаревичу, 17-го (29-го) августа 1830 года:

«Le jugement que vous portez quant aux Polonais est exactement celui que je croyais en porter, et quant à ma confiance dans cette belle et brave armée, elle est pleine et entière et je n'en ai pas seulement douté un seul instant».

Н. Шильдеръ.

скою ссорою», а «чумною войною». Онъ постоянно былъ на сторонѣ примирительныхъ мѣръ и писалъ Опочинину, что «ласковыя и милостивыя мѣры болѣе и болѣе принесли бы пользы, нежели мѣры строгія и мстительныя», и добавлялъ, что «не намъ, а полякамъ слѣдовало бы начать войну».

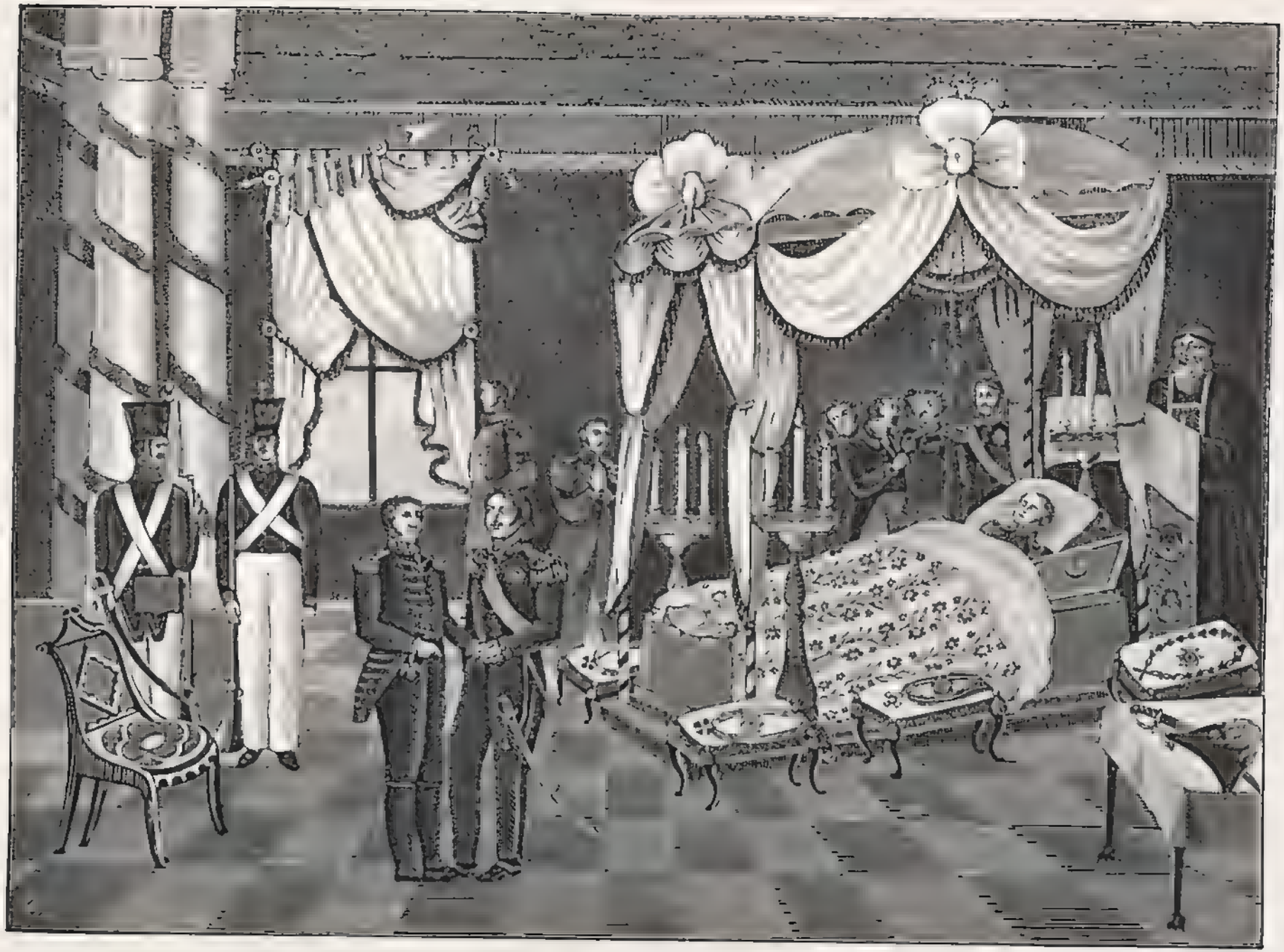
Изъ писемъ, на которыя мы теперь такъ часто ссылаемся, видно, что цесаревичъ, помимо общаго вопроса о мѣрахъ противъ Польши, былъ недоволенъ и самымъ способомъ веденія войны, неуспѣшный ходъ которой онъ объяснялъ «послѣдствіями всѣхъ распоряженій, во-первыхъ, военныхъ, и, во-вторыхъ, управительныхъ», находя, что «всѣ распоряженія были сдѣланы легко и неосмотрительно». Первую и главную ошибку цесаревичъ видѣлъ въ томъ, что «цѣлое народное возстаніе смѣшали съ простымъ бунтомъ», что «всѣ потеряли голову и не хотятъ или не умѣютъ видѣть разницу между обыкновенною войною и народнымъ возстаніемъ въ краѣ, къ намъ никогда хорошо не расположенномъ и въ теперешнихъ обстоятельствахъ нами весьма неполитично озлобленномъ всѣми требованіями и реквизиціонною системою». Съ особеннымъ негодованіемъ возставалъ Константинъ Павловичъ какъ противъ этой системы, такъ и главнаго ея представителя, генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, сенатора Абакумова. Дѣлая замѣчанія по статьямъ «управительнымъ», онъ писалъ: «сенаторъ Абакумовъ объявилъ, что надо саранчой пройтись», для чего онъ и прибѣгнулъ къ реквизиціямъ, взбунтовавшимъ сельское населеніе. Вслѣдствіе реквизиціонной системы, по словамъ Константина Павловича, армія была затруднена обозами, и какъ на рѣзкую несообразность мѣръ, принятыхъ генералъ-интендантомъ, цесаревичъ указывалъ на то, что съ одного только повѣта или уѣзда забирали въ теченіе 48-ми часовъ по 2,000 подводъ. «Въ эту войну,—писалъ Константинъ Павловичъ,—надобно было платить за все деньгами, ибо люди на нихъ падки, а не истреблять послѣднее у нихъ. Несчастная система Абакумова надѣлала много бѣдъ».

Что касается собственно военной части, то цесаревичъ, порицая ее вообще, указывалъ въ частности «на ужасный некомплектъ войскъ»; такъ, напримѣръ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ по списочному составу считалось 1,600 человѣкъ, налицо ихъ ока-

зывалось только 1,100. Указывалъ онъ и на неудачи генерала барона Гейсмара и находилъ, что «глупостей надѣлали кучу» и что онъ, цесаревичъ, «съ Аустерлица не видалъ арміи въ такомъ безпорядкѣ». О фельдмаршалѣ Дибичѣ онъ дѣлалъ слѣдующій отзывъ: «Дибича люблю, уважаю и почитаю отъ души и сердечно, но надо тѣмъ не менѣе признаться, что всѣ мѣры, не знаю—имъ или кѣмъ другимъ, весьма необдуманно взяты».

Если принять ту полную откровенность или, вѣрнѣе сказать, ту задушевность, какою отличалась переписка Константина Павловича съ Опочининымъ, то нельзя не признать, что такой отзывъ, сдѣланный цесаревичемъ о Дибичѣ, слишкомъ противорѣчитъ слухамъ о той непримиримой враждѣ, какая будто бы существовала между нимъ и фельдмаршаломъ. Изъ этого письма видно, что цесаревичъ даже заочно относился къ Дибичу слишкомъ сочувственно и не позволялъ себѣ положительно обвинять его въ тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ, цесаревичъ, такъ рѣзко порицалъ. Быть можетъ, такое разнорѣчіе въ отзывахъ о Дибичѣ происходило отъ неровности характера Константина Павловича.

По совѣту графа Паскевича, находившагося въ это время въ Петербургѣ, была сформирована новая резервная армія, предназначенная собственно для того, чтобы сдерживать въ повиновеніи литовскія губерніи, гдѣ также слѣдовало ожидать вооруженнаго возстанія. Императоръ Николай Павловичъ,—какъ разсказываетъ г. Лакруа,—хотѣлъ отдать эту армію подъ начальство великаго князя Константина. Она должна была дѣйствовать совершенно самостоятельно, внѣ всякой зависимости отъ фельдмаршала Дибича.—«Но цесаревичъ,—говоритъ Лакруа,—отказался отъ этого предложенія, будучи чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что, въ распрѣ его съ Дибичемъ, государь принялъ сторону этого послѣдняго». «По поводу этого отказа, императоръ,—говоритъ г. Лакруа,—писалъ цесаревичу, что онъ до сихъ поръ считается главнокомандующимъ польскою арміею и намѣстникомъ царства Польскаго, что онъ не можетъ отказаться отъ своихъ обязанностей въ виду тѣхъ дѣйствій, въ бездну которыхъ ввергла себя Польша по собственной волѣ. Императоръ находилъ, что Константину Павловичу нельзя от-



Поклоненіе тѣлу Великаго князя Константина Павловича.

Факсимиле гравюры 1883 года.

казаться отъ участія въ войнѣ съ поляками, не подавъ повода къ громкому осужденію мятежниками образа дѣйствій русскаго правительства; что ему слѣдуетъ оставаться на границахъ царства, дабы тотчасъ прибыть туда по возстановленіи порядка, и что тогда обязанности его не будутъ такъ тяжки, потому что ему отъ имени императора придется объявлять о милосердіи и прощеніи».

Приводя содержаніе этого письма, Лакруа замѣчаетъ, что цесаревичъ изъ ненависти и отвращенія къ фельдмаршалу Дибичу настаивалъ на своемъ отказѣ и старался представить какъ его стратегическія способности, такъ и настоящій образъ его дѣйствій въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Мы не знаемъ, до какой степени справедливъ весь этотъ разсказъ, но для критической повѣрки мы сопоставимъ его съ собственною перепискою великаго князя, которому впрочемъ не долго привелось быть въ какихъ либо сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ. 29-го мая, въ четверть двѣнадцатаго по-утру, Дибичъ скончался скоропостижно въ Витебскѣ, а между тѣмъ еще 5-го мая на смѣну ему отправился моремъ, на пароходѣ «Ижора», графъ Паскевичъ, съ тѣмъ, чтобы выйти на берегъ въ Пруссіи и оттуда ѣхать къ дѣйствующей арміи въ званіи ея главнокомандующаго, для смѣны Дибича. Дибича всего болѣе поразило такое неожиданное увольненіе. Умирая на рукахъ одного изъ любимѣйшихъ своихъ адъютантовъ, Константина Владиміровича Чевкина, Дибичъ открылъ глаза и, дѣлая на постелѣ движеніе, какъ будто куда-то удаляется, громко крикнулъ: «вотъ вамъ и моя отставка!» Съ этими словами не стало Забалканскаго. По поводу смерти Дибича, Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину, «полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1-е, или отъ холеры, 2-е, или отъ отравленія въ ядѣ, 3-е, или отъ отравленія своевольнаго, или, 4-е, отъ удара». Въ другомъ письмѣ, тоже изъ Витебска, отъ 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ сообщалъ, что смерть фельдмаршала занимаетъ всѣхъ, что каждый изыскиваетъ ея причины, отвергая настоящую, т. е. холеру. При этомъ цесаревичъ разсуждалъ о скоротечности человѣческой жизни, не предчувствуя, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы...

ГЛАВА XXVII.

Генералъ Хлаповскій.—Холера.—Назначеніе фельдмаршала Паскевича главнокомандующимъ арміей.

На основаніи книги Лакруа, мы упомянули о намѣреніи императора Николая Павловича предоставить цесаревичу командованіе отдѣльнымъ резервнымъ корпусомъ и объ отказѣ, послѣдовавшемъ на это предложеніе съ его стороны. Между тѣмъ, переписка его съ Опочининымъ наводитъ на другія мысли, а именно на то, что цесаревичу, не смотря на его желаніе командовать какою либо частью самостоятельно, не предоставлялось такое право. По поводу такого положенія онъ въ письмахъ своихъ къ Опочинину выражалъ безусловное повиновеніе волѣ государя, «которая—по его словамъ—для него была, есть и будетъ святая»; въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: «хотя мое положеніе вовсе незавидно многимъ покажется, но я преступникомъ противу высочайшей воли никогда надѣюсь не быть; блеску нѣтъ, а совѣсть чиста, а потомъ—какъ государю угодно»; нѣсколько позднѣе онъ писалъ: «мнѣ нечего другаго дѣлать какъ однимъ терпѣніемъ и повиновеніемъ противоборствовать», а впослѣдствіи выражался такъ: «не угодилъ въ арміи, повелѣно скитаться по бѣлу свѣту, скитаюсь и исполняю».

Положеніе Константина Павловича при арміи было очень тяжело. Къ маю 1831 года было уже нѣсколько успѣховъ, пріобрѣтенныхъ Дибичемъ надъ поляками, Литва волновалась уже не такъ бурно, какъ прежде, резервная армія была усилена.

Но въ началѣ мая дѣла въ той мѣстности, гдѣ находился великій князь, приняли другой, не совсѣмъ благопріятный для насъ оборотъ.

Непріятель успѣлъ прорваться черезъ нашу границу и двумя отрядами подвигался на Вильну и Жмудь. Однимъ изъ этихъ отрядовъ командовалъ польскій генералъ Гелгудъ, а другимъ— шуринъ великаго князя, тоже революціонно-польскій генералъ, Хлаповскій. Поляки заняли Брянскъ и Бѣльскъ и были уже въ 39-ти верстахъ отъ Бѣлостока, гдѣ тогда находился цесаревичъ. При извѣстіи объ этомъ, онъ выѣхалъ 9-го мая, въ 2 часа пополудни, изъ Бѣлостока подъ прикрытіемъ жандармовъ и черкесовъ, и спустя четыре дня пріѣхалъ въ Слонимъ. Сюда, 14-го мая, пріѣзжалъ къ нему генералъ-адъютантъ графъ А. О. Орловъ, проѣздомъ въ главную армію. Тревога, принудившая цесаревича покинуть Бѣлостокъ, была однако напрасна, такъ какъ 11-го мая поляки отступили отъ этого города и черезъ мѣстечко Орлы обратились въ Бѣловѣжскую пущу въ числѣ двухъ баталіоновъ и четырехъ эскадроновъ. Отрядъ этотъ состоялъ подъ начальствомъ Хлаповскаго и шелъ на соединеніе съ повстанцами, укрывшимися въ дебряхъ Бѣловѣжской пущи подъ предводительствомъ Урсина Нѣмцевича. Тогда въ русской арміи возникло опасеніе, что Хлаповскій, усилившись присоединившимися къ нему отрядами, займетъ Пружаны и отрѣжетъ великаго князя отъ Бреста-Литовскаго, гдѣ были въ то время сосредоточены значительныя русскія силы. Разсказывали, что, отправляясь въ этотъ походъ, Хлаповскій обѣщалъ сейму доставить въ Варшаву Константина Павловича въ видѣ заложника.

При нашествіи Хлаповскаго на Бѣлостокъ, великій князь, находясь—по его выраженію—«безъ команды и безъ патрона», намѣревался отступить къ Несвижу, что̀ было ему крайне прискорбно. Хлаповскій между тѣмъ усилился, присоединивъ множество разнаго рода людей къ своему отряду, состоявшему первоначально изъ одного уланскаго полка, четырехъ орудій конной артиллеріи, шестисотъ человѣкъ пѣхоты, и охотниковъ отъ всѣхъ полковъ. Толпы шляхты валили къ нему, а въ Кейданахъ Гавріилъ Огинскій привелъ разомъ къ нему 1,200 человѣкъ. Хлаповскій хотѣлъ стать во главѣ народнаго движенія въ Литвѣ и

образовать такъ называемую «рухавку», т. е. народное ополченіе. Хлаповскій съ собравшимися около него силами направился чрезъ Свислочь на Вильну и такое движеніе заставило великаго князя покинуть Слонимъ и — какъ онъ выразился — «притащиться» въ Минскъ. Ходили однако слухи, что Хлаповскій не только не думалъ угрожать великому князю, но даже, напротивъ, желалъ спасти цесаревича отъ опасности, угрожавшей ему со стороны отряда, бывшаго подъ начальствомъ Гелгуда. Съ такою собственно цѣлью онъ, какъ разсказывали, опередилъ отрядъ Гелгуда, который, сообразивъ, что позади его останется Хлаповскій, и, слѣдовательно, тылъ его будетъ прикрытъ, поспѣшилъ, оставивъ въ покоѣ цесаревича, идти форсированнымъ маршемъ на Вильну, но въ окрестностяхъ этого города, на Понарскихъ высотахъ, былъ разбитъ генераломъ Курутою, начальникомъ штаба цесаревича.

Въ подтвержденіе доброжелательныхъ отношеній Хлаповскаго къ великому князю указываютъ на то, что Хлаповскій, которому, по образу его дѣйствій, нельзя было отказать въ быстротѣ, смѣлости и рѣшительности, приблизившись къ Бѣлостоку съ отрядомъ, превосходившимъ слишкомъ въ три раза отрядъ, бывшій подъ начальствомъ великаго князя, не сдѣлалъ на него нападенія, но отступилъ отъ Бѣлостока добровольно. Затѣмъ, когда великій князь перебрался въ Слонимъ, Хлаповскій хотя и явился въ виду этого города, но тоже не сдѣлалъ никакой попытки противъ своего деверя. Разсказываютъ также, что, приближаясь сперва къ Бѣлостоку, а потомъ къ Слониму, онъ посылалъ къ великому князю офицера съ увѣдомленіемъ, что онъ, Хлаповскій, долженъ будетъ взять въ плѣнъ его высочество, и, сообщивъ ему чрезъ своего посланца о превосходствѣ своихъ силъ, приглашалъ цесаревича уходить далѣе. Приглашеніе такого рода, сдѣланное въ бытность великаго князя въ Слонимѣ, оказалось однако излишнимъ, такъ какъ туда пришелъ къ нему на помощь четырехтысячный отрядъ, присланный Курутою изъ-подъ Вильны послѣ отраженія Гелгуда, и тогда Хлаповскій, видя, что съ такимъ подкрѣпленіемъ великій князь и его супруга вполнѣ обезпечены отъ нападеній мятежническихъ отрядовъ, отступилъ отъ Слонима, такъ что, въ сущности,

онъ не только не угрожалъ цесаревичу, но, напротивъ, какъ бы прикрывалъ его отъ нападенія со стороны Гелгуда, который, если бы не полагался на Хлаповскаго, легко могъ разбить незначительныя силы великаго князя, а самого его захватить въ плѣнъ.

Въ перепискѣ цесаревича съ Опочининымъ встрѣчается, между прочимъ, о нападеніи Хлаповскаго слѣдующее извѣстіе. Цесаревичъ пишетъ, что Хлаповскому попался офицеръ, посланный имъ, великимъ княземъ, въ Бѣлостокъ. Съ этимъ посланцемъ Хлаповскій обошелся вѣжливо и отправилъ его съ письмомъ къ своей невѣсткѣ. Ему попались также въ руки и русскіе чиновники, посланные изъ Гродно для разрушенія мостовъ, но и ихъ онъ отпустилъ на свободу, обойдясь съ ними чрезвычайно предупредительно.

Въ Слонимѣ Константину Павловичу начала впрочемъ угрожать новая опасность — тамъ появилась холера. Страшась за свою супругу, да и за самого себя, онъ поспѣшилъ выйти изъ этого города 16-го мая и, начавъ отступать по бѣлорусскому тракту, 21-го мая пріѣхалъ въ Минскъ и оттуда 23-го мая съ дневками отправился къ Витебску. 27-го мая (8-го іюня), онъ прибылъ въ мѣстечко Молочинъ. Переѣздъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ, больная княгиня ѣхала въ каретѣ на своихъ лошадяхъ, дѣлая по двѣ станціи въ день, такъ какъ почты были въ такомъ безпорядкѣ, что невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей. Княгиня Ловичъ была чрезвычайно слаба, но—какъ писалъ великій князь Опочинину — «переносила путешествіе, труды, скуку и весь нашъ событъ съ величайшимъ терпѣніемъ и, кажется, — добавлялъ цесаревичъ, — здоровье ея начинаетъ поправляться». Самъ великій князь ѣхалъ постоянно верхомъ, «для испытанія—по словамъ его—всего, даже должности фурштатскаго офицера». Настроеніе его было попрежнему чрезвычайно мрачно. Въ одномъ письмѣ къ Опочинину онъ писалъ: «я скучаю и грустенъ до крайности», а въ другомъ, отправленномъ изъ Молочина: «физически и морально я усталъ до крайности, и терпѣнія надо много, чтобъ переносить все со мною сбывающееся».

Цесаревича не могло не разстраивать какъ его бѣдственное положеніе, такъ и слухи, распускаемые его недоброжела-

телями. Онъ сильно скорбѣлъ, когда до него дошла молва, что неудачу военныхъ дѣйствій сваливали на измѣну Литовскаго корпуса, «дабы,—замѣчалъ цесаревичъ,—отдалить нашихъ отъ арміи. Но ежели бы это,—продолжаетъ онъ,—и была правда, то куда умно и разсудительно отправить гвардію въ партизаны противъ своихъ братьевъ и отцовъ ея». Здѣсь подъ гвардіею великій князь разумѣлъ тѣ гвардейскіе полки Литовскаго корпуса, которые почти исключительно были составлены изъ уроженцевъ западнаго края. Вообще надобно предположить, что направленная противъ великаго князя злобная молва сильно возмущала его, а она, между тѣмъ, шла широко и громко, особенно вслѣдствіе того, что одновременно исходила изъ двухъ противоположныхъ источниковъ. Поляки, не смотря на расположеніе, оказываемое имъ Константиномъ Павловичемъ, были однако недовольны имъ во время его управленія царствомъ и негодовали на него за то, что онъ отвергъ и польскую корону, и предложеніе революціоннаго правительства стать во главѣ польскаго войска, тогда какъ исполненіе этихъ предложеній повлекло бы для Россіи безвыходныя затрудненія. Русскіе, съ своей стороны, винили его въ слабости и снисхожденіи къ полякамъ и въ потворствѣ (!?), оказываемомъ мятежникамъ, противъ которыхъ у насъ, при появленіи холеры, начало проявляться общее озлобленіе. Цесаревичъ понималъ всю затруднительность своего положенія, онъ видѣлъ направляемыя противъ него «интриги и интриги», но «надѣялся, что ему будетъ дозволено сказать слово», замѣчая при этомъ, что «имѣетъ въ рукахъ документы для оправданія себя въ общемъ мнѣніи». «Отъ скуки, — писалъ онъ въ это время Опочинину, — ѣхалъ верхомъ, чтобъ устать, послѣ чего сплю спокойно, чему помогаетъ и чистая совѣсть». Онъ чувствовалъ себя совершенно изнуреннымъ и просилъ Опочинина, чтобъ онъ не забывалъ своего стараго друга, «который, по видимому, ни на что уже не годенъ какъ скитаться по бѣлу свѣту». Въ эту пору онъ былъ до такой степени въ сторонѣ отъ общаго хода дѣлъ, что даже о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ дѣйствующею арміею узналъ не офиціальнымъ путемъ, но только изъ письма Опочинина.

ГЛАВА XXVIII.

Кончина великаго князя Константина Павловича. — Толки, возбужденные ею.—Погребеніе.—Кончина княгини Ловичъ.

Продолжая отступленіе по бѣлорусскому тракту, цесаревичъ прибылъ въ Витебскъ 3-го іюня (1831 г.), въ среду, въ 7 часовъ пополудни, и остановился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго [1]). Сюда—какъ пишетъ г. Лакруа—пріѣхалъ къ нему генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, объявившій сперва Дибичу объ его увольненіи отъ званія главнокомандующаго, а потомъ проѣхавшій въ Пруссію, гдѣ онъ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока на прусской границѣ не были окончательно устроены запасные магазины для нашей арміи. Орловъ долженъ былъ переговорить съ Константиномъ

---

[1]) По пріѣздѣ въ Витебскъ, цесаревичъ писалъ Ѳ. П. Опочинину 7-го (19-го) іюня 1831 года:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другаго не имѣю какъ скуку, скуку и скуку. Въ протчемъ здоровъ, но жена по пріѣздѣ сюда, крайне ослабла и уже третія сутки какъ изъ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь покамѣсть все тихо и хорошо. На всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ признаюсь я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи... Испытавъ все въ службѣ военной, на старость лѣтъ испыталъ и должность фурштатскаго чиновника: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Что же дѣлать ежели судьбѣ такъ угодно».

Это было послѣднее письмо цесаревича къ своему другу Ѳедору Петровичу Опочинину. Н. Шильдеръ.

Павловичемъ о тѣхъ мѣрахъ, какія нужно будетъ принять въ царствѣ Польскомъ по окончаніи войны, и зная, что цесаревичъ желаетъ отправиться въ Петербургъ, замѣтилъ ему, что государю будетъ непріятно удаленіе его высочества отъ польской границы въ такое время, когда каждую минуту можетъ представиться необходимость его пребыванія въ царствѣ какъ намѣстника. Цесаревичъ сказалъ Орлову, что уѣзжаетъ въ Петербургъ отъ холеры, боясь, впрочемъ, не за самого себя, а за свою супругу. Графъ Орловъ попытался представить великому князю возраженія противъ этой поѣздки, но Константинъ Павловичъ, всегда отличавшійся крайнею вспыльчивостію, а теперь больной и раздраженный, вступилъ съ Орловымъ въ горячій споръ и вскорѣ окончательно вышелъ изъ себя. На шумъ прибѣжала княгиня Ловичъ и старалась успокоить великаго князя, у котораго обнаружились припадки жестокой холеры; спустя нѣсколько часовъ, онъ скончался въ ужасныхъ страданіяхъ. Послѣднія слова его, обращенныя имъ къ женѣ, были:

— «Скажи государю, что я, умирая, молю его простить полякамъ»...

Все это—какъ мы замѣтили выше—разсказываетъ въ своей книгѣ г. Лакруа, пріурочивая пребываніе графа (впослѣдствіи князя) Алексѣя Ѳедоровича Орлова въ Витебскѣ къ моменту смерти Константина Павловича и тѣмъ какъ бы поддерживаетъ вздорныя бредни объ обстоятельствахъ смерти цесаревича. Событія, предшествовавшія кончинѣ Константина Павловича, происходили совершенно иначе, нежели какъ изложилъ ихъ г. Лакруа.

Внезапная кончина цесаревича, котораго всѣ считали человѣкомъ совершенно здоровымъ, но здоровье котораго было, однако, давно уже надорвано, возбудила нелѣпые толки, не только въ иностранной, непріязненной намъ печати, но и въ русскомъ войскѣ и въ нашемъ народѣ. Одинаковость обстоятельствъ какъ его смерти, такъ и смерти фельдмаршала Дибича, послѣдовавшей—какъ болтали и тогда и потомъ—тотчасъ послѣ ужина съ графомъ Орловымъ, породила такую молву, въ достовѣрности которой могли тогда не сомнѣваться и поддерживать ее или люди слишкомъ легковѣрные или желавшіе произвести новыя

замѣшательства. Невозможно, конечно, выслѣдить, гдѣ первоначально возникла эта молва; извѣстно, однако, что она была сильно распространена и среди русскихъ и кому изъ насъ не приходилось слышать таинственныя розсказни о загадочной кончинѣ великаго князя Константина Павловича? За границей шла прежде, да и доселѣ еще удержалась тамъ, объ этомъ вздорная выдумка; о ней упоминаетъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» (см. «Рус. Арх.» 1874 г.): «берлинцы были увѣрены, что Орловъ ѣздилъ отравить великаго князя и фельдмаршала Дибича». Такая болтовня берлинцевъ дошла, наконецъ, и до того, кого считали виновникомъ столь страшныхъ преступленій.

— «Наплевать на нихъ», — сказалъ равнодушно графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, когда ему сообщили однажды, что объ немъ говорятъ въ Берлинѣ какъ о таинственномъ убійцѣ фельдмаршала Дибича и цесаревича Константина Павловича.

Едва ли какой либо другой отвѣтъ или какое либо другое возраженіе онъ могъ противопоставить этой чудовищной клеветѣ, такъ какъ пуститься по поводу такого обвиненія въ публичное оправданіе было бы и неумѣстно и безполезно: ни офиціальное, ни офиціозное, ни личное опроверженіе, въ данномъ случаѣ, не повело бы ровно ни къ чему, но, напротивъ, только усилило бы возникшее подозрѣніе. Пора однако уничтожить сказаніе о небываломъ преступленіи.

Начнемъ съ того, что въ ускоренной кончинѣ цесаревича не было рѣшительно никому никакой надобности ни по личнымъ, ни по политическимъ расчетомъ, а между тѣмъ весьма понятно было, что неожиданная смерть его, среди тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, должна была вызвать новое волненіе умовъ въ Россіи, а полякамъ подать поводъ вопіять, что они, въ лицѣ великаго князя, путемъ ужаснаго злодѣйства, лишились ихъ единственнаго заступника передъ престоломъ императора Николая. Допустимъ, впрочемъ, что цесаревичъ въ политическомъ отношеніи представлялся опасною личностью, такъ какъ онъ, будучи расположенъ къ полякамъ, могъ держать ихъ сторону и тѣмъ самымъ вредить успѣхамъ нашего оружія въ

борьбѣ съ разгорѣвшимся возстаніемъ. Но мы уже видѣли, какое невліятельное положеніе занималъ онъ при арміи, да кромѣ того и самъ онъ желалъ поскорѣе удалиться съ мѣста военныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, достаточно было исполнить только собственное его желаніе, чтобъ сдѣлать личность его совершенно безвредной, если бы даже онъ и дѣйствительно своимъ потворствомъ полякамъ уничтожалъ или затруднялъ успѣхи нашей арміи. Въ такомъ случаѣ онъ могъ быть отозванъ или даже просто удаленъ безъ всякой необходимости прибѣгать къ злодѣянію. Мы видѣли однако, что императоръ Николай Павловичъ имѣлъ въ виду совершенно иное: онъ намѣренъ былъ воспользоваться личностію цесаревича и желалъ, чтобъ онъ оставался на границахъ Польши съ тѣмъ, чтобы, по занятіи Варшавы русскими, принялъ на себя обязанности главной власти по управленію царствомъ Польскимъ. Сохранилось также извѣстіе, что и самъ цесаревичъ разсчитывалъ прежде на такой способъ вторичнаго своего водворенія въ царствѣ, но что противъ этого расчета сильно возставала княгиня Ловичъ, не желая жить снова въ Польшѣ, гдѣ ея мужу привелось испытать столько опасностей и столько горя.

Разумѣется, что всѣ эти соображенія не могли бы имѣть сами по себѣ значенія вполнѣ убѣдительнаго довода противъ вымысла, хотя и нелѣпаго, но получившаго въ заграничной печати и въ народной молвѣ достовѣрность историческаго факта, если бы не было возможности опереться на источникъ, подрѣзывающій, такъ сказать, въ корнѣ гнусную выдумку.

Въ журналѣ адмирала П. А. Колзакова день за день упоминается о пребываніи цесаревича Константина Павловича въ Витебскѣ и разсказываются всѣ обстоятельства его скоропостижной кончины въ такихъ подробностяхъ, о которыхъ можетъ говорить только самый ближайшій очевидецъ. Положимъ, что, подъ вліяніемъ осторожности, Колзаковъ могъ не ввести въ свой журналъ не только подтвержденія, но даже и намека на слухъ, распространившійся о причинѣ смерти цесаревича. Сущность дѣла заключается, однако, въ томъ, что Колзаковъ, перечисляя всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Витебскъ къ цесаревичу, не упоминаетъ вовсе о бытности тамъ передъ кончиною цесаре-

вича графа Орлова,—лица слишкомъ замѣтнаго, чтобы можно было пройти молчаніемъ его посѣщеніе Константина Павловича, а между тѣмъ на этомъ вымышленномъ посѣщеніи и основывалась вся дальнѣйшая выдумка.

Адмиралъ Колзаковъ о кончинѣ цесаревича Константина Павловича сообщаетъ въ «Дневникѣ» своемъ слѣдующія подробности.

Во время своего пребыванія въ Витебскѣ, великій князь былъ печаленъ, раздражителенъ и горевалъ о томъ, что не получалъ никакихъ извѣстій изъ арміи отъ начальника своего штаба графа Куруты. 13-го іюня, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и послалъ за докторомъ Калишемъ, который посадилъ его на діэту, и къ вечеру этого дня ему стало лучше. 14-го іюня, въ воскресенье, ему было такъ хорошо, что онъ былъ у обѣдни и, возвратившись изъ церкви, былъ веселъ и разсказывалъ окружавшимъ его лицамъ много подробностей о возстаніи въ Варшавѣ. Обѣдалъ онъ въ этотъ день у генералъ-губернатора, князя Хованскаго, и, пріѣхавъ отъ него домой, немного отдохнулъ, а послѣ отправился съ княгинею кататься по городу въ городскихъ дрожкахъ. Возвратясь домой, онъ встрѣтился у подъѣзда съ Колзаковымъ, генераломъ Феньшау и адъютантомъ Трембицкимъ. Закуривъ сигару, онъ началъ разговаривать съ ними на улицѣ. Вечеръ былъ свѣжій и потому княгиня, боясь, что онъ можетъ простудиться, звала его въ комнаты, но онъ не пошелъ и, закуривъ другую сигару, продолжалъ разговаривать у подъѣзда. Колзаковъ замѣтилъ ему, что становится холодно и пора домой.

— «Вотъ какой вздоръ!» — возразилъ цесаревичъ и снова завелъ весело свои разсказы. Въ 11 часовъ онъ легъ спать въ комнатѣ съ отвореннымъ окномъ, закрывшись только простыней. Лежа въ постелѣ, онъ читалъ, и въ 12 часовъ ночи, позвавъ камердинера, приказалъ ему закрыть окно. Около 4-хъ часовъ утра съ нимъ сдѣлалась холерина. Позвали доктора Калиша, который съ своей стороны поспѣшилъ пригласить доктора Гюменталя, выписаннаго въ Витебскъ для княгини Ловичъ. Врачебныя средства однако не помогали и вскорѣ холерина перешла въ холеру: у Константина Павловича начали проявляться

легкія судороги и тошнота; судороги постепенно усилились, до такой степени, что онъ уже кричалъ отъ боли. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась часто повторявшаяся рвота и онъ такъ ослабѣлъ, что съ нимъ сдѣлался обморокъ. Въ 7 часовъ вечера княгиня послала за священникомъ; при приходѣ его, у цесаревича сдѣлалась сильная рвота изо рта и изъ носу. Священникъ сталъ читать молитвы и цесаревичъ, тяжело вздохнувъ раза два, скончался въ $7^1/_4$ часовъ вечера 15-го іюня 1831 г.

«Когда цесаревича не стало,—пишетъ Колзаковъ,—то княгиня, въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпенѣніи, опустилась на колѣна у его постели; черезъ четверть часа, я упросилъ ее отойти въ свои комнаты и отдохнуть. Я приказалъ обкуривать всю комнату и занялся съ г. Феньшау и г. Филипеусомъ опечатываніемъ всѣхъ бумагъ и денегъ покойнаго. Мы нашли у него 35,000 рублей, которые я передалъ Филипеусу, какъ управляющему гофмейстерскою частью. Въ 9 часовъ,—продолжаетъ Колзаковъ,—пошелъ я къ княгинѣ и нашелъ ее въ спокойной грусти. Она, какъ истинная христіанка, съ твердостію переносила свою потерю».

Генералъ Феньшау сперва послалъ къ генералу (впослѣдствіи графу) А. Х. Бенкендорфу, въ Петербургъ, письмо о болѣзни великаго князя, а по кончинѣ его отправилъ туда эстафету. Княгиня Ловичъ увѣдомила объ этомъ государя особымъ письмомъ [1]). Императрица Александра Ѳедоровна написала княгинѣ письмо, выражавшее самое теплое участіе къ ея печальной судьбѣ. Тѣмъ же чувствомъ было проникнуто и письмо къ ней императора Николая Павловича, который приглашалъ ее пріѣхать въ Царское Село и жить тамъ на правахъ вдовствующей великой княгини.

О кончинѣ цесаревича было возвѣщено слѣдующимъ, подписаннымъ 27-го іюня, на дачѣ Александрія, близъ Петергофа, манифестомъ: «Среди печальныхъ сердцу нашему событій, Все-

---

[1]) Письмо княгини Ловичъ императору Николаю отъ 15-го (27-го) іюня 1831 года:

«Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde pouvait me rendre malheureuse. A quatre il est tombé malade, mais à huit du soir—O mon Dieu, prenez pitié de nous, de, l'Empereur, de moi, de nous... Mon frère, qu'ordonnez vous à propos de lui»? Н. Шильдеръ.

вышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ, цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнью, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій, скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали. Данъ», и проч.

Трауръ по случаю кончины цесаревича былъ наложенъ съ 15-го іюня на три мѣсяца, съ обычными подраздѣленіями.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра на слѣдующій день послѣ кончины цесаревича, т.-е. 16-го іюня, доктора окончили составленіе журнала объ его болѣзни, а затѣмъ, когда былъ приготовленъ деревянный гробъ, обитый листовою мѣдью, приступили къ бальзимированію. Тѣло было положено въ этотъ гробъ, а сердце и внутренности въ особые ящики, залитые воскомъ. Покойный былъ одѣтъ въ генералъ-адъютантскій мундиръ. Прощаясь на вѣки съ супругомъ, княгиня Ловичъ обрѣзала свои роскошные свѣтлорусые волосы, и положила ихъ въ гробъ подъ голову усопшаго...

Когда стали выносить цесаревича въ соборъ, «княгиня,— пишетъ Колзаковъ,—стояла въ это время на колѣняхъ въ растворенныхъ дверяхъ своей спальни и молилась, сложивъ на груди руки накрестъ. Она была блѣдна и прекрасна какъ ангелъ. Мимо ея пронесли тѣло, послѣ чего ее подняли и подвели къ окну, изъ котораго она смотрѣла на печальную церемонію».

Гробъ былъ поставленъ въ соборѣ и запечатанъ двумя печатями: великаго князя и генералъ-губернатора. 22-го іюня пріѣхалъ въ Витебскъ Ѳ. П. Опочининъ, а 24-го пріѣхали туда же графъ Курута и нѣкоторые высшіе чины арміи. Только 16-го іюля тѣло было вынесено изъ собора и отправлено съ подобающею церемоніей въ Петербургъ. Княгиня шла за погребальною колесницею не только черезъ городъ, но еще двѣ версты за городомъ.

31-го іюля, тѣло цесаревича было привезено въ Гатчину, куда пріѣхалъ императоръ и, поклонившись гробу цесаревича, поѣхалъ навѣстить княгиню и пробылъ у нея около двухъ часовъ.

13-го августа, въ 9 часовъ утра, вывезли тѣло цесаревича изъ Гатчины безъ церемоніальной обстановки, по случаю бывшаго

въ то время проливного дождя. Погребальный поѣздъ двинулся въ Красное Село, а оттуда, черезъ деревню Ульяновку, въ столицу. Изъ Ульяновки княгиня Ловичъ поѣхала прямо въ Петербургъ, въ Елагинскій дворецъ. 14-го августа, въ 8 часовъ утра, тѣло великаго князя было привезено къ московской заставѣ. Здѣсь ожидала прибытія тѣла рота гвардейскихъ егерей со знаменемъ, а находившіеся въ Петербургѣ пѣхотные и конные полки, а также артиллерія и воспитанники военныхъ учебныхъ заведеній, не участвовавшіе въ погребальной церемоніи, были выстроены двойною шпалерою на всемъ протяженіи отъ московской заставы до Петропавловской крѣпости. Въ 11 часовъ утра, началось церемоніальное шествіе отъ московской заставы; процессія двигалась медленно и только въ 2 часа пополудни пришла къ Петропавловскому собору.

Печальную процессію, сопровождавшую теперь тѣло цесаревича, открывалъ отрядъ казаковъ. За этимъ отрядомъ ѣхалъ церемоніймейстеръ верхомъ, а за нимъ шла гренадерская рота Дворянскаго полка. Послѣ этой роты ѣхалъ верхомъ конюшенный офицеръ, за которымъ шли лакеи, камеръ-лакеи и официанты двора великаго князя. Затѣмъ несли его флагъ и гербъ и вели его верховую лошадь. Далѣе шли: голова его вотчинъ съ крестьянами, чиновники его канцелярій, военные генералы, статсъ-секретари, сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ похоронной процессіи составлялъ эскадронъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. За этимъ эскадрономъ несли иностранные и русскіе ордена цесаревича и слѣдовало духовенство, за которымъ шесть лошадей въ траурныхъ попонахъ везли погребальную колесницу, окруженную гренадерскою ротою 1-го кадетскаго корпуса. За колесницею ѣхалъ верхомъ съ своею свитою императоръ. Шествіе замыкали: рота дворцовыхъ гренадеръ, придворные служители цесаревича, рота Павловскаго и эскадронъ Коннаго полковъ.

Когда процессія вступила на Троицкій мостъ, то съ крѣпости и со стоявшихъ на Невѣ судовъ началась разстановочная пушечная пальба.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, среди траурнаго убранства, гробъ цесаревича былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ, окру-

женномъ дежурными лицами отъ двора и войска. Княгиня не отходила отъ гроба своего мужа. «Душевныя ея страданія,— замѣчаетъ Колзаковъ,—были теперь такъ ужасны, что, казалась, она лишилась и разсудка и сознанія о томъ, что́ около нея дѣлалось». Такъ такъ въ то время въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, да и цесаревичъ скончался отъ этой болѣзни, считавшейся тогда безусловно заразительною, то, въ виду санитарныхъ предосторожностей, публика, противъ существующаго обыкновенія, не была допускаема въ соборъ для поклоненія усопшему великому князю и императорская фамилія не присутствовала на совершавшихся по немъ панихидахъ. Предосторожности въ этомъ случаѣ были доведены до того, что тѣло цесаревича было провезено мимо Царскаго Села окольною дорогою, а эскадронъ лейбъ-гвардейскихъ казаковъ, сопровождавшій тѣло цесаревича изъ Витебска, былъ, по прибытіи въ Петербургъ, подвергнутъ очищенію по всѣмъ строгимъ правиламъ карантиннаго устава.

17-го августа, происходило погребеніе цесаревича. Объ исполненіи этого обряда не было помѣщено въ тогдашнихъ петербургскихъ газетахъ ни церемоніала, и никакого описанія, и только въ «Русскомъ Инвалидѣ» встрѣчается коротенькое извѣстіе о томъ, какія въ этотъ день находились въ крѣпости строевыя войска.

Когда опускали гробъ цесаревича въ могилу, съ валовъ крѣпости загремѣли прощальные пушечные выстрѣлы; они смолкли и все было кончено...

29-го августа 1831 года, изданъ былъ высочайшій манифестъ о присвоеніи тогдашнему наслѣднику престола, великому князю Александру Николаевичу, тутула цесаревича, на основаніи закона, постановленнаго въ «Учрежденіи объ Императорской фамиліи».

Обстоятельства, при которыхъ послѣдовала кончина цесаревича, подали поводъ еще къ другой нелѣпой молвѣ. Толковали, разумѣется шопотомъ, что Константинъ Павловичъ живъ, но заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а одна изъ французскихъ газетъ напечатала довольно подробный разсказъ о таинственномъ узникѣ, засаженномъ въ эту крѣпость, который будто бы и былъ никто иной, какъ цесаревичъ Константинъ. Эта выдумка внушила мысль одному смѣльчаку-пройдохѣ вы-

дать себя въ Тамбовской губерніи за покойнаго великаго князя Константина Павловича.

Послѣ погребенія цесаревича вдовствующая княгиня Ловичъ уѣхала въ Гатчину и оставалась тамъ до 19-го сентября, когда она, по приглашенію государя, переселилась въ Царское Село. Здоровье ея, подъ гнетомъ испытанныхъ ею потрясеній и несчастій, разстроивалось все болѣе и болѣе. Она угасала съ замѣтною быстротою и 17-го ноября 1831 года, въ первую годовщину варшавскаго возстанія, ея не стало. Въ этотъ день, въ 2 часа утра, она тихо скончалась... [1]).

Княгиня Ловичъ погребена въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, противъ Александровскаго парка, между Московской и Колпинской улицами, стоитъ католическая церковь во имя св. Іоанна Крестителя. Въ склепѣ подъ этою церковью находится нѣсколько могилъ, а между ними и могила супруги цесаревича. Надъ ея могилой, помѣщающейся подъ главнымъ алтаремъ, поставлена простая гробница въ видѣ саркофага, сложеннаго изъ кирпича, и на узкой сторонѣ саркофага, т.-е. въ ногахъ покойницы, вдѣлана подъ крестомъ бронзовая доска съ слѣдующею надписью:

Ci git Son Altesse la Princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Imperiale le Césarewitsch Grand Duc Constantin Pawlowitsch,

Née á Posen le 17/29 Mai MDCCCXV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI [2])

Въ самой церкви о мѣстѣ погребенія княгини гласитъ такая, вдѣланная на одномъ изъ столбовъ храма, надпись:

Dans le caveau de cette Eglise est deposé le corps de Son Altesse [3]).

---

[1]) Подъ именемъ супруги Константина Павловича пыталась также появиться самозванка. Въ семействѣ составителя настоящей статьи сохраняется разсказъ, что въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, въ имѣніи Гав. Ст. Карновича, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, селѣ Кривякинѣ, появилась красивая и статная, одѣтая въ черномъ, женщина среднихъ лѣтъ. Женщина эта открылась находившемуся при домовой кривякинской церкви монаху Пимену, что она жена покойнаго великаго князя Константина Павловича. Но прежде чѣмъ успѣли разспросить ее, она скрылась. По всей вѣроятности, эта самозванка появлялась и въ другихъ мѣстахъ. Е. К.

[2]) Здѣсь почиваетъ ея высочество (свѣтлость) княгиня Іоанна Ловичъ, супруга его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича. Родилась въ Познани 17/29 моя 1795 года, скончалась въ Царскомъ Селѣ 17/29 ноября 1831 года. Е. К.

[3]) Въ склепѣ этой церкви положено тѣло ея высочества и т. д... Е. К.

и затѣмъ въ этой надписи буквально продолжается то же самое, что́ значится въ надписи, находящейся надъ гробницею.

Личность княгини Іоанны Ловичъ не выступаетъ замѣтно въ исторіи, хотя она получила особое значеніе въ жизни цесаревича Константина Павловича. По отзывамъ всѣхъ знавшихъ эту чету, княгиня имѣла чрезвычайное вліяніе на кипучій характеръ и неудержимую порывистость своего мужа. Она однако не злоупотребляла этимъ вліяніемъ и когда цесаревичъ слѣдовалъ ея разумнымъ и кроткимъ внушеніямъ, то онъ становился какъ будто инымъ человѣкомъ. Замѣчательно, что всѣ русскіе, жившіе въ Варшавѣ, отзывались о княгинѣ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, а поляки, даже въ самомъ сильномъ разгарѣ политическихъ страстей, когда обыкновенно вражда доходитъ до крайняго ослѣпленія, не коснулись Іоанны Ловичъ ни клеветою, ни порицаніемъ, хотя она настойчиво противодѣйствовала ихъ намѣренію склонить цесаревича, чтобы онъ сталъ во главѣ возмутившейся противъ Россіи Польши. Императоръ Александръ Павловичъ, знавшій, конечно, лучше всѣхъ тяжелый нравъ своего брата Константина, въ немногихъ словахъ очертилъ достоинства этой женщины. Разговорясь однажды о ней съ графинею Шуазель-Гуфье, онъ выразился:

— «Княгиня Ловичъ — ангелъ по ея характеру».

Отъ брака цесаревича Константина Павловича съ княгинею Іоанною Ловичъ дѣтей не было.

ГЛАВА XXIX.

Характеристика великаго князя Константина Павловича. — Причины его отрѣченія отъ престола.

На основаніи тѣхъ фактовъ и тѣхъ отзывовъ, которые относятся къ великому князю Константину Павловичу и которые были приведены въ нашемъ біографическо-историческомъ очеркѣ, мы постараемся теперь представить въ общихъ чертахъ характеристику этой своеобразной личности.

Рожденіе поставило Константина на одну изъ самыхъ видныхъ царственныхъ вершинъ въ Европѣ, а бездѣтная кончина его старшаго брата, императора Александра Павловича, должна была открыть ему прямую дорогу къ русскому престолу. Но и помимо этого ему предназначались и другія еще короны: одна императорская—византійская, и двѣ королевскія—шведская и польская. Вдобавокъ къ нимъ, заготовлялись ему его бабушкою еще двѣ новыя, несуществовавшія прежде царскія короны—дакійская и албанская. Такой блестящій жребій, такое изобиліе коронъ рѣдко выпадаетъ, да едва-ли и выпадало когда нибудь, на долю кого либо изъ представителей царствующихъ семействъ.

Константину Павловичу не суждено было, однако, воспользоваться предстоявшимъ ему державнымъ величіемъ. Онъ провелъ свою жизнь въ обстановкѣ весьма скромной относительно къ готовившейся ему будущности. Онъ пользовался только титуломъ великаго князя, принадлежавшимъ ему по праву рожденія, и титуломъ цесаревича, пожалованнымъ ему его отцомъ за

военныя отличія, и промелькнулъ лишь на нѣсколько дней въ санѣ русскаго самодержца—въ санѣ, властью котораго онъ вовсе не пользовался, отъ котораго онъ самъ отказывался и право на который доставалось ему какъ-будто для того единственно, чтобы вызвать небывалую еще у насъ кровавую смуту. При этомъ представляется еще особая, замѣчательная странность: онъ находился въ званіи главнокомандующаго такою отлично подготовленною имъ арміею, которою не только не привелось ему предводительствовать на поляхъ битвъ, но съ которой, напротивъ, пришлось ему сражаться какъ съ непріятельскою. Вообще противоположность между готовившимся ему прежде высокимъ жребіемъ и скромнымъ, пройденнымъ имъ жизненнымъ поприщемъ была чрезвычайно поразительна. Передъ своею кончиною цесаревичъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго положенія даже въ арміи и онъ, предназначавшійся нѣкогда какъ рожденіемъ, такъ и политическими планами Екатерины, и въ императоры, и въ короли, и въ цари, готовъ былъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ незамѣтно окончить свой вѣкъ въ званіи тверского генералъ-губернатора, т. е. на должности чиновника III-го класса по росписи гражданскихъ чиновъ въ табели о рангахъ.

Такая превратность въ судьбѣ Константина Павловича наводитъ его біографа на размышленія, не возникающія при жизнеописаніи самыхъ прославленныхъ земныхъ владыхъ, и заставляетъ присмотрѣться къ такимъ чертамъ его характера, которыя, по всей вѣроятности, ускользнули бы отъ вниманія историка, если бы Константинъ Павловичъ, въ существующемъ у насъ порядкѣ престолонаслѣдія, принялъ санъ императора и самодержца всероссійскаго.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ его жизни представляется, безъ всякаго сомнѣнія, отреченіе его отъ короны. Поступокъ этотъ выставлялся прежде, да и доселѣ выставляется у насъ безпримѣрнымъ въ исторіи великодушіемъ. Необходимо однако остановиться на вопросѣ о томъ, насколько отреченіе Константина Павловича было добровольно въ сущности и насколько оно было подготовлено заранѣе внѣшними вліяніями, а также и событіями въ его жизни. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого отдѣльнаго вопроса, замѣтимъ, что, соб-

ственно въ данномъ случаѣ, великодушія со стороны старшаго брата, уступавшаго корону младшему, не могло быть никакого. Здѣсь со стороны перваго изъ нихъ могло быть одно лишь побужденіе, а именно: Константинъ Павловичъ, считая, по какимъ бы то ни было причинамъ и соображеніямъ, верховную власть неудобоносимымъ для себя бременемъ, для собственнаго своего спокойствія, слѣдовательно, съ хладнокровнымъ расчетомъ, а не въ порывѣ охватившаго его великодушія, возлагалъ это бремя на другого. Такимъ образомъ, здѣсь скорѣе всего проявляется своего рода эгоизмъ, то-есть желаніе уклониться отъ предстоявшихъ трудныхъ обязанностей и стремленіе обставить свою жизнь такъ, чтобъ избавиться отъ положенія, которое не соотвѣтствовало ни врожденнымъ наклонностямъ, ни усвоеннымъ привычкамъ. Можно, пожалуй, въ отреченіи Константина Павловича отыскать и порывъ великодушія, но только совершенно въ иномъ направленіи, такъ какъ можно предполагать, что онъ промѣнялъ блескъ императорской короны на тихую супружескую жизнь съ страстно-любимою имъ женщиной. Съ внѣшней стороны это, пожалуй, такъ и представляется, но въ сущности выходитъ нѣсколько иначе.

Мы уже замѣтили, что бракъ съ княгинею Ловичъ не лишалъ Константина Павловича наслѣдственныхъ правъ на русскую корону, но только исключалъ дѣтей цесаревича, рожденныхъ отъ этого брака, а также и все его потомство, происшедшее отъ княгини Ловичъ, изъ состава императорской фамиліи. Такъ смотрѣлъ на это ограничительное условіе и самъ императоръ Николай Павловичъ, не считавшій достаточнымъ сдѣланнаго цесаревичемъ по поводу его брака заявленія объ отреченіи отъ престола, да и у самого Константина Павловича проявлялось какое-то загадочное, неразъясненное доселѣ колебаніе, которое принимали тогда за нежеланіе подтвердить свой прежній отказъ. Кто, впрочемъ, знаетъ, чѣмъ бы разрѣшился вопросъ объ окончательномъ отреченіи Константина, если бы въ ту пору супругою его была не Іоанна, а другая—высокомѣрная и честолюбивая женщина, побуждавшая его своими внушеніями, мольбами, вкрадчивымъ нашептываніемъ и раздражающими рыданіями принять русскую корону, которую, безъ вся-

кихъ съ своей стороны притязаній, предоставлялъ ему Николай Павловичъ, не смотря на выраженный уже однажды отказъ Константина. Быть можетъ, нужно было только, чтобъ голосъ очаровавшей цесаревича женщины подсказалъ Константину, что тотъ, кому онъ уступилъ прежде корону, самъ передаетъ ее ему теперь; что такимъ образомъ прежнее отреченіе уничтожается новою добровольною сдѣлкою; что онъ, Константинъ, съ спокойною совѣстью можетъ принять свое державное наслѣдство; что для нея, его жены, невыносимо быть преградою его величія и славы; что она виновница его отреченія и т. д., и т. д. Но такихъ внушеній не пришлось услышать цесаревичу и отсутствіе ихъ могло сильнѣе всего подѣйствовать на рѣшительный его отказъ отъ верховной власти.

Переходя къ разсмотрѣнію внѣшнихъ на цесаревича вліяній, и тѣхъ событій въ его жизни, которыя могли содѣйствовать его намѣренію отречься отъ престола, слѣдуетъ прежде всего вспомнить, что онъ, какъ мы уже говорили, въ ту ночь, когда скончался императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ этого горестнаго, поразившаго его событія, высказалъ своему старшему брату намѣреніе отказаться отъ русской короны, если бы право на нее дошло до него въ порядкѣ престолонаслѣдія. Это нравственное обязательство, по всей вѣроятности, и было главною основою послѣдующаго отреченія: онъ какъ будто былъ связанъ навсегда своимъ, быть можетъ, даже невольнымъ зарокомъ. Не могъ остаться безъ вліянія на него и образъ мыслей и взглядъ на тягость правленія самого императора Александра Павловича, мечтавшаго еще въ молодыхъ годахъ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ и поселиться въ Швейцаріи частнымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи окончательно разочаровавшійся во всемъ и во всѣхъ, императоръ — какъ передавалъ покойный графъ П. Д. Киселевъ — заговаривалъ съ Константиномъ Павловичемъ о своемъ «абдикированіи», а графиня Шуазель-Гуфье въ «Запискахъ» своихъ («Рус. Стар.» изд. 1877 г., т. XX) передаетъ, что однажды Александръ Павловичъ въ разговорѣ съ нею сказалъ: «нѣтъ, престолъ — не мое призваніе» и, по словамъ его, онъ готовъ былъ во всякое время отречься отъ верховной власти, если бы только онъ могъ съ честью измѣнить обязательное для

него положеніе. И другимъ близкимъ къ нему лицамъ государь часто говорилъ, что онъ усталъ царствовать и что онъ только желаетъ окончить жизнь въ уединеніи и спокойствіи. Безъ всякаго сомнѣнія, если Александръ I, далеко превосходившій Константина способностями, образованіемъ, ровностію характера и умѣніемъ привязывать къ себѣ людей, такъ сильно тяготился державными трудами и своей царственной обстановкой, то, подъ вліяніемъ грусти и недовольства Александра своимъ высокимъ жребіемъ, и Константинъ Павловичъ едва-ли могъ смотрѣть спокойно и радостно на ожидавшую его участь, въ особенности если еще онъ зналъ и о господствовавшемъ противъ него предубѣжденіи среди русскихъ и о тѣхъ замыслахъ, которые существовали тогда въ Россіи противъ верховной власти.

Озаренный необыкновенною славою и извѣдавшій все земное величіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустившій и томившійся жизнью, державный старшій братъ Константина Павловича былъ для него примѣромъ, дѣлавшимъ для него незаманчивымъ блескъ императорской короны, и вслѣдствіе этого — не въ порывѣ великодушія уступалъ ее цесаревичъ Константинъ другому ближайшему наслѣднику...

Сообразивъ все это, мы, съ своей стороны, подмѣчаемъ черту великодушія не въ отреченіи Константина отъ престола, но собственно въ заявленіи его о тѣхъ причинахъ, которыя побудили его къ отреченію. Если, согласно манифесту, предшествовавшему его второму супружеству, онъ не могъ бы ограничиться однимъ только заявленіемъ, что неравный его бракъ съ княгинею Ловичъ препятствуетъ ему принять корону, то во всякомъ случаѣ ничто не мѣшало ему выразить просто свое нежеланіе удержать за собою переходившую къ нему верховную власть, не приводя никакихъ поводовъ, ни объясненій. Кромѣ того, онъ могъ сослаться на свои пожилые годы и на разстройство своего здоровья: этого было бы вполнѣ достаточно и затѣмъ вступленіе на престолъ Николая Павловича оказалось бы совершенно послѣдовательнымъ, такъ какъ послѣ такого отреченія корона переходила бы къ государю, цвѣтущему молодостію и здоровьемъ. Но Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ подобной ссылки, а прямо заявилъ, что «не чувствуетъ въ себѣ

ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію его можетъ имѣть право». Отъ этого слишкомъ смиреннаго сознанія своихъ недостатковъ не удержала его мысль, что такой его отзывъ о самомъ себѣ сдѣлается извѣстнымъ русскому народу и всей Европѣ еще при его жизни и что потомъ строки эти перейдутъ на страницы исторіи. Въ своемъ отреченіи онъ не коснулся вопроса о своемъ желаніи или нежеланіи царствовать, но прямо заявилъ такую уважительную причину, которая, по собственному его сознанію, не смотря даже на его желаніе, должна была лишить его короны, въ какую бы пору жизни она ни досталась ему въ наслѣдіе. Вотъ въ этомъ-то именно сознаніи умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ—приходится видѣть безпримѣрный подвигъ и почтить въ Константинѣ Павловичѣ честнаго и прямодушнаго человѣка. До сихъ поръ, однако, никто не обратилъ на это вниманіе и обыкновенно прославляли только великодушіе Константина Павловича, выказанное имъ тамъ, гдѣ, въ сущности, какъ мы объяснили, никакого великодушія съ его стороны не могло быть.

ГЛАВА XXX.

Оцѣнка дѣятельности великаго князя Константина Павловича. — Его качества и недостатки.

Безпристрастному историку приходится произносить только правдивые приговоры надъ историческими личностями и потому онъ, тщательно разобравъ и сопоставивъ между собою всѣ отличительные черты въ характерѣ цесаревича Константина Павловича, не можетъ не признать правильность той прямодушной оцѣнки, которую онъ сдѣлалъ самому себѣ. Дѣйствительно, по своимъ качествамъ онъ не былъ призванъ на ту высоту, которую приготовляло ему рожденіе. Константинъ Павловичъ не былъ одаренъ тѣмъ — такъ сказать — государственнымъ умомъ, который способенъ если и не обнимать всесторонне обширные планы внѣшней политики и всѣ разнообразныя отрасли внутренняго управленія, то, по крайней мѣрѣ, можетъ, не вникая въ частности тѣхъ и другихъ, сознавать болѣе или менѣе отчетливо общую руководящую при этомъ идею. У него не было также ни того такта, ни той сдержанности и даже той необходимой податливости чужому разумному и осмотрительному мнѣнію, которые очень часто такъ удачно замѣняютъ собою въ высшихъ государственныхъ дѣятеляхъ недостатокъ ихъ собственныхъ способностей. Безошибочно можно сказать, что онъ, находясь на престолѣ, никогда не согласился бы слѣдовать ни принятому однажды образу дѣйствій, ни твердо исполнять постановленныя имъ самимъ рѣшенія, ни внимать

полезнымъ и правдивымъ внушеніямъ, если бы они хоть сколько нибудь противорѣчили не только ясно сознаннымъ имъ намѣреніямъ, но даже его прихоти, порывамъ и гнѣвнымъ вспышкамъ, которымъ онъ всегда давалъ такой широкій просторъ. Своими быстрыми увлеченіями и необдуманностію своихъ поступковъ, онъ подавлялъ врожденную ему доброту, и княгиня Ловичъ прекрасно охарактеризовала этотъ главный недостатокъ своего мужа, нерѣдко съ укоромъ повторяя ему, что онъ прежде сдѣлаетъ что нибудь, а потомъ уже подумаетъ.

При такихъ свойствахъ цесаревича, со стороны императора Александра Павловича было чрезвычайно большою ошибкою то назначаніе, которое онъ далъ первоначально цесаревичу въ царствѣ Польскомъ, и въ особенности то, которое онъ придалъ ему впослѣдствіи. Александръ I, подъ вліяніемъ различныхъ, какъ прежнихъ, такъ и послѣдующихъ вліяній, благоволя на Вѣнскомъ конгрессѣ къ полякамъ, создалъ для нихъ государство съ либеральными конституціонными учрежденіями и путемъ династическаго соединенія Польши съ Россіею думалъ примирить обѣ издавна враждовавшія между собою національности. Мы не будемъ говорить здѣсь, насколько была осуществима подобная задача вообще, но скажемъ только, что, въ виду такой благотворной цѣли и при такой обстановкѣ королевства или царства Польскаго, во главѣ его управленія должно было бы стать лицо, одаренное чрезвычайною прозорливостью, стойкостію характера и тѣмъ умѣніемъ обращаться съ людьми, которое исподоволь, незамѣтно и безъ напраснаго раздраженія заставляетъ подчиняться ихъ сперва чужому вліянію, а потомъ и чужой волѣ. Необходимо было, чтобы лицо, бывшее тогда правителемъ царства Польскаго, дѣйствовало «suaviter in modo, fortiter in re», т. е., чтобъ оно, при мягкихъ пріемахъ, поступало съ твердостію, но Константинъ Павловичъ держался системы совершенно противоположной этому старинному афоризму. Онъ снисходительно смотрѣлъ на существо дѣла, поднимая бурю изъ-за мелочей и пуская при этомъ въ ходъ крутыя мѣры, добавляемыя съ его стороны еще и личными, слишкомъ рѣзкими выходками.

Природа не щедро надѣлила Константина Павловича тою дальновидною прозорливостію, которая была такъ необходима

на занимаеномъ имъ посту. Мы видѣли, какъ онъ заблуждался на счетъ настроенія умовъ въ Польшѣ, будучи твердо увѣренъ, что тамъ не произойдетъ никакихъ волненій. Обманывался онъ и относительно волненій, обнаружившихся въ Западной Европѣ, подсмѣиваясь, что тамъ торжествуютъ «принципіумы» его гофъ-фурьера Бѣляева. Между тѣмъ, нарушенія мелочныхъ какихъ нибудь порядковъ въ Варшавѣ сильно волновали его и вызывали съ его стороны строгости, внушаемыя не постоянною предусмотрительностію, но только временными порывами личнаго раздраженія. Тамъ же, гдѣ нужно было быть дѣйствительно осмотрительнымъ и твердымъ, онъ оказывался недальнозоркимъ, податливымъ и, не сознавая самъ отчетливо своего образа дѣйствій, далъ полякамъ возможность приготовиться къ вооруженному возстанію на ихъ же собственную гибель.

Надобно впрочемъ полагать, что при самомъ учрежденіи царства Польскаго императоръ Александръ Павловичъ не имѣлъ въ виду ввѣрить цесаревичу главное управленіе надъ этимъ краемъ. Тамъ явился особый представитель государя въ лицѣ намѣстника царства Польскаго князя Зайончека, а Константинъ Павловичъ принялъ только званіе главнокомандующаго польской арміи. Мы видѣли однако, что, въ сущности, вся власть въ царствѣ принадлежала великому князю, такъ что намѣстникъ былъ не болѣе какъ только подставное лицо. Мы видѣли также, что власть цесаревича распространялась даже и по гражданскимъ дѣламъ на западныя губерніи имперіи, входившія нѣкогда въ составъ бывшаго королевства Польскаго. Въ своемъ мѣстѣ мы указали на неудобство и на вредныя послѣдствія такого административнаго соединенія. Что же касается собственно великаго князя Константина Павловича, то онъ, при этихъ условіяхъ, былъ поставленъ въ самое ложное положеніе. Вмѣсто того, чтобъ сдержать въ опредѣленныхъ прежде границахъ административную его дѣятельность и даже положительно ограничить ее только военнымъ вѣдомствомъ въ царствѣ Польскомъ, Константину Павловичу, по его собственному выраженію, была предоставлена тамъ «диктаторская» власть, такъ что онъ явился верховнымъ администраторомъ и верховнымъ судьею и при томъ не только въ царствѣ Польскомъ, но и въ сосѣднихъ съ нимъ

мѣстностяхъ имперіи. Между тѣмъ, къ дѣятельности такого рода, да еще въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, у него не было ни склонности, ни навыка, и онъ всего болѣе любилъ

.... воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость...

Обученіе и организація войскъ были любимымъ и, можно сказать, даже единственнымъ занятіемъ цесаревича. Занятіе этими предметами составляло въ немъ господствующую страсть и надобно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ, по избранной имъ части, былъ не только знатокомъ, но чрезвычайно добросовѣстнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ. Но и здѣсь проявлялась у него странная односторонность взгляда: онъ признавалъ идеаломъ войска не боевую силу, но строго дисциплинированную и отлично-обученную плацпарадную машину. Онъ находилъ, что война только портитъ, но никакъ не улучшаетъ армію, т. е., въ сущности, отвергалъ практическую пригодность войска для той цѣли, для которой оно собственно содержится, дисциплинируется и обучается. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ, какъ мы уже говорили, воспротивился благому намѣренію императора Николая Павловича — двинуть польскую армію въ Турцію и тѣмъ самымъ едва-ли не болѣе всего способствовалъ вооруженному возстанію Польши.

Въ кругу постоянной и любимой дѣятельности цесаревича проявлялись съ особенною рѣзкостію недостатки его характера. Хотя въ немъ не было ни надменности, ни жестокости, ни мстительности, и хотя въ обыкновенномъ настроеніи духа онъ отличался чрезвычайнымъ добродушіемъ и привѣтливой простотою обращенія, но зато слишкомъ тяжело было подчиненнымъ цесаревича переносить частыя, почти безпрерывныя вспышки необузданнаго его гнѣва по самымъ даже ничтожнымъ мелочамъ службы. Въ минуты этихъ вспышекъ, онъ, казалось, забывалъ всѣхъ и все, и давалъ полную волю своему раздраженію, не щадя ничьего самолюбія. Поэтому много приходилось глотать отъ него оскорбленій и униженій тѣмъ, которые состояли какъ подъ прямымъ, такъ и подъ посредственнымъ его начальствомъ.

Тутъ уже не было никому пощады и крутая расправа производилась безъ всякаго разбора, безъ всякихъ справокъ о степени виновности того или другого. Въ припадкахъ гнѣва Константинъ Павловичъ отдавался весь первому произведенному на него впечатлѣнію и хотя, впослѣдствіи, онъ, сознавая свою опрометчивость и несправедливость, старался исправить свои ошибки и загладить свои неумѣстныя выходки, но не всегда это оказывалось возможнымъ и онъ своею крайнею запальчивостію нажилъ себѣ много недруговъ какъ среди поляковъ, такъ и среди русскихъ.

Если неосмотрительные поступки великаго князя въ отношеніи къ военно-служащимъ, имѣвшіе характеръ крайней и притомъ произвольной взыскательности, возбуждали сами по себѣ среди его подчиненныхъ неудовольствіе и даже явный ропотъ, то они представлялись еще возмутительнѣе вслѣдствіе сравненія съ поведеніемъ нѣкоторыхъ другихъ военныхъ начальниковъ. По возвращеніи, въ 1814 и 1815 годахъ, русскихъ войскъ изъ заграничнаго похода, не только въ гвардейскихъ, но и во многихъ армейскихъ полкахъ началъ господствовать иной духъ. Съ этой поры, взамѣнъ прежней крутости, начальники стали обходиться съ своими подчиненными кротко и вѣжливо, но такое обращеніе вовсе не допускалось въ русско-польской арміи, бывшей подъ главнымъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, который своимъ личнымъ примѣромъ какъ будто хотѣлъ показать, что порядокъ въ военномъ управленіи долженъ поддерживаться только безусловною строгостію и подавляющими отношеніями старшаго къ младшему.

Не мало терялъ также цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ общественномъ мнѣніи и при сравненіи его съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Еще съ первыхъ лѣтъ жизни и того и другого была замѣтна большая разница въ характерахъ обоихъ братьевъ, изъ которыхъ каждый и въ зрѣломъ возрастѣ остался вѣренъ, въ главныхъ чертахъ, проявившимся въ немъ свойствамъ. Государь былъ постоянно сдержанъ, осмотрителенъ, скрытенъ; онъ не допускалъ никогда наружныхъ проявленій своего гнѣва и строго соблюдалъ всѣ приличія въ обращеніи съ кѣмъ бы то ни было. Между тѣмъ, Константинъ Павло-

вичъ, кипучій, раздражительный и откровенный болѣе, нежели сколько бы слѣдовало ему быть такимъ при его исключительномъ положеніи, составлялъ прямую противоположность съ своимъ старшимъ братомъ, и своею запальчивостію и рѣзкостію заставлялъ забывать и тѣ хорошія качества, которыя были свойственны его, въ сущности все-таки доброму, сердцу.

Всѣ служившіе подъ начальствомъ цесаревича въ одинъ голосъ хвалятъ въ немъ щедрость, отвращеніе ко всякой лжи, уверткамъ и лести, а также отсутствіе притворства и лицемѣрія: у него что̀ было на душѣ, то было и на языкѣ. Мы говорили уже о личной храбрости цесаревича, переходившей въ юные годы въ неосмотрительную отвагу, и если впослѣдствіи онъ,—суворовскій сподвижникъ—не любилъ войны, то это происходило не отъ недостатка въ немъ храбрости, но только оттого, что онъ слишкомъ пристрастился къ фронтовымъ занятіямъ и къ военно-хозяйственной части, а между тѣмъ все это должно было прекратиться и разстроиться въ военное время. Занимаясь военнымъ хозяйствомъ, цесаревичъ постоянно и прежде всего имѣлъ въ виду улучшить, насколько было возможно, условія солдатскаго быта, и въ этомъ отношеніи онъ являлся примѣрно-заботливымъ и чрезвычайно попечительнымъ начальникомъ.

Не смотря на свой кипучій нравъ, цесаревичъ подчинялся, однако, вліянію двухъ лицъ, а именно, своего стараго, неизмѣннаго и испытаннаго друга, Ѳедора Петровича Опочинина, и своей второй супруги. Опочининъ и княгиня Ловичъ умѣли дѣйствовать на него успокоительно и, быть можетъ, если бы первый изъ нихъ находился безотлучно при цесаревичѣ, а вторая сдѣлалась бы спутницею его жизни въ молодые его годы, то Константинъ Павловичъ измѣнился бы къ лучшему во многихъ отношеніяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Манифестъ о бракѣ великаго князя Константина Павловича 1796 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА

ВСЕРОССІЙСКАЯ.

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ,

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ.

Съ достиженіемъ возраста Любезнымъ Внукомъ НАШИМЪ Великимъ Княземъ КОНСТАНТИНОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, призвавъ Божію помощь благословили МЫ его вступить въ бракъ съ избранною ему невѣстою Свѣтлѣйшею Принцессою Таксенъ-Залфедъ-Кобургскою: въ слѣдствіе чего по воспріятіи Ею во 2-й день сего февраля православнаго Грекороссійскаго исповѣданія и по нареченіи при Святомъ Мѵропомазаніи АННОЮ ФЕОДОРОВНОЮ, обручили МЫ Любезнаго Внука НАШЕГО съ помянутою Благовѣрною Княжною въ церкви Зимняго Дворца НАШЕГО при собраніи особъ духовнаго и мирскаго чина. Возвѣщая о томъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ, повелѣваемъ именовать Ея Великою Княжною съ Титуломъ Ея Императорскаго Высочества. Данъ въ Престольномъ НАШЕМЪ градѣ Святаго Петра, февраля 3-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова 1796-е, Царствованій же НАШИХЪ Всероссійскаго въ тридесять четвертое, и Таврическаго въ третіенадесять.

Подлинный подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Мѣсто печати.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ февраля 4 дня 1796 года.

II.

Объявленіе о смерти госпожи Араужо, 1802 года.

Объявленіе. Въ С.-Петербургѣ, 30-го марта 1802 года. «До свѣдѣнія государя императора дошли разнообразные слухи, разнесшіеся здѣсь по городу по случаю скоропостижной смерти жены купца Араужо, причиненной якобы насильственными, неистовыми, наглыми и непозволительными поступками генерал-лейтенанта Баура съ нѣсколькими сообщниками изъ офицеровъ. Его императорское величество, желая обнаружить истину, открыть преступленіе и, въ защиту человѣчества, предать виновныхъ, безъ всякаго лицепріятія, суду по законамъ, высочайше повелѣть соизволилъ полиціи произвести строжайшее о томъ изслѣдованіе. Во исполненіе чего учинены были обстоятельные допросы всѣмъ причастнымъ и могущимъ имѣть какое-либо о семъ приключеніи свѣдѣніе, по коимъ открылось слѣдующее: жена бывшаго акушера, вдова баронесса Моренгеймъ, показала, что госпожа Араужо, 10-го марта, пополудни въ 6-мъ часу, пріѣхала къ ней въ то самое время, когда находился у нее колежскій совѣтникъ Торси, и пробывъ съ четверть часа, сказала, что имѣетъ исполнить еще какую-то комисію и возвратится позже, къ чаю; и такъ уѣхала. Около осьми часовъ вечера, когда госпожа Моренгеймъ, съ собравшимися къ ней гостьми, пила чай, вызвана она была дѣвкою своею въ другую комнату, гдѣ нашла госпожу Араужо лежащую въ обморокѣ; употребивъ различные способы, достигли до того, что возвратили ей полное чувство; но говорить могла она токмо съ превеликимъ трудомъ и отрывистыми словами, требуя, чтобы ее раздѣли, чтобы дали чистое бѣлье, чтобы послали за докторомъ Бутацомъ, за ея каретою и дѣвкою; все сіе было исполнено, и потомъ, по требованію доктора, повезена она домой, куда онъ ее самъ проводилъ. Между тѣмъ узнала госпожа Моренгеймъ отъ людей своихъ, что когда госпожа Араужо послѣ обѣда къ ней пріѣхала, то тотчасъ отпустила свою и уѣхала паки въ незнакомой каретѣ; наконецъ неизвѣстнымъ человѣкомъ принесена въ домъ черезъ кухню въ дѣвичью комнату. Дворовые люди баронесы Моренгеймъ,— дѣвка Матвѣева и слуга Матвѣевъ, утвердили во всемъ сіе показаніе, прибавя токмо, что чрезъ короткое время послѣ пріѣзда г-жи Араужо къ баронесѣ, пріѣхалъ неизвѣстный лакей съ четверомѣстною въ четыре лошади каретою, и, вызвавъ Араужо, подалъ ей записку не запечатанную, по прочтеніи коей, она велѣла своей каретѣ ѣхать домой, сказавъ, что пріѣдетъ въ Моренгеймовой, и вслѣдъ затѣмъ поѣхала въ той четверомѣстной; въ исходѣ же осьмаго часа, когда неизвѣстный лакей, внеся ее въ кухню и

положа больную, весьма скоро ушелъ, то ее рвало и на платьѣ были знаки прежней рвоты. По сему показанію отысканы были извощики, крестьяне Алексѣевъ и Григорьевъ, которые объявили, что 10-го марта, послѣ полудни, часу въ 3-мъ, пришелъ къ нимъ на Волынскій дворъ человѣкъ и подрядилъ четверомѣстную карету съ четырьмя лошадьми на остальное время дня; сѣвши въ карету, тотъ лакей велѣлъ ѣхать ко дворцу на маленькій дворикъ, къ подъѣзду его высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, куда онъ и побѣжалъ, а часа черезъ полтора, вышедъ и ставъ позади кареты, велѣлъ ѣхать на Невскую перспективу, въ нѣмецкую церковь, къ госпожѣ Моренгеймовой; не долго побывъ, вышелъ съ какою-то госпожею, посадя ее въ карету, и опять велѣлъ ѣхать во дворецъ къ тому же подъѣзду, у котораго они дожидались около трехъ часовъ; потомъ та же самая госпожа, вышедъ изъ дворца, будучи провожаема двумя лакеями и господиномъ со звѣздою, сѣла въ карету, а оба лакея стали за оною и велѣли ѣхать опять на Кирошной дворъ, къ Моренгеймовой, гдѣ, высадя ее изъ кареты, повели въ покои, но одинъ лакей, отставши на лѣстницѣ, ушелъ со двора пѣшкомъ, а другой, очень скоро возвратясь, велѣлъ опять ѣхать во дворецъ, откуда вынеся достальныя деньги, отпустилъ ихъ домой. Сіе показаніе, въ разсужденіи пріѣзда ихъ ко дворцу и отъѣзда оттуда, утвердилъ крестьянинъ Алексѣй, ѣздившій извощикомъ у адъютанта генерал-лейтенанта Баура, Шперберга. Камердинеръ государя великаго князя Константина Павловича, Рудковскій, сказалъ, что того же 10-го марта, вечеромъ, живущій у него вольный лакей Новицкій объявлялъ ему, что онъ видѣлъ какую-то больную женщину вели два лакея отъ господина Баура въ карету и онъ самъ ее провожалъ; на другой же день на спросъ о томъ Рудковскаго, Бауръ отвѣтствовалъ, что ему рекомендовали француженку, которой, по пріѣздѣ къ нему, сдѣлался обморокъ, вѣроятно не желая обнаружить фамиліи Араужо, какъ давней его знакомой. Новицкій въ точныхъ словахъ подтвердилъ сказанное Рудковскимъ. Придворный лакей Богдановъ и истопникъ Хмѣльницкій, бывшіе при комнатахъ Баура, объявили, что дѣйствительно у г. Баура того 10-го марта была женщина, которую они считали за просительницу, и что тогда у Баура никого не было, кромѣ адъютанта его Шперберга; спустя же нѣсколько часовъ, не слыхавъ никакого спорнаго или громкаго разговора, какъ вдругъ узнали, что сей женщинѣ сдѣлалось тошно и рвало ее, послѣ чего проводили ее въ карету. Доктора Бутацъ, ле-Гро, Вейкартъ и штаб-лекарь Книперъ, пользовавшіе больную, письменно утвердили, что она была въ совершенномъ параличѣ, и что ни малѣйшихъ даже знаковъ насильства ей, яко-бы учиненнаго, примѣтить не могли. Жена стекольнаго фабриканта, вдова Шенфельдерова, обмывавшая тѣло умершей, показала, что на ономъ не только знаковъ къ заключенію о

насильственной смерти, ниже малѣйшаго пятна не было. Отецъ и сестра умершей на двукратоое спрашиваніе объявили, что въ причинахъ къ насильственной ея смерти ни малѣйшимъ и сомнѣніемъ себя не безпокоятъ и поводу къ такому заключенію не имѣли.

Не довольствуясь симъ, его императорскому величеству благоугодно было, для точнѣйшаго открытія истины и узнанія источника и причины разнесшихся слуховъ, повелѣть генерал-прокурору вновь переслѣдовать все дѣло и, въ тоже время, возвратиться сюда генерал-лейтенанту Бауру, отправившемуся къ должности. Подробное изслѣдованіе, генералом-прокуроромъ учиненное, повторенные допросы и побочныя развѣдыванія подтвердили во всѣхъ частяхъ вышепрописанныя показанія; а генерал-лейтенантъ Бауръ, по пріѣздѣ сюда, генерал-прокурору учинилъ слѣдующее показаніе: будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ какъ съ госпожею Араужо, такъ и со всѣмъ домомъ отца ея, видѣлъ 8-го марта въ обществѣ, гдѣ она просила его дозволенія пріѣхать къ нему, дабы попросить и посовѣтоваться съ нимъ объ устроеніи на будущее время жребія дѣтей ея; хотя же онъ предлагалъ ей тотчасъ вступить о томъ въ разговоръ, но она отозвалась за множествомъ людей, ихъ окружающихъ, дабы не навлечь на себя каковое-либо подозрѣніе, и, назначивъ пріѣхать въ понедѣльникъ, то есть 10-го марта, просила прислать за нею карету къ баронесѣ Моренгеймовой. Онъ, обѣдавъ въ тотъ день у себя въ комнатѣ съ секретаремъ Зингеромъ и инспекторскимъ своимъ адъютантомъ Шпербергомъ, при нихъ во время стола приказалъ своему камердинеру Бухальскому нанять карету въ четыре лошади; послѣ же, часу въ шестомъ, послалъ его за госпожею Араужо къ баронесѣ Моренгеймъ; она по пріѣздѣ тотчасъ жаловалась, что правою стороною неудобно владѣетъ и что ей тошно, послѣ чего стало ее рвать; онъ въ крайнемъ смущеніи, употребивъ всѣ возможные ему способы оправить нѣсколько ея состояніе, и успѣвъ въ томъ, проводя ее самъ до кареты, отправилъ съ помянутымъ камердинеромъ и лакеемъ, по собственному ея требованію, обратно къ госпожѣ Моренгеймъ; по возвращеніи же камердинера, узналъ отъ него, что при самомъ пріѣздѣ ея, на четвертой ступени крыльца стала она жаловаться о дурнотѣ, и что правою ногою не можетъ твердо ступить; почему требовала ее проводить за руку, что имъ и исполнено. Секретарь Зингеръ, адъютантъ Шпербергъ, камердинеръ Бухальскій и лакей Гейнрихъ, будучи въ учиненныхъ на нихъ ссылкахъ и показаніяхъ допрашиваемы, объявили во всемъ съ вышепрописаннымъ согласно; первый сказалъ даже, что, по возвращеніи его, въ восемь часовъ къ генералу-лейтенанту Бауру, видѣлъ еще слѣды рвоты.

Но какъ всѣ сіи обстоятельства не открываютъ ни малѣйшаго слѣда къ оправданію вышепомянутыхъ слуховъ, то его императорское величество,

желая обнаружить истину и подать симъ способъ невиннымъ оправдаться, высочайше повелѣть соизволилъ, для третичнаго, еще подробнѣйшаго, точнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія всего дѣла, составить особую комисію изъ господъ генерала отъ инфантеріи графа Татищева, генерал-лейтенантовъ графа Апраксина и князя Волконскаго и генерал-маіоровъ Вердеревскаго и Ушакова.

А дабы истощить всѣ возможные способы къ достиженію преднамѣреваемой цѣли, то чрезъ сіе отъ лица монарха и именемъ святой правды, воззываются всякій другъ невинности и добродѣтели, всякій отецъ, мужъ и вообще всякій благомыслящій гражданинъ, имѣющій какія-либо основательныя свѣдѣнія, или же доказательства къ обнаруженію преступленія, или къ открытію источника, или причины основательности или неосновательности часто упоминаемыхъ слуховъ, да явится въ реченную комисію, или къ кому-либо изъ членовъ оной съ довѣренностію, внушаемою ему безпредѣльнымъ милосердіемъ государя и любовію его къ истинѣ, и да объявитъ безъ страха или какого опасенія по сущей совѣсти настоящую правду, вмѣняя себѣ въ награду спасеніе многихъ отъ подозрѣнія и исполненіе долга честнаго человѣка и гражданина».

III.

Письмо цесаревича Константина Павловича—генералу А. И. Римскому-Корсакову.

Мѣстечко Богополь. Октября 9-го дня 1800 года.

Алексѣй Ивановичъ!

По дружбѣ Вашей ко мнѣ, я надѣюсь, Вы не прогнѣваетесь на меня за то, что я чистосердечно поговорю съ Вами о господахъ Артиллерійскихъ Штабъ и Оберъ офицерахъ, съ которыми я на маневрахъ познакомился.

Господинъ Полковникъ Семиковъ и господа Оберъ офицеры, кои съ нимъ въ Катербургскихъ маневрахъ находились, отмѣнно твердо знаютъ свое дѣло и заслуживаютъ какъ мою, такъ и Вашу благодарность; что жъ касается до тѣхъ, кои со мною были при Богополѣ, я долженъ Вамъ признаться, что я нашелъ ихъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, напримѣръ: господинъ Подпоручикъ Зацѣпинъ, во время баталіонной пальбы, долженъ будучи стрѣлять съ ба-

таліономъ, началъ прежде, не разсудивъ за благо дождаться очереди, и тѣмъ чуть не сбилъ баталіоннаго командира, но по счастію сей послѣдній зналъ лучше свое дѣло, нежели господинъ Зацѣпинъ. Я было взялъ смѣлость его за это немного побранить, но онъ дурными своими отговорками принудилъ меня его арестовать. Господинъ Подпоручикъ Полешко въ деплоядѣ изъ третьяго баталіона заѣхалъ на правый флангъ всей линіи, гдѣ я его на силу отыскавъ, спросилъ причину такой ошибки, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ обчелся и принялъ другую пушку за свою. Я рѣшился и сего послать для компаніи къ первому. Наконецъ господинъ Полковникъ Бухольцъ, при выступленіи квартиргеровъ, не знавши, что съ роты обыкновенно наряжаются при одномъ унтеръ-офицерѣ двое рядовыхъ, и видѣвши, что отъ всѣхъ полковъ такъ нарядили,—нарядилъ отъ полуторы-роты двухъ унтеръ-офицеровъ, а рядовыхъ ни одного; на что я ему сказалъ старую русскую пословицу: что всѣ люди въ шляпахъ, одинъ чортъ въ колпакѣ, послалъ и его къ прежнимъ двумъ, что и составило прекрасное тріо. Я все это пишу только Вамъ, а къ Государю не объ одномъ не рапортовалъ, надѣюсь, что и Ваше Высокопревосходительство ихъ простите.

Константинъ Цесаревичъ.

IV.

Письмо цесаревича Константина Павловича — барону Фабіану Вильгельмовичу Сакену [1]).

Варшава 17-го (29-го) Іюня 1816 года.

Mon cher général, une demoiselle dont je Vous envoie la petition, veut que je me charge d'un enfant dont elle assure que Vous êtes le père. Je Vous avoue que de toutes Vos victoires et de toutes Vos conquêtes c'est celle ci qui m'étonne le plus; elle ajoute à l'idée que j'ai toujours eu de Vos moyens extraordinaires, car on m'assure que la jeune personne n'est pas d'une beauté surprenante. Il est honorable à Vous, mon cher général, de reparer les maux de la guerre, en cherchant à repeupler les états de Notre Auguste Maître, ce qui

---

[1]) Впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ и князь, главнокомандующій первою арміею.

prouve qu'un homme de coeur trouve dans tous les instants de sa vie l'occasion de bien servir son souverain et son pays.

C'est une vérité qui ne saurait s'appliquer à personne mieux qu'à Vous, je Vous prie de m'en croire convaincu, mon cher général, ainsi que des sentiments de la haute estime et de l'amitié sincère que je Vous porte.

Constantin.

V.

Письмо цесаревича Константина Павловича Федору Петровичу Опочинину.

Варшава, 13-го (25-го) Декабря 1829 года.

Любезнѣйшій Федоръ Петровичъ.

Получа письмо ваше отъ 4-го сего Декабря, я благодарю васъ за всѣ изъясненныя въ ономъ на мой счетъ выраженія, но за всѣмъ тѣмъ повторяю изрѣченіе покойнаго князя Багратіона: «стара стала, г.... стала». Къ тому присовокуплю, что не смѣю даже сказать, что молодъ былъ, янычаръ былъ, ибо по указу самовластнаго Махмута янычары истреблены, и я весьма радъ, что въ молодости моей сей указъ меня не коснулся, при чемъ опять повторяю: стара стала, г.... стала.

Мудрено быть дѣятельнымъ, любезнѣйшій Федоръ Петровичъ, и тянуться съ молодыми, коихъ правила и разумѣнія о вещахъ всякаго рода, противны старымъ правиламъ, старымъ привычкамъ, и, можетъ быть, и грубой закоснѣлости, и грубымъ предубѣжденіямъ вкоренившимся въ продолженіи полустолѣтія, но которыя однакожъ, смѣю сказать, предостерегли быть замѣшаннымъ, когда бы то ни было, между злоумышленниками, и дозволяютъ всякому и каждому глядѣть прямо въ глаза, будучи притомъ по существу дѣла близорукъ, и даже такъ близко, что подъ самый носъ... На счетъ прибытія моего въ Петербургъ, гдѣ навѣщалъ я покойную мою матушку, скажу: что готовъ бы дать подписку въ томъ, чтобы не ступить туда и ногою, имѣя токмо въ виду теплоту, которую не подъ 60-мъ градусомъ, и притомъ не зимою сыскать можно, но тамъ, гдѣ ни тобою не занимаются, ни самъ ни кѣмъ не бываешь занятъ. A demi entendeur salut.

Васъ и вашихъ всегда и сердечно любящій

Константинъ.

VI.

Пріѣздъ польскаго депутата Валицкаго къ цесаревичу Константину Павловичу 23-го (5-го) и 24-го ноября (6-го декабря) 1830 года.

[Переводъ съ французскаго]. Реляція о бывшемъ свиданіи между е. и. в. великимъ княземъ цесаревичемъ и Валицкимъ 5-го и 6-го декабря нов. ст. 1830 г.

I.

Въ пятницу, 21-го ноября (3-го декабря), въ 12 часовъ ночи, я получилъ приказанія отъ главнокомандующаго, которыя долженъ былъ передать войскамъ, расположеннымъ на другой сторонѣ Вислы. Исполнивъ ихъ, я возвратился чрезъ Люблинъ, гдѣ нашелъ все въ движеніи. Однакожъ ни генералъ Вейсенгофъ, ни положительно еще никто не зналъ о направленіи, принятомъ корпусомъ, подъ предводительствомъ самого цесаревича, что̀ узнать было крайнею важностью, какъ для своевременнаго вывода польскихъ полковъ, такъ и для принятія необходимыхъ мѣръ, чтобы избѣгнуть замѣшательствъ въ недостаткѣ провіанта въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить великій князь. При такихъ-то обстоятельствахъ у меня блеснула мысль, поддержанная полковникомъ Каменскимъ, слѣдовать, при моемъ возвращеніи, лѣвымъ берегомъ рѣки и передать установленнымъ властямъ тѣ извѣстія, которыя мнѣ удалось бы собрать на самомъ мѣстѣ и на пути. Итакъ, я поспѣшилъ переплыть Вислу въ Пулавахъ и рѣшился добиться извѣстій отъ лица самого цесаревича. Кромѣ того, я надѣялся этимъ способомъ имѣть случай, при разговорѣ съ нимъ, коснуться дѣлъ самого края.

23-го ноября (5-го декабря), въ 7 часовъ вечера, я встрѣтился съ аванпостами русскаго корпуса, въ двухъ миляхъ отъ Пулавъ. Я ѣхалъ на почтовыхъ, никто меня не останавливалъ и не спрашивалъ, но около Сцинковскаго монастыря я долженъ былъ остановиться предъ пѣхотнымъ полкомъ, который стоялъ на дорогѣ, собираясь разойтись по квартирамъ сосѣднихъ деревень.

Моя карета была окружена офицерами, справлявшимися о цѣли моего путешествія, и когда узнали, что этой цѣлью была Варшава, каждый изъ нихъ спѣшилъ выразить мнѣ просьбу о передачѣ извѣстій — кто своимъ пріятелямъ, кто своимъ роднымъ, оставшимся въ столицѣ. Большинство изъ

нихъ состояло изъ поляковъ; они описали мнѣ горестное положеніе, въ которомъ они находились въ теченіе нѣсколькихъ дней, и кромѣ того объявили, что цесаревичъ будетъ ночевать въ монастырѣ, куда я и прибылъ въ тотъ же вечеръ въ 8 часовъ.

Встрѣтивъ г-на Безобразова, я справился о возможности видѣть его императорское высочество и затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, узналъ, что онъ удостоилъ принять меня. Введенный въ его комнату я увидѣлъ цесаревича, въ бѣломъ сюртукѣ, стоящаго передъ большимъ каминомъ. Разговоръ между нами происходилъ по-французски; я помѣщаю его здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомъ позволяетъ мнѣ это сдѣлать память, такъ какъ онъ продолжался съ 8-ми до 11-ти часовъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Прошу извиненія за такой пріемъ, г-нъ Валицкій. Я лишь въ первый разъ по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы раздѣлся, чтобы хоть немного отдохнуть.

ВАЛИЦКІЙ.

Мнѣ, напротивъ, слѣдуетъ просить извиненія вашего императорскаго высочества въ смѣлости моей просьбы о благосклонномъ позволеніи представиться въ эту минуту; но такъ какъ я сдѣлалъ это съ единственнымъ намѣреніемъ — предложить, насколько позволяютъ обстоятельства, мои услуги, то смѣю надѣяться, что ваше высочество извините мою попытку.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Откуда вы ѣдете и что имѣете мнѣ сказать?

ВАЛИЦКІЙ.

Я ѣду съ того берега Вислы, куда возилъ польскимъ полкамъ, тамъ расположеннымъ, приказанія главнокомандующаго Хлопицкаго, имѣя въ виду, чтобы, согласно прокламаціи совѣта, которая находится у меня въ рукахъ (тутъ я представилъ ее), эти войска безпрепятственно пропустили корпусъ (colonne) вашего императорскаго высочества. Но до сей минуты еще не-

извѣстно то направленіе, которое онъ изберетъ, что̀ знать однако же необходимо, для расположенія полковъ и доставленія продовольствія. Я рѣшился прибыть къ вашему императорскому высочеству отъ моего начальства, чтобы получить это извѣстіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ предложить и мои услуги, насколько я смогу употребить ихъ въ дѣло. Въ этомъ случаѣ я не только слѣдую моему собственному влеченію быть полезнымъ, но полагаю даже, что исполняю предписаніе прокламаціи совѣта, которая приглашаетъ каждаго жителя стараться сглаживать могущія встрѣтиться затрудненія вашему императорскому высочеству на походѣ. Вотъ почему я буду ожидать вашихъ приказаній и, получивъ ихъ, немедленно уѣду, чтобы сообщить ихъ содержаніе какъ военнымъ и гражданскимъ властямъ Люблина, такъ и главнокомандующему.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— У меня есть уже прокламація, о которой вы говорите; мнѣ доставили ее съ неподписаннымъ извѣщеніемъ, что переходу войскъ не будетъ дѣлано никакихъ препятствій; — благодарю за вниманіе. Мое намѣреніе было сначала направиться на Гóру и Карцевъ, чтобы выйти на большую дорогу; но не найдя тамъ барокъ, я теперь рѣшился переправиться чрезъ рѣку въ Пулавахъ, и, не останавливаясь, чрезъ Мнишовъ, Кокъ и Бадзинъ, буду направляться на Брестъ-Литовскъ. Что новаго въ этой сторонѣ?

ВАЛИЦКІЙ.

Что касается слуховъ, то они безчисленны: говорятъ о возстаніи въ Познани и Галиціи, разсказываютъ даже о безпорядкахъ въ Пруссіи и Россіи. Время укажетъ справедливость этихъ слуховъ. Во всякомъ случаѣ, происшествія, возникшія въ царствѣ, настолько важны, что поглощаютъ собой всѣ прочія мысли. Теперь занимаются исправленіемъ послѣдствій безпорядковъ, неразлучныхъ съ первыми минутами такого быстраго переворота, и всякій думаетъ, какъ-бы упрочить свою будущность. Что касается приказаній о переходѣ войскъ вашего императорскаго высочества, которыя я передалъ, то они будутъ свято исполнены, не смотря на то, что было бы весьма не трудно какъ задержать заложникомъ ваше императорское высочество, такъ и остановить весь его корпусъ. Вообще безпокойство и волненіе умовъ замѣтно бы уменьшились, если бы декларація вашего высочества заключала въ себѣ нѣсколько обѣщаній и примирительныхъ словъ, которыя, быть можетъ, было бы не безполезно высказать во всеуслышаніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Чего хотятъ отъ меня? (Онъ вынимаетъ изъ кармана прокламацію совѣта, заключающую и его декларацію, и читаетъ ее, дѣлая ударенія на мѣста, въ которыхъ говорится о его стараніи забвенія прошлаго и о присоединеніи польскихъ губерній). Вотъ что̀ я сказалъ. Что же я могу сдѣлать болѣе? Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, давать обѣщаній за другого; я могу только принять на себя роль посредника.

ВАЛИЦКІЙ.

Все это совершенно справедливо, ваше высочество, но всѣмъ однако же извѣстно ваше вліяніе надъ сердцемъ брата, который до сего времени вамъ еще ни въ чемъ не отказывалъ. Если бы это обѣщаніе посредничества было всѣмъ извѣстно, оно во многомъ способствовало бы къ успокоенію умовъ, и я просилъ бы позволенія вашего высочества извѣстить о немъ войска, находящіяся на той сторонѣ Вислы, такъ какъ они не получали еще прокламаціи, которую ваше высочество соизволили мнѣ прочесть.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Объявите имъ ее. Пусть мнѣ довѣряютъ; я человѣкъ прямой и, разумѣется, меня нельзя заподозрить въ двуличности. Помимо всего этого, что̀ лично до меня касается, несмотря на неслыханное оскорбленіе, мнѣ нанесенное въ моемъ собственномъ домѣ,—я все предалъ забвенію. (Тутъ великій князь съ самыми мельчайшими подробностями разсказалъ, что̀ произошло въ Бельведерѣ; затѣмъ онъ продолжалъ). Несмотря на это, повторяю, что я все позабылъ, потому что, въ сущности, я лучшій полякъ, нежели вы всѣ, господа; я женатъ на полькѣ; нахожусь посреди васъ; я такъ давно говорю на вашемъ языкѣ, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски; наконецъ, я далъ вамъ доказательства моего расположенія, воспретивъ императорскимъ войскамъ стрѣлять по васъ. Если бы я захотѣлъ,— васъ въ первую минуту всѣхъ бы уничтожили; я былъ единственнымъ лицомъ въ моемъ штабѣ, которое не хотѣло, чтобы по васъ стрѣляли, потому что я подумалъ, что русскимъ въ польскую распрю (Kłótnia polska) не зачѣмъ вмѣшиваться. При началѣ безпорядковъ во Франціи я говорилъ Шмидту, что нужно бы было отстранить швейцарцевъ и уладить французскія дѣла

съ помощію лишь однихъ французовъ. Я полагаю, что наше теперешнее положеніе такое же, какъ и швейцарцевъ, вотъ почему я поставилъ русскихъ въ сторонѣ отъ дѣла; я воспретилъ имъ какъ вмѣшиваться въ него, такъ и не позволилъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Теперь мы спокойно отступаемъ и употребимъ наше оружіе лишь только въ случаѣ необходимости защищаться.

ВАЛИЦКІЙ.

Я полагаю, что ваше высочество можете быть совершенно спокойнымъ съ той минуты, какъ отдали себя подъ защиту народа.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы мы имѣли возможность остаться посреди васъ; у насъ у всѣхъ дорогія связи съ Варшавой, но ваше правительство (тутъ онъ сдѣлалъ наклоненіе головой) чрезъ депутацію передало мнѣ, что я долженъ или оставить вашъ край, или стать во главѣ польскихъ войскъ, чтобы вновь возвратиться въ столицу. Отъ такого предложенія я отказался, чтобы не стать мятежникомъ противъ своего государя; я никогда не стану играть роль принца Оранскаго; мои права ясно опредѣлены и я останусь имъ вѣренъ.

ВАЛИЦКІЙ.

Такія чувства, разумѣется, дѣлаютъ честь вашему императорскому высочеству, но осмѣлюсь обратить вниманіе на то, что революція, бывъ стеченіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, не могущихъ согласоваться съ высокимъ положеніемъ вашего высочества, быть можетъ, должна бы была вызвать мысль о пользѣ уклоненія съ протоптанной уже тропы общепринятыхъ правилъ. Если бы, напримѣръ, принцъ Оранскій немедленно сталъ во главѣ движенія, если бы онъ началъ съ того, чѣмъ кончилъ,— позволительно предположить, что такимъ путемъ онъ достигъ бы общаго спокойствія; потоки крови не пролились бы; тысячи семействъ избѣгли бы разоренія, и Бельгія была бы сохранена для своего государя. Наше положеніе весьма сходно съ положеніемъ Бельгіи. Я вполнѣ счастливъ услышавъ изъ самыхъ устъ вашего императорскаго высочества выраженія благосклонности къ полякамъ; такія рѣчи — драгоцѣнный залогъ надежды, что вамъ угодно будетъ снизойти къ устройству нашихъ дѣлъ безъ пролитія крови и

руководствуясь желаніемъ воинственнаго и несчастнаго народа. Такимъ дѣйствіемъ ваше высочество прибавите новую благородную страницу къ своей исторіи. Потомство, съ одной стороны, усмотритъ въ вашемъ высочествѣ царственную отрасль, которая отказывается отъ могущественнаго престола Европы, съ другой — оно увидитъ въ васъ то же августѣйшее лицо, возстановляющее значеніе притѣсненнаго народа, который оно лишь одну минуту упрекнуло въ излишней запальчивости. Если бы даже ваше высочество не осчастливили насъ своей благосклонностью и посмотрѣли бы на насъ враждебно,— преданность, питаемая нами къ его величеству, была бы все-таки достаточнымъ ручательствомъ, чтобы порѣшить его посредничество, потому что — когда уже перчатка такимъ образомъ брошена — надо, чтобы или существовала Польша или чтобы мы всѣ погибли. Въ этомъ случаѣ голосъ здравой политики согласуется съ голосомъ человѣколюбія. Надо полагать, что если мы будемъ вынуждены взяться за оружіе,— многія государства поспѣшатъ подать нашимъ усиліямъ руку помощи. Австрія и Пруссія въ этомъ случаѣ не будутъ послѣдними. Если на минуту онѣ и удержаны связями дружбы и родства, тѣмъ не менѣе онѣ должны сознавать, что сѣверному колоссу нужно противопоставить предѣлъ и что Польша, возстановленная ихъ руками, и станетъ этой враждебной преградой. Напротивъ, если независимое политическое положеніе намъ дарується самой Россіей,— мы навсегда останемся друзьями и союзниками народа, намъ соплеменнаго, которому въ настоящую минуму мы должны отказать въ нашихъ симпатіяхъ — не въ силу національной ненависти, которой и не существуетъ, но вслѣдствіе необходимости сохранить наши учрежденія и наше благосостояніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я уже сказалъ вамъ, что я все позабылъ; но признаюсь, мое сердце надорвано и меня еще болѣе печалитъ мысль, что эта революція запятналась кровью и дѣйствіями грабительства. Потомство обвинитъ въ жестокостяхъ эту армію и польскій народъ, которыхъ я такъ любилъ, и омрачитъ ихъ память этимъ несмываемымъ пятномъ.

ВАЛИЦКІЙ.

Никто, безъ сомнѣнія, ваше высочество, не сожалѣетъ болѣе меня о нѣкоторыхъ, такъ сказать, неизбѣжныхъ крайностяхъ въ подобной сумятицѣ, большинство которыхъ было невольнымъ дѣйствіемъ; тѣмъ не менѣе, я да-

лекъ отъ мысли, чтобы исторія приписала ихъ польскому народу. Всякому изъ насъ, въ настоящую минуту, присуще памяти происшествіе гораздо болѣе трагическое, которое случилось въ другомъ государствѣ Европы: тамъ совершенно было преступленіе, не имѣвшее въ свое оправданіе необходимости защищенія народныхъ правъ, такъ какъ дѣло шло только о личной перемѣнѣ главы правительства. Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣлится приписать это преступленіе всему народу и весь его ужасъ падаетъ на главу тѣхъ дѣйствующихъ личностей, которыя принимали въ немъ участіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Посмотрите, однако же, до чего мы дошли: солдаты, переходя съ одного мѣста на другое, въ теченіе восьми дней, бивакируютъ безъ одежды и пищи; чтобы не умереть съ голоду и холоду, мы принуждены были завладѣть силой нѣкоторымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, сжечь кое-гдѣ ставни,—чѣмъ на первое время я хотя и очень возмущался,—но въ этомъ была сила обстоятельствъ.

(Въ эту минуту въ комнату вошла принцесса Ловичъ и цесаревичъ, представивъ меня, продолжалъ по ея уходѣ).

— Вотъ женщина въ лагерѣ, имѣющая при себѣ только три рубашки, она терпѣливо страдаетъ вмѣстѣ съ нами! Императору Александру говорили правду, что онъ напрасно далъ полякамъ разрѣшеніе на вооруженіе и что, долго-ли, коротко-ли, оно послужитъ противъ него. Это предсказаніе оправдалось на дѣлѣ! Если возстаніе сдѣлано во имя принципа, то объясните, почему не уважается болѣе собственность частныхъ лицъ, зачѣмъ, наконецъ, употребляютъ въ дѣло въ настоящую минуту ружья, пушки, сабли и пистолеты, принадлежащіе императору?

ВАЛИЦКІЙ.

Для насъ случилось то же съ оружіемъ, какъ для войскъ вашего высочества съ съѣстными припасами и ставнями, которые они были вынуждены силой взять у жителей: это дѣйствіе было вызвано затруднительностью обстоятельствъ; но повѣрьте, что весь народъ поспѣшитъ возвратить оружіе на мѣсто въ тотъ же день, въ который его права будутъ признаны и упрочены.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я не могу глубоко не чувствовать неблагодарности 4-го линейнаго и сапернаго баталіоновъ, которые пользовались моимъ расположеніемъ; они доказали мнѣ, что благодарность — слово лишенное смысла.

ВАЛИЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ, ваше высочество, чувство это очень рѣдкое, и Наполеонъ, покинутый своими генералами и преслѣдуемый владѣтельными особами, дѣлу которыхъ онъ оказалъ такъ много услугъ, могъ бы быть тому подтвержденіемъ. Положеніе же поляковъ, я полагаю, исключаетъ возможность сравненія ихъ обстоятельствъ съ обстоятельствами вышеназванныхъ лицъ. Какъ люди частные, офицеры и солдаты чувствуютъ, я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, привязанность къ вашему императорскому высочеству, но какъ поляки — они обязаны слѣдовать по пути, который ведетъ къ достиженію народной независимости. Такимъ точно образомъ, ваше высочество въ 1812 году съумѣли бы принесть въ жертву для счастья имперіи всѣ свои сочувствія, которыя могли бы проявиться къ людямъ, сражавшимся въ рядахъ непріятеля.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Чтобы вамъ доказать, насколько я былъ расположенъ забыть все случившееся, — вотъ, прочтите дневной приказъ, который я передалъ Шембеку; въ немъ говорится, что я прощаю всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, которые явились бы ко мнѣ. (Онъ вынимаетъ этотъ приказъ изъ кармана и приказываетъ мнѣ прочесть его). Никто однако же не явился и даже самъ Шембекъ, давшій мнѣ клятву привесть свою бригаду, — не исполнилъ своего обѣщанія.

ВАЛИЦКІЙ.

Что касается до Шембека — онъ обѣщалъ вашему императорскому высочеству невозможное, потому что на возвратномъ пути онъ встрѣтилъ свой полкъ уже въ походѣ на Варшаву, слѣдовательно, ему оставалось сдѣлать выборъ между своими обязанностями подчиненнаго и долгомъ поляка: голосъ родины былъ для него и для всѣхъ польскихъ войскъ сильнѣе привычки къ дисциплинѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Только одни егеря остались на своихъ мѣстахъ и я сохраню о нихъ вѣчное воспоминаніе, не смотря на то, что и они позднѣе меня покинули. Поэтому-то я и прошу васъ хорошенько объяснить имъ, что я позволилъ присоединиться имъ къ своимъ, чтобы не оставить повода стыдиться, въ случаѣ покинутія меня. Сдѣлайте для нихъ понятнѣе различіе словъ: «позволить», которое даже не значитъ «соизволять», а «соизволять» — не имѣетъ ничего общаго со словомъ «приказывать». Я позволилъ — и они меня покинули,—они и мой адъютантъ, г. Замойскій.

ВАЛИЦКІЙ.

Я обратилъ вниманіе вашего высочества, что никто, находясь въ радостномъ настроеніи, подъ впечатлѣніемъ прочитанной декларацiи вашего императорскаго высочества, не дѣлалъ такого разграниченія. Въ вашей декларацiи была усмотрѣна великая и благородная мысль, ставившая преграду пролитію крови и препятствующая рѣзнѣ между народами-братьями.

(Нашъ разговоръ на этомъ мѣстѣ былъ прерванъ стонами принцессы Ловичъ, съ которой въ сосѣдней комнатѣ сдѣлалось дурно. Великій князь порывисто устремился къ ней и трогательное участіе, услуги и ласки, которыя выразились имъ къ особѣ принцессы, подтвердили мнѣ, что великій князь способенъ быть нѣжнымъ въ своемъ семействѣ. Когда принцесса пришла въ себя, цесаревичъ возвратился ко мнѣ и у насъ снова завязался разговоръ въ такой формѣ, какъ ниже слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— «Когда вы обратно возвратитесь изъ Пулавъ, у меня еще будетъ порученіе, которое я вамъ дамъ къ генералу Хлопицкому. Какъ старый солдатъ, онъ легко пойметъ, что̀ такое «войско, всего лишенное». Скажите ему, что мы оставили въ казармахъ всю обмундировку и я былъ бы ему признателенъ, если бы онъ доставилъ мнѣ солдатское платье и амуницію (approvisionnements). Пусть онъ все это вышлетъ безъ описи и на мой счетъ въ Брестъ, или передастъ русскому комиссару Колошову, находящемуся въ плѣну въ Варшавѣ. Я полагаю, что ему будетъ возможно это исполнить, какъ потому, что я отдалъ русскія власти подъ ваше покровительство, такъ

и потому, что не находимся въ войнѣ. Если бы почему либо это не могло быть исполнено — увѣдомьте меня, чтобы дать мнѣ возможность изъ другаго источника получить обмундировку».

Я отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ исполню приказанія, которыми угодно будетъ его высочеству снабдить меня, и, послѣ глубокаго поклона, я вышелъ, чтобы отправиться въ Пулавы.

Въ передней я нашелъ всѣхъ адъютантовъ, которые, окруживъ меня, старались добиться новостей. Между ними находился храбрый полковникъ Тюрно, изъ чувства благодарности обязанный сопровождать до границы его высочество. Я встрѣтился съ нимъ какъ всегда должно встрѣчаться съ человѣкомъ настолько во всѣхъ отношеніяхъ уважаемымъ. Что касается генерала Рожнéцкаго — съ нимъ я ограничился предѣлами ледяной вѣжливости; всѣмъ остальнымъ офицерамъ я далъ обѣщаніе доставить ихъ письма въ Варшаву, но съ оговоркой—передать ихъ въ руки главнокомандующаго.

II.

Прибывъ въ полночь въ Пулавы, я въ лодкѣ, не безъ опасности, переѣхалъ Вислу въ минуту, когда шелъ довольно сильный ледъ. Я немедленно отправился къ генералу Моравскому, которому передалъ отчетъ о моемъ разговорѣ съ его императорскимъ высочествомъ, прося его съ тѣмъ вмѣстѣ довесть о немъ до свѣдѣнія генерала Вейссенгофа и всего его корпуса. Затѣмъ я сообщилъ о томъ же предметѣ по эстафетѣ полковнику Генриху Каменскому, имѣвшему порученіе организировать вооруженіе Люблина, рекомендуя ему пригласить совѣтъ палатината сдѣлать распоряженіе о посылкѣ къ его высочеству депутата, съ обязанностью озаботиться продовольствіемъ.

Когда все было улажено, я вновь переѣхалъ обратно Вислу и, около 9-ти часовъ утра, уже снова былъ у великаго князя, котораго поспѣшилъ увѣдомить:

1) Что генералъ Моравскій получилъ сообщенія, которыя я долженъ былъ передать ему, касающіяся движенія русскихъ войскъ.

2) Что польскіе командиры отдѣльныхъ частей поставятъ себѣ за удовольствіе раздѣлить съ русскими войсками наличное продовольствіе.

3) Что кромѣ того прибудетъ депутація совѣта палатината, чтобы озаботиться тѣмъ же предметомъ.

4) Что, наконецъ, госпиталямъ приказано принимать больныхъ корпуса.

Великій князь сказалъ, что онъ благодаритъ генерала за три первые пункта; что же касается послѣдняго, то раненые предпочитаютъ оставаться во фронтѣ, при своихъ полкахъ. Затѣмъ, онъ пожелалъ узнать: какіе видимые знаки возставшихъ поляковъ? — и такъ какъ я указалъ на націо-

нальную кокарду и малиновую шапочку, называемую «конфедератка»,— его императорское высочество замѣтилъ, что все это точно такъ же, какъ было во Франціи, къ чему я прибавилъ, что у насъ нѣтъ даже недостатка въ Лафайэттѣ, потому что мы имѣемъ Німцевича.

Затѣмъ великій князь разсказалъ, что, распечатавъ одну эстафету изъ Варшавы, онъ усмотрѣлъ, что въ ней говорится о созывѣ сейма, почему и прибавилъ: «зачѣмъ это и чьимъ именемъ онъ созывается?» Я отвѣтилъ, что важныя современныя обстоятельства достаточно объясняютъ необходимость собранія народныхъ представителей, что же касается имени, которымъ оно созывается, то полагаю, что — именемъ короля, если только отказъ его величества не рѣшитъ иначе этого дѣла.

Вслѣдствіе этого разговора, его императорское высочество далъ мнѣ смѣлость высказать ему откровенно мой взглядъ на причины нашей революціи, почему мы и продолжали начатый разговоръ такимъ образомъ:

ВАЛИЦКІЙ.

Никогда въ теченіе моей жизни я не былъ ни клеветникомъ, ни возмутителемъ; но такъ какъ ваше императорское высочество мнѣ благосклонно позволили высказать мое мнѣніе,— я осмѣлился бы въ настоящую минуту обратить ваше вниманіе на предметъ, о которомъ я до сей минуты умалчивалъ изъ чувства деликатности.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ [взявъ меня крѣпко за руку].

— Говорите! говорите! Будьте увѣрены въ моей скромности.

ВАЛИЦКІЙ.

Волненіе въ арміи и въ народѣ поддерживается присутствіемъ около особы вашего императорскаго высочества личности, которую всѣ обвиняютъ въ причиненіи безчисленныхъ золъ своими полицейскими пріемами; личность эта — генералъ Рожнéцкій. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ съ такимъ характеромъ или другія лица, ему подобныя, будутъ окружать ваше высочество,— они будутъ постоянной преградой ко всякому чистосердечному примиренію.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ [холодно].

— «Генералъ Рожнéцкій не причемъ во всемъ этомъ дѣлѣ».

При такомъ отвѣтѣ не трудно было замѣтить по выраженію лица великаго князя, что онъ былъ недоволенъ моей откровенностью. Разговоръ пере-

шелъ затѣмъ на различныхъ особъ, играющихъ въ настоящее время роль въ нашей революціи, и я уже готовился раскланяться, какъ, взявъ крѣпко меня за руку, его высочество сказалъ мнѣ, что я не уѣду и что онъ оставляетъ меня заложникомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ требовалъ отъ меня, чтобы я послалъ отъ себя эстафету польскому правительству, чтобы получить обратно русскія амуничныя вещи, оставленныя въ казармахъ. Я обратилъ его вниманіе, что не только такая попытка, исходящая изъ русскаго лагеря, навлечетъ мнѣ много непріятелей въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, которые стали бы смотрѣть на меня какъ на измѣнника, но что и самое желаніе его высочества, чрезъ таковое дѣйствіе съ моей стороны, подверглось бы неудачѣ, почему я и находилъ, что все, что могу сдѣлать по этому поводу — это отправиться самому лично, давъ честное словое возвратиться обратно. Предложеніе это не было принято и тогда я сказалъ великому князю, что хотя и не ожидалъ быть арестованнымъ, потому что мое свиданіе съ нимъ было вызвано однимъ лишь желаніемъ быть ему полезнымъ, но тѣмъ не менѣе я подчиняюсь его волѣ.

Въ эту самую минуту, принцесса Ловичъ отправлялась въ путь. Смотря на ея отъѣздъ, великій князь, перекрестивъ ее, проговорилъ:

— «Отличная женщина! Да сохранитъ ее Богъ!.. Мой предокъ, Петръ Великій, при Прутѣ находился въ менѣе плачевномъ положеніи, нежели я въ настоящую минуту; онъ былъ спасенъ своей женой; надѣюсь, что и моя спасетъ меня!»

Въ эту минуту вошелъ полковникъ Тюрно, для передачи мнѣ писемъ офицеровъ. Чтобы избѣжать для великаго князя смущенія, которое могло бы причинить ему упоминаніе вслухъ о насиліи, мнѣ дѣлаемомъ, я сказалъ полковнику, что его высочество соблаговолилъ меня пригласить сопровождать его до Гòры и, по принятіи писемъ, я послѣдовалъ за войскомъ. Во всякомъ случаѣ, это задержаніе меня тѣмъ болѣе представляло мнѣ затрудненій, что мнѣ были поручены депеши для передачи главнокомандующему. Не усматривая никакого другого выхода изъ моего положенія, какъ одно лишь бѣгство, я только и помышлялъ о томъ, какъ бы найти или возродить къ тому удобный случай.

Мы прибыли въ маленькій городокъ Границу, гдѣ войска расположились на отдыхъ. Я сидѣлъ въ своей каретѣ, когда Провидѣніе ниспослало мнѣ еврея, который, кланяясь, спросилъ меня: «остановимся ли мы тутъ?» — «Что же, — сказалъ я ему, — вы любите русскихъ, слѣдовательно должны быть имъ рады». — «Сохрани Богъ! — отвѣтилъ онъ; — мы любимъ тѣхъ, которые далеко». — «Если такъ, — продолжалъ я, — эти также могутъ удалиться. Вотъ, на-возьми этотъ рубль, сядь верхомъ и подымай тревогу, кричи, что наступаютъ поляки». — Едва послѣ этого истекло пять минутъ, какъ

уже прискакалъ адъютантъ Монроэ съ извѣстіемъ, что поляки атакуютъ аріергардъ и что уже захватили плѣнныхъ. Въ одинъ мигъ — артиллерія пустилась рысью, кирасиры поспѣшили за ней, страшное замѣшательство воцарилось повсюду,— я же пользуюсь имъ, чтобы бѣжать, для чего скрываюсь въ лѣсъ, откуда достигаю Радома и возвращаюсь въ Варшаву съ депешами [1]).

VII.

Письмо графа Дибича Забалканскаго къ императору Николаю Павловичу отъ 31-го декабря (12-го января) 1831 года.

Sire

Revenu hier le soir de Brestowiec, je crois de mon devoir de soumettre à V. M. I. les details de mon entrevue avec Monseigneur le Grand Duc Cezarewitcch.

En suivant le sens de Vos ordres Augustes, Sire, j'ai cru devoir dès mon arrivée ici envoyer un aide de camp à Son Altesse qui devait arriver le lendemain 29 à Brestowiec, avec une lettre écrite dans les sentiments que je porte à Son Altesse plus de 25 ans, et dans laquelle je lui demande la permission de venir le voir. S. A. me l'a donné de suite dans une reponse pleine de bonté et je suis arrivé hier le 30 avant diner à Brestowiec qui est à 53 verstes d'ici.

Monseigneur m'a reçu au flanc de la Compagnie mise en Garde pour moi (la 1-re de carabinier de Volhynie commandée par le Capitaine en second Gildenstoubbe) avec le rapport du détachement de Varsovie. Elle était à 36 files très belles, les gens m'ont reçu avec une allégresse visible, le hourra habitué et un air très frais et de bonne volonté. Malgré toutes les fatigues et les différentes privations ils étaient très bien sous les armes—très proprement habillé, enfin on ne remarque nullement des suites de la catastrophe désastreuse qu'ils ont eu.—S. A. I. paraissait très satisfaite de ce que j'ai dit là-dessus, et m'a prié d'en rendre compte à V. M., ainsi que du contentement particulier avec lequel Elle m'a présenté le Général Major Gherstenzweig qui dans les fonctions de Général de service ou plutôt de chef d'état Major du détachement a été aussi infatiguable que plein de savoir faire.— S. A m'a

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» 1878 года.

répété à plusieurs reprises qu'elle désirait que j'en rende compte à V. M., Elle m'a de même répété son entier contentement avec toute sa troupe et de préférence encore du régiment de Volhynie.

Restés seuls avec Monseigneur S. A. m'a fait le récit détaillé des évènements de Varsovie. Comme le C-te Alexis Orloff a du rendre un compte exacte verbal de tout cela et que le plus important est connu à V. M., je compte me devoir abstenir de le répéter.

S. A. a exprimé la plus sincère reconnaissance pour tout ce que V. M. I. a bien voulu faire pour Elle et pour ses zélés serviteurs; Elle s'est prononcé après avec la plus grande émotion sur les preuves du plus grand abandon, de fermeté et d'aide réel dans les affaires mêmes que lui avait donné la Princesse de Lowicz malgré son état de souffrances et l'état déplorable où ils se sont trouvés.

Monseigneur m'a dit alors les raisons principales qui avaient dictées sa conduite et surtout l'ordre aux troupes Russes au moment de la révolution de ne pas agir offensivement; les plus importantes étaient que Monseigneur craignait que cela aurait pu augmenter et en quelque façon autoriser le cri de guerre des rebelles — «que les Russes assassinaient les Polonais»; qu'il craignait surtout que dans un cas d'échec, outre la perte entière du détachement Russe, cela ne soit pas encore une raison d'allumer d'avantage la haine et la revolution de tout le pays, comme cela était arrivé en Belgique après la malheureuse expédition du Prince Frédéric sur Bruxelles;— que d'ailleurs S. A. se défiait déjà alors des troupes Polonaises même de celles qui étaient hors de Varsovie vu la vaste conjuration rependue entre les porteenseignes et les jeunes officiers de l'armée, et qu'Elle n'était pas suffisamment rassuré sur le parti qu'ils prendraient en apprenant que les troupes Russes auraient même soumis Varsovie en tuant comme de raison nombre de Polonais.— Quoique je ne puis pas me ranger comme militaire à ces raisons qui ont certainement de la valeur sous le rapport politique, je me suis tû, car les choses faites ne sont pas à changer, et il n'y a pas probabilité que pareille chose puisse encore arriver.

S. A. m'a ensuite demandé des détails sur la marche de l'armée et sur mes intentions, Elle a paru satisfaite de tout ce que je lui disais;— Elle m'a montré un rapport qu'Elle venaît de recevoir de Rosen et m'a dit qu'Elle continuait toujours à en recevoir, mais qu'Elle ne savait pas si Elle en avait le droit. Je profitai de cela pour dire à Monseigneur tout ce que V. M. I. m'avait ardonné de dire sur ce rapport, surtout que V. M. avait du se depécher de nommer quelqu'un au commandement de toute l'armée, vu l'état d'incertitude où Elle se trouvait sur le temps du retour de Monseigneur étant sans aucune communication avec lui, et surtout après sa déclaration précé-

dente de ne pas vouloir commander en chef l'armée destinée pour la guerre; que V. M. en me nommant au commendement, avait laissé à S. A. plein choix ou de rester à la tête de ses anciennes troupe, ou de se mettre à la tête des Gardes Russes ou enfin de prendre toute autre résolution; Monseigneur parût très satisfait de cette explication, mais ne dit rien de bien précis là-dessus; je présume au reste qu'Il a ecrit sur ce sujet à V. M. par le Comte Orloff et qu'en attendant Il désire rester chef de ses anciennes troupes; il m'a répété en même temps qu'Il était rassuré par mon arrivée, content de servir avec moi et s'est prononcé avec la plus grande bonté sur ma conduite pendant tout le temps qu'Il me connait et aussi dans les circonstances actuelles.

Quand la Princesse de Lowicz est entrée il y avait déjà M-r d'Opotchinin qui a été le quatrième au diner. La Princesse de Lowicz m'a reçu avec la bienveillance la plus distinguée; je lui ai répété les commissions de V. M. I. et de S. M. l'Impératrice qu'elle a reçu avec émotion et la plus vive reconnaissance. Monseigneur s'est joint à ses expressions de la manière la plus sincère et tous les deux m'ont répété leurs sentiments de la plus vive reconnaissence pour Vos Majestés encore avec plus d'émotion, quand après dines le discours est tombé encore sur la part que Vos Majestés avaient pris à la situation critique dans laquelle S. I. Altesses s'étaient trouvées.

Je n'ai pas trouvé la Princesse extrêmement changé depuis l'été surtout en comparaison de ce qu'elle a du souffrir. Monseigneur a même l'air trés bien portant et parait s'être remis de ses fatigues.

Pendant le diner la conversation a roulé surtout sur la mission de Loubetzky, on s'est étonné qu'il n'ait rien prononcé de positif sur la mission qu'il avait et qui consistait de demander à V. M. comme de droit: l'exécution de la constitution en entier;—et comme une grace: sur laquelle on ne voulut pas insister une administration semblable à celle du Royaume pour les Provinces Russes ci-devant Polonaises

J'ai dit que je concevais fort bien que M-r Loubetzky n'avait pas pu clairement prononcer ces demandes (quoiqu'elles étaient à peu près émises dans l'adresse du Gouvernement Provisoire) ayant déclaré qu'il n'arrivait que comme Ministre de V. M., malgré les papiers qu'il portait, qu'on lui écrivait et tout ce qu'il avait écrit et dit à Son Altesse; j'y ai ajouté le récit de la manière avec laquelle V. M. l'a mis nombre de fois au mur à cette occasion.

Après cela la conversation s'étant tourné encore sur les événemants passés: la Princesse m'a adressé la demande si j'avais éié toujours d'accord avec la conduite de Monseigneur pendant la revolte en me demandant la réponse avec la franchise militaire qu'Elle me connaissait depuis tant d'années; je ne saurais jamais cacher mes sentiments en pareille accasion, et j'ai dit sincèrement, que j'aurai pu avoir tort en politique, mais que comme militaire je

serai tombé franchement sur les rebelles avec tout, dès le commencemant et que j'aurai espéré étouffer par là le mouvement dans sa source. Monseigneur ne s'est nullement fâché de ma réponse; mais a de rechef répété les raisons que j'ai cité plus haut; j'ai dit que j'avais donné mon opinion franche comme militaire, qu'elle pouvait être fausse sous le rapport politique, mais que je craignais que le but de diminuer les sujets de haine entre les deux nations ne serait pas atteint.

Monseigneur m'a gardé encore près de deux heures après diner — la Princesse seule y est resté présente. Il m'a parlé outre beaucoup de détails sur les événements mêmes qui ne sont pas assez émportantes pour être rapporté à V. M., ainsi que ceux sur son détachement et sur la conduite de plusieurs personnes connues déjà par V. M. I. — sur l'espérance que si on pourrait trouver quelques hommes sûr à envoyer aux troupes Polonaises sorties hors de Varsovie, on pourrait faire retourner plusieurs régiments à leur devoir, car n'étant plus influencé par la masse révolutionnaire les chefs généralement bien pensantsa uraient plus de pouvoir sur la troupe. J'ai dit que j'essayerai tous les moyens pour pouvoir réussir dans une pareille entreprise, mais que je crains qu'il sera impossible de trrouve des gens de confiance se charger de cela et d'autres ne seraient pas reçues.— J'ai remis aussi á Monseigneur les proclamations. Il les a gardé pour en faire lecture après. Je ne compte les envoyer que dans une dizaine de jours.

Comme la question est tombé de rechef sur le corps de Lithuanie, pendant un moment où la Princessə s'était absenté, j'ai dit à Monseigneur que je ne croyais pas qu'il fut possible octuellement de séparer les grenadiers du corps dont ils faisaient la reserve naturelle, et que de même je demandais son consentement à continuer mes ordres directement à Rosen pour épargner la perte de temps tout en les lui communiquant de suite. Monseeigneur m'a répété là-dessus que cela était tout simple et qu'Il se remettait en tout et sur tout à moi.— Toute flatteuse que m'est cette confiance et autant que je suis pénétré des bontés que S. A. I. m'a montré — je trouverai toujours cette situation extrêmement délicate; je ne pourrai pourtant sous aucun rapport conseiller à Monseigneur à se porter au corps de Lithuanie. S. A. fait une noble abnégation de tout amour propre en restent à son poste, mais il est impossible qu'un changement ne lui soit pas agréable; je crois qu'il serait même douloureux pour lui de quitter dans ces circonstances une épouse chérie et souffrante, et qu'il lui serait encore plus cruel de voir combatre conttre nous ceux qu'Il avait formé pour votre service, Sire.—J'ose y ajouter en me répétant que d'après l'esprit du temps auquel je suis bien loin de conseillər de ceder la moindre chose, mais qu'il ne faut pas non plus choquer et irriter sans avantage, il me parait peu désirable et même nuisible pour la bonne cause, que les Princes se

mettent eux-mêmes en campagne contre leurs sujets revoltés, à moins qu'ils ne se trouvent eux-mêmes aux endroits où éclata la revolte car alorsto ut dépend de la résolution du moment, et le premier peut et doit donner le premier grand et noble exemple — mais si cela devient une opération premeditée, alors la présence des Princes de la maison regnante aigrit davantage les révoltés comme cela est arrivé en Belgique, et ne saurait leur donner une gloire militaire agréable, car elle se mêlera toujours de bien de douloureux souvenirs.

Il me parait donc que l'appel de S. A. pour une entrevue avec V. M. I. dans quelque lieu que cela soit serait ce qu'il y aurait le plus à desirer. V. M. trouvera alors mille moyens de lui éviter une situation pénible. Si cependant V. M. croit devoir laisser Monseigneur dans sa situation actuelle alors il serait encore nécessaire de fixer si Son Altesse gardera le titre de Главнокомандующій et avec ou sans les droits de la guerre; le premier cas serait impossible à arranger avec l'unité du commandement qui est la condition sine qua non des succès en guerre; la seconde à peu près illusoire en guerre diminuerait le respect et l'importance qu'on est habitué a donner à la plus emminente preuve de la confiance du souverain, importance qui en Russie a été si souvent une des plus grandes sources de succès de nos armes, tandis que dans tant d'autres pays et surtout en Autriche le système contraire a offert bien de malheureuses campagnes.

Peut-être pourrait-on éviter un oukaze sous ce rapport en publiant dans un ordre du jour à l'armée par ordre de V. M. I. une росписаніе dans le sens comme je joins ici un projet.

Monseigneur voulant expédier M-r Opotchinin aujourd'hui ne m'a pas donné d'autres ordres pour Petersbourg. Il écrira apparemment aussi en détail à V. M. I. sur tout cela.

Permettez, Sire, qu'en conclusion de cette longue êpître que j'ai cru devoir écrire avec tous les détails, j'ose porter à V. M. I. et à S. M. l'Impératrice mes voeux sincères et fidèles pour la nouvelle année dans laquelle nous allons entrer demain, ainsi que les sentiments profonds de reconnaissance et de dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être,

Sire,

de V. M. I.,

le très soumis et très fidèle serviteur

G. Diebitsch Zabalkansky.

Grodno
A 31 Decembre
1830.

3 22 3 7